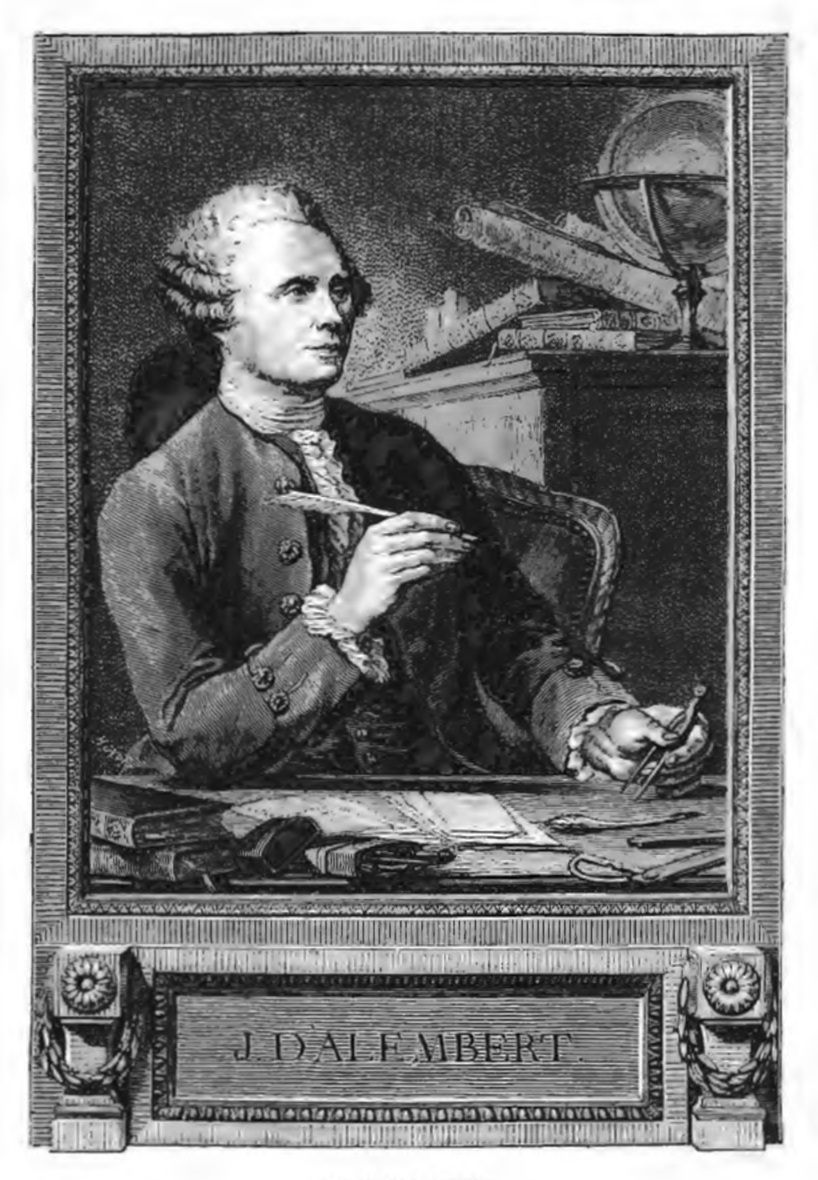

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ПЯТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1884 г.

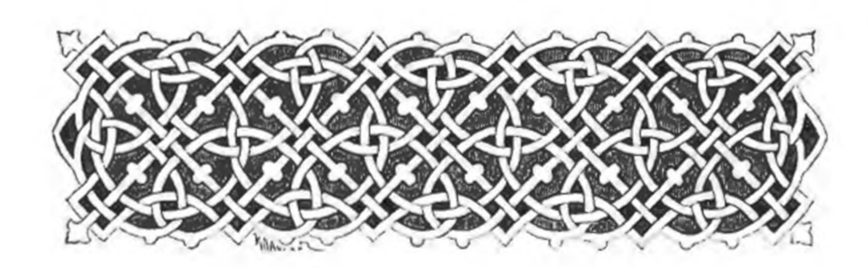

ДАЛАМБЕРЪ.

Съ гравюры Генрикеца, сдѣланной съ портрета писаннаго Жолленемъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 5 МАРТА 1884 Г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЧУМА ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1654 ГОДУ.

ВЪ ИСТОРІИ царствованія царя Алексѣя Михайловича 1654 годъ особенно достопамятенъ въ двухъ отношеніяхъ. Въ сентябрѣ этого года, взятъ русскими войсками Смоленскъ, и въ то же самое время въ Москвѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе.

Политическія событія столкновенія Московскаго государства съ Польшею сдѣлались предметомъ общаго вниманія современниковъ. О страшномъ несчастіи, постигшемъ Россію во время удачныхъ военныхъ дѣйствій царя въ Польшѣ, почти ничего не знали въ западной Европѣ. Такъ же различно относилась къ этимъ двумъ событіямъ исторіографія. Между тѣмъ, какъ всѣ частности военныхъ событій и разныя мелочи дипломатическихъ сношеній этого времени сдѣлались предметомъ разбора въ историческихъ сочиненіяхъ, — о моровомъ повѣтріи, о страшной смертности 1654 года, говорится лишь мимоходомъ. Какъ кажется, и само московское правительство, занятое упорною борьбою съ Польшею и малороссійскимъ вопросомъ, не обращало достаточнаго вниманія на ужасныя страданія народа, бывшаго въ это время беззащитною жертвою моровага повѣтрія. Даже можно считать вѣроятнымъ, что правительство передъ иностранцами, пріѣзжавшими въ это время въ Московское государство, старалось скрывать слѣды опустошительныхъ дѣйствій чумы. Какъ-то старались не разглашать никакихъ подробностей печальнаго эпизода, случившагося въ 1654 году.

По крайней мѣрѣ, нельзя не удивляться слѣдующему обстоятельству. Послѣ того, какъ въ 1654 году, въ центральной части Московскаго государства, несчастные жители сотнями тысячъ умирали отъ моровага повѣтрія въ продолженіи какихъ-нибудь четы-

рехъ мѣсяцевъ, къ царю Алексѣю Михайловичу пріѣхалъ изъ Венецiи дипломатъ, Альберто Вимина, который скоро послѣ своего возвращенія въ Италію написалъ сочиненіе о польскихъ войнахъ, о состояніи Московскаго государства и Швеціи. Говоря въ статьѣ, посвященной Россіи, о климатѣ и общихъ гигіеническихъ условіяхъ этой страны, Вимина замѣчаетъ, что климатъ въ Московскомъ государствѣ вообще можетъ считаться чрезвычайно благопріятнымъ здоровью, что поэтому жители этого края отличаются физическою силою, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и долговѣчностью и что вовсе не слыхать о примѣрахъ повальныхъ болѣзней [1]).

Венеціанскій дипломатъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1655 году, правда не былъ въ тѣхъ частяхъ Московскаго государства, которыя наиболѣе подверглись опустошительнымъ дѣйствіямъ мороваго повѣтрія въ предыдущемъ году. Сначала онъ находился въ Псковѣ, гдѣ въ 1654 году не было вовсе случаевъ заразы, затѣмъ его отправили въ Смоленскъ, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ. При этомъ старались помѣстить его въ такой части города, гдѣ населеніе казалось бы болѣе плотнымъ. Воевода Хованскій писалъ царю о венеціанскомъ дипломатѣ: «Велѣли ему очистить дворъ близко Днѣпровскихъ воротъ, въ седьмомъ дворѣ отъ воротъ, потому что у насъ холопей твоихъ въ городѣ малолюдство, а тутъ, Государь, живетъ всегда людно» [2]). Очевидно, тутъ было желаніе показать иностранцу-путешественнику Россію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Равно какъ и другихъ дипломатовъ, и венеціанскаго посланника окружили приставами и стрѣльцами. За такими пріѣзжими сановниками наблюдали постоянно. Вимина не имѣлъ возможности составить себѣ точно и безпристрастно, и независимо отъ лицъ, непосредственно его окружавшихъ, понятіе объ условіяхъ общежитія въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ, могло случиться, что его отзывъ о санитарной части въ Россіи столь мало соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Въ знаменитомъ сочиненіи Олеарія также встрѣчается замѣчаніе, что въ Московскомъ государствѣ не слышно о многихъ случаяхъ повальныхъ болѣзней или о чрезвычайной смертности. Поэтому Олеарій, узнавъ о моровомъ повѣтріи, свирѣпствовавшемъ въ Москвѣ въ 1654 году, удивился этому явленію [3]).

---

[1]) «Non si sente il saggio di morbo pestilenziale». См. соч. Vimina. Istoria delle guerre civili di Polonia, Venezia, 1671, стр. 290.

[2]) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными. X, 863.

[3]) «In Russland hat man nicht viel von Pestilentzischen Krankheisen oder grossene Sterben gehört. Darums ist es hödesten zu verwundern, dass in diesem Jahr 1654 bei Zeit des Krieges vor Schmolensko so giftige Lufft und grosse Pest n Moskau entsxanden». Изд. 1663 года, стр. 152.

Кромѣ Олеарія, Коллинсъ въ своемъ сочиненіи «The present state of Russia» и еще «Theatrum europaeum» упоминаетъ объ эпидеміи 1654 года. Вообще же, въ западно-европейскихъ источникахъ почти вовсе не встрѣчается данныхъ о подобныхъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ.

Напрасно Вимина и Олеарій хвалили благопріятныя гигіеническія условія народонаселенія Россіи. Вотъ нѣкоторые примѣры ужасныхъ случаевъ повальныхъ болѣзней, опустошавшихъ Россію до XVII вѣка.

Въ 1090 году, былъ моръ въ Кіевѣ. Въ двѣ недѣли добычею болѣзни сдѣлались 7000 человѣкъ. Въ 1187 году, въ Новгородѣ и Бѣлоруссіи свирѣпствовала болѣзнь, ни одинъ домъ не былъ свободенъ отъ нея; ни одного здороваго не оставалось для ухаживанія за больными. Въ 1230 году, въ Смоленскѣ, по случаю чумы, погибло не менѣе 32,000 жителей. Въ 1350 и 1351 годахъ, съ запада перешла въ Россію такъ называемая черная смерть. Потеря людей въ Россіи, какъ и на западѣ, была неисчислима. Городъ Глуховъ лишился всѣхъ жителей, Бѣлоозеро также. Въ 1386 году, въ Смоленскѣ былъ ужасный моръ, такъ что тамъ оставалось въ живыхъ только десять человѣкъ. Въ 1417 году, свирѣпствовала какая-то болѣзнь въ Псковѣ, въ Новгородѣ, Ладогѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Твери, Дмитровѣ и окрестныхъ мѣстахъ. Цѣлыя деревни опустѣли совершенно, во многихъ домахъ, по смерти всѣхъ взрослыхъ, едва одно дитя оставалось въ живыхъ. Съ 1420 до 1424 года, была ужасная смертность въ Костромѣ, Ярославлѣ, Юрьевѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Твери и пр. Крестьянъ погибло столько, что отъ недостатка въ работникахъ хлѣбъ оставался на нивахъ. Въ 1543 году, въ Псковѣ въ одинъ мѣсяцъ умерло 2,700 человѣкъ. Въ 1561 и 1562 годахъ, число умершихъ въ Новгородѣ и Псковѣ и въ окрестностяхъ доходило до 500,000 человѣкъ. О подобныхъ же событіяхъ, бывшихъ, какъ кажется, въ бо̀льшей части случаевъ, слѣдствіемъ неурожаевъ, упоминается въ лѣтописяхъ при слѣдующихъ годахъ: 1128, 1215, 1229, 1237, 1251, 1278, 1409, 1410, 1414, 1417, 1426—27, 1442—43, 1462, 1465—67, 1478, 1487, 1499, 1506, 1521, 1523, 1552, 1561—62, 1566, 1584—98, 1601—1603, 1605, 1606 и пр. [1]).

О характерѣ болѣзни, опустошавшей Россію въ 1654 году, не сохранилось почти никакихъ данныхъ. Въ источникахъ говорится лишь о страшномъ морѣ вообще, о громадномъ числѣ умершихъ. Частностей о признакахъ болѣзни мы почти вовсе не встрѣчаемъ.

---

[1]) См. таблицу повальныхъ болѣзней въ сочиненіи Рихтера, «Исторія медицины въ Россіи» Москва, 1814, томъ I, стр. 136—151.

Только у Олеарія сказано, что люди, считавшіе себя совершенно здоровыми, выходили на улицу, гдѣ умирали внезапно [1]).

Въ то время, почему-то совсѣмъ не оказалось врачей въ Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ какъ до этого, напримѣръ, при Борисѣ Годуновѣ, въ Россіи было довольно значительное число докторовъ, по бо̀льшей части англичанъ, заботившихся о сохраненіи здоровья царя и его семейства. Нѣсколько позже занимались медицинскою практикою болѣе или менѣе извѣстные спеціалисты, какъ напримѣръ, Коллинсъ, Блюментростъ, Рингуберъ и пр., во время же повальной болѣзни, въ пятидесятыхъ годахъ семнадцатаго вѣка, не слышно о дѣйствіяхъ врачей и принятіи по совѣту спеціалистовъ мѣръ противъ заразы. Быть можетъ, опустошительное дѣйствіе моровагo повѣтрія объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ докторовъ въ это роковое для населенія Москвы время.

И самого царя не было дома когда начался моръ, лѣтомъ 1654 года. Алексѣй Михайловичъ былъ занятъ польскою войною. Въ Москвѣ управлялъ дѣлами патріархъ Никонъ.

По распоряженію Никона, въ іюлѣ мѣсяцѣ, царица Марья Ильинишна, съ семействомъ, выѣхала изъ столицы, выѣхалъ и патріархъ по царскому указу. Чтобы сберечь государя и войско, поставлены были крѣпкія заставы по смоленской дорогѣ, также по троицкой, владимірской и другимъ дорогамъ; людямъ, ѣдущимъ подъ Смоленскъ, велѣно говорить, чтобы они въ Москву не заѣзжали, а объѣзжали около Москвы. Здѣсь, въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, «гдѣ государево платье», двери и окна кирпичемъ заклали и глиною замазали, чтобы вѣтеръ не проходилъ; съ дворовъ, гдѣ обнаружилось повѣтріе, оставшихся въ живыхъ людей не велѣно выпускать; дворы эти были завалены и къ нимъ приставлена стража. Были приняты мѣры и въ окрестностяхъ столицы. Зараженныя деревни велѣно было засѣкать и разставлять около нихъ сторо̀жи крѣпкія, на сторо̀жахъ разложить огонь часто; подъ смертною казнію запрещено было сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями.

Со стану на рѣкѣ Нерли царица отправилась въ Колязинъ монастырь; дали знать, что черезъ дорогу въ Колязинъ монастырь провезено тѣло думной дворянки Гавреновой, умершей отъ заразы, и вотъ велѣно было на этомъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ ея стороны, сажень по десяти и больше, накласть дровъ и выжечь гораздо, уголье и пепелъ вмѣстѣ съ землею свезти и посыпать новой земли, которую брать издалека. 11-го сентября, царское семейство уже было въ Колязинѣ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя сюда изъ Москвы отъ бояръ, переписывались чрезъ огонь [2]).

---

[1]) Olearius, изд. 1663 года, стр. 152.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», X. 367—368, 370.

Послѣ того, какъ патріархъ Никонъ покинулъ Москву, тамъ остался главнымъ начальникомъ князь Пронскій. Къ нему писала царица: «Изъ Троицкаго монастыря 27-го августа, отпустили мы въ царствующій градъ Москву образъ пречистыя Богородицы истинныя Ея иконы Казанскія... и какъ сія наша грамота придетъ и выбъ тѣ образы велѣли встрѣтить и несть въ соборную церковь, чтобъ Господь Богъ утишилъ праведный свой гнѣвъ».

Очевидно, эта мѣра, принятая конечно не столько царицею, сколько Никономъ, была вызвана извѣстіемъ объ усиленіи заразы въ столицѣ. Каково въ это время было содержаніе грамотъ, отправленныхъ Пронскимъ къ царицѣ, видно изъ слѣдующаго предписанія царицы Марьи Ильинишны и царевича Алексѣя Алексѣевича князю Пронскому отъ 3-го сентября 1654 года: «Моровое повѣтріе умножается гораздо и православныхъ христіанъ оставляется малая часть, а вы себѣ того ожидаете смертнаго посѣщенія, а большаго собору Успенія пречистыя Богородицы осталось живыхъ протопопъ да два попа... и какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и выбъ сами отъ мороваго повѣтрія жили вверху съ великимъ береженіемъ, а въ нашихъ и во всякихъ дѣлахъ всѣмъ людямъ отказали и нашихъ никакихъ дѣлъ не дѣлали и къ намъ ни о какихъ дѣлахъ не писали, а которыя впредь будутъ наши дѣла, о томъ писали государю царю Алексѣю Михайловичу въ Смоленскъ».

О распространеніи заразы и о мѣрахъ предосторожности противъ усиленія зла, свидѣтельствуетъ слѣдующая грамота, писанная 3-го сентября 1654 года отъ имени юнаго царевича Алексѣя Алексѣевича къ коломенскому воеводѣ, князю Морткину: «Писалъ ты къ намъ, что на Коломну и въ коломенскій уѣздъ москвичь наѣхало много... и то ты дѣлаешь не гораздо... и тебѣ пропускать никого отнюдь не велѣно, а которые всякихъ чиновъ люди и пріѣзжали и приходили съ Москвы и изъ иныхъ городовъ къ заставамъ и тыбъ тѣхъ людей на заставахъ и мимо заставъ на Коломну и въ коломенскій уѣздъ пропускать никого не велѣлъ».

Объ отчаянномъ положеніи Москвы можно судить по слѣдующему посланію князя Пронскаго къ царю Алексѣю Михайловичу, писанному въ первыхъ числахъ сентября: «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу холопи твои Мишка Пронской съ товарищи челомъ бьетъ. Въ прошломъ государь въ 162 году въ іюлѣ и августѣ, въ разныхъ числѣхъ, писали къ тебѣ, Государю, мы холопи твои, что грѣхъ ради нашихъ въ Москвѣ и слободахъ помираютъ многіе люди скорою смертію и въ домишкахъ нашихъ тоже учинилось и мы холопи твои, покинувъ домишки свои, живемъ въ огородахъ. И въ нынѣшнемъ Государь въ 163 году послѣ

Симеонова дня моровое повѣтріе умножилось [1]) день ото дня больше пребываетъ. Уже въ Москвѣ, Государь, и въ слободахъ православныхъ христіанъ малая часть остается; а стрѣльцовъ, Государь, отъ шести приказовъ не единъ приказъ не остался; изъ тѣхъ достальныхъ многіе лежатъ больные, а иные разбѣжались, и на караулахъ, Государь, отъ нихъ быть некому; а головъ, Государь, стрѣлецкихъ Богдана Кановинскаго, Дамакова, Готкина не стало же и сотники стрѣлецкіе многіе померли. А церкви, Государь, соборныя и прихожскія мало не всѣ стоятъ безъ пѣнія; только, Государь, въ большомъ соборѣ по сіе число служба повсядневная и то съ большою нуждою; въ остаткѣ живыхъ только протопопъ да два священника Ферапонтъ да Порфирій, старый дьяконъ Василій. А у прихожскихъ, Государь, церквей священниковъ осталось малая часть. Изъ тѣхъ многіе больные и иные поразошлися и православные христіане помираютъ безъ отцовъ духовныхъ и погребаютъ безъ священниковъ и мертвыхъ телеса во градѣ и за градомъ лежатъ псы влачимы; а въ убогіе домы возятъ мертвыхъ и ямъ накопать некому; ярыжные земскіе извозчики, которые въ убогихъ домѣхъ ямы копали и мертвыхъ возили, и отъ того сами померли: а достальные, Государь, всякихъ чиновъ люди, видя такое Божіе посѣщеніе, ужаснулися и за тѣмъ къ мертвымъ приступать опасаются. А приказы, Государь, всѣ заперты; дьяки и подъячіе всѣ померли; а домишки, Государь, наши пустые учинились; люди же померли мало не всѣ, а мы холопи твои то же ожидаемъ себѣ смертнаго посѣщенія съ часу на часъ, и безъ твоего, Государева, указа по перемѣнкамъ съ Москвы въ подмосковныя деревнишки ради тяжелаго духа, чтобы всѣмъ не помереть съѣзжать не смѣемъ и о томъ, Государь, вели намъ холопемъ своимъ свой Государевъ, указъ учинить» [2]).

Не безъ основанія князь Пронскій ожидалъ, что самъ сдѣлается жертвою болѣзни: онъ умеръ 11-го сентября, значитъ нѣсколько дней послѣ отправленія письма къ царю. 12-го сентября, скончался князь Хилковъ. Умерли гости, бывшіе у государевыхъ дѣлъ. Торговые ряды въ Москвѣ всѣ были заперты, никто не сидѣлъ въ

---

[1]) Іюль и августъ 162 года т. е. 7162 года по сотвореніи міра соотвѣтствуютъ іюлю и августу 1654 года (7162—5508). Нѣтъ сомнѣнія, что Пронскій писалъ въ первыхъ числахъ сентября 1654, потому что онъ умеръ 11-го сентября 1654 года. Годъ начинался тогда 1-го сентября, поэтому онъ могъ писать «въ прошломъ году въ іюлѣ и августѣ». Рихтеръ, II, 126 по ошибкѣ относитъ письмо Пронскаго къ 1655 году.

[2]) Рихтеръ (II приложенія, стр. 66—68) при изданіи этого любопытнаго документа, впрочемъ не по подлиннику а по списку, какъ кажется, не замѣтилъ, что продолженіе рукописи, въ которой разсказаны дальнѣйшія событія, не можетъ быть письмомъ Пронскаго.

лавкахъ; на дворахъ знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три. Объявилось и воровство: разграблено было нѣсколько дворовъ, а сыскивать и унимать воровъ некѣмъ; тюремные колодники проломились изъ тюрьмы и бѣжали изъ города; человѣкъ 40 переловили, но 35 ушло. Получивъ такія печальныя извѣстія о состояніи столицы, царь послалъ приказъ запереть въ Кремлѣ всѣ ворота и рѣшетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкій мостъ и ту по ночамъ запирать. Печатный дворъ уже до этого былъ запечатанъ и книгъ печатать не велѣно «для мороваго повѣтрія» [1]).

О громадномъ количествѣ собакъ, находившихся тогда на улицахъ Москвы и питавшихся трупами умершихъ отъ мороваго повѣтрія людей, замѣчено въ небольшой статьѣ, посвященной этому предмету въ выходившемъ въ то время во Франкфуртѣ періодическомъ изданіи «Theatrum europaeum». Собаки, говорилось въ статьѣ, до того умножились и одичали, что, какъ бѣшеныя, нападали на живыхъ людей, такъ что несчастные жители Москвы, которыхъ пощадило моровое повѣтріе, находились въ большой опасности отъ собакъ даже въ своихъ домахъ. Иностранный источникъ прибавляетъ, что именно это обстоятельство заставило царя, желавшаго возвратиться въ Москву, ждать нѣсколько недѣль до въѣзда въ столицу [2]) Тамъ же сказано о громадномъ числѣ труповъ, лежавшихъ по улицамъ столицы, о невозможности предать ихъ землѣ по недостатку людей, оставшихся въ живыхъ. Не было, говорится далѣе, людей, которые могли бы сторожить ворота кремлевскіе, такъ что послѣдніе оставались отпертыми день и ночь безъ карауловъ. Число жертвъ мороваго повѣтрія въ одной Москвѣ показано «болѣе 200,000 тысячъ», число жертвъ вообще до «нѣсколькихъ сотень тысячъ». Во многихъ деревняхъ, продолжаетъ свой разсказъ авторъ статьи, не оставалось въ живыхъ ни одного человѣка, такъ что скотъ, предоставленный на произволъ судьбы, долженъ былъ массами или погибнуть съ голоду, или сдѣлаться жертвою хищныхъ звѣрей [3]).

Съ 10-го октября, моръ началъ стихать и зараженные стали выздоравливать. 21-го октября, государь пріѣхалъ въ Вязьму, и по случаю мороваго повѣтрія не поѣхалъ далѣе; сюда къ нему пріѣхала и царица съ семействомъ изъ Колязина. Въ началѣ декабря, государь послалъ досмотрѣть въ Москвѣ, сколько умерло и сколько осталось. О результатахъ этихъ статистическихъ розысканій мы будемъ говорить ниже. Новый 1655 годъ засталъ Алексѣя Михайловича въ Вязьмѣ, гдѣ онъ пережидалъ окончанія мора въ

---

[1]) Соловьевъ, X, 370—371.

[2]) Theatrum europaem, VII. 620.

[3]) Тамъ же, VII. 622.

Москвѣ. Здѣсь, какъ доносили государю, послѣ язвы физической начала свирѣпствовать нравственная. 15-го января, царь писалъ начальнику въ Москвѣ, боярину Ивану Васильевичу Морозову: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ Москвѣ въ моровое повѣтріе мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а теперь многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велѣли провѣдать о томъ подлинно и къ намъ отписали тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ». 19-го января, царь писалъ къ князю Якову Куденетовичу Черкасскому: «Мы пойдемъ къ Москвѣ на малое время, легкимъ дѣломъ, оставя все въ Вязьмѣ; пойдемъ помолиться образу Пресвятыя Богородицы, приложиться къ мощамъ, бояръ и всѣхъ людей обвеселить отъ печали, и, отвезши сестеръ своихъ, царицу и дѣтей, назадъ возвратимся и пойдемъ противъ польскаго короля» [1]).

Возвратившись въ Москву, Никонъ писалъ царю 4-го февраля 1655 года: «По отшествіи отъ васъ государей, приволокся во царствующій градъ Москву февраля въ 3 день, часа за два до свѣта въ субботу. Охъ, увы! зрѣнія неполезнаго и плача достойнаго! Непрестанно смотря плакалъ, плакалъ пустоты московскія, пути и домовъ, идѣжъ прежъ соборы многіи и утѣсненіе, тамо никоково, великія пути въ малу стезю и потлачены, дороги покрыты снѣги и никѣмъ суть и слѣдими, развѣ отъ песъ. Охъ, охъ! Іеремія плачевный тому развѣ уплакати таковыя и толикое зло и запустѣнія. Ей, ей, піянства на ся издавна и омраченія не помню, якожъ нынѣ изумѣхся отъ пустоты; обаче мало возвеселихся въ воскресеніе о пришествіи останковъ хрестьянъ во святую соборную апостольскую церковь во святей литоргіи, малымъ чимъ менши, яко и прежъ, или за радость на видѣніе насъ во святей службѣ, яко и нѣдра церковныя не вмѣстиша и дворъ противъ полнъ былъ. А еже о дворовой пустотѣ не мошно утѣшитеся... Въ хоромѣхъ вашихъ вездѣ кадилъ, сыскавъ ладану чернаго роснаго и еще есть его много, а вельми полезенъ» [2]).

Въ рукописи, которою пользовался Рихтеръ при изложеніи этихъ событій, сказано: «Того же году послѣ Спиридонова дни уже возвратъ солнцу предъ Рождествомъ Христовымъ преста моровое повѣтріе въ Москвѣ. Того жъ году государь царь взялъ Смоленскъ и съ побѣдою возвратился къ Москвѣ и прежде его пріиде къ Москвѣ въ постъ государева царица Марья Ильинишна. Въ Москвѣ же еще никого людей не было, то Никонъ патріархъ и протчіе стали по малу съѣзжаться. Потомъ святѣйшій патріархъ

---

[1]) Соловьевъ, X, 371, 383.

[2]) Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Москва, 1848. I. стр. 304.

повелѣ всѣхъ псовъ, кои не на цѣпяхъ, побить, ибо ядоша телеса мертвыхъ человѣкъ. Потомъ пріиде государь царь къ Москвѣ и ста на Воробьевскихъ горахъ, и стоялъ тутъ доколе Москву очистиша и люди собрашася, и въ исходѣ февраля вниде въ Москву и тогда срете его со святыми иконами за Москвою святѣйшій патріархъ Никонъ соборне и возпѣша вся побѣдительная Господу Богу благодаренія. Государь царь Алексѣй Михайловичъ побылъ

Царь Алексѣй Михаиловичъ.

въ Москвѣ до великаго поста; а въ постъ съ войскомъ пошелъ въ Вильну».

Затѣмъ разсказано о распространеніи мороваго повѣтрія и въ другихъ частяхъ Московскаго государства слѣдующее: «И въ 164 [1]) году въ началѣ весны бысть повѣтріе въ понизовыхъ городахъ и до Астрахани и многія села и деревни запустѣли. Преста же моровое повѣтріе съ возврату солнца предъ Рожествомъ Христовымъ

[1]) Т. е. въ 7164 — 5508 = 1656 году.

того же 164 году. Во 165 году въ понизовыхъ городахъ и въ Астрахани опять бысть повѣтріе и осташася живыхъ малая часть; въ Новѣ же городѣ и во всѣхъ поморскихъ городахъ отъ повѣтрія Господь Богъ сохранилъ и не было» [1]).

Впрочемъ, какъ кажется, и въ Москвѣ, въ теченіи 1655 и 1656 годовъ, возобновилась опасность, какъ видно изъ разныхъ правительственныхъ распоряженій, относившихся къ этому предмету. Такъ, напримѣръ, по причинѣ усилившагося и распространившагося мороваго повѣтрія даны были особенные приказы князю Григорію Семеновичу Куракину, чтобы не допустить чумѣ распространиться до Вязьмы и Смоленска, мѣстопребыванія государя и чрезъ то оберегать «отца нашего здравіе» [2]). 2-го декабря 1655 года, Ивану и Матвѣю Андреевичамъ Милославскимъ былъ объявленъ гнѣвъ на нихъ государя за то, что ихъ мать, Матрена, утаила о приключившихся въ ея домѣ случаяхъ «болѣзни съ язвами». За такое преступленіе Милославскіе были «написаны по московскому списку» [3]).

Въ 1656 году, 30-го іюля, «по указу учинены заставы крѣпкія, чтобы никакіе люди къ Москвѣ отнюдь не пріѣзжали». Были такъ сказать учреждены карантины. Всѣ пріѣзжающіе задерживались, допрашивались, осматривались; имъ только дозволялось по прибытіи своемъ говорить съ жителями въ извѣстномъ отдаленіи. Разспрашивали изъ-за воротъ и издали, а разспрося, высылали ихъ за земляной городъ. Кто принималъ у себя пріѣзжихъ безъ соблюденія этихъ правилъ, тотъ подвергался смертной казни [4]).

6-го августа 1656 года, «велѣно на Москвѣ во всѣхъ приказахъ подъячихъ учинить заказъ... У кого кто заболитъ какою болѣзнію, и про тѣхъ больныхъ извѣщали тотчасъ князю Куракину» [5]). Платья больныхъ сожигали, другія окуривали и вымораживали, равно какъ и домы въ деревняхъ двѣ недѣли и потомъ черезъ три дня окуривали полынью [6]).

Патріархъ Никонъ издалъ, 6-го августа 1656 года, пастырское увѣщаніе ко всѣмъ православнымъ. Здѣсь говорилось о принятіи предосторожностей отъ моровой язвы. Прежде всего онъ увѣщевалъ всякаго хранить страхъ Божій и исполнять христіанскій долгъ и пр., далѣе, однако, слѣдуетъ достойное вниманія замѣчаніе, что при распространеніи столь ужасной заразы, нѣтъ никакого грѣха удалиться въ другое мѣсто, пока пройдетъ опасность.

[1]) Рихтеръ, II, прилож. 68—69.
[2]) Тамъ же, II, 129.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 168.
[4]) Тамъ же, № 184.
[5]) Тамъ же, № 186.
[6]) Рихтеръ, II, 132.

Тутъ сказано: «Симъ путь спасенія показа, яко еже отъ губительства бѣжати не точію нѣсть грѣхъ, но и воли Божіей исполненіе, и что къ сему отвѣщаютъ оніи противницы, иже сами себѣ и иныхъ въ лютую язву вметати нудящіися? Воистину никто же» и пр. [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно считать вѣроятнымъ, что, хотя самый ужасный разгаръ мороваго повѣтрія относился къ 1654 году, но и въ слѣдующіе годы были многіе случаи заразы. Въ 1657 году, болѣзнь свирѣпствовала въ Смоленскѣ и въ Ригѣ. По этому случаю было приказано князю Петру Алексѣевичу Долгорукому: получаемыя офиціальныя бумаги въ Дрогомиловской слободѣ переписывать снова, и бумаги въ оригиналѣ изъ Смоленска сожигать. Чума въ Ригѣ заставила пріѣхавшаго въ 1657 году изъ Англіи посла Кромвеля, Ричарда Бредшо (Bradschow), возвратиться тотчасъ же въ Англію [2]).

Трудно опредѣлить мѣру смертности, число жертвъ мороваго повѣтрія въ Москвѣ въ эти годы. Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для этой цѣли, къ сожалѣнію далеко не полный. Замѣчаніе въ «Theatrum europaeum», что вообще умерло въ 1654 году нѣсколько сотенъ тысячъ и что число жертвъ въ одной столицѣ доходило до двухъ сотъ тысячъ легко можетъ казаться преувеличеніемъ. Оно, однако, подтверждается болѣе частными и опредѣленными цифрами, которыя были найдены Соловьевымъ въ архивномъ матеріалѣ, относящемся къ этому времени.

Какъ мы видѣли выше, царь, находясь въ Вязьмѣ, послалъ досмотрѣть въ Москвѣ — сколько умерло и сколько осталось. Донесли: въ Успенскомъ соборѣ остался одинъ священникъ да одинъ дьяконъ; въ Благовѣщенскомъ одинъ священникъ; въ Архангельскомъ службы нѣтъ: протопопъ сбѣжалъ въ деревню; во дворцѣ по двору едва можно пройти: сугробы снѣжные! На трехъ дворцахъ дворовыхъ людей осталось 15 человѣкъ.

Какъ видно, эти данныя оказываются все еще слишкомъ общими; нѣтъ возможности составить себѣ по нимъ болѣе точное понятіе о числѣ жертвъ. Точнѣе слѣдующія показанія о числѣ умершихъ въ разныхъ городахъ: въ Костромѣ умерло 3,247 человѣкъ, въ Нижнемъ Новгородѣ 1,836, а въ уѣздѣ 3,666; въ Вереѣ съ уѣздомъ умерло 1,524 человѣка; въ троицкомъ монастырѣ и подмонастырскихъ слободахъ умерло 1,278 человѣкъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ остается неизвѣстнымъ отношеніе числа умершихъ къ числу оставшихся въ живыхъ. Между тѣмъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 188.

[2]) Рихтеръ, II, 130—133.

вычисленіе процента смертности оказывается особенно важнымъ на основаніи слѣдующихъ цифръ, дающихъ намъ понятіе о мѣрѣ зла. Мы имѣемъ возможность опредѣлить смертность въ монастыряхъ, въ сословіи домашнихъ крѣпостныхъ людей, въ нѣкоторыхъ городахъ и ихъ окрестностяхъ.

Изъ вышеприведеннаго письма царя къ боярину Морозову, мы видѣли, что во время мороваго повѣтрія многіе люди, мужчины и женщины, искали спасенія въ монастыряхъ. Быть можетъ вслѣдствіе такого наплыва людей къ монастырямъ смертность въ нихъ оказывается особенно ужасною, какъ видно изъ слѣдующихъ показаній:

	Умерло.	Осталось живыхъ.	Процентъ смертности.
Въ Чудовомъ мон.	182 монаха.	26	$87^1/_2$%
» Вознесенскомъ	90 монахинь.	38	70%
» Ивановскомъ	100	30	77%

такъ что въ Чудовомъ монастырѣ умерло безъ малаго $^9/_{10}$ населенія и осталось лишь немного болѣе $^1/_{10}$ жителей.

Мы сказали выше, что вслѣдствіе мороваго повѣтрія во всѣхъ приказахъ прекратилось занятіе административными дѣлами. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только объ одной цифрѣ смертности въ классѣ чиновнаго люда. Въ посольскомъ приказѣ переводчиковъ и толмачей 30 умерло, 30 осталось.

Въ низшемъ классѣ общества смертность была особенно значительна. Мы уже замѣтили, что на дворахъ у знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три. Слѣдующіе примѣры свидѣтельствуютъ объ ужасныхъ дѣйствіяхъ мороваго повѣтрія между несчастными домашними крѣпостными людьми. На боярскихъ дворахъ:

	Умерло.	Осталось живыхъ.	Процентъ смертности.
У Ник. Ив. Романова . .	352	134	73%
» Як. Куд. Черкасскаго .	423	110	80%
» Бориса Морозова . . .	343	19	95%
» Одоевскаго	295	15	95%
» А. Н. Трубецкаго . . .	270	8	97%
» Стрѣшнева изъ всей дворни остался въ живыхъ одинъ мальчикъ			100%

Нельзя удивляться тому, что моръ свирѣпствовалъ особенно сильно между плохо прокормленными и плохо одѣтыми челядинцами. Впрочемъ, почти столько же народу въ то время умирало въ другихъ группахъ московскаго населенія. Въ черныхъ сотняхъ и слободахъ:

	Умерло.	Осталось живыхъ.	Процентъ смертности.
Въ кузнецкой сотнѣ	173	32	85%
» новгородской сотнѣ . . .	438	72	85%
» устюжской полусотнѣ . .	320	30	89%
» покровской сотнѣ	477	48	90%

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ большимъ числомъ примѣровъ смертности въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдствія мора въ другихъ группахъ московскаго общества походили на цифры, нами сообщенныя. Поэтому можно думать, что болѣе половины населенія столицы сдѣлалось въ продолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ добычею мороваго повѣтрія. Такое, основанное на числовыхъ данныхъ, предположеніе заключаетъ въ себѣ точное подтвержденіе показанія въ «Theatrum europaeum», что въ одной Москвѣ умерло около 200,000 человѣкъ. Преувеличеніе вышеупомянутыхъ цифръ объ умершихъ едва ли можетъ считаться вѣроятнымъ. За то, быть можетъ, тутъ недостаетъ одного довольно важнаго фактора, не принятаго, какъ кажется, въ соображеніе при собираніи данныхъ о слѣдахъ мора. Для царя составлены были таблицы умершихъ и оставшихся въ живымъ. Мы, однако, знаемъ, что многіе люди старались спастись бѣгствомъ. О числѣ бѣглецовъ нигдѣ нѣтъ показаній. Мы знаемъ, что и въ обыкновенное время, независимо отъ столь ужасныхъ явленій, каково было моровое повѣтріе, число бѣглыхъ людей въ московскомъ государствѣ было весьма значительно. Мы выше видѣли, что въ окрестностяхъ Коломны явилось, вслѣдствіе мороваго повѣтрія, много «москвичь», какъ сказано въ письмѣ царевича Алексѣя Алексѣевича къ коломенскому воеводѣ Морткину. Инстинктъ самосохраненія заставлялъ многихъ искать спасенія внѣ стѣнъ столицы. Стражи не было. Нѣтъ сомнѣнія, что заставы отчасти существовали на бумагѣ. Такимъ образомъ, есть нѣкоторая возможность предположить, что извѣстная доля людей, считавшихся умершими, оставалась въ живыхъ, но исчезла изъ Москвы, спасаясь, или въ какой либо монастырь, или въ иные города, или въ деревню и пр. Едва ли, однако, люди, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ, достигали этой цѣли. Лишенные всякихъ средствъ, подвергнутые опасности заболѣть, столкнуться съ представителями власти и пр., бѣглецы должны были бороться съ разными затрудненіями и, безъ сомнѣнія, массами умирали въ дорогѣ. Можно предполагать, что распространенію заразы по всему краю значительно содѣйствовали примѣры бѣгствъ жителей Москвы.

Моръ свирѣпствовалъ не только въ столицѣ, но и во всемъ центрѣ Московскаго государства. Мы имѣемъ данныя о числѣ умершихъ въ разныхъ городахъ, окружавшихъ Москву въ разстояніи нѣсколькихъ сотенъ верстъ. Районъ, къ которому относятся наши

числовыя данныя, обнимаетъ пространство около 30,000 квадратныхъ верстъ или 600 квадратныхъ миль. На границѣ этого района къ западу лежалъ городъ Вязьма, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ ждалъ нѣсколько мѣсяцевъ окончательнаго прекращенія моровагo повѣтрія въ столицѣ.

Наши цифры относятся не только къ городамъ, но и къ уѣздамъ. Къ сожалѣнію, данныя, относящіяся къ послѣднимъ, очень скудны. Мы не имѣемъ возможности рѣшить довольно важный вопросъ, свирѣпствовало ли моровое повѣтріе сильнѣе въ городахъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ городѣ Торжкѣ .	224	686	25%
« уѣздѣ	217	2,881	7%

Значитъ, въ окрестностяхъ города Торжка смертность не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ самомъ городѣ. Противоположный примѣръ:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ городѣ Кашинѣ .	109	300	26%
» уѣздѣ	1,539	908	63%

Средину между этими цифрами представляетъ собою слѣдующій примѣръ:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ Звенигородѣ . .	164	197	45%
» уѣздѣ	707	689	50%

О смертности въ другихъ городахъ сохранились слѣдующія данныя:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ Угличѣ	319	376	45%
» Суздалѣ. . . .	1,177	1,390	45%
» Твери.	336	388	46%
» Тулѣ	1,808	760 мужск. пола	45% [1])
» Калугѣ	1,836	777	70%
» Переяславлѣ Залѣсскомъ . .	3,627	339	75%
» Переяславлѣ Рязанскомъ . .	2,583	434	85%

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, степень смертности одинакова въ разныхъ городахъ и въ Москвѣ. Весь край страдалъ отъ морового повѣтрія не менѣе столицы. На основаніи этихъ данныхъ можно считать вѣроятнымъ, что болѣе половины всего населенія

---

[1]) Если считать приблизительно такое же число оставшихся въ живыхъ лицъ женскаго пола, то процентъ смертности оказывается 45%.

центральной части Московскаго государства погибло отъ мороваго повѣтрія во второй половинѣ 1654 года. Нельзя думать, чтобы вообще смертность въ деревняхъ далеко уступала смертности въ городахъ. Едва ли гигіеническія условія деревенской жизни отличались выгодно отъ гигіеническихъ условій жизни въ городахъ. Города въ тогдашней Россіи не особенно отличались отъ селъ и деревень. И тутъ и тамъ встрѣчались одинаковая скудость средствъ, одинаковое отсутствіе обыденнаго комфорта. Внѣшній видъ Твери напримѣръ въ сочиненіи Мейерберга о Россіи, написанномъ 1661 году, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, что деревенская жизнь въ то время не слишкомъ разнилась отъ житья-бытья въ городахъ. Вездѣ встрѣчались одинаково неблагопріятныя условія для поддержанія здоровья и жизни жителей страны. Населеніе гибло всюду безъ помощи, болѣе или менѣе фаталистически подчиняясь своему горестному жребію. Правительство не было въ состояніи ограничить зло; со стороны общества подавно ничего не было сдѣлано для борьбы съ эпидеміею. Такимъ образомъ, несчастіе, постигшее народъ, могло принять столь ужасающіе размѣры. Далѣе, могло случиться, что правительство и современники обращали сравнительно мало вниманія на страданія народа. Слѣды столь ужаснаго кризиса въ исторіи Россіи въ источникахъ историческихъ оказываются чрезвычайно блѣдными, но нѣсколько приведенныхъ цифръ краснорѣчиво замѣняютъ подробные разсказы современниковъ.

При сравненіи опустошительныхъ дѣйствій мороваго повѣтрія въ Россіи 1654 года съ подобными явленіями въ исторіи западной Европы оказывается, что размѣры смертности въ Россіи при этомъ случаѣ ничѣмъ не уступали ужаснѣйшимъ кризисамъ такого рода въ другихъ странахъ.

Когда въ XIV столѣтіи въ Азіи и Европѣ свирѣпствовала такъ называемая черная смерть, то, по нѣкоторымъ показаніямъ въ источникахъ, число жертвъ доходило: въ Европѣ до 25 мил. въ Китаѣ до 13 милліоновъ, въ прочей Азіи до 24 милліоновъ людей. Цифра умершихъ въ Германіи (1.244,434) оказывается довольно умѣренною въ сравненіи съ вѣроятнымъ общимъ итогомъ смертности въ Россіи въ 1654 году. Въ Лондонѣ черною смертью умерло 100,000 человѣкъ, въ Венеціи столько же; въ Вѣнѣ, въ продолженіе нѣкотораго времени умирало по 1,200 человѣкъ ежедневно. Показаніе, что въ Англіи вообще осталась лишь десятая часть народонаселенія, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ преувеличеніе. За то гораздо болѣе вѣроятнымъ кажется извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи осталась лишь десятая часть жителей. Островъ Маллорка лишился 4/5 сво-

его населенія; въ городѣ Марсели умерло болѣе половины жителей; въ Голштиніи потеря людьми доходила до $^{2}/_{3}$, въ Шлезвигѣ до $^{4}/_{5}$ населенія [1]). Всѣ эти цифры смертности, 50%, 66%, 80% встрѣчаются и между вышеприведенными данными о смертности въ 1654 году. Черная смерть однако во всей исторіи человѣчества считается самымъ ужаснымъ событіемъ такого рода.

Впрочемъ, около того времени, когда въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе, и на западѣ происходили подобныя событія. Укажемъ на нѣкоторые примѣры особенно ужасной стертности отъ повальныхъ болѣзней въ западной Европѣ около половины XVII вѣка. Въ городѣ Гюстрокѣ въ Мекленбургіи въ 1637 году умерло 20,000 человѣкъ, въ Нейбранденбургѣ 8,000, въ Веронѣ въ 1629 году 32,895, въ Лейденѣ въ 1635 году 20,000, въ Копенгагенѣ въ 1654 году болѣе 9,000, въ Генцѣ въ 1656 году 60,000 и т. п. Въ маленькомъ городѣ Динь (Digne) въ Провансѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, т. е. отъ іюня до апрѣля умерло $^{4}/_{5}$ жителей; жертвою чумы, свирѣпствовавшей въ Лондонѣ въ 1665 году сдѣлалось 69,000 человѣкъ; въ одну ночь умерло не менѣе 4,000 человѣкъ; въ Вѣнѣ въ 1679 году число жертвъ чумы доходило до 76,921 человѣка, въ Прагѣ въ 1681 году—до 83,040. Въ Магдебургѣ въ 1681 году умерло 4,500 человѣкъ; городъ Галле лишился тогда же половины своего населенія и пр. [2]).

Сравненіе этихъ цифръ съ вышеприведенными данными, относящимися къ Россіи въ 1654 году, заставляетъ насъ думать, что несчастіе, постигшее населеніе Московскаго государства, доходило чуть ли не до болѣе ужасающихъ размѣровъ, чѣмъ сильнѣйшая смертность въ нѣкоторыхъ странахъ и городахъ западной Европы около этого же времени. Между тѣмъ, однако, какъ подобныя явленія въ исторіи западной Европы разсказаны подробно въ медицинско-историческихъ сочиненіяхъ, о моровомъ повѣтріи въ Москвѣ 1654 года въ нихъ не говорится вовсе. Самый фактъ исчезновенія бо́льшей половины населенія центральной части Московскаго государства остался какъ-то почти вовсе незамѣченнымъ современниками. То обстоятельство, что при историческомъ разборѣ этого печальнаго эпизода ощущается чрезвычайная скудость не только иностранныхъ, но и русскихъ матеріяловъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что самое населеніе Москвы гибло безмолвно, безропотно, подобно тому пассивному терпѣнію, которое обнаруживаютъ въ такихъ случаяхъ и въ новѣйшее время жители Индіи, Персіи или Египта.

---

[1]) См. соч. Геккера, Die grossen Volkskraukueisen des Mittelalters, Berlin 1865, стр. 45—50 и соч. Гезера (Haeser), Geschicte der epidemische Kraulsheiten. Iena, 1865 стр. 138.

[2]) Haeser, 362 и слѣд.

Невниманіе къ этимъ фактамъ, происходившимъ въ Россіи, свидѣтельствуетъ о замкнутости русской жизни, имѣвшей въ то время мало общаго съ Европою. Московское государство тогда еще не принадлежало къ европейской политической системѣ. Западная Европа относилась къ нему приблизительно такъ, какъ въ настоящее время мы относимся къ какому либо мало извѣстному средне-азіятскому государству. Поэтому извѣстіе объ ужасномъ кризисѣ, которому подверглось въ то время несчастное населеніе Москвы и ея окрестностей дошло до западной Европы развѣ лишь въ случайной и краткой замѣткѣ въ «Theatrum europaeum». Въ самой же Россіи, кромѣ немногихъ дѣловыхъ бумагъ, на основаніи которыхъ мы имѣли возможность составить нашъ очеркъ исторіи этаго событія, не осталось слѣдовъ этихъ прискорбныхъ происшествій. Даже въ сочиненіи Котошихина, написанномъ нѣсколько лѣтъ позже, умалчивается о моровомъ повѣтріи 1654 года. Другихъ мемуаровъ или частныхъ писемъ не сохранилось. Даже въ кругахъ иностранцевъ, проживавшихъ въ то время въ Московскомъ государствѣ, не было такихъ людей, которые могли бы оставить коекакое повѣствованіе о появленіи мороваго повѣтрія [1]), ужасныя послѣдствія котораго объясняются главнымъ образомъ сравнительно низкою степенью культуры, на которой находилось въ то время населеніе Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что размѣры смертности и вообще степень зла при подобныхъ случаяхъ обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ извѣстныхъ культурныхъ началъ въ общественномъ и государственномъ строѣ. Успѣхи науки, добросовѣстность администраціи, осмотрительность правительственныхъ мѣстъ, матеріальныя средства, распространеніе въ обществѣ просвѣщенныхъ понятій о важности санитарной полиціи — все это вмѣстѣ останавливаетъ, ограничиваетъ дѣйствіе любой повальной болѣзни. Въ противуположность совершенному равнодушію западной Европы въ 1654 году, весь цивилизованный міръ встрепенулся въ наше время при полученіи извѣстія о первыхъ случаяхъ заразы въ Ветлянкѣ въ 1879 году. Были приняты, при помощи результатовъ науки, самыя энергичныя мѣры противъ эпидеміи, размѣры которой, вслѣдствіе этихъ дѣйствій, остались сравнительно ничтожными. Опустошительное дѣйствіе чумы въ Москвѣ въ 1771 году оказывается также гораздо менѣе сильнымъ, чѣмъ страшная смертность 1654 года, очевидно потому, что были приняты кое-какія болѣе или менѣе сложныя мѣры противъ этой повальной болѣзни вообще и противъ ея распространенія въ особенности [2]). Нельзя сравнить

[1]) По крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ пастора Фехнера «Chronik der evangelischen gemeinden» нѣтъ никакихъ данныхъ о чумѣ 1654 года.

[2]) См. показанія о числѣ умершихъ въ 1771 году въ Москвѣ въ соч. Шторха,

степень смертности холеры въ XIX столѣтіи съ опустошительными дѣйствіями повальныхъ болѣзней XVII вѣка или черной смерти въ XIV вѣкѣ [1]).

Нельзя не желать, чтобы событія, заключающія въ себѣ доказательство важныхъ перемѣнъ къ лучшему въ судьбахъ человѣчества, были чаще и основательнѣе прежняго изучаемы историками. Такого рода факты оказываются въ сущности гораздо болѣе достойными вниманія ученыхъ, нежели частности политической исторіи, мелочи военныхъ и дипломатическихъ фактовъ и пр. [2]).

А. Брикнеръ.

«Historische-statistisches Gemälde des russischen Reiches», Riga, 1797, I. 589. Умерло съ апрѣля до декабря 56,672 человѣка. Сильнѣйшая смертность какъ въ 1654, такъ и въ 1771 году была въ сентябрѣ.

[1]) Haeser, 787.

[2]) См. нѣкоторыя любопытныя замѣчанія на этотъ счетъ въ соч. Рошеро «System der Volkswirthschaft», I, 491. Весьма любопытная статья Маркса «Über die Abnalune der Krankheisen durch die Zunalune der Civilisation», въ сборникѣ «Abhundlungen der Göttinger Gelehrten Gesellschaft der Wissenschaften», томъ II (1842—44), стр. 43—97.

ВИДѢНІЕ ВЪ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

Историческій сонъ.

> I would recall a vision which I dream'd
> Perchance in sleep...
>
> Byron («The dream»).

Ясный, тихій іюльскій день клонится къ такому же ясному, тихому вечеру. Спускающееся гдѣ-то тамъ за финляндскимъ горизонтомъ солнце обливаетъ червоннымъ золотомъ массивный куполъ Исаакія, острые шпицы адмиралтейства и Петропавловскаго собора. Вдоль Невскаго тянутся непривычныя для глазъ свѣтовыя полосы отъ правой стороны къ лѣвой, а гигантская тѣнь отъ публичной библіотеки все выростаетъ и тянется все дальше и дальше.

Тихо въ публичной библіотекѣ. Время стоитъ лѣтнее, жаркое. Учащаяся молодежь еще не съѣзжалась къ пріемнымъ экзаменамъ—набирается силъ среди родныхъ полей и лѣсовъ; остальная петербургская интеллигенція отдыхаетъ по дачамъ, по деревнямъ, на водахъ; ученые люди дѣлаютъ свои лѣтнія ученыя экскурсіи; въ Петербургѣ остаются только товарищи министровъ, наборщики да дворники. Читальныя залы и отдѣленія публичной библіотеки пусты. Оттого и тихо такъ.

Только въ ларинской залѣ надъ большимъ столомъ наклонилась сѣдая борода и шуршитъ жосткими, пожелтѣвшими листами старой книги. Въ «Россика», въ углу, виднѣется классическая фигура спящаго сторожа. Тихо кругомъ, такъ тихо, точно на клад-

бищѣ. Да это и въ самомъ дѣлѣ великое, міровое кладбище головъ человѣческихъ — геніальныхъ, умныхъ и — увы! глупыхъ. Только извнѣ въ это тихое пристанище смерти и безсмертія доносятся неясные отзвуки жизни. То задребезжитъ нетерпѣливый звонокъ конки, то прогромыхаетъ по глухому торцу извощичья карета, отзовется гдѣ-то гармоника—и опять все тихо. На карнизахъ, за окнами голуби хлопаютъ крыльями объ стѣны и гнусливо воркуютъ. То прорѣжетъ воздухъ рѣзкій пискъ стрижей, и словно растаетъ въ этомъ же воздухѣ.

Какъ тихо, какъ хорошо, какъ задумчиво работается среди этого могильнаго уединенія, лѣтомъ, въ нашемъ драгоцѣнномъ книгохранилищѣ! Только тотъ, кто работалъ въ немъ лѣтомъ и раздумывался надъ отшедшею въ вѣчность жизнью и мыслью людей, имена, чувства, дѣянія и помыслы которыхъ какъ-бы замурованы, словно египетскія муміи въ катакомбахъ, въ этихъ безконечныхъ рядахъ массивныхъ шкаповъ и витринъ—только тотъ пойметъ чистыя наслажденія, даваемыя душѣ этой работой, а иногда—и жгучую обидную тоску о томъ, что все это, отошедшее въ вѣчность, должно бы было быть не тѣмъ, чѣмъ оно было...

Ударъ крыльевъ голубя объ стекло выводитъ сѣдую бороду изъ задумчивости. Она встаетъ и разминаетъ окоченѣвшіе отъ продолжительнаго сидѣнья члены.

Влѣво, въ мраморномъ креслѣ, съ обращеннымъ къ западу блѣднымъ лицомъ покоится мраморный старикъ. Нервное, худое, высохшее до костей лицо его глубоко-задумчиво и глубоко-скорбно, до того скорбно, что оно кажется перекошеннымъ отъ злобы. Но это не злоба, а скорбь, безпросвѣтная, безнадежная за все человѣчество скорбь.

Сѣдая борода тихо, какъ-то робко приближается къ мраморному старику, сидящему въ глубокомъ мраморномъ креслѣ. Костлявыя, худыя руки съ тонкими и крючковатыми, словно когти хищной птицы, пальцами, кажется, безсильно впились въ мраморъ ручекъ кресла, да такъ и окаменѣли въ своемъ безсиліи. Худое, остроконечное и ссохшееся какъ у Агриппины-старшей лицо вытянуто впередъ—словно старикъ что-то созерцаетъ, вслушивается во что-то, что внѣ его слуха, а въ мозгу, что не отъ міра сего, но и отъ этого именно міра. Бѣлки мраморныхъ глазъ кажутся бѣлками слѣпого, который прислушивается къ работѣ своего собственнаго мозга, заключеннаго подъ этимъ мраморнымъ черепомъ. Жидкіе, тонкими прядями волосы обрамляютъ покрытый рѣзкими морщинами геніальный лобъ. Голову обхватываетъ узкая ленточка—ну, сущая Агриппина-старуха! Тонкія губы до того ввалились въ беззубый ротъ и до того сжаты, что, кажется, деснамъ больно, хоть онѣ и мраморныя. Жостко сидѣть старику—ужъ онъ слишкомъ долго сидѣлъ на своемъ вѣку, бичуя зло и глупость человѣческую, издавая книгу

за книгой, которыя какъ безпощадная артиллерія пробивали брешь за брешью въ отжившихъ, но все еще крѣпкихъ, какъ стѣны пеласгійскихъ построекъ, человѣческихъ ложныхъ вѣрованіяхъ—и подъ него подложили мраморную подушку, чтобъ ему не жостко было сидѣть и громить старыя стѣны человѣческой глупости.

Сѣдая борода остановилась въ нѣмомъ созерцаніи передъ этимъ страшнымъ старикомъ.

На мраморномъ крылѣ кресла глубоко прорѣзаны рѣзцомъ скульптора слова:

Houdon, fecit, 1781 [1]).

«Такъ вотъ ты гдѣ, могучій фернейскій отшельникъ. Какъ ты старъ, худъ и безпомощенъ. А не мощнымъ ли дыханіемъ этого беззубаго, старушечьяго рта ты затушилъ костры инквизиціи, пылавшіе столько столѣтій и приносившіе кровавыя гекатомбы тому доброму Богу, который весь былъ кротость и всепрощеніе? Не твои ли жалкія, костлявыя руки остановили безжалостныя руки палачей, занесенныя въ застѣнкахъ и въ мрачныхъ тюрьмахъ надъ жертвами человѣческой глупости и неправды? Не эти ли слабыя руки расшатали старые порядки всего міра и внесли въ этотъ міръ новый свѣточь знанія, правды, человѣчности.—А какъ ты теперь жалокъ!—Тебя притащили сюда съ какого-то чердака, гдѣ былъ ты заброшенъ съ старымъ, негоднымъ хламомъ, и помѣстили на почетное мѣсто — рядомъ съ «котомъ царя Алексѣя Михайловича».

Сѣдая борода подходитъ къ витринѣ, изъ которой выглядываетъ этотъ котикъ «тишайшаго». Подъ нимъ двѣ подписи—одна по-русски, та, что приведена выше, другая—французская, современная самому котику:

Le vray portrait du chat du grand Duque de Moscovie, 1661 [2]).

«Здравствуй, киця. Какъ-то ты терся и мурлыкалъ около державныхъ ногъ «тишайшаго»?—Хорошо ли исполнялъ свою службу—хорошо ли ловилъ въ царскомъ терему мышекъ, не щадя живота своего? А можетъ и воробышковъ ловилъ вопреки государевымъ указамъ? И по крышамъ гулялъ съ дворскими кошечками? А служилъ ли ты вѣрою и правдою, безъ мотчанья, благовѣрному государю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу!—Вѣдь этотъ портретъ снятъ съ тебя какъ разъ въ годъ рожденія этого царевича, и ты, вѣрно, игрывалъ съ нимъ въ его царской колыбелькѣ. А дожилъ ли ты, старый котъ, до рожденія благовѣрной царевны Софьи Алексѣевны и благовѣрнаго царевича Петра Алексѣевича»?

Глубоко задумалась сѣдая борода, стоя у витрины съ котикомъ. Вѣдь и портретъ исторической звѣрушки способенъ навести на

[1]) Работы Гудона (Гудонъ сдѣлалъ) 1781.

[2]) Истинное изображеніе (портретъ) кота великаго князя московскаго, 1661.

серьезныя историческія размышленія: для историка—все, всякая тряпка отъ прошлаго, портретъ кота—все это матеріалъ, какъ для геолога зубъ мамонта.

Тѣнь отъ зданія библіотеки ростетъ и тянется все дальше, дальше. Бьетъ восемь часовъ.

Кто жъ это смотритъ такъ величаво на задумавшуюся сѣдую бороду? Это она—великая «Семирамида Сѣвера». Во весь свой царственный ростъ выступаетъ она изъ золотой рамы. Величаво поставилъ ее на своемъ полотнѣ даровитый художникъ. Около нея жертвенникъ съ горящимъ надъ нимъ огнемъ. Около нея книги—слѣды ея царственныхъ работъ и думъ. Атласное, тяжелое бѣлое платье, кажется, скрипитъ у нея на высокой груди отъ дыханія. Горностаевая мантія небрежно спущена съ плечь и тянется по ковру.

Чтò выражаетъ ея неуловимая улыбка?—А то, что она умнѣе всѣхъ, могущественнѣе, и—какъ женщина—хитрѣе. Значитъ, была хитра, коли одурачила этого мраморнаго старика, этого злюку, ядовитаго язычка котораго боялась вся Европа. Храповицкій наивно записалъ въ своемъ «Дневникѣ» эту ея ловкую продѣлку подъ 6-мъ февраля 1791 года: «Австрійцы за насъ не вступятся—говорила Семирамида Сѣвера Храповицкому въ то время, когда тотъ занимался «до поту перлюстраціей»:—имъ обѣщанъ Бѣлградъ отъ пруссаковъ, кои, съ согласія Англіи, берутъ себѣ Данцигъ и Торунь.—Я послала письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти онъ не можетъ. Я такимъ образомъ смѣнила Шуазеля, переписываясь съ Волтеромъ» (Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, 357).

Чисто женская продѣлка!—Ловкая Семирамида знала, что и Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій занимается въ Берлинѣ, какъ и она сама въ Петербургѣ, «перлюстраціей» чужихъ писемъ и непремѣнно прочитаетъ ея коварное письмо къ Циммерману, какъ въ Парижѣ, прежде, читали ея письма къ Вольтеру. А мудрый философъ думалъ, что она пишетъ ему лично: нѣтъ, ей хотѣлось свалить Шуазеля этимъ письмомъ—и она свалила его.

Въ другомъ мѣстѣ, подъ 5-мъ августа того же года у Храповицкаго записано: «Въ продолженіе разговора я напоминалъ государынѣ о смѣнѣ Шуазеля перепискою съ Вольтеромъ, и что нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманомъ смѣнили Герцберга.—«И впрямь такъ—изволили сказать:—я и забыла» (стр. 370).

Гдѣ же помнить всѣхъ, кого вы провели и вывели!

Сѣдая борода постояла передъ портретомъ, постояла, покачала задумчиво головой, и снова присѣла къ столу, гдѣ лежала большая старая книга съ жосткими пожелтѣвшими листами. И опять та же невозмутимая, могильная тишина и тѣ же слабо доносящіеся извнѣ

отзвуки жизни—замирающій стукъ экипажей, замирающій въ воздухѣ глухой звонъ далекаго колокола...

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Такъ много думъ наводитъ онъ...

Далекою стариною, молодостью повѣяло отъ этого стиха, словно отъ засохшаго и полинялаго лепестка розы въ пожелтѣвшемъ отъ времени альбомѣ.

А эти книги на полкахъ, массы книгъ — это тѣ же засохшіе лепестки жизни, слѣды думъ, страданій, счастья: это стоятъ на полкахъ высушенныя человѣческія головы, сердцá и остовы покойниковъ.

Сѣдая борода, отодвинувъ отъ себя книгу, откинулась на спинку кресла и задумалась. Ни надъ чѣмъ такъ хорошо не думается, какъ надъ умной книгой.

Но что это какъ будто стукнуло тамъ, въ той половинѣ залы, гдѣ сидитъ мраморный старикъ? Нѣтъ, это такъ, это треснулъ на полкѣ гдѣ-то пересохшій переплетъ книги.

Стукъ повторился. Какъ будто скрипнула шашка паркета, другая — и паркетъ пересохъ, какъ кожаный переплетъ книги.

Слышутся какъ будто шаги въ «Россика». Но это, конечно, сторожъ. Нѣтъ, сторожъ спитъ.

Что же это? Шаги приближаются, медленные, тяжелые шаги. Да, кто-то идетъ.

Сѣдая борода оглядывается туда, откуда приближаются шаги. Что это такое! Происходитъ чтò-то непостижимое, страшное...

Это идетъ тотъ мраморный старикъ, что сидитъ въ мраморномъ креслѣ. Не можетъ быть, чтобы это былъ онъ—мраморъ не можетъ ходить. Но нѣтъ, онъ идетъ: пòлы мраморной мантіи шевелятся; ноги въ мраморныхъ сандаліяхъ передвигаются мѣрно и медленно, какъ старческія ноги вообще; голова старика замѣтно трясется, плотно сжатыя губы беззвучно шевелятся и безжизненно-мраморные глаза свѣтятся жизнью: они устремлены впередъ, туда, гдѣ въ золотой рамѣ стоитъ у пылающаго жертвенника Семирамида Сѣвера съ опустившеюся съ плечь горностаевою мантіей.

Что-жь это такое! Не бредъ ли разстроеннаго воображенія? Не сонъ ли? Нѣтъ, вонъ голуби по прежнему воркуютъ за окномъ и шуршатъ о карнизъ крыльями; съ Невскаго доносится глухой гулъ удаляющихся экипажей; все тотъ же вечерній звонъ доносится откуда-то издалека и точно таетъ въ воздухѣ.

Зашуршало чтò-то вправо и словно стѣна дрогнула. Это дрогнула золотая рама, задрожало полотно и отъ него медленно, неслышно отдѣлилась женщина въ горностаевой мантіи: она вышла изъ полотна и какъ тѣнь сошла на полъ, шурша складками атласнаго платья.

Вотъ она двигается, волоча за собою горностаевую мантію. На лицѣ — все та же привѣтливая, но загадочная улыбка.

И мраморный старикъ и женщина въ горностаевой мантіи сближаются, идутъ навстрѣчу другъ другу. И лицо мраморнаго старика скривилось улыбкой. Опущенныя руки поднимаются и почтительно складываются у сердца, дрожащая голова низко наклоняется.

— Ah! c'est vous, mon philosophe [1])! слышится тихій, ласкающій голосъ.

— C'est moi, madame! C'est moi qui salue la grande Semiramis du Nord [2])! шепчутъ мраморныя губы.

— Какая счастливая встрѣча! Что привело васъ въ мое скромное царство? А меня еще такъ огорчило было ваше письмо къ князю Голицыну, въ которомъ вы писали обо мнѣ: «Où est le temps que je n'avais que soixante et dix ans? J'aurais couru l'admirer! Où est le temps que j'avais encore de la voix! Je l'aurais chantée sur tout le chemin du pied des Alpes à la mer d'Archangel [3])!» А теперь вы пришли ко мнѣ — какъ я рада!

— Да, государыня, я пришелъ къ вамъ, не смотря на мои годы: меня давно манила къ себѣ великая сѣверная звѣзда... Я имѣлъ счастье писать вашему величеству: «C'est maintenant vers l'étoile du nord qu'il faut que tous les yeux se tournent. Votre majesté impériale a trouvé un chemin vers la gloire inconnue avant elle à tous les autres souverains [4])!» и вотъ я у вашихъ ногъ.

Что-то захрустѣло въ родѣ костей—и мраморный старикъ опустился на колѣни.

— О! встаньте, встаньте! не вамъ склонять передо мной ваши достойныя колѣни: весь міръ долженъ склониться передъ вашимъ геніемъ.

И она тихо положила руку на мраморное плечо старика.

— Встаньте!

И старикъ, стуча костями и мраморомъ, всталъ.

— Я повинуюсь вашему величеству. Но вспомните, что я писалъ вамъ, когда вы любезно приглашали меня на вашъ карусель: «La reine Falestrice ne donna jamais de carouzel, elle alla cajoler Aléxandre le Grand, mais Aléxandre serait venu vous faire la cour [5])».

---

[1]) А! это вы, мой философъ!

[2]) Это я, государыня! Я привѣтствую великую Семирамиду Сѣвера!

[3]) Гдѣ то время, когда мнѣ было только семьдесятъ лѣтъ? Я пришелъ бы, чтобы удивляться ей! Гдѣ то время, когда у меня еще былъ голосъ! Я воспѣлъ бы ее на всемъ пространствѣ отъ подножія Альпъ до Архангельскаго моря!

[4]) Теперь всѣ взоры должны обратиться къ звѣздѣ Сѣвера. Ваше императорское величество нашли путь къ славѣ, доселѣ невѣдомой всѣмъ прочимъ государямъ!

[5]) Царица Фалестрина никогда не устраивала каруселей, — она приходила только льстить Александру Великому; но Александръ самъ явился бы къ вамъ, чтобы ухаживать за вами.

— И вы пришли вмѣсто него? Это очень любезно съ вашей стороны.

— Смѣю ли я, государыня, такъ думать! Я скромный отшельникъ Фернея, жалкій старикъ.

— Не говорите такъ! Весь міръ вамъ рукоплещетъ...

— Рукоплескалъ, государыня... Теперь міръ рукоплещетъ — только вамъ!

— Oh! vous me cajolez, mon philosophe [1]).

— Non, madame, tout le monde, tout l'univers vous cajole [2])!

— О! вы непобѣдимы...

— На словахъ, государыня, только... А вы...

— Что я! слабая женщина... Не будь у меня друзей такихъ, какъ вы, я была бы ничто... Помните я писала вамъ по поводу вашихъ словъ объ Александрѣ Македонскомъ: «По истинѣ, государь мой, я болѣе дорожу вашими сочиненіями, чѣмъ всѣми подвигами Александра, и ваши письма доставляютъ мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ угодливость, которую бы мнѣ оказалъ этотъ государь».

— Вы слишкомъ милостивы, государыня, осклабляется беззубый ротъ.

— О, нѣтъ! я только справедлива. Вы же ко мнѣ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ милостивы.

— Чѣмъ же, ваше величество?

— А хоть бы вашими письмами къ князю Голицыну.

— А развѣ онъ давалъ ихъ читать вамъ, государыня?

По лицу вопрошаемой скользнула неуловимая тѣнь и спряталась въ глазахъ.

— Да, показывалъ.

Но лицо ея говорило не то, что говорили уста. Въ ея тонкой улыбкѣ сквозила картина, перенесшая ее въ прошлое, въ ея кабинетъ: у окна стоитъ Лёвушка Нарышкинъ и ловитъ муху, а въ сторонѣ, у особаго столика, сидитъ Храповицкій и, утирая фуляромъ красное вспотѣвшее лицо, перлюстрируетъ письмо Вольтера къ князю Голицыну; сама же она сидитъ за своимъ письменнымъ столомъ и пишетъ тайное посланіе Фридриху прусскому о раздѣлѣ Польши: «Tout cela, monsieur mon frêre, me confirme dans le sentiment que pour aller à jeu sûr, il sera plus convenable—de rendre mon parti en Pologne supérieur par une somme considérable pour acheter cet état qui n'attende que des marchands pour se vendre [3])».

---

[1]) О! вы мнѣ льстите, мой философъ.

[2]) Нѣтъ, государыня, — весь міръ, вся вселенная льститъ вамъ!

[3]) Все это, государь, братъ мой, укрѣпляетъ меня въ сознаніи, что для того, чтобы идти на вѣрную игру, слѣдуетъ только дать моей партіи въ Польшѣ перевѣсъ съ помощью суммы, достаточной для того, чтобы купить эту страну, которая ждетъ только покупателей, чтобы продаться имъ.

— Да, повторила она съ тою же загадочною улыбкой: — я читала ваши письма къ князю Голицыну. Еще въ одномъ вы обращаетесь къ поэту Томасу...

— Помню, помню, государыня.

— И говорите: «M-r Thomas! vous qui êtes jeune et qui avez meilleure voix que moi, vous avez déjà célébré Pierre I en trois chants, je vous en demende un quatrième pour Catherine Seconde [1])».

— Это правда, государыня.

— Но я продолжаю утверждать, что вы больше приписываете мнѣ, чѣмъ я заслужила. Вы пишете Голицыну: «Le titre de Mère de la patrie restera à l'impératrice malgré elle. Pour moi, si elle vient à tout d'inspirer la tolérance aux autres princes, je l'appellerai la bienfaitrice du genre humain [2])».

— Oui, madame! c'est vrai [3]), лукаво улыбается старикъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ много. Вы даже говорите тамъ, что «le mérite des français est qu'on célèbre mes louanges dans leur langue qui est devenue, je ne sais comment, celle de l'Europe [4])».

— Но это правда, государыня, улыбается лукавый старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Изъ угожденія мнѣ вы унижаете Францію и весь Западъ. Когда я васъ спрашивала, сожжена ли книга аббата Базэна, вы отвѣчали, что еще нѣтъ, и прибавили, будто бы во Франціи подозрѣваютъ, что книга эта написана въ Россіи, ибо истина, какъ вы выразились, приходитъ съ Сѣвера, съ Запада же только бездѣлушки—«la vérité vient du Nord, comme les colifichets vient—de l'Occident [5])!»

— И здѣсь я не преувеличилъ, государыня.

— О, вы слишкомъ добры къ намъ, сѣвернымъ варварамъ.

— Mais non, madame [6])! Я повторю ваши слова: я только справедливъ.

— Даже тогда, съ ярко блеснувшимъ взоромъ перебила она его, когда предсказывали, что мои подданные будутъ ставить мнѣ храмы, какъ божеству?

— Даже и тогда, государыня.

— А помните, что̀ я отвѣчала вамъ на это?

---

[1]) Г. Томасъ! вы, у котораго есть молодость и голосъ лучше моего — вы уже прославили Петра I въ трехъ гимнахъ: я прошу у васъ четвертаго — для Екатерины Второй!

[2]) Титулъ Матери отечества останется за императрицею даже вопреки ея волѣ. Что касается меня, то — если она внушитъ другимъ государямъ такое же милосердіе — я назову ее благодѣтельницею рода человѣческаго.

[3]) Да, государыня, — это правда.

[4]) Заслуга французовъ состоитъ въ томъ, что они воздаютъ мнѣ хвалу на своемъ языкѣ, который сдѣлался, я незнаю почему, языкомъ всей Европы.

[5]) Истина приходитъ съ Сѣвера, подобно тому какъ бездѣлушки — съ Запада!

[6]) Нѣтъ, государыня.

— Простите, всемилостивѣйшая государыня, забылъ: вѣдь я такъ старъ.

— Такъ я напомню вамъ. Я отвѣчала: «Отъ всякаго другого, кромѣ васъ и вашихъ достойныхъ друзей, я не желала бы быть поставленною въ число тѣхъ, которыхъ такъ давно боготворило человѣчество. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни мало во мнѣ самолюбія...

На этомъ словѣ она точно поперхнулась, а старикъ закашлялся...

— Но, продолжала она, поразмысливъ, невозможно желать видѣть себя приравненною лотосамъ, луковицамъ, кошкамъ, телятамъ, шкурамъ звѣрей, змѣямъ, крокодиламъ и всякаго рода животнымъ. Послѣ такого исчисленія, какой человѣкъ пожелаетъ храмовъ! Нѣтъ, лучше оставьте меня на землѣ — я лучше хочу получать ваши письма и вашихъ друзей—Даламберовъ, Дидеротовъ и другихъ энциклопедистовъ...

Въ этотъ моментъ въ «Россика» что-то зашуршало. Изъ какого-то шкафа тихо вылѣзла человѣческая фигура, въ форменномъ камзолѣ и въ парикѣ. Ба! да это старый знакомый, добрѣйшій Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Услыхавъ слово «энциклопедисты», онъ сейчасъ догадался, что ему, вѣрно, предстоитъ «дѣло» — кого-нибудь «взять» и «допросить». Онъ спрятался за спящаго сторожа и выжидалъ удобной минуты. Но онъ жестоко ошибся, услыхавъ послѣдующій разговоръ женщины въ горностаевой мантіи съ мраморнымъ старикомъ.

— А подвигается ли дѣло съ печатаніемъ энциклопедіи? спросила первая.

— Нѣтъ, государыня.

— Почему же?

— Не позволяютъ продолжать.

— О, какая жестокая несправедливость! Повѣрьте мнѣ — всѣ чудеса въ свѣтѣ не въ состояніи смыть пятна отъ помѣшательства печатанію энциклопедіи [1]).

— Что дѣлать, государыня! Не всѣ такъ смотрятъ на печать какъ вы, либеральнѣйшая и мудрѣйшая изъ владыкъ міра.

— Правда, государь мой, я глубоко убѣждена, что свобода печати — великое благо народовъ.

— Къ сожалѣнію, государыня, не всѣ такъ думаютъ.

— Да, истинно жаль... И энциклопедисты преслѣдуются?

— Преслѣдуются, государыня.

— Oh, malheur aux persécuteurs[2])! воскликнула она страстно
Шешковскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Malheur aux pesécuteurs! повторила женщина въ мантіи: они заслуживаютъ того, чтобъ ихъ помѣстили въ разрядъ

---

[1]) Эти слова взяты изъ письма Екатерины II къ Вольтеру.

[2]) Горе преслѣдователямъ!

тѣхъ божествъ, о которыхъ я говорила — змѣй, крокодиловъ и дикихъ звѣрей: вотъ ихъ истинное мѣсто! [1]).

При послѣднихъ словахъ, Шешковскій, блѣдный какъ полотно, снова скрылся въ шкафъ.

У ногъ женщины въ горностаевой мантіи послышался шорохъ. Она оглянулась. У подола ея, шурша атласнымъ платьемъ и выгибая пушистую спинку, терся и ласково мурлыкалъ котикъ царя Алексѣя Михайловича.

— А, это ты, киця! ласково сказала женщина въ мантіи.

Мраморный старикъ скорчилъ лукавую улыбку.

— Даже звѣри несутъ дань удивленія вашему величеству.

Она нагнулась, чтобы погладить котика.

— Кисынька! кисынька! позвала она.

— Кисынька! кисынька! злобно сверкнувъ глазами, отвѣчалъ ей котъ человѣческимъ голосомъ, и, распушивъ хвостъ, прыгнулъ въ свою витрину.

Въ этотъ моментъ изъ-за полотна въ золотой рамѣ тихо выдвинулись двѣ человѣческія тѣни и стали подвигаться къ женщинѣ въ горностаевой мантіи. Но она не видѣла ихъ, стоя лицомъ къ востоку.

— Malheur aux persécuteurs! повторилъ какъ бы про себя мраморный старикъ.

— Malheur! malheur! malheur aux persécuteurs! откликнулись на его слова двигавшіяся къ нему тѣни.

Женщина въ мантіи вздрогнула и обернулась.

— Новиковъ и Радищевъ! чуть слышно прошептала она.

Затѣмъ, гордо поднявъ голову и сдѣлавъ повелительный жестъ рукою, громко сказала:

— Шешковскій!

Степанъ Ивановичъ какъ изъ земли выросъ.

— Что прикажете, ваше императорское величество?

Она жестомъ указала на вытянувшіяся противъ нея тѣни и, не взглянувъ на стоявшаго сзади мраморнаго старика, величественно вошла въ свою золотую раму.

Огонь на жертвенникѣ вспыхнулъ ярко, освѣщая корчившіеся въ пламени листы какихъ-то книгъ, изъ которыхъ на крышкѣ одной ясно вырисовались слова: «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву».

Мраморный старикъ задумчиво воротился въ свое мраморное кресло и снова окаменѣлъ.

. . . .

---

[1]) Тоже изъ письма Екатерины Алексѣевны.

— Ваше превосходительство! ваше превосходительство! раздался голосъ сторожа.

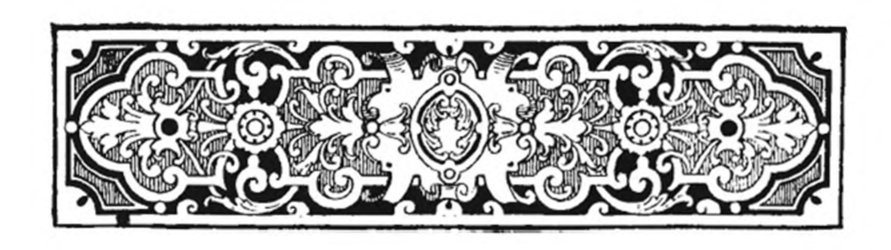
— Что̀! что̀ такое! очнулась сѣдая борода.

— Звонятъ-съ, пора уходить, девять часовъ, сичасъ запрутъ библіотеку.

— А-а! а мнѣ казалось...

Д. Мордовцевъ.

ЗАБЫТЫЙ ТАЛАНТЪ.

HABENT sua fata libelli — одна изъ поговорокъ, обязанныхъ своею популярностью чрезвычайной неопредѣленности или растяжимости своего содержанія. Что она собственно означаетъ? И все и ничего. Переведемъ ее буквально: «и книжки имѣютъ свою судьбу». Разумѣется; что же существующее не имѣетъ своей судьбы, т. е. не подвергается извѣстнымъ перемѣнамъ и уничтоженію? Придадимъ слову «fatum» болѣе спеціальное значеніе, не будемъ его переводить, а только перепишемъ его русскими буквами — получится миѳологическое воззрѣніе, которое не должно бы имѣть мѣсто въ той сферѣ, гдѣ занимаются исторіею книгъ. Сдѣлаемъ логическое удареніе на словѣ sua и спеціализируемъ всю поговорку съ иной стороны; получится противуположное общее мѣсто: «судьба книжекъ и судьба ихъ авторовъ двѣ вещи разныя», пошлая сентенція, примѣнимая и примѣняемая ко множеству разнообразныхъ случаевъ: и къ поздней славѣ сочиненій пренебреженнаго при жизни автора, и къ писателямъ, которыхъ болѣе почитаютъ, чѣмъ читаютъ, и къ подражателямъ, которые оказываются вліятельнѣе оригиналовъ и т. д., и т. д.

Вышеприведенному изреченію можно указать болѣе опредѣленное мѣсто въ книжной торговлѣ, и тогда придется истолковать его такимъ образомъ: курьёзна иногда бываетъ судьба книгъ, и дѣйствія публики часто опровергаютъ всѣ разсчеты издателя. Случается это и въ другихъ странахъ съ болѣе высокой книжной культурой, но само собой разумѣется, у насъ на пространствѣ

20—30 лѣтъ можно найти цѣлый рядъ такихъ курьёзовъ, передъ которыми стушевывается все, на что̀ можетъ указать исторія нѣмецкой книжной торговли за два столѣтія. Укажу 2—3 случая, которые первыми придутъ на память: въ 40-хъ годахъ въ Москвѣ выходилъ сборникъ статей по классической древности «Пропилеи», выходилъ, выходилъ, да и прекратился, за неимѣніемъ сбыта, на 5-мъ, кажется, томѣ. Проходитъ немного лѣтъ, время для изученія классической древности нисколько не становится благопріятнѣе, а «Пропилеи» переиздаются нѣсколько разъ. Наступаетъ гимназическая реформа; въ подобныхъ книгахъ чувствуется сильная потребность, а ихъ ни за какія деньги достать нельзя, и гимназическія библіотекари, у которыхъ случайно находятся во владѣніи 2—3 тома, должны давать ихъ читать, не выпуская изъ рукъ. Въ 50-хъ—60-хъ годахъ, въ той же Москвѣ выходилъ другой спеціальный журналъ: «Лѣтописи русской литературы». Редакторъ-издатель на нихъ потерпѣлъ страшный убытокъ, а въ провинціи онѣ уже и теперь продаются въ полтора раза дороже; скоро дойдутъ до двойной и тройной цѣны. Всѣ 4 выпуска изданныхъ графомъ Кушелевымъ «Памятниковъ» имѣютъ приблизительно одинаковое научное значеніе; но первый и второй выпуски сто̀ятъ у букинистовъ 7—10 рублей, а третій и четвертый рубль, полтора рубля.

Тѣмъ не менѣе и у насъ книжное кладбище, именуемое въ просторѣчіи толкучкою, имѣетъ свои незыблемые законы: если на немъ появляется въ большомъ количествѣ, въ неразрѣзанныхъ экземплярахъ, какая-нибудь книга, ясно, что она не понравилась публикѣ, или, по крайней мѣрѣ, была издана въ бо̀льшемъ числѣ, нежели требовалось; если лежатъ въ аккуратныхъ пачкахъ opera omnia какого-нибудь изъ умершихъ литературныхъ дѣятелей, очевидно, друзья, издавшіе ихъ, увлеклись, перецѣнили, и писатель умеръ вторично и навсегда; современному поколѣнію онъ ничего давать не можетъ; въ журналистикѣ о немъ не пишутъ, а только изрѣдка упоминаютъ.

Лѣтъ 5—6 тому назадъ появились на прилавкахъ именно въ такихъ красивыхъ пачкахъ 8 толстыхъ томовъ сочиненій Дружинина, изданные подъ редакціей недавно умершаго Н. В. Гербеля. Плохо они расходятся; едвали высоко чтятъ его память букинисты, прельстившіеся громадной уступкой и изящнымъ видомъ книгъ. Въ журналистикѣ за послѣдніе 10—15 лѣтъ, сколько помнится, не было ни одной статьи о Дружининѣ, и имя его только изрѣдка мелькнетъ въ «воспоминаніяхъ». Не смотря на то высокое уваженіе, съ которымъ относились къ Дружинину такіе вліятельные люди, какъ Некрасовъ, Дружининъ вторично умеръ и погребенъ.

Заслуживалъ ли онъ этого? Увлеклись ли его друзья, уговорившіе Гербеля предпринять изданіе сочиненій Дружинина? Или

это одинъ изъ тѣхъ курьезовъ, къ которымъ подходитъ поговорка: habent sua fata libelli?

Дружининъ несомнѣнно крупный литературный талантъ, много и съ великой пользою потрудившійся для русской литературы, пренебреженіе къ нему — дѣло временное, объясняющееся рядомъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. распаденіемъ кружка, къ которому принадлежалъ онъ, непопулярнымъ именемъ единственнаго его біографа (Лонгинова), нашимъ исключительнымъ вниманіемъ къ критикамъ-публицистамъ и т. д. Думать, что онъ такъ и останется забытымъ и сочиненія его такъ и будутъ гнить на рынкѣ—значило бы отчаяться въ человѣческой справедливости.

Цѣль настоящей статьи познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ одной изъ сторонъ таланта Дружинина, съ однимъ изъ 8-ми томовъ его сочиненій и заявить всѣмъ, кто лично зналъ А. В. Дружинина, или имѣетъ въ рукахъ его письма и др. документы, что нижеподписавшійся собираетъ матеріалы для этюда о Дружининѣ, какъ поэтѣ, критикѣ и историкѣ литературы. Насколько трудно работать надъ такимъ этюдомъ, не имѣя никакихъ біографическихъ данныхъ, объяснять, конечно, не нужно; а тѣ жалкія свѣдѣнія, которыя даютъ о личности Дружинина статейка М. Лонгинова (при VIII т. Сочиненій) и кое-какія воспоминанія, только способны раздражить любопытство, не удовлетворяя его.

Итакъ, въ ожиданіи матеріаловъ и указаній, начинаемъ нашъ походъ въ пользу заживо погребеннаго покойника.

Если бы все, написанное Дружининымъ, имѣло только интересъ минуты и послѣ его смерти могло бы интересовать однихъ присяжныхъ историковъ литературы, Дружинина не слѣдовало забывать, какъ человѣка, какъ характеръ, какъ отрадное явленіе въ страшно тяжелую эпоху. Александръ Васильевичъ Дружининъ (род. 8-го октября 1824 г., ум. 19-го января 1864 г.) воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, слѣдовательно былъ аристократъ по происхожденію и воспитанію. Дорога передъ нимъ лежала ровная и гладкая, ничего общаго съ литературой не имѣющая. Не имѣя полныхъ 19 лѣтъ отъ роду, онъ уже офицеръ гвардіи. Кому хотя бы по романамъ неизвѣстна жизнь гвардейцевъ того времени, и кто можетъ себѣ представить тогдашняго преображенца или финляндца за письменнымъ столомъ, въ кабинетѣ ученаго или библіофила? Лермонтовскія традиціи дозволяли убивать досугъ на легкое чтеніе, пожалуй при талантѣ на сочинительство, но не на изученіе языковъ и исторіи литературы. Между тѣмъ Дружининъ именно въ это время положилъ начала своей замѣчательно обширной эрудиціи.

21-го года, когда въ наше время молодые люди только держатъ экзаменъ зрѣлости, Дружининъ оставляетъ полкъ и поступаетъ въ

канцелярію военнаго министерства; служилъ ли онъ тамъ въ самомъ дѣлѣ или только числился, мы не знаемъ, да это и не важно: главный интересъ его жизни былъ, во всякомъ случаѣ, не служба, а литература.

Въ 1847 году, стало быть 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ выступаетъ на литературное поприще повѣстью «Полинька Саксъ», которая обратила на себя всеобщее вниманіе и привела въ восторгъ Бѣлинскаго.

Я не буду говорить о другихъ повѣстяхъ и романахъ Дружинина, хотя «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» возбудилъ еще бóльшій восторгъ Бѣлинскаго, но не могу не сказать два слова о «Полинькѣ Саксъ», такъ какъ по опыту убѣдился, что молодому поколѣнію имя Дружинина извѣстно только, какъ имя автора «Полиньки Саксъ».

«Полинька Саксъ»—небольшая повѣсть изъ жизни такъ называемаго большаго свѣта, написанная изящнымъ языкомъ не безъ примѣси французскихъ фразъ, повѣсть, обработывающая избитую тэму о такъ называемомъ паденіи женщины. Такія повѣсти въ тогдашнихъ журналахъ появлялись десятками и забывались сейчасъ же по прочтеніи. Въ повѣсти, кромѣ того, много юношескаго, незрѣлаго; характеръ князя Галицкаго не ясенъ или не выдержанъ; окончаніе отзывается мелодрамой. Что же выдвинуло эту повѣсть изъ ряда подобныхъ ей произведеній?

Во-первыхъ, если можно такъ выразиться, сердечность, которой проникнутъ весь разсказъ: авторъ не только дѣлаетъ для насъ симпатичнымъ бѣднаго Сакса, который такъ сильно любитъ свою маленькую жену со всѣми ея маленькими слабостями и дѣлаетъ по своей вспыльчивости рядъ самыхъ непростительныхъ ошибокъ; не только саму Полиньку, женщину-ребенка, которой приходится испытывать, съ ея слабенькими душевными силами, безпримѣрное бѣдствіе—полюбить своего перваго мужа послѣ того, какъ она измѣнила ему, развелась съ нимъ и вышла замужъ за другаго, но до извѣстной степени и самого обольстителя, князя Галицкаго, который, послѣ великодушнаго поступка Сакса, высказываетъ въ откровенномъ письмѣ къ сестрѣ, что онъ готовъ молиться на этого человѣка, и который потомъ дѣйствительно молится на свою несчастную жену, хотя и чувствуетъ, что она его не любитъ; даже взяточникъ и казнокрадъ, статскій совѣтникъ Писаренко, на одну минуту симпатиченъ читателю; вліяніе, которое имѣетъ на него умная и хорошая жена, до извѣстной степени примиряетъ насъ съ его мерзкимъ поведеніемъ. Доброе сердце, оптимизмъ автора, не дѣлаетъ его сантиментальнымъ, не мѣшаетъ художественной правдѣ, какъ это можно видѣть на томъ же Писаренкѣ: получивъ 30,000 за то, что онъ удержалъ Сакса на слѣдствіи и далъ возможность князю Галицкому обольстить жену Сакса,

онъ въ негодованіи бросаетъ билетъ на землю, но успокоившись поднимаетъ его и бережно прячетъ въ карманъ.

Далѣе: повѣсть, при своемъ незначительномъ объемѣ и шаблонности тэмы, имѣетъ и гражданское значеніе: Саксъ по своей служебной дѣятельности — прототипъ Калиновича, безъ слабостей и мелочности послѣдняго; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей русскихъ (несмотря на нѣмецкую фамилію), которые въ тяжелое время казнокрадства, взяточничества и преступнаго ко всему равнодушія, боролись, какъ умѣли, за правду и поддерживали чуть тлѣющій огонь среди непроглядной тьмы.

Наконецъ, и это на мой взглядъ всего важнѣе, эта повѣсть — своего рода подвигъ и что̀ особенно дорого, подвигъ безсознательный. Авторъ мимоходомъ, не придавая этому значенія, устами своего героя, мужа Полиньки Саксъ, высказываетъ убѣжденіе, что такъ называемое паденіе женщины, вслѣдствіе минутной вспышки, для человѣка, искренно любящаго — вздоръ, т. е. въ томъ смыслѣ вздоръ, что это не можетъ разбить его жизнь окончательно, а только временно, хоть и глубоко, огорчить его.

«Или, пишетъ Саксъ своему пріятелю, это одна неосторожная вспышка, «кончившаяся паденіемъ», какъ говорятъ романисты? О, еслибъ это было такъ! Я бы съумѣлъ воротить прошедшее, зажать ротъ Галицкому! Такая любовь, какъ моя, не распадается съ одного разу».

Припомнимъ, чему тогда учили нашихъ барышень, какъ готовили ихъ къ жизни, какъ выдавали ихъ замужъ? Подумаемъ, въ чемъ молодая женщина, такъ воспитанная, но не лишенная душевной силы и самолюбія, могла выказать себя, какъ не въ томъ, чтобы пріобрѣсти хвостъ поклонниковъ и одерживать «побѣды»? Подумаемъ, сколько женщинъ въ то время, и женщинъ въ сущности порядочныхъ, могли очутиться въ положеніи Полиньки Саксъ? Сколько изъ нихъ, разъ попавши на эту дорогу, потомъ дѣлались чуть не Мессалинами, вслѣдствіе установившагося взгляда въ обществѣ, установившагося до того прочно, что, повидимому не было силы, способной поколебать его! И сколько порядочныхъ женщинъ спаслось бы отъ обмана и нравственной гибели, еслибъ этотъ взглядъ измѣнился? Какъ много нужно было смѣлости, исходящей изъ сердца, а не изъ самолюбія, какъ много любви къ истинѣ, чтобы сдѣлать въ 1847 году героемъ свѣтской повѣсти рогатаго мужа, выдающаго свою жену замужъ за обольстителя?

Вдумаемся въ этотъ моментъ повѣсти и мы невольно вспомнимъ извѣстную сцену съ блудницей: кто первый бросить въ нее камень? Иди и не грѣши!...

За «Полинькой Саксъ» вскорѣ послѣдовали двѣ повѣсти и романъ въ двухъ частяхъ. Что похвалы читателей и критики, знакомство съ лучшими представителями литературы, могли воодушевить юнаго

гвардейца къ творческой дѣятельности — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; къ тому же, по словамъ современниковъ, именно тогда на счетъ цензуры—на время полегчало. Но вотъ что удивительно: когда въ 1848 году надъ литературой и просвѣщеніемъ русскимъ грянули громы небесные, когда члены литературнаго петербургскаго кружка самымъ существованіемъ своимъ уже совершали государственное преступленіе, бывшій пажъ и гвардеецъ не только не отказался отъ «баловства», а напротивъ, отдался литературѣ всѣми силами своего бойкаго ума и слабаго тѣла; мало того, онъ, очевидно, безъ всякаго внѣшняго понужденія сдѣлался журнальнымъ поденщикомъ въ самое страшное для литературы время.

Говорятъ: кто не переживалъ этой поры, тотъ не можетъ судить о всѣхъ ея прелестяхъ. Весьма вѣроятно; но чтобы получить общее представленіе, достаточно и разсказовъ, достаточно даже прочесть внимательно послѣднія страницы Пыпинской біографіи Бѣлинскаго, которая изображаетъ только предвкушеніе послѣдующаго.

И въ это-то время, когда, по грубоватому выраженію Алмазова, всякій практичный человѣкъ «нѣмъ былъ какъ чурбанъ», 25-ти-лѣтній гвардеецъ выступаетъ въ особенно подозрительномъ «Современникѣ», какъ наслѣдникъ нарочито подозрительнаго Бѣлинскаго.

Это уже не смѣлость, а отчаянная дерзость: съ одной стороны небывалая придирчивость цензуры, съ другой непомѣрно высокія требованія избалованныхъ читателей. Какъ онъ справлялся съ первой, мы узнаемъ изъ некролога, составленнаго Некрасовымъ: «Онъ обладалъ, между прочимъ, удивительною силою воли и замѣчательнымъ характеромъ. Услыхавъ о затрудненіи къ появленію въ свѣтъ статьи, только что оконченной, онъ тотчасъ же принимался писать другую. Если и эту постигала та же участь, онъ, не разгибая спины, начиналъ и оканчивалъ третью»...

Какъ онъ послѣ Бѣлинскаго удовлетворялъ требованіямъ публики, объ этомъ въ настоящей статьѣ говорить не мѣсто; во всякомъ случаѣ «Письма иногороднаго подписчика» не посрамили журнала, а статьи о старыхъ романахъ были пріятной новинкой для читателей «Современника».

Разборы пяти романовъ, напечатанные въ «Современникѣ» за 1850 годъ, и затѣмъ рядъ статей по исторіи англійской литературы («Джонсонъ и Босвель», «Жизнь и произведенія Шеридана», «Георгъ Краббъ», «Вальтеръ-Скоттъ и его современники» и т. д.) — другая важная причина не забывать Дружинина. Наша литература двѣсти лѣтъ въ тѣснѣйшей связи съ литературами западной Европы; долго жила она только чужимъ умомъ. А между тѣмъ много ли у насъ сдѣлано для ознакомленія нашей публики съ духовной жизнью запада? Такія классическія произведенія, какъ

исторія нѣмецкой поэзіи Гервинуса у насъ остаются не переведенными, а про оригинальныя статьи и говорить нечего. Что и было написано ex officio, то или такъ небрежно сдѣлано, что тогда же не имѣло значенія, или изложено такъ тяжело, что нѣкоторая устарѣлость фактовъ уже черезъ 10 лѣтъ лишала книгу всякаго значенія. Иначе сказать: писали по иностранной литературѣ или спеціалисты или диллетанты; первые писали скучно и тяжело; вторые — ужъ слишкомъ легковѣсно; первые стремились сказать что-нибудь свое, оригинальное, и въ читателяхъ предполагали больше знаній, нежели у нихъ было на самомъ дѣлѣ; вторые понимали читателей какъ слѣдуетъ, но не знали предмета, о которомъ писали, и компилировали, перевирая факты изъ двухъ, трехъ популярныхъ книжекъ. Дружининъ не былъ присяжнымъ ученымъ, но по широтѣ литературнаго образованія, по начитанности, даже въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ, такъ требовательномъ въ этомъ отношеніи, представлялъ феноменальное явленіе; о той небрежности, неопрятности въ работѣ, которая вошла у насъ въ моду съ начала 60-хъ годовъ, тогда не имѣли и понятія; а со стороны изложенія статьи такого мастера дѣла, какъ присяжный фельетонистъ «Современника», разумѣется, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Вотъ почему статьи Дружинина объ англійской литературѣ, статьи, составляющія два почтенные тома по 800 страницъ каждый, до сихъ поръ, черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ своего появленія, можно съ бо̀льшимъ правомъ и надеждой на успѣхъ рекомендовать студентамъ и студенткамъ, нежели десятки книгъ, вышедшихъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Мало того: этими статьями Дружининъ принесъ косвенно пользу нашей наукѣ, нашимъ университетамъ: 10 лѣтъ въ двухъ популярнѣйшихъ журналахъ человѣкъ пробуждалъ интересъ не только къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, но и къ Босвелю и даже къ романамъ XVI и XVII вѣковъ; когда въ 60-хъ годахъ составляли новый уставъ для университетовъ, конечно, расширяя программу филологическаго факультета, сообразовались не съ его статьями; но въ томъ, что основаніе новой каѳедры — исторіи всеобщей литературы было такъ сочувственно принято нашимъ обществомъ и печатью, мы видимъ отчасти результатъ дѣятельности Дружинина.

Наше время — царство фельетона; ученый, который черезъ 100—200 лѣтъ пожелаетъ изслѣдовать среду, въ которой жили дѣятели 80-хъ годовъ XIX столѣтія долженъ будетъ обратить главное вниманіе не на «Сборникъ Государственныхъ Знаній» не на «Вѣстникъ Европы», а на газетные фельетоны и фельетонныя газеты. Въ столицахъ газеты послѣдняго рода расходятся въ невѣроятномъ количествѣ; въ читальныхъ кабинетахъ провинціи они треплятся болѣе всѣхъ другихъ; въ большой газетѣ фельетонъ читается вслѣдъ за телеграммами и главнымъ образомъ обезпечиваетъ успѣхъ от-

дѣльнаго нумера и цѣлой газеты; нѣкоторыя изъ нашихъ первоклассныхъ романистовъ приспособляютъ свои повѣсти къ размѣру и отчасти къ тону фельетона; литературная критика исключительно сосредоточилась въ фельетонѣ; нашъ наиболѣе выдающійся писатель, который окраситъ своимъ именемъ цѣлый періодъ, въ послѣднія 5—6 лѣтъ высказывается исключительно въ формѣ фельетона и только благодаря этой невинной формѣ можетъ высказываться; нашъ романъ, наша драма, приняли фельетонный характеръ; всякій начинающій писатель имѣетъ успѣхъ постольку, поскольку онъ обладаетъ талантомъ фельетониста —легко говорить о

А. В. Дружининъ.

серьезныхъ вещахъ. Короче сказать, фельетонъ есть единственный пунктъ, гдѣ еще бьется пульсъ нашей умственной жизни.

Къ несчастію, количество фельетонныхъ талантовъ у насъ отнюдь не соотвѣтствуетъ потребности въ нихъ и по необходимости за фельетонъ берутся люди, способные писать въ какомъ угодно другомъ родѣ, только не въ этомъ. Многіе изъ этихъ фельетонистовъ по неволѣ даже представленія не имѣютъ о тѣхъ въ сущности очень высокихъ требованіяхъ, которыя должны прилагаться къ ихъ произведеніямъ; одни изъ нихъ готовы печатать въ нижнемъ этажѣ газетъ не только передовыя статьи, но чуть не диссертаціи; другіе, своимъ балаганнымъ гаэрствомъ и нравственной неопрятностью, сдѣлали слово фельетонный почти браннымъ.

Дружининъ — царь фельетонистовъ; «блескъ, живость, занимательность» его фельетоновъ признаетъ Некрасовъ, въ этомъ дѣлѣ судья, какъ извѣстно, очень компетентный; фельетоны Дружинина, собранные въ VIII томѣ его сочиненій, можно читать съ пользою и удовольствіемъ теперь, 35 лѣтъ спустя, читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль, врѣжется въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности—Лукьяна или фельетониста вѣка просвѣщенія—Вольтера. Разница въ томъ, что великіе остроумцы прошлаго: Лукьянъ, Эразмъ Роттердамскій, Свифтъ, Вольтеръ, въ общемъ производятъ тяжелое впечатлѣніе, внушаютъ презрѣніе къ человѣку и человѣческому обществу; не претендующій на широкое міровое значеніе «Петербургскій Туристъ»—человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, и чтеніе его замѣтокъ примиряетъ читателя съ жизнью и съ человѣкомъ, успокоиваетъ, утѣшаетъ, научаетъ любить и прощать. Какъ ни странно можетъ это показаться для многихъ, я рѣшаюсь утверждать, что въ отношеніи вліянія на душу, на нравственные взгляды читателя, легковѣрный «Туристъ», крайній западникъ, сходится съ великимъ гуманистомъ-художникомъ — Ѳ. М. Достоевскимъ.

Съ этого пункта я и начну свое обозрѣніе VIII фельетоннаго тома сочиненій Дружинина.

Какъ бы ни расходились критики въ пониманіи и оцѣнкѣ романовъ Достоевскаго, едва ли кто нибудь изъ нихъ будетъ спорить противъ того, что защита правъ сердца и антипатія къ холодному практическому разсудку, къ поклонникамъ успѣха, къ самодовольному ограниченному эгоизму, есть одна изъ наиболѣе выдающихся его характерныхъ особенностей. Въ то время, какъ авторъ «Обыкновенной исторіи» заставляетъ читателя колебаться между тупоидеальнымъ племянникомъ и слишкомъ практичнымъ дядей, а черезъ нѣсколько лѣтъ приклеиваетъ къ русскому благодушію и мягкосердечію позорный ярлыкъ Обломовщины; въ то время, какъ Писемскій превращаетъ это благодушіе въ Баклановскую преступную безхарактерность и распутство, Ѳ. М. Достоевскій отъ «Бѣдныхъ людей» и до «Братьевъ Карамазовыхъ» включительно освѣщаетъ дивнымъ свѣтомъ любви, истины и красоты убогихъ, забитыхъ, неразумныхъ идеалистовъ.

Насколько можно по сочиненіямъ и некрологу составить понятіе о личности Дружинина, онъ, по первому впечатлѣнію, и въ хорошемъ и въ дурномъ—полная противуположность Достоевскому: блестяще образованный, горячій поклонникъ западной культуры, грѣшащій подъ часъ индифферентизмомъ, подъ часъ способный зубоскалить надъ тѣмъ, что должно бы вызывать не смѣхъ, а слезы, человѣкъ «на видъ холодный и принужденный, щеголевато одѣтый и съ изящными манерами», что могъ имѣть онъ общаго съ

геніальнымъ Христа-ради юродивымъ, вдохновеннымъ, необузданнымъ пророкомъ, разрывавшимъ свое и чужое сердце, вѣчно плакавшимъ кровавыми слезами, при своемъ громадномъ художественномъ талантѣ, лишенномъ малѣйшей капли остроумія?

А, между тѣмъ, была общая черта, именно та черта, которая, прежде всего остального, превращаетъ слово писателя въ дѣло, дѣлаетъ забавника подвижникомъ и героемъ—это любящее сердце и «безконечная доброта души».

У Достоевскаго и у Дружинина общая антипатія — положительный человѣкъ.

Вотъ что пишетъ Дружининъ по поводу появленія 1-й части «Обыкновенной исторіи»:

«Нѣчто о положительномъ человѣкѣ

> На свѣтъ взиралъ онъ очень строго,
> Пройдохой слылъ,
> И денегъ накопилъ онъ много,
> Но жить забылъ.
>
> (стр. 182)

«Что такое положительный человѣкъ? отчего этого слова не было слышно до настоящаго девятнадцатаго столѣтія, и почему человѣкъ петербургскій привыкъ себя считать особливо положительнымъ человѣкомъ, нарочито положительнымъ человѣкомъ, человѣкомъ положительнѣйшимъ, въ ущербъ всѣмъ другимъ смертнымъ? Послѣдній пунктъ изъ всѣхъ трехъ вопросныхъ пунктовъ занимаетъ меня въ особенности—можетъ быть потому, что кромѣ меня никто имъ не интересуется! Положительные люди ликуютъ и кичатся, не встрѣчая ни откуда ни отпора, ни запроса, ни шутки; все преклоняется передъ положительнымъ человѣкомъ и даетъ ему дорогу не безъ подобострастія. Даже самые денди и фаты, на которыхъ я нападалъ недавно, трепещутъ положительнаго человѣка и серьезно кланяются положительному человѣку! Онъ всюду идетъ смѣло, на всѣхъ смотритъ свысока, знаетъ, что ему всѣ удивляются и что всѣ пишутъ съ него портреты. Талантливый авторъ «Обыкновенной исторіи» пытался было позвать на судъ положительнаго человѣка, олицетворилъ его въ лицѣ своего Петра Ивановича, и что же? кончилъ тѣмъ, что самъ преклонился передъ своимъ созданіемъ, и мало того, принесъ ему въ жертву своего молодаго героя! И всѣ нашли автора правымъ, и всѣ пустились гладить по головкѣ его Петра Ивановича, признавая въ немъ идеалъ положительныхъ людей, чадо нашего столѣтія, вѣрнаго собрата образованному читателю. Племяннику Петра Ивановича досталась одна насмѣшка: дядя получилъ лавровые вѣнки, племянника отдули лавровымъ прутомъ! Одинъ я, Петербургскій Туристъ, отказалъ въ своей хвалѣ Петру Ивановичу и вполнѣ перешелъ на сторону Адуева. Я сознавалъ правоту и разумность юноши; я ви-

дѣлъ ясно, что посреди жизненной комедіи не Петръ Ивановичъ, но его вѣтряный племяннникъ оказывался мудрецомъ, счастливцемъ, побѣдителемъ,—произнесемъ слово: положительнымъ человѣкомъ. Такъ, господинъ авторъ «Обыкновенной Исторіи» ...вашъ юный герой есть истинно-положительный человѣкъ, ибо онъ жилъ, страдалъ, наслаждался, запасался воспоминаніями, любилъ и плакалъ, провелъ свою молодость не по пустому, въ то время, какъ вашъ ложно-положительный, Петръ Ивановичъ, прозябалъ на бѣломъ свѣтѣ, зѣвалъ, скучалъ, убивалъ свое сердце и умъ на пріобрѣтеніе капитала, имѣющаго достаться, послѣ его смерти, молодому Адуеву, и хорошо еще, если Адуеву, а не троюродному племяннику, нетрезваго поведенія! Къ чему же привели Петра Ивановича его положительность, его знаніе коммерческихъ дѣлъ? Къ чему привели его связи, шатанье по переднимъ? надъ его прахомъ прольетъ слезу одинъ лишь человѣкъ — тотъ же молодой племянникъ, наслѣдникъ дядюшкиныхъ имуществъ и бывшій страдалецъ ферулы положительнаго человѣка! Кто же изъ двухъ выигралъ партію? Кто прожилъ жизнь не напрасно? Кто, слѣдовательно, стоитъ имени положительнаго человѣка!»

«Петербургскій Туристъ» увѣряетъ, будто онъ съ юности интересовался положительнымъ человѣкомъ, и рядомъ опытовъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ на свѣтѣ ничего нелѣпѣе, безумнѣе положительнаго человѣка. Петръ Ивановичъ вѣчно скученъ. Отъ чего? Онъ слишкомъ положительный человѣкъ, чтобы смѣяться. Петръ Ивановичъ ничего не читаетъ, кромѣ торговыхъ объявленій, добровольно лишаетъ себя одного изъ высокихъ наслажденій жизни. Отчего? Онъ слишкомъ положительный человѣкъ, чтобы тратить время на пустяки. Петръ Ивановичъ, имѣя собственное состояніе, женился изъ разсчета на вдовѣ, «отъ вида которой становится за человѣка страшно». Зачѣмъ? Онъ слишкомъ положителенъ, чтобы жениться по любви. Кому же хуже? «Послѣдній школьникъ, издерживающій свой послѣдній гривенникъ на покупку леденцовъ съ патокой, практичнѣе этого новобрачнаго: школьникъ любитъ леденцы съ патокой; онъ счастливъ въ тѣ минуты, когда карманъ его полонъ сказанными леденцами. И Петръ Ивановичъ зоветъ себя положительнымъ человѣкомъ! Да гдѣ же тутъ положительность? Не фантазеръ ли онъ, плачевнѣйшій изъ фантазеровъ? Принимать желтое, старое, кислое лицо за прелестное личико, развѣ это не манія, не безуміе? Искать чужаго состоянія, имѣя свое — развѣ это не тоже, что кончивъ обѣдъ у себя дома, идти, наперекоръ природѣ, на обѣдъ къ своему пріятелю?» и т. д.

По свойственной ему манерѣ, Дружининъ иллюстрируетъ свою мысль разсказомъ; онъ выводитъ на сцену двухъ братьевъ Пигусовыхъ; старшій былъ когда-то милымъ юношей, но въ Петербургѣ слишкомъ понабрался положительности и сталъ невыносимъ для

автора. У него есть мадшій братъ Сережа, котораго онъ точитъ за недостатокъ положительности. Этотъ Сережа — очевидная попытка очистить молодаго Адуева отъ смѣшной наивности и ложной, фразистой сантиментальности, такъ мѣтко схваченныхъ реалистомъ Гончаровымъ. Въ настоящемъ разсказѣ старшій Пигусовъ ругаетъ младшаго за то, что онъ просидѣлъ лишній мѣсяцъ въ деревнѣ, внезапно увлекшись Шекспиромъ. Услыхавъ о преступленіи Сергѣя Пигусова, авторъ разцѣловалъ его и сказалъ:

«Милый, добрый, славный юноша, ты правъ и болѣе, чѣмъ правъ: ты молодъ такъ, какъ всякій человѣкъ долженъ быть молодъ въ свое время. Проси Бога о томъ, чтобы онъ надолго сохранилъ въ тебѣ свѣжую юность духа; проси Его о томъ и, не дремля самъ, храни свою молодую воспріимчивость, какъ священный огонь, какъ лучшее благо всей жизни! Я тебя оправдываю вполнѣ. Ты упалъ во мнѣніи графа Антона Борисыча, ты пропустилъ аферы Лимонщикова, не видалъ выгодныхъ невѣстъ; но ты провелъ мѣсяцъ своей жизни въ компаніи лицъ, передъ которыми прахъ всѣ Антоны Борисовичи и богачи Лимонщиковы. Передъ тобой прошелъ плѣнительный образъ Корделіи; ты присутствовалъ при ссорѣ Кассія съ Брутомъ; ты рыдалъ, глядя, какъ мать Коріолана кидается на колѣни передъ непреклоннымъ сыномъ; ты пѣлъ серенаду подъ мраморнымъ балкономъ Джульеты; ты пировалъ въ тавернѣ съ серомъ Джономъ Фальстафомъ... Тебѣ скажутъ, что ты рыдалъ и хохоталъ надъ фантазіями — не вѣрь подобной рѣчи: такая фантазія выше дѣйствительности, особенно, если дѣйствительность является намъ въ видѣ Лимонщикова и дѣвицъ страшнаго вида, но съ богатымъ придапымъ. Антонъ Борисычъ есть фантазія, а Пукъ и Титанія — дѣйствительность. И, наконецъ, резюмируя весь споръ, можно сказать одно только: ты былъ счастливъ около 30 дней сряду. Пусть твои обвинители найдутъ въ своей жизни за послѣдній годъ тридцать счастливыхъ дней и еще тридцать счастливыхъ дней сряду!»

Сережу Пигусова Дружининъ выводитъ еще въ двухъ фельетонахъ: онъ находитъ его безконечно счастливымъ поздней осенью на холодной дачѣ съ молодой женой безприданницей и еще позднѣе добываетъ для него хорошее вполнѣ обезпечивающее его мѣсто у честнаго, хоть и слабохарактернаго начальника.

Уже изъ приведенныхъ мѣстъ очевидно, съ какой оговоркой слѣдуетъ принимать положеніе о тожествѣ одного изъ главныхъ мотивовъ у Достоевскаго и Дружинина: Достоевскій клянетъ, рветъ на части положительнаго человѣка, изображаетъ его извергомъ, приносящимъ несчастіе и другимъ и себѣ, копается въ его демонской душѣ, какъ въ отвратительномъ, гніющемъ трупѣ и только до извѣстной степени примиряется съ нимъ тогда, когда ставитъ его въ положеніе невмѣняемости; Дружининъ благодушно и поверх-

ностно подсмѣивается надъ его тупостью и ограниченностью; міръ перваго—«стонъ погибающихъ за великое дѣло любви»; міръ втораго — веселые, добродушные люди, негонящіеся за приманками тщеславія, умѣющіе пользоваться всѣми благами цивилизованной жизни въ удовольствіе себѣ и другимъ. Дружининъ самъ прекрасно понимаетъ, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ фельетонахъ, сфера его исключительно шутка (см. стр. 467), но шутка умнаго фельетониста не должна быть безцѣльна и эфемерна; у ней высокая задача: «казнить людскіе пороки и располагать своихъ ближнихъ къ веселой философіи» (стр. 465).

Опредѣляя такъ свои заслуги, Чернокнижниковъ (фельетонная подпись Дружинина) беретъ на себя съ одной стороны слишкомъ много, съ другой слишкомъ мало: пороковъ онъ не казнитъ и не касается, а преслѣдуетъ мелкіе недостатки петербургскаго и вообще русскаго человѣка (недостатки, отъ которыхъ, впрочемъ, общество страдаетъ болѣе, чѣмъ отъ пороковъ), но за то философія, къ которой онъ располагаетъ читателя, не только веселая, но если можно такъ выразиться за непереводимостью нѣмецкаго gemüthlich, задушевно-добрая, размягчающая сердце.

Укажу нѣсколько примѣровъ. Какимъ Диккенсовскимъ юморомъ и душевною теплотою дышетъ незатѣйливый по замыслу разсказъ о томъ, какъ нѣсколько добродушныхъ весельчаковъ, ненавистниковъ хорошаго тона, устроили на масляницѣ импровизированный пикникъ въ какомъ-то подгородномъ трактирѣ и мимоходомъ сдѣлали доброе дѣло: откупили у нѣмца, содержателя балагана, полузамерзшихъ танцовщицъ изъ подгородныхъ крестьянокъ и, угостивъ ихъ, отправили домой! [1]).

Какой пріятной неожиданностью поражаетъ примирительное заключеніе Музыкальнаго Фельетона № 2 (стр. 431), о томъ, какъ авторъ, принявъ хорошенькую горничную бѣдной концертантки за саму музыкантшу, прокричалъ о ней въ газетахъ и собралъ массу публики на концертъ къ ней! Какъ трудно удержаться отъ дрожанія голоса, читая въ слухъ разсказъ изъ пансіонскихъ годовъ автора (стр. 485), разсказъ, который въ Германіи или Англіи былъ бы десять разъ передѣланъ въ дѣтскую повѣсть! Какой задушевностью проникнутъ весь фельетонъ о гуляньи на вербахъ (стр. 203), въ которомъ антипатія къ людямъ моды и разсудка, и симпатія къ добродушнымъ, полнымъ чувства и поэзіи, чудакамъ въ родѣ Перефинуса Тика (иначе сказать — къ героямъ Достоевскаго), высказана съ замѣчательной тонкостью анализа и убѣдительностью! Да, наконецъ, все «Сантиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ» заставлявшее до упаду хохо-

---

[1]) Стр. 222, «Масляничная исторія о моей поѣздкѣ въ Мадагаскаръ съ господами въ теплыхъ фуражкахъ».

тать нашихъ отцовъ и старшихъ братьевъ, есть лучшее доказательство способности Дружинина отыскивать добрыя человѣческія чувства, идеализмъ и высокую честность въ петербургскихъ гризеткахъ и фланерахъ и въ то же время умѣнья казнить все ложное, напускное, искусственно-вздутое.

Чрезвычайно характерно и оригинально отношеніе Дружинина къ Петербургу. Извѣстно, что сѣверная Пальмира послѣ блаженной памяти классическихъ лириковъ рѣдко удостоивалась похвалъ со стороны нашихъ литераторовъ. Петербургъ и петербургскую жизнь беллетристы берутъ или какъ необходимое зло, или поносятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и городъ и его жителей. Дружининъ, конечно, не можетъ хвалить петербургскую природу и подъ часъ подсмѣивается надъ ней очень остроумно (см. стр. 66 и др.); не можетъ возбуждать его симпатіи ни петербургскій бомондъ съ надутыми Антонъ Борисычами и ломаными Идами Богдановнами, ни большинство петербургскаго средняго общества, живущее на показъ, ради журъфиксовъ и другихъ проявленій тщеславія (см. стр. 247). Но въ сущности Дружининъ страстно любитъ Петербургъ и искренно поэтизируетъ его въ такой степени, что у провинціала, который внимательно перечтетъ его фельетоны, непремѣнно явится на нѣкоторое время сильное желаніе посмотрѣть мѣста подвиговъ Ивана Чернокнижникова и его остроумныхъ друзей. Петербургскій Туристъ, можно сказать, Колумбъ поэтическаго Петербурга; въ темныхъ углахъ Васильевскаго острова, въ забытыхъ палаццо за Нарвской заставой, въ грязныхъ подгородныхъ трактирахъ, на дачахъ Черной рѣчки и Крестовскаго острова Туристъ открылъ неизсякаемые родники юмора и безконечныя гирлянды поэтическихъ картинокъ и силуэтовъ. Съ замѣчательной дерзостью онъ объявляетъ устами одного товарища по профессіи, что петербургскія дачи и «Минеральныя воды» Излера для него милѣе всѣхъ деревенскихъ красотъ.

«Вы, люди имѣющіе возможность жить на Черной рѣчкѣ, уѣзжаете въ провинцію!.. Неужели вы не увлекаетесь этими милыми мѣсяцами, когда весь Петербургъ живетъ на воздухѣ, рѣзвится и наслаждается, когда цвѣты пестрѣютъ повсюду, милыя дамы въ прюнелевыхъ ботинкахъ порхаютъ по алеямъ, многолюдныя семейства пьютъ чай на балконахъ, дилижансы трубятъ, пароходы пыхтятъ; и зданіе минеральныхъ водъ потрясается отъ общихъ ликованій? Если вы не любите Петербурга въ это время, то вы изверги! Что проку, что мы сидимъ здѣсь посреди горъ и озеръ, въ красивомъ мѣстоположеніи, возлѣ лѣсу и пустаго саду, похожаго на лѣсъ? Кто съиграетъ намъ польку, кто пропоетъ намъ хоромъ «изъ подъ камешка»? Какая прюнелевая ботинка мелькнетъ по дорожкѣ? Деревня—дрянь, и я отдаю всевозможныя красоты природы за раскрашенный кактусъ изъ холстины, одинъ изъ тѣхъ

кактусовъ, какіе бывали у Излера во время «настоящихъ индѣйскихъ ночей». Я былъ молодъ, сидя подъ этимъ кактусомъ, и много драмъ разыграно было подъ кактусомъ изъ крашеной холстины! На что мнѣ ваши жасминные кусты и бѣлыя розы? Они не дадутъ мнѣ юности, не перенесутъ на минеральныя воды, не замѣнятъ мнѣ холстиннаго кактуса!» (287)... «И я былъ въ Аркадіи, прибавляетъ авторъ: и у меня былъ свой крашеный кактусъ изъ холстины»!

Способность отыскивать высшую духовную красоту въ некрасивомъ есть характерная черта всѣхъ лучшихъ представителей поэзіи нашего вѣка: Диккенса, В. Гюго и Достоевскаго.

Бывшій пажъ и гвардеецъ, самъ, по словамъ Лонгинова, одѣтый какъ денди и отличавшійся изяществомъ манеръ, Дружининъ ненавидитъ хорошій тонъ, если онъ проявляется не въ деликатности по отношенію ко всѣмъ и каждому, не въ высшей культурѣ, а въ погонѣ за модою, въ нелѣпомъ обезьянничаньѣ передъ западомъ, въ презрѣніи ко всему родному, начиная съ языка, и въ особенности въ страхѣ уронить себя передъ безсмысленнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ преслѣдуетъ этотъ хорошій тонъ чуть не на всѣхъ 750 страницахъ своихъ фельетоновъ. Нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, читая, какъ Чернокнижниковъ и его пріятели, нарядившись въ теплыя фуражки и подпоясавши кушакомъ скверныя шубы, ловили своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ и позорили ихъ своимъ сообществомъ. Всякая нелѣпая мода отъ невинной потишоманіи (поддѣлки фарфора) до спиритизма включительно, подвергалась его невинной по виду, но въ сущности очень ядовитой насмѣшкѣ. Фельетонъ о спиритизмѣ, въ которомъ онъ пользуется старымъ, но всегда дѣйствительнымъ орудіемъ доведенія до абсурда, можно было перепечатать съ громнымъ успѣхомъ 10 лѣтъ назадъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ перепечатать еще черезъ 5 или 10 лѣтъ. Доброе сердце его оказывается и въ этихъ, по преимуществу злобныхъ, фельетонахъ: жестоко казня моду, онъ, если можетъ, щадитъ людей, хотя эти люди—плоды его же фантазіи. Разсказавъ въ одномъ изъ первыхъ фельетоновъ за 1855 годъ о своемъ зазнавшемся пріятелѣ, который, выйдя въ люди, сталъ подбирать въ своей вазѣ аристократическія карточки и былъ за то казненъ Чернокнижниковымъ и его друзьями (они на большомъ балу подмѣнили всѣ эти карточки архиплебейскими), онъ заставляетъ новоиспеченнаго аристократа повиниться и извлечь полезный урокъ у посрамленія. Наивный, но симпатичный пріемъ.

За то, если Дружининъ создаетъ типъ нераскаяннаго жреца хорошаго тона и аристократическаго чванства, онъ преслѣдуетъ его неустанно и безъ жалости. Такимъ типичнымъ лицомъ является у него графъ Антонъ Борисовичъ. Съ нимъ онъ окончательно сводитъ свои счеты за границею (Русскіе за границею:

эпизодъ третій: «Туристъ величавый»), гдѣ графъ, невѣжливо отказавшій его спутнику въ дозволеніи закурить папиросу, принужденъ былъ съ своими величественными дамами бѣжать изъ поѣзда, такъ какъ невинная фраза спутника Туриста, что графъ «высокая обоего пола особа» дала поводъ сидѣвшему тутъ же нѣмцу составить самое странное понятіе о русскомъ вельможѣ и сдѣлала его предметомъ нелестнаго любопытства всего поѣзда.

Два слова по поводу манеры Дружинина обрисовывать типы. Во всѣхъ его фельетонахъ, писанныхъ не для одного, а для многихъ журналовъ, дѣйствуютъ постоянно одни и тѣ же лица, только въ разныхъ положеніяхъ; иныя изъ нихъ вводятся постепенно съ характеристиками; другія становятся понятными и характерными послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ и явленій; манера, какъ извѣстно, старая, практиковавшаяся еще въ первыхъ англійскихъ журналахъ, практикуемая и до сихъ поръ съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ юмористами всѣхъ странъ. Но немного юмористовъ, у которыхъ эти постоянные персонажи одѣвались бы въ такой степени плотію и кровью. Здѣсь я не намѣренъ говорить о Дружининѣ, какъ романистѣ; замѣчу только, что еслибы онъ не написалъ ни одной повѣсти, по типамъ его фельетоновъ въ немъ признали бы значительный художественный талантъ, и можетъ быть, признали бы охотнѣй, чѣмъ признаютъ теперь.

Дружининъ, какъ было сказано выше, западникъ; до-петровскую Русь очевидно онъ не одобряетъ; онъ не восторгается русской самобытностью и русскимъ духомъ и убѣжденъ повидимому, что Россія должна пройдти всѣ тѣ же самыя ступени развитія, какія прошла Западная Европа. Въ разсказѣ «Туристъ веселый» (стр. 547) онъ открыто заявляетъ, что въ каждомъ австрійскомъ бюргерѣ больше истиннаго благородства, деликатности и, такъ сказать, внутренней культуры, чѣмъ въ русскомъ архикультурномъ дворянинѣ; можетъ быть, онъ въ этомъ частномъ случаѣ даже увлекается и преувеличиваетъ. Но въ общемъ—онъ разумно умѣренный западникъ. Онъ не одинъ разъ бывалъ заграницей, но вовсе не считаетъ нужнымъ надоѣдать своимъ петербургскимъ читателямъ описаніемъ прелестей западной цивилизаціи; невѣжество и самохвальство нашихъ самозванныхъ учителей французскаго происхожденія онъ хлещетъ весьма чувствительно; тупость и ограниченность нѣмцевъ осмѣиваетъ очень остроумно, и всю свою политику по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ резюмируетъ такимъ образомъ (стр. 568):

«Совершенная ваша правда, либеръ герръ, сказалъ я, хлопнувъ пруссака по животу: руссъ вовсе не желаетъ умерщвлять прусса, и пруссъ по всей вѣроятности менѣе думаетъ о руссѣ, нежели о жителяхъ Нука-Гивы. Злиться намъ другъ на друга не за что, да и цѣловаться—некогда: у всякаго своихъ собственныхъ дѣлъ по

горло. Если наши отцы когда-то вмѣстѣ били Наполеона, за то ихъ отцы и дѣды при Фридрихѣ расточали другъ другу самые яростные подзатыльники. А главное, все это было очень давно, и никто этого не помнитъ».

Необходимость пройти ступени западной цивилизаціи вовсе не обязываетъ насъ безумно скакать черезъ эти ступени и сломить себѣ шею, вовсе не заставляетъ насъ отказаться отъ своей національности и старины, по совершенно справедливому разсужденію Дружинина. Напротивъ, русскій ученый, русскій художникъ, русскій литераторъ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ должны прежде всего научиться уваженію къ своему родному.

«Если мы съ вами родились тамъ, гдѣ ростутъ березы, значитъ намъ слѣдуетъ и жить, и трудиться, и мыслить, и наслаждаться въ своемъ собственномъ краѣ, сидѣть подъ березами, рисовать березы и не скорбѣть объ апельсинахъ. Пока вы и вамъ подобные люди будете рваться въ даль и кисло глядѣть вокругъ себя—не выйдетъ изъ васъ ничего путнаго. Исторія всей науки и всего художества покажетъ вамъ, что человѣкъ долженъ и обязанъ дѣйствовать и жить тамъ, гдѣ судьба его поставила. Величайшіе художники Италіи по полустолѣтію не покидали своего роднаго города, часто маленькаго и вовсе некрасиваго, изучали его, любили его, брали себѣ натурщиковъ изъ ближайшей улицы къ своему дому, не мечтая ни объ Испаніи, ни о Франціи. Взгляните, что сдѣлали фламандцы изъ своей родины, изъ ровной, болотистой, полупотопленной поляны! Станете ли вы отрицать поэзію Голландіи, ея пейзажей, ея деревень, съ которыми вы знакомы, какъ съ своей квартирой, ея кермессовъ, ея комнатныхъ сценъ, всего того, что заставили любить васъ Теньеръ и Рембрантъ, и Брегаль, и Рюисдаль и Мецу и Доу?» (стр. 116).

Дружининъ горячій западникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ не откажетъ западничеству въ огромномъ значеніи ни одинъ разумный славянофилъ: онъ настойчиво популяризируетъ западную литературу и искусство. Современные ему читатели журналовъ, были въ общемъ развитѣе, образованнѣе нынѣшнихъ—это грустный, но неоспоримый фактъ — (да и грустенъ онъ не Богъ знаетъ какъ: въ силу общаго закона, культура, выигрывая въ количествѣ, непремѣнно на первое время теряетъ въ качествѣ и глубинѣ); но и значительная часть читателей того времени вовсе не были такъ близко знакомы съ именами Клодъ-Лорреней, Дольчи, Драйденовъ и проч. Дружининъ настойчиво требуетъ отъ нихъ такого знакомства. Представимъ себѣ положеніе такого читателя, который когда-то кончилъ курсъ хоть въ дворянскомъ пансіонѣ, откуда вынесъ нѣсколько сотъ именъ и фактовъ, въ молодости служилъ и веселился, а вотъ теперь (въ 50-хъ годахъ) пріобрѣлъ досугъ и наклонность къ чтенію. Сыплятся на него эти имена дождемъ и откуда же? Не

изъ отдѣла: «Науки и искусства», отдѣла, который онъ предоставляетъ спеціалистамъ, а изъ фельетона, который пишется именно для большой публики, который читаютъ даже тѣ, у кого не хватитъ терпѣнія на большой романъ, изъ фельетона бойкаго, живаго, остроумнаго. Надоѣстъ читателю дѣлать видъ понимающаго, и онъ нѣтъ, нѣтъ да и заглянетъ въ Эрмитажъ, или въ серьезную книжку; когда имена Гольдсмита и Рюисдаля примелькаются ему въ фельетонѣ, онъ заглянетъ и въ отдѣлъ критики, или въ отдѣлъ наукъ и искусствъ, увидавъ тамъ тоже имя; да наконецъ и при условіи полной лѣни, Дружининъ чему нибудь выучитъ, такъ какъ онъ, какъ высокодаровитый фельетонистъ, умѣетъ объяснять, не тратя на это лишнихъ строкъ и не впадая въ профессорскій тонъ; и когда читатель «Замѣтокъ Туриста» попадетъ заграницу, онъ будетъ ходить по музеямъ съ бо́льшей пользой и удовольствіемъ, чѣмъ его «Туристъ степнякъ».

Само собою разумѣется, что Дружининъ вовсе не имѣлъ ясно сознанной педагогической цѣли (въ такомъ бы случаѣ онъ ничему и не научилъ, такъ какъ его фельетоновъ читать не стали бы): онъ просто бесѣдовалъ съ публикой о томъ, что занимало его и образованнѣйшихъ людей того времени, и о чемъ въ то суровое время дозволено было бесѣдовать.

Дружинину въ фельетонахъ неудобно было развивать подробно и обстоятельно свои задушевные, литературные и художественные взгляды. Если онъ и посвящаетъ цѣлый фельетонъ искусству или литературѣ, то облекаетъ свои идеи въ форму разсказа или спора (см., напр., «Фельетонъ спеціальный или споры диллетантовъ о живописи старой и современной», стр. 275): такіе фельетоны пришлось бы комментировать обширными выписками изъ другихъ томовъ, которыхъ въ этой статьѣ я не намѣренъ касаться. Современники и мы потомки должны быть благодарны ему и его собратьямъ за то, что въ то время какъ

... отъ губы Анадырской
Вплоть до финскихъ скалъ,
Погрузясь въ сонъ исполинскій,
Русскій умъ молчалъ,

Дружининъ старался будить его, не позволялъ этому сну перейти въ мертвый сонъ, безъ сновидѣній, и даже для фельетоновъ умѣлъ находить живыя и развивающія тэмы, увертываясь отъ драконовской цензуры напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ силъ и энергіи.

Но вотъ наступила иная пора, лучше которой въ русской исторіи, можетъ быть, и не было. Все заговорило и задвигалось, переполнившись самыми пылкими юношескими надеждами; чѣмъ сильнѣй былъ предшествующій гнетъ, тѣмъ больше было теперь увлеченія и энтузіазма. 50-ти-лѣтніе люди становились пылкими сту-

дентами; люди среднихъ лѣтъ какъ бы вторично рождались на свѣтъ. Послѣ долговременнаго поста начался такой кутежъ русскаго ума, что у него до сихъ поръ съ похмѣлья голова болитъ. Дѣятелей на всѣ поприща потребовалось невѣроятное количество, и вчерашніе покорнѣйшіе слуги графа Мусина-Пушкина и Фрейганга стали вліятельными либеральными писателями.

Можно было ожидать, что Дружининъ — великій знатокъ европейской жизни вообще и англійской въ особенности, человѣкъ умный, бойко, какъ никто, владѣвшій перомъ, постарается вознаградить себя за долгую сдержку и выступить передовымъ борцомъ либеральной прессы, оставитъ вопросы литературные и художественные и устремится на внутреннюю политику. Если кто ожидалъ этого, тотъ жестоко ошибся. Дружининъ очень мало расширилъ тэмы своихъ серьезныхъ статей, и внутреннюю политику, судя по списку статей, приложенному ко 2-му тому его сочиненій, оставлялъ почти въ прежнемъ пренебреженіи. Первая причина этого—чисто субъективная: Дружининъ не по необходимости, а по страсти писалъ объ искусствѣ и литературѣ; еслибъ это было иначе, онъ не могъ бы писать такъ, какъ писалъ. Другая причина имѣетъ болѣе общій характеръ. Гейне, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1848 году, плачется, что онъ не можетъ писать безъ цензуры, что это слишкомъ необычно для него, что онъ привыкъ писать и думать только подцензурно. А его біографъ, Штродтманъ, совершенно основательно доказываетъ, что слишкомъ строгая цензура дѣлаетъ человѣческую мысль рабомъ-мошенникомъ, порождаетъ особый стиль и особую манеру выражаться, такъ, чтобы публика читала между строками, дѣлаетъ серьезныхъ мыслителей гаэрами и плутами, и когда узда снимается, многіе, дѣйствительно, не могутъ попасть въ настоящій тонъ. Въ значительной степени это примѣнимо и къ Дружинину; гаэромъ онъ никогда не былъ, но долгое давленіе заставило его какъ бы потерять вкусъ къ извѣстному роду умственной дѣятельности.

Онъ не сдѣлался, подобно нѣкоторымъ, а въ послѣдствіи увы! очень многимъ, бывшимъ либераламъ и страдальцамъ за правду, врагомъ новыхъ порядковъ, но и не спѣшилъ воспользоваться вновь пріобрѣтеннымъ правомъ (признававшимся впрочемъ только tacite) говорить болѣе или менѣе откровенно о животрепещущихъ вопросахъ дня.

Тѣмъ нужнѣе отмѣтить въ его фельетонахъ, гдѣ не могъ же онъ совсѣмъ игнорировать окружающее, нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ отражается новый порядокъ вещей.

Дружининъ-фельетонистъ не ушелъ, конечно, отъ тогдашняго повѣтрія (принесшаго, несмотря на нѣкоторыя смѣшныя крайности, огромную пользу) — обличать. По особенностямъ своего темперамента и по свойству своего рода, онъ, обличая, не металъ гро-

мовъ, а представлялъ обличаемое въ смѣшномъ видѣ и избиралъ для обличенія не столько вредное, сколько глупое, да и вредное онъ выставлялъ главнымъ образомъ съ его нелѣпой стороны. По тѣмъ же причинамъ онъ заканчиваетъ свои обличенія, облеченные въ форму разсказа, отрадно для читателя. Изобразитъ онъ, напр., мошенническую акціонерную компанію, гдѣ директора запасаются огромными окладами съ намѣреніемъ выпустить въ скоромъ времени своихъ акціонеровъ въ трубу, и создаетъ пріятеля, который своей настойчивостью заставитъ директоровъ бѣжать изъ Петербурга или заболѣть съ досады. Изобразитъ прожившагося фата, который протекціей разныхъ княгинь и графинь отбиваетъ мѣсто у труженика, и въ концѣ заставитъ генерала раскаяться и пренебречь протекціями. Изобразитъ онъ юбилей мошенника эконома Гальгенкнехта, и пошлетъ туда своихъ буйныхъ пріятелей, которые осрамятъ юбиляра и уложатъ его въ обморокъ. Единственное исключеніе составляетъ фельетонъ объ институтской пищѣ (стр. 602)—очевидно, доброе сердце автора очень страдало за бѣдныхъ голодныхъ дѣвочекъ, — который оканчивается почти трагически.

«Въ знаменитомъ пансіонѣ я болѣе не былъ. Но я еще доберусь до него! Иногда по ночамъ мнѣ грезится бѣдная, голодная, черноглазая пиголица съ сырой картофелиной въ карманѣ. Бѣдняжка глядитъ на меня унылымъ взглядомъ, какъ бы прося помощи. Я еще за нее заступлюсь и выручу ее, выручу, выручу, клянусь въ томъ славою и именемъ петербургскаго туриста».

Выражаться Дружининъ сталъ, конечно, смѣлѣе и мѣстами его остроуміе пріобрѣтаетъ новый политическій характеръ. Вотъ какъ французъ, долго жившій въ Россіи, передаетъ судьбы русскаго народа (стр. 578): «Перенесемся въ Россію прошлаго столѣтія. Во второй половинѣ сказаннаго вѣка царствовалъ въ Россіи кцаръ Петръ Великій; супруга его, которую Вольтеръ называлъ Catherine la grande, состояла въ перепискѣ съ фернейскимъ философомъ; по душѣ и остроумію то была истинная парижанка—другихъ похвалъ ей не нужно, это одно слово лучше всякой лести. До кцара Петра русская земля находилась въ пучинѣ варварства и безобразія: одеждой бояръ были звѣриныя кожи, сынъ могъ жениться на матери, народъ питался мохомъ и дикими каштанами, дома строились изо льда. Кцаръ Пьерръ и супруга его поняли, что дѣло такъ оставаться не можетъ. Чтобы озарить свою родину блескомъ просвѣщенія, они обратились къ иностранцамъ; но первыя попытки были неудачны. Сначала прибыла партія грубыхъ англичанъ, но вмѣсто того, чтобы просвѣщать край, напилась до безчувствія, завела драки и была изгнана. За ней послѣдовали нѣмцы. Нѣмцы не напились, не набуянили, — но они заняли академію, выжили изъ нея русскихъ литераторовъ, выписали изъ дома своихъ племянниковъ, надавали имъ казенныхъ квартиръ, жалованья, а за-

тѣмъ стали совѣщаться о томъ, откуда происходитъ русское нарѣчіе. Такъ ихъ и оставили; говорятъ, что они и до сей поры сидятъ и разсуждаютъ. Кцаръ Пьерръ уже началъ приходить въ отчаяніе, но Catherine la grande, не унывая, обратилась къ своему другу Вольтеру. Съ его помощью, по его указанію, небольшая колонія французовъ переселилась въ Россію, провела тамъ нѣсколько лѣтъ, и вы могли видѣть, за короткое время вашей жизни въ Петербургѣ, что они сдѣлали изъ Россіи».

Изрѣдка и сдержанный Дружининъ позволяетъ себѣ ликовать по поводу того, что прошли тѣ времена, когда эпитетомъ «неблагонадежный» губили человѣка на вѣки, и что теперь «лучше стали цѣнить людей, въ старые годы считавшихся безпокойными» (стр. 151).

Крестьянская реформа радуетъ его не только за крестьянъ, но и за помѣщиковъ, у которыхъ найдется капля энергіи. У кого ея не окажется, тѣ должны погибнуть. «Пока еще были капиталы на разные промышленные и тому подобные обороты, еще было возможно танцовать на паутинѣ или стоять кверху ногами на булавочной головкѣ, но теперь не то. Теперь, мой счастливый читатель, пришла горькая пора для всѣхъ этихъ акробатовъ, еще такъ недавно съ презрѣніемъ ухмылявшихся въ ту минуту, когда мы съ тобою, имѣя на головахъ теплыя фуражки, а на ногахъ высокія калоши, отраду и экипажъ пѣшеходовъ, попадались на встрѣчу ихъ горделивому оку. Теперь подобнымъ господамъ пришла пора думать и работать. И того, кто изъ нихъ не возьмется за умъ, надобно пожалѣть, но никогда не оскорблять — фуй! По крайней мѣрѣ за себя и за своихъ друзей я ручаюсь по этой части» (стр. 616).

А въ то время кидать камнями въ этихъ несчастныхъ было много любителей, и гуманность, «джентельменство», какъ тогда выражались — Дружинина многимъ было не по сердцу.

Съ другой стороны и Дружининъ въ обличительной литературѣ видѣлъ не однѣ свѣтлыя стороны: очарованіе прошло слишкомъ скоро. «Пускай себѣ потѣшаются, гласитъ чиновникъ, оканчивая какое-нибудь обличительное повѣствованіе; пускай себѣ потѣшаются, басомъ гремитъ суровый помѣщикъ, собираясь на травлю, и въ ожиданіи лошади, заглянувшій въ неразрѣзанную книжку журнала. Кто виноватъ въ этомъ безнадежномъ, добра не обѣщающемъ «пускай себѣ потѣшаются»? Сами обличаемыя личности или, быть можетъ, обличители, съумѣвшіе потерять общее довѣріе черезъ свое непониманіе дѣлъ житейскихъ?» (стр. 677).

Это охлажденіе къ обличеніямъ и слишкомъ строгая воздержность отъ публицистики были, какъ было сказано въ началѣ, первой и главной причиной равнодушія читающей публи къ извѣстію о смерти Дружинина (19-го января 1864 г.) и скораго забвенія его заслугъ.

Но теперь и 60-е года отошли въ область исторіи и ихъ публицистика можетъ подвергнуться почти объективной критикѣ; что для нея было злобой дня, для насъ иногда неважно, и наоборотъ: обстоятельства понуждаютъ признать значеніе того, что 60-мъ годамъ не внушало интереса.

Пренебреженный въ 60-хъ годахъ, талантливый литературный дѣятель, десять самыхъ тяжкихъ лѣтъ трудившійся для русской мысли и просвѣщенія, теперь можетъ и долженъ быть оцѣненъ по заслугамъ.

А. Кирпичниковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СЛУЖБѢ ВЪ БѢЛОРУССІИ [1].

1864—1870 гг.

(Изъ воспоминаній мироваго посредника.)

IV.

Могилевскій губернаторъ Беклемишевъ.—Характеристика населенія Могилевской губерніи. — Капитанъ генеральнаго штаба Людвигъ Жвирждовскій (Тöпоръ). — Горы-горецкій земледѣльческій институтъ. — Взятіе и разграбленіе повстанцами Горокъ. — Дальнѣйшая судьба шайки Тöпора и его казнь.

ЗЪ БОРИСОВА я уѣхалъ въ городъ Могилевъ (на Днѣпрѣ). Въ Могилевской губерніи, гдѣ мнѣ суждено было потомъ прожить и прослужить шесть лѣтъ, при разныхъ генералъ-губернаторахъ, начальникомъ губерніи былъ въ это время Александръ Петровичъ Беклемишевъ, сынъ, если не ошибаюсь, бывшаго шталмейстера при императорѣ Николаѣ, лишившагося службы и дальнѣйшей карьеры вслѣдствіе извѣстнаго несчастія съ государемъ, подъ городомъ Чембаромъ Пензенской губерніи [2]). Это былъ единственный гражданскій губернаторъ изъ числа всѣхъ шести губерній сѣверо-западнаго края, подвѣдомаго Муравьеву. На губернаторскій

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XV, стр. 538.

[2]) При паденіи и ломкѣ дорожной кареты, государь, какъ извѣстно, вывихнулъ себѣ руку и долго лечился въ Чембарѣ. Вина и отвѣтственность за это событіе легли на шталмейстера Беклемишева. И. З.

постъ онъ былъ назначенъ въ 1858 году; при немъ ввелось положеніе 19-го февраля, при немъ же началось и окончилось польское возстаніе, захватившее своимъ чернымъ, размашистымъ крыломъ и часть Могилевской губерніи—преимущественно уѣзды Горецкій, Рогачевскій и Оршанскій, — при чемъ повстанцы взяли, разграбили и сожгли уѣздный городъ Горки. О губернаторѣ Беклемишевѣ — этомъ честномъ, энергическомъ и выдающемся по своему уму человѣкѣ [1]) — мнѣ придется въ своихъ запискахъ упомянуть не разъ, впослѣдствіи. Теперь же, я прямо перейду къ Могилевской губерніи вообще и, затѣмъ, къ тому событію, которое надѣлало въ свое время такъ много шуму въ Россіи и заграницей—т. е. взятію повстанцами города Горокъ. Это, какъ извѣстно, былъ единственный городъ, который имъ удалось взять и разграбить за все время возстанія 1863 года. Ни въ Литвѣ, ни въ царствѣ Польскомъ они не взяли болѣе ни одного города, ни даже мѣстечка.

Могилевская губернія считается настоящею уже Бѣлоруссіей, болѣе даже, чѣмъ Минская губернія, гдѣ, въ числѣ народонаселенія, есть литва и татары (послѣдніе имѣютъ даже въ Минскѣ свою мечеть). Могилевская губернія — одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ и несчастнѣйшихъ губерній въ Россіи: бѣднѣйшая — по качеству своей земли, несчастнѣйшая—по тому количеству евреевъ, которое въ ней проживаетъ. По офиціальнымъ даннымъ, это племя вампировъ проживаетъ въ Могилевской губерніи въ количествѣ 120-ти тысячъ; но, въ дѣйствительности, ихъ вдвое, если не втрое, больше; въ одномъ Шкловѣ, громаднѣйшемъ мѣстечкѣ Могилевскаго уѣзда, расположенномъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, проживаетъ ихъ тьма тьмущая [2]). «Поляковъ», собственно, въ Могилевской губерніи совсѣмъ нѣтъ; католиковъ же считается 38 тысячъ обоего пола; тутъ и помѣщики, и чиновники, и шляхта, и ополяченные дворовые крестьяне — т. е. лакейство и прочая дворня. Костеловъ въ Могилевской губерніи, сравнительно, очень много: въ одномъ Могилевѣ ихъ насчитывалось семь, да 33 по уѣздамъ. И вотъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ насчитывалось бо̀льшее число костеловъ—этихъ сущихъ гнѣздъ повстанья,—тамъ прежде всего и началось, въ началѣ 1863 года, политическое броженіе умовъ — среди помѣщиковъ и мелкой шляхты; такъ, напримѣръ, Рогачевскій и Оршанскій уѣзды, въ которыхъ приходилось по шести костеловъ въ каждомъ, первые подняли знамя мятежа. Ксендзы фанатизировали женщинъ, а эти, въ свою очередь, электризовали

[1]) А. П. Беклемишевъ умеръ въ 1878 году, въ Петербургѣ, членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. И. З.

[2]) Всѣхъ евреевъ въ Россіи считается 1,800,000—по офиціальнымъ цифрамъ; въ дѣйствительности же ихъ больше, конечно, чѣмъ вдвое. И. З.

сыновей, мужей и братьевъ, посылая ихъ въ лѣсъ, въ повстанье. Такимъ образомъ, въ Могилевской губерніи и сформировалось нѣсколько бандъ, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Людвига Жвирждовскаго (подъ псевдонимомъ Тòпора), напала, въ ночь на 24-е апрѣля 1863 года, на уѣздный городъ Горки и взяла его.

Губернаторъ Беклемишевъ, не смотря на весь свой обширный и дальновидный умъ, ничего не въ силахъ былъ тутъ подѣлать и предотвратить: онъ былъ окруженъ плотною стѣною польскаго дворянства, съ губернскимъ предводителемъ княземъ Любомірскимъ во главѣ, и столь же плотною стѣною польскаго чиновничества, наполнявшаго рѣшительно всѣ канцеляріи и присутственныя мѣста... Войскъ въ Могилевской губерніи было въ то время очень немного,—такъ что, напримѣръ, въ Горкахъ, кромѣ обыкновенной инвалидной команды, никого не было. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались повстанцы при ночномъ нападеніи на беззащитный и спокойно спавшій городъ.

Дѣло это было такъ [1]):

Капитанъ Жвирждовскій, проживавшій въ началѣ 1863 года въ Петербургѣ, былъ назначенъ «воеводою Могилевской губерніи», по распоряженію изъ Варшавы, со стороны жонда. Онъ поспѣшилъ прибыть на свое воеводство и, съ фальшивымъ паспортомъ на имя офицера Велички, преспокойно проживалъ, до поры до времени, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, у одного изъ посвященныхъ въ дѣло ойчизны польскихъ помѣщиковъ. Между тѣмъ, въ Горкахъ, въ стѣнахъ тамошняго земледѣльческаго института, среди студентовъ-поляковъ (между которыми было не мало уроженцевъ изъ царства Польскаго), шла подготовительная работа: нѣкто студентъ Висковскій, назначенный, распоряженіемъ уже Жвирждовскаго, «начальникомъ» Горы-Горокъ, формировалъ въ тихомолку шайку— изъ студентовъ, гимназистовъ, молодыхъ польскихъ чиновниковъ и изъ недорослей-дворянъ—и набралъ, такимъ образомъ, болѣе ста человѣкъ... У всѣхъ у нихъ были кое-какія ружья, по большей части охотничьи, былъ порохъ, пули, различныхъ фасоновъ и временъ сабли; все это было, конечно, припрятано въ укромныхъ мѣстахъ, преимущественно въ стѣнахъ института. Наконецъ, когда всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы, дано было знать Жвирждовскому-Топору въ Рогачевскій уѣздъ, что все-де готово — что ему стоитъ лишь придти и взять беззащитный городъ.

Топоръ, получивъ это увѣдомленіе Висковскаго, соблазнился возможностью легкой и дешевой побѣды и далъ знать, что 23-го апрѣля прибудетъ въ Горки, «съ войскомъ»... Войско это онъ живо

---

[1]) Разсказъ написанъ со словъ очевидцевъ и по офиціальнымъ донесеніямъ.
И. З.

набралъ въ Рогачевскомъ, Оршанскомъ и Могилевскомъ уѣздахъ, изъ среды помѣщиковъ, чиновниковъ и шляхты, и, выступивъ въ лѣсъ, какъ будто «на охоту» (такъ говорилось православной прислугѣ), вся эта банда, въ количествѣ, тоже, ста съ чѣмъ-то человѣкъ, вооруженныхъ охотничьими ружьями и пистолетами, собралась на ночлегъ въ имѣніе князей Любомірскихъ, гдѣ встрѣтила самый радушный и гостепріимный пріемъ. Ночью они послали лазутчика въ Горки, узнать у Висковскаго — все ли готово, и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, выступили, передъ разсвѣтомъ, въ походъ...

Городъ Горы-Горки спалъ спокойнымъ и безмятежнымъ сномъ, не подозрѣвая и не ожидая ничего. Исправника въ городѣ не было; представитель военной власти, старичекъ инвалидный капитанъ, ничего не опасаясь, крѣпко почивалъ на своей постели...

Рано утромъ, повстанцы, вошли въ городъ съ соблюденіемъ строжайшей тишины; къ нимъ, на встрѣчу, въ той же тишинѣ, вышла банда Висковскаго, и когда обѣ шайки соединились подъ общимъ начальствомъ Топора, то все это, съ громкими криками и ружейною пальбою, ринулось въ городъ... Отъ пальбы и запылавшаго, вслѣдъ за тѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожара, испуганные жители и инвалидные солдаты повыскакивали, въ чемъ попало, на улицу, и не съ разу, конечно, сообразили въ чемъ дѣло... Повстанцы же, первымъ долгомъ, окружили уѣздное казначейство и обрушились, всѣми своими силами, на единственнаго часового, охранявшаго это зданіе; у инвалида-часового ружье заряжено не было, патроновъ при немъ тоже не имѣлось... Но онъ долго и отчаянно защищался штыкомъ, пока, наконецъ, студентъ Доморацкій не выстрѣлилъ въ него, почти въ упоръ, изъ пистолета; часовой повалился мертвый, и казначейство, такимъ образомъ, было взято. Повстанцы накинулись на деньги. 15 тысячъ, принадлежавшія горы-горецкому институту, лежали въ особомъ небольшомъ деревянномъ ящикѣ; ящикъ этотъ разбили и деньги вынули и передали «довудцѣ»-Топору; но съ казеннымъ большимъ сундукомъ повстанцы ничего не могли подѣлать: разбить желѣзный сундукъ они были не въ силахъ, а ключей не было — они были у казначея, который такъ искусно спрятался, что его искали по всему городу, но найти не могли. Тогда сундукъ вытащили изъ казначейства на улицу и положили его на особую фуру [1]).

---

[1]) Сундукъ этотъ былъ увезенъ, потомъ, въ Горы-Горецкій институтъ, гдѣ повстанцы желали пировать и отдохнуть; но, вслѣдствіе внезапной тревоги, выступивъ изъ института въ торопяхъ, они не взяли съ собой этого драгоцѣннаго сундука и онъ былъ, поэтому, возвращенъ въ казначейство въ цѣлости. Уѣздный казначей получилъ впослѣдствіи орденъ Станислава 3-й степени.

И. З.

Пока шелъ этотъ грабежъ въ казначействѣ, шайка повстанцевъ, доходившая, въ общемъ, до двухъ-сотъ слишкомъ человѣкъ, безчинствовала въ городѣ. Запаливъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, мелкая шляхта принялась за грабежъ въ домахъ. Жители стали было тушить пожаръ, но повстанцы открыли пальбу по тѣмъ, кто тушилъ,—и, такимъ образомъ одного обывателя убили, а пятерыхъ ранили. Сгорѣло въ то утро, всего, болѣе 70-ти домовъ. Жвирждовскій страшно сердился и бранился за поджоги и грабежъ, но остановить свою распущенную вольницу былъ не въ силахъ: недисциплинированная и не пріученная къ повиновенію банда, не хотѣла его ни знать, ни слушать... Интересно при этомъ еще слѣдующее обстоятельство. Довудца Жвирждовскій-Топоръ во все время нападенія на Горки былъ одѣтъ не въ кунтушъ или чамарку, а въ мундиръ капитана генеральнаго штаба, въ эполетахъ и съ эксельбантами черезъ плечо...

Покончивъ съ казначействомъ и грабежомъ, шайка устремилась на инвалидный цейхаузъ; тутъ инвалидные солдаты оказали было нѣкоторое сопротивленіе, но такъ какъ ихъ было очень мало и они были безъ ружей, то цейхаузъ скоро былъ взятъ. При этомъ было убито 8 человѣкъ солдатъ, а со стороны повстанцевъ былъ убитъ студентъ Доморацкій. Оказалось, что солдаты потому были безъ ружей, что вся ихъ амуниція и все оружіе, съ ротнымъ барабаномъ вмѣстѣ, сложены были въ этомъ самомъ цейхаузѣ и заперты казеннымъ замкомъ, а ключъ находился у инвалиднаго капитана; солдаты, безъ приказанія начальника, не осмѣлились разбить, въ началѣ тревоги, замокъ и снять часового,— и поплатились за эту непаходчивость жизнію. Между тѣмъ, ихъ старичекъ-командиръ, застигнутый въ постели, во время сладкаго сна, былъ давно уже взятъ въ плѣнъ и, какъ военный трофей, торжественно былъ переданъ довудцѣ, который и сдалъ его подъ караулъ своей банды. Въ ротномъ цейхаузѣ повстанцы тотчасъ же разбили двери и отыскали солдатскія ружья, патроны, барабанъ и прочій казенный скарбъ; все это было, конечно, разграблено, а частію поломано и перепорчено. Особому ожесточенію со стороны нападавшихъ подвергались наши двуглавые орлы, красовавшіеся на нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ: ихъ срывали и съ яростью топтали и ломали...

Только одно казенное зданіе въ городѣ не подверглось нападенію: это былъ острогъ, въ которомъ караулъ, подъ начальствомъ инвалиднаго унтеръ-офицера, преспокойно занималъ свой постъ. Жвирждовскій, какъ военный, хорошо зналъ, что солдаты караулятъ острогъ не съ пустыми руками; что у нихъ есть и ружья, и патроны,—и потому, вѣроятно, не повелъ свою банду на штурмъ этого укрѣпленнаго пункта. Онъ отрядилъ, съ частью банды, нѣкоего помѣщика Маргулеса въ Горы-Горецкій земледѣльческій

институтъ съ приказаніемъ «взять» и арестовать директора и приготовить «встрѣчу» шайкѣ; а самъ, между тѣмъ, приказалъ собрать на площадь «народъ», желая объяснить ему все происшедшее.

И вотъ, повстанцы стали сгонять, силою, всѣхъ встрѣчныхъ на площадь, близъ русской церкви, — и когда, такимъ образомъ, собрали нѣсколько десятковъ человѣкъ перепуганныхъ и ограбленныхъ обывателей, Жвирждовскій выѣхалъ къ нимъ верхомъ въ своемъ русскомъ мундирѣ и сталъ держать рѣчь: онъ громогласно объявилъ, что власть русскаго государя въ этомъ краѣ прекратилась, что отнынѣ Могилевская губернія принадлежитъ царю польскому, состоящему подъ покровительствомъ императора французовъ, войска котораго на дняхъ должны будутъ вступить сюда; что отъ нихъ, обывателей, требуется вѣрность въ служеніи ихъ новому правительству, которое не оставитъ облегчить ихъ нынѣшнія государственныя тяготы, наложенныя на нихъ московскимъ царемъ, и предоставитъ имъ всяческія льготы—и волю, и землю, и свободу торговли и промысловъ, и т. д. Народъ, бывшій, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, свидѣтелемъ жестокихъ и безполезныхъ убійствъ, грабежа и пожара, истребившаго въ городѣ болѣе 70-ти обывательскихъ домовъ,—въ угрюмомъ молчаніи слушалъ разглагольствованія оратора о наступившихъ «лучшихъ временахъ» и не отвѣчалъ ему ничего... Тогда, раздосадованный довудпа, прервавъ рѣчь, отправился, съ бо̀льшею частью шайки, въ институтъ.

Въ институтѣ, гдѣ инспекторъ Жабенко (полякъ) успѣлъ уже приготовить «встрѣчу», Жвирждовскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Затѣмъ, приступили къ похоронамъ убитаго студента Доморацкаго: трупъ его завернули въ богатый коверъ, вырыли въ институтскомъ саду могилу и, съ ружейною пальбою, опустили и закопали покойника въ землю. Послѣ этого, началось большое пиршество и угощеніе. Многіе изъ студентовъ — русскіе — не принимали участія ни въ пиршествѣ, ни въ похоронахъ.

Но и въ институтѣ дѣло не обошлось безъ убійства—столь же безцѣльнаго и жестокаго, какъ и свершонныя въ Горкахъ. По распоряженію Жвирждовскаго, шайка стала забирать казенныя телѣги, принадлежавшія институту, и впрягать въ нихъ институтскихъ лошадей. Какой-то старикъ сторожъ, отставной солдатъ, вздумалъ защищать казенную собственность и не давать телѣгъ; повстанцы накинулись на старика, долго его мучили и, въ концѣ, убили-таки.

Богъ вѣсть, сколько времени пропировала бы шайка въ гостепріимномъ институтѣ; но случилось слѣдующее неожиданное и весьма непріятное для нея обстоятельство. Пока повстанцы угощались и безчинствовали въ Горы-Горецкомъ институтѣ, жители города опомнились, вооружились чѣмъ попало и напали на броди-

вшихъ по Горкамъ и грабившихъ мятежниковъ, отставшихъ отъ главныхъ силъ шайки и не попавшихъ въ институтъ. Произошла схватка, во время которой четырехъ повстанцевъ убили, двухъ ранили, а четырехъ схватили, связали и сдали подъ караулъ въ острогъ. Уцѣлѣвшіе повстанцы прибѣжали въ иститутъ и принесли съ собою эту неожиданную вѣсть... Произошелъ страшный переполохъ—шайка Жвирждовскаго быстро начала собираться къ выступленію и, въ торопяхъ, не успѣла забрать съ собою ни институтскихъ телѣгъ съ казенными лошадьми, ни даже сундука съ деньгами казначейства, который такъ и остался неотпертый, брошенный среди институтскаго двора. Одного лишь старика, инвалиднаго капитана, какъ живой трофей, мятежники увели съ собою. Въ 4 часа дня (24-го апрѣля), шайка быстро выступила изъ института и, не заходя въ Горки, направилась по дорогѣ на имѣніе Дрибино, помѣщика Тихановецкаго, куда часамъ къ 8-ми вечера, и пришла на ночлегъ. Тихановецкій встрѣтилъ «побѣдителей» съ отверстыми объятіями, и здѣсь шло, до поздней ночи, разливанное море...

Между тѣмъ, горецкій исправникъ, находившійся, во время нападенія на городъ, въ уѣздѣ, узнавъ, что Горки взяты и разграблены, поскакалъ въ Могилевъ и далъ знать губернатору Беклемишеву обо всемъ случившемся. Весь городъ поднялся на ноги; евреи волновались больше всѣхъ,—разсчитывая, что шайка Жвирждовскаго непремѣнно придетъ въ Могилевъ, возьметъ его и подвергнетъ участи Горокъ, т. е.—огню и мечу...

Беклемишевъ, не будучи человѣкомъ военнымъ, распоряжался, однако, очень энергически и умѣло. Онъ собралъ у себя нѣчто въ родѣ военнаго совѣта и, разложивъ топографическія карты Могилевской губерніи на столѣ, живо составилъ надлежащія военныя инструкціи, которыя и разослалъ начальникамъ отдѣльныхъ военныхъ частей, расположенныхъ по сосѣдству съ горецкимъ уѣздомъ, предписывая имъ немедленно атаковать шайку Тópора и уничтожить. Но—благодаря тому обстоятельству, что самъ губернаторъ Беклемишевъ (какъ я уже упоминалъ выше) былъ окруженъ польскими чиновниками, всѣ его распоряженія дѣлались извѣстны полякамъ и тотчасъ же сообщались въ шайки. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ.

Въ Могилевѣ проживалъ нѣкій докторъ Оскерко, человѣкъ очень общительный, неглупый и ловкій. Вращаясь во всѣхъ сферахъ города Могилева, онъ учредилъ, ко времени возстанія, въ своей квартирѣ нѣчто въ-родѣ военно-политическаго бюро, куда и должны были доставляться немедленно всѣ секретныя распоряженія, дѣлаемыя губернаторомъ и получаемыя изъ Вильны. Такимъ образомъ, и всѣ распоряженія Беклемишева по преслѣдованію шайки Жвирждовскаго-Тópора, были сообщены доктору Оскерко очень

скоро. Жвирждовскій, на другой же день, т. е. 25-го апрѣля, имѣлъ у себя точныя копіи всѣхъ военныхъ распоряженій, сдѣланныхъ относительно преслѣдованія его шайки. Поэтому, онъ, выступивъ изъ Дрибина, направился съ своею шайкою на юго-западъ, разсчитывая попасть въ минскіе лѣса, гдѣ онъ легче могъ укрыться и, наконецъ, соединиться съ какою-нибудь другою шайкою, изъ бродившихъ въ Минской губерніи. Онъ шелъ довольно быстро, останавливаясь лишь въ околицахъ шляхты для короткаго отдыха и вербованія новыхъ повстанцевъ; но шляхта шла въ банду неохотно и плохо вѣрила въ близкую помощь польскаго короля и французскихъ войскъ. Еще бо̀льшее fiasco претерпѣлъ Жвирждовскій во время подобныхъ же приглашеній, обращенныхъ къ православнымъ бѣлорусскимъ крестьянамъ Могилевской губерніи: крестьяне упорно отмалчивались и, по уходѣ повстанцевъ, считали ихъ за одурѣлыхъ: «наши паны сдурѣли», — говорили крестьяне между собою...

Наконецъ-таки, шайка Жвирждовскаго была настигнута въ Быховскомъ уѣздѣ, при переправѣ черезъ рѣку Проню, близъ мѣстечка Пропойска, русскимъ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ одной роты и двухъ артиллерійскихъ орудій, подъ общимъ начальствомъ подполковника Богаевскаго. Но Жвирждовскій распорядился въ это время очень искусно: послѣ переправы черезъ Проню всей шайки, онъ тотча̀съ же зажегъ паромъ, на которомъ переправлялись повстанцы, — такъ что, когда подполковникъ Богаевскій подошелъ къ рѣкѣ, то увидѣлъ горѣвшій паромъ и «утекающую», по ту сторону рѣки, шайку. Онъ сдѣлалъ по ней два выстрѣла картечными гранатами; первый выстрѣлъ разорвался надъ самыми головами повстанцевъ, и они разсыпались во всѣ стороны. Жвирждовскій, потомъ, собралъ ихъ кое-какъ воедино и двинулся-было съ своею шайкою дальше; но въ это время къ нему явился курьеръ изъ Могилева отъ доктора Оскерко, привезшій весьма печальное извѣстіе о томъ, что всѣ остальныя шайки Могилевской губерніи (оршанская, сѣннинская и черноруцкая) разбиты и уничтожены, а предводители ихъ взяты въ плѣнъ и будутъ судимы полевымъ военнымъ судомъ... Въ той же депешѣ Оскерко совѣтовалъ Жвирждовскому немедленно прибыть въ Могилевъ, одному—гдѣ онъ, лично, будетъ болѣе безопасенъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если станетъ укрываться по лѣсамъ и помѣщичьимъ фольваркамъ.

Жвирждовскій рѣшился воспользоваться этимъ благоразумнымъ совѣтомъ,—тѣмъ болѣе, что уже круго̀мъ поднимались крестьяне Могилевской губерніи и начинали ловить и хватать неосторожно отдѣлявшихся отъ шайки одиночныхъ повстанцевъ. Довудца собралъ шайку, держалъ къ ней рѣчь, свалилъ вину неудачи на запоздавшія французскія войска и совѣтовалъ спасаться всѣмъ кто

какъ можетъ; затѣмъ, простился съ повстанцами и, въ сопровожденіи лишь одного человѣка, уѣхалъ отъ шайки. Онъ преблагополучно пріѣхалъ въ Могилевъ, на почтовыхъ лошадяхъ, которыхъ бралъ на станціяхъ по казенной подорожной на имя капитана Величко,—и здѣсь его укрылъ тотъ же докторъ Оскерко. Немного времени спустя, когда первые горячіе поиски за Жвирждовскимъ-Топоромъ стихли, онъ, искусно загримированный, выѣхалъ изъ Могилева и пробрался въ Минскую губернію, гдѣ, впослѣдствіи, былъ схваченъ и казненъ.

Повстанцы, проводивъ своего довудца и выругавъ его «шпегомъ», рѣшили воспользоваться объявленнымъ, не задолго до того, манифестомъ объ амнистіи всѣмъ добровольно являющимся изъ лѣсовъ повстанцамъ, — и, выбравъ изъ своей среды нѣсколькихъ уполномоченныхъ, послали ихъ, 30-го апрѣля, въ мѣстечко Пропойскъ, къ тамошнему становому приставу, съ заявленіемъ, что они сдаются въ руки русскихъ властей «добровольно» и просятъ лишь о томъ, чтобы становой прибылъ «какъ можно скорѣе»—въ видахъ огражденія ихъ отъ нападеній крестьянъ, которые, въ то время, начинали уже подниматься поголовно противу повстанцевъ. Становой приставъ, въ сопровожденіи сотскихъ и нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ сформированной тогда по деревнямъ сельской стражи, прибылъ тотчасъ же въ лѣсъ, въ мѣсторасположеніе шайки, взялъ въ плѣнъ, безъ войска, 140 человѣкъ, и привелъ весь этотъ сбродъ въ Пропойскъ... На другой день, крестьяне-добровольцы, отправившись по сосѣднимъ лѣсамъ на поиски, привели въ становую квартиру еще 30 человѣкъ повстанцевъ этой же шайки — изъ числа тѣхъ, которые не пожелали, или, просто, опасались сдаться наканунѣ, добровольно.

Такимъ образомъ, окончила свое существованіе эта шайка, причинившая столько бѣдъ и надѣлавшая такъ много шуму въ Россіи и заграницей — взятіемъ уѣзднаго города Горы-Горокъ. Она окончила, сравнительно съ другими шайками той же Могилевской губерніи, очень счастливо — т. е. безъ встрѣчи и сраженія съ нашими войсками и, слѣдовательно, безъ массы убитыхъ, раненыхъ и искалѣченныхъ на всю жизнь людей...

Остальныя шайки Могилевской губерніи испытали болѣе тяжелую участь. Такъ, напримѣръ, оршанская шайка, оказавшая сопротивленіе при встрѣчѣ съ нашимъ небольшимъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ храбраго и рѣшительнаго В. Ф. Савицкаго [1]), потеряла въ схваткѣ много убитыхъ и раненыхъ, пока, наконецъ, не была взята въ плѣнъ. Черноруцкая шайка тоже

[1]) Валерьянъ Филипповичъ Савицкій, артиллерійскій подполковникъ, былъ въ то время оршанскимъ исправникомъ. Человѣкъ этотъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ губерніи за свою честность, неподкупность и доброту характера.

имѣла трагическій конецъ, при схваткѣ съ нашимъ отрядомъ въ лѣсу; а такъ какъ, она почти вся состояла изъ помѣщиковъ и дворянъ, то всѣ они лишились, въ-добавокъ, и своихъ имѣній.

V.

Отношенія губернатора Беклемишева къ польскому и крестьянскому вопросамъ. — Персоналъ чиновниковъ Могилевской губерніи. — Могилевскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ. — Политическій хвастунъ. — Польскія уставныя грамоты. — Участіе графа Муравьева въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Бѣлоруссіи. — Повѣрка уставныхъ грамотъ въ натурѣ. — Добровольныя соглашенія и составленія выкупныхъ актовъ. — Результаты нашего «соціализма» — Польское губернское присутствіе и подполковникъ Носовичъ. — Взаимная вражда помѣщиковъ и крестьянъ. — Польскій панъ и бѣлые сухари.

Дворянство Могилевской губерніи должно быть обязано чувствомъ вѣчной признательности бывшему губернатору этой губерніи А. П. Беклемишеву. Благодаря своимъ связямъ, а главное, вслѣдствіе своей близости съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевымъ, Беклемишевъ отстоялъ Могилевскую губернію отъ назначенія въ нее такъ-называемыхъ «повѣрочныхъ комиссій», дѣйствовавшихъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, въ Минской и въ нѣскольскихъ уѣздахъ Витебской. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и окончательное земельное устройство крестьянъ было возложено здѣсь на обыкновенные съѣзды мировыхъ посредниковъ; посредники, каждый въ своемъ участкѣ, дѣлали повѣрку уставныхъ грамотъ, составленныхъ, ранѣе, польскими мировыми посредниками, и, затѣмъ, обращали эти грамоты въ выкупные акты. Такимъ образомъ, какъ назначеніе служащихъ лицъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, такъ и самое дѣло это было непосредственно подчинено здѣсь губернатору — не то, что въ повѣрочныхъ коммисіяхъ, имѣвшихъ въ своемъ составѣ особыхъ членовъ отъ министерства финансовъ и очень мало зависѣвшихъ отъ начальниковъ губерній. Да наконецъ, и эта мѣра — т. е. распространеніе на Могилевскую губернію указа 1-го марта 1863 года объ обязательномъ выкупѣ — была принята здѣсь вопреки все-таки желанію и согласію Беклемишева, съ которымъ соглашался въ то время, безусловно, и министръ внутреннихъ дѣлъ: обязательный выкупъ крестьянскихъ земель въ этой губерніи совершился лишь по инициативѣ и настоянію генералъ-губернатора Муравьева, и только благодаря ему, крестьяне несчастной Могилевской губерніи освободились тогда же отъ обязательныхъ отношеній къ своимъ панамъ. Останавливаюсь на этомъ фактѣ, какъ

на живомъ доказательствѣ силы и обаянія польскаго вліянія, отразившагося даже на такомъ замѣчательно умномъ и честномъ русскомъ человѣкѣ, какимъ былъ Беклемишевъ. Назначенный, какъ я уже упоминалъ, на должность губернатора въ Могилевъ въ 1858 году, онъ, за пять лѣтъ, предшествовавшихъ возстанію, невольно подчинился окружавшей его польской средѣ и вліянію,—и его миролюбивые и оптимистическіе взгляды на польскій вопросъ не въ силахъ былъ поколебать даже открытый мятежъ, въ лицѣ нѣсколькихъ шаекъ, сформированныхъ панами, весною 1863 года, въ Могилевской губерніи...

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, большинство чиновниковъ въ Могилевской губерніи состояло все еще изъ поляковъ, между которыми была масса лицъ, числящихся православными; это были мѣстные уроженцы—«бѣлоруссы», какъ они стали называть себя послѣ усмиреннаго возстанія. Въ сущности же, это были истые поляки, рожденные отъ смѣшанныхъ браковъ, носившіе даже польскія фамиліи, предпочитавшіе для молитвы костелы церквамъ и вспомнившіе о своемъ православіи лишь случайно—то есть, тогда, когда это сдѣлалось выгоднымъ. Они занимали въ губерніи очень видныя должности, потворствовали на каждомъ шагу полякамъ и вредили, на сколько только могли, русскому дѣлу. Беклемишева они окружали довольно плотною стѣною. Въ Могилевской губерніи было даже одно вѣдомство — министерства финансовъ,—чиновники котораго, въ большинствѣ, состояли изъ католиковъ-поляковъ: не только уѣздные казначеи, но даже губернскій казначей былъ полякъ, и очень заядлый, нѣкто Кунцевичъ. Нѣкоторыя полицейскія должности были заняты польскими чиновниками еще и въ 1866, 67 и 68 годахъ — до времени увольненія Беклемишева. Онъ, обыкновенно, принималъ этихъ чиновниковъ на свою личную отвѣтственность передъ генералъ-губернаторомъ,—и они продолжали служить, вредя русскому дѣлу, мстя, гдѣ только можно, крестьянамъ—за ихъ участіе въ подавленіи мятежа, и намъ—за нашъ незванный «наѣздъ» на службу... И вотъ, среди этихъ-то всѣхъ различныхъ теченій, вліяній и національностей, приходилось намъ, русскимъ мировымъ посредникамъ, служить и дѣйствовать.

Съѣздъ (могилевскаго уѣзда), куда я былъ назначенъ, въ началѣ, кандидатомъ мироваго посредника, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдателемъ съѣзда былъ у насъ нѣкто А. А. Э—тъ, богатый помѣщикъ Смоленской губерніи, занимавшій тамъ, ранѣе, должность мироваго посредника; это былъ чисто-русскій человѣкъ, типъ богатаго барича стараго времени, близко, однако, знакомый съ бытомъ крестьянъ и ихъ нуждами; не смотря на все свое барство, человѣкъ этотъ зналъ порученное ему дѣло, любилъ крестьянъ и

трудился, иногда, безъ утомленія. Мировыхъ посредниковъ въ Могилевскомъ уѣздѣ было трое: князь Крапоткинъ, мѣстный помѣщикъ К—ичъ и бывшій учитель могилевской семинаріи Р—скій. Мнѣ довелось работать, совершенно самостоятельно, въ участкѣ перваго изъ этихъ посредниковъ — князя Н. С. Крапоткина, въ Шепелевичской волости, въ страшной глуши, на самой границѣ съ Минской губерніей. Вся эта волость, цѣликомъ, принадлежала двумъ братьямъ Шанявскимъ, изъ коихъ одинъ, старшій, былъ высланъ въ Тобольскъ, за преступленіе, квалификацію котораго невозможно найти въ Уложеніи о наказаніяхъ — за политическое хвастовство... Такъ, по крайней мѣрѣ, охарактеризовалъ преступленіе Шанявскаго самъ губернаторъ Беклемишевъ, мотивируя необходимость высылки изъ Могилева этого хвастуна, вся вина котораго состояла въ слѣдующемъ. Проживая въ Могилевѣ и ничего не дѣлая, онъ, обыкновенно, фланировалъ, съ утра, по лавкамъ, магазинамъ и по своимъ знакомымъ и сообщалъ имъ самые невѣроятные слухи, имѣющіе политическій характеръ, выдаваемые имъ какъ бы за свершившіеся уже факты. То, напримѣръ, онъ увѣрялъ всѣхъ, подъ честнымъ словомъ, что генералъ-губернаторъ Муравьевъ уже отравленъ въ Вильнѣ, но что это умышленно лишь скрываютъ; на другой день, онъ обѣгалъ весь городъ и сообщалъ о переходѣ трехъ французскихъ корпусовъ черезъ русскую границу и о поголовномъ, вслѣдствіе этого, возстаніи шляхты въ царствѣ Польскомъ; затѣмъ, онъ, добывъ гдѣ-то карту жонда народовѣго съ новыми границами Польши «отъ моря до моря», преспокойно раскладывалъ эту карту въ какомъ нибудь бойкомъ и людномъ магазинѣ и объяснялъ публикѣ границы «Могилевскаго воевудства», — сообщая при этомъ, къ слову, что онъ, Шанявскій, въ качествѣ будущаго начальника такого-то повята (уѣзда), будетъ имѣть свою резиденцію въ такомъ-то вотъ городѣ... Вранье это шло, съ каждымъ днемъ, crescendo, такъ что, наконецъ, даже терпѣніе добраго Беклемишева лопнуло, и онъ, снесясь съ Муравьевымъ, распорядился выслать этого болтуна изъ Могилева въ Тобольскъ. Впослѣдствіи, именно въ 1868 году, Шанявскій былъ возвращенъ на родину и мнѣ довелось съ нимъ встрѣтиться и познакомиться. Оказалось, что это былъ очень добрый малый и жуиръ большой руки, но хвасталъ онъ, подобно Хлестакову, на каждомъ шагу, по прежнему,—и съ этой стороны Тобольскъ нисколько его не вылѣчилъ. Онъ лишь научился тамъ клеить папиросныя гильзы, которыми торговалъ, — и больше ничего.

Младшій Шанявскій, съ которымъ мнѣ, на первыхъ порахъ моей дѣятельности по крестьянскому вопросу, пришлось имѣть дѣло, былъ типомъ совсѣмъ въ иномъ родѣ. Бывшій студентъ медикъ Кіевскаго университета, поспѣшившій, ко времени возстанія, оставить храмъ науки и явиться въ свой майонтокъ, онъ, наученный, можетъ быть,

опытомъ брата, былъ совершенною его противоположностью—сдержанъ, молчаливъ, остороженъ, очень угодливъ и хитеръ. Впрочемъ, угодливость эта была лишь на первыхъ порахъ—пока мы не столкнулись съ нимъ на дѣлѣ, при повѣркѣ уставныхъ грамотъ.

По положенію 19-го февраля, крестьяне Могилевской губерніи должны были быть надѣлены землею, въ количествѣ 4½ десятинъ на душу, удобной земли. Но польскіе мировые посредники, при введеніи уставныхъ грамотъ, отводили иногда крестьянамъ, во-первыхъ, вмѣсто указанной въ законѣ десятины (2,400 кв. саж.), мѣстный моргъ, который былъ много меньше десятины; а во-вторыхъ, подъ видомъ удобной земли, у крестьянъ въ надѣлѣ, при повѣркѣ, оказывалась всяческая земля — и удобная, состоящая изъ пашни и луговъ, и совершенно никуда негодная и ничего нестоющая земля — изъ овраговъ, дорогъ, болотъ и песчаныхъ или каменистыхъ участковъ и клочковъ, которые немыслимо было удобрять, а слѣдовательно, и что-либо сѣять на нихъ. Между тѣмъ, крестьяне, по уставной грамотѣ, обязывались платить полный, 9-ти-рублевый оброкъ за эти свои, на половину неудобные, надѣлы. Предстояло разобраться во всей этой путаницѣ, лжи и документальныхъ обманахъ и подлогахъ... Самое количество душъ въ селеніяхъ показано было, по уставнымъ грамотамъ, въ преувеличенномъ числѣ, съ тѣмъ, конечно, разсчетомъ, чтобы получать большій оброкъ, а впослѣдствіи — бо̀льшую выкупную ссуду. Отъ этого, недоимки на крестьянахъ успѣли уже образоваться весьма значительныя, — и Богъ-вѣсть, чѣмъ бы окончилось это систематическое ограбленіе крестьянъ въ Бѣлоруссіи, еслибы не «сдурѣли паны» и не учинили мятежа. Но и тутъ злая судьба бѣлоруссовъ едва-было не погубила ихъ окончательно. Дѣло въ томъ, что какъ въ Могилевской губерніи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ Витебской и Минской, есть значительныя имѣнія, принадлежащія русскимъ лицамъ, носящимъ извѣстныя русскія и нѣмецкія фамиліи, какъ, напримѣръ, Чернышевы-Кругликовы, князья Голицыны и Паскевичи, Львовы, Витгенштейны и пр.; всѣ эти важные господа въ имѣніяхъ своихъ никогда не живутъ, конечно, и держатъ управляющихъ — поляковъ и нѣмцевъ. Уклонившись отъ контрибуцій, платимыхъ лишь польскими помѣщиками, эти владѣльцы пожелали уклониться и отъ обязательнаго выкупа, при которомъ, какъ извѣстно, дѣлается скидка въ 20% съ выдаваемой помѣщику выкупной ссуды; но такъ какъ дѣлать для нихъ исключеніе, въ данномъ случаѣ, было бы не только неудобно, но даже и не безопасно (со стороны крестьянъ), и, въ добавокъ, несправедливо, то они стали доказывать въ Петербургѣ, что обязательный выкупъ для Бѣлоруссіи совсѣмъ излишенъ и что въ ней-де могутъ быть сохранены прежнія отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ къ своимъ отцамъ-благодѣтелямъ, бѣлорусскимъ помѣщикамъ... Бывшій въ то

время министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ отнесся къ этой идеѣ очень благосклонно и, заручившись представленіями и ходатайствами въ этомъ именно желаемомъ смыслѣ со стороны двухъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ губернаторовъ, могилевскаго и витебскаго, едва не провелъ было эту мѣру. Энергическій отпоръ явился со стороны М. Н. Муравьева, который и добился-таки примѣненія обязательнаго выкупа и къ Бѣлоруссіи. Такимъ образомъ, несчастное и многострадальное бѣлорусское населеніе было избавлено покойнымъ Муравьевымъ отъ окончательнаго и вѣчнаго порабощенія помѣщиками, порабощенія болѣе даже горшаго, чѣмъ оно было до отмѣны крѣпостнаго права, такъ какъ, до 19-го февраля 1861 года, надѣлы крестьянъ были совсѣмъ въ иныхъ границахъ: земли у нихъ, въ большинствѣ селеній, было достаточно, помѣщичья земля нигдѣ не подходила подъ самыя крестьянскія усадьбы — какъ это стало во многихъ деревняхъ послѣ введенія уставныхъ грамотъ, — и, вдобавокъ, кромѣ барщины, крестьяне не знали никакихъ иныхъ повинностей и поборовъ и имъ не приходилось платить «оброкъ за землю», отведенную имъ по грамотѣ и нестоющую и половины назначенныхъ за нее денежныхъ взносовъ.

Въ томъ участкѣ, гдѣ я занимался, мировымъ посредникомъ былъ, до мятежа, нѣкто помѣщикъ Позднякъ, сосланный, въ 1863 году, въ Сибирь за открытое и вооруженное участіе въ возстаніи: онъ былъ взятъ въ черноруцкой шайкѣ, въ Могилевскомъ уѣздѣ. Уставныя грамоты, составленныя этимъ посредникомъ, поражали насъ своею недобросовѣстностью. Пріѣдешь, бывало, съ землемѣромъ въ селеніе, соберешь домохозяевъ, пригласишь сосѣднихъ нѣсколько человѣкъ, въ качествѣ «добросовѣстныхъ» или понятыхъ, и начинаешь «обходить границы», и всегда почти въ сопутствіи самого помѣщика. Значится, напримѣръ, на планѣ, что крестьяне этой деревни имѣютъ лугу, положимъ, сорокъ десятинъ.

— Ведите насъ на вашъ лугъ, — обращаюсь, бывало, къ крестьянамъ.

— Да у насъ, панǒчку, нэмá ни якого сѣножатья,—отвѣчаютъ они, низко кланяясь.

— Да вотъ же, въ такомъ-то мѣстѣ, около кустарника, у васъ показано лугу 40 десятинъ. Туда и ведите.

— Нэма, панǒчку, нэма! тамъ болото... Тамъ тилько птушка перелетитъ; а ни человiку, ни коню тамъ не можно пройти.

— Все равно, ведите.

Идемъ. Помѣщикъ, сильно сконфуженный и недовольный, идетъ, хотя и неохотно, вмѣстѣ съ нами. Онъ начинаетъ заводить рѣчь на тэму о дождливомъ лѣтѣ, что теперь-де луга вездѣ позаливало водою и т. д.; крестьяне, между тѣмъ, пользуются случаемъ поговорить о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ и о томъ порядкѣ, который существовалъ у нихъ при введеніи уставной грамоты: ока-

зывается, что за ихъ упорство и несогласіе подписать грамоту всѣ они, поголовно почти, были высѣчены.

— Но вы, все-таки, подписали же эту уставную грамоту? — говорю я имъ, — вотъ и подпись ваша..

— Ни. Не подписали. Посредникъ забравъ печатку отъ старосты и тамъ, въ паньскомъ домѣ, хтось (кто-то) за насъ подписавъ...

— Брешете вы, пся крэвъ! — огрызается на нихъ не стерпѣвшій панъ...

Приглашая пана, чтобъ онъ въ моемъ присутствіи не бранился и былъ спокойнѣе, идемъ дальше. Приходимъ, наконецъ, къ «лугу»... Растетъ какая-то осока, рѣжущая руки; подальше отъ краевъ — топь и трясина, поросшая мелкимъ верескомъ... Идемъ дальше, и чувствуемъ, что почва подъ нами трясется и понемногу опускается внизъ: очевидно — это болото, можетъ быть даже и торфяное, но уже никакъ не «лугъ». Крестьяне, изъ опасенія провалиться сквозь землю, отказываются идти дальше и предостерегаютъ о томъ же насъ:

— Не швидко, панồчки, не швидко (не шибко)! ту не можно и выратовать васъ (спасти).

— Гдѣ же лугъ, гдѣ онъ?—спрашиваю у помѣщика.

— А это-же и есть лугъ. Въ сухое лѣто здѣсь превосходный сѣнокосъ...

Крестьяне и сосѣдніе «добросовѣстные» начинаютъ, конечно, доказывать противное—что здѣсь и въ сухое лѣто «гибнутъ кồни и человѣку пройти не можно; только птицы летаютъ и выводятся журавли»...

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ, оказывается обыкновенно слѣдующее. До 1861 года у крестьянъ этой деревни были луга совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ—«вонъ, за тѣмъ гаемъ,»—отрѣзанные теперь помѣщику. Частью этихъ луговъ крестьяне пользуются и теперь — арендуютъ нѣсколько десятинъ, и за это отработываютъ, въ рабочую пору, по нѣсколько дней съ души.

Съ луговъ, затѣмъ, идемъ на пашню, потомъ въ «дровяной лѣсъ», отведенный крестьянамъ на отопленіе, и вездѣ почти повторяется та же исторія: пашня—плохая, качество ея—подзолица, или съ мелкимъ камнемъ на поверхности; а вмѣсто лѣсу оказывается хворостъ; помѣщичья земля подошла подъ самыя усадьбы и, чтобъ не платить постоянныхъ штрафовъ, крестьяне арендуютъ эту землю подъ выгонъ и за нее также отрабатываютъ барщину—нѣсколько дней мужскихъ и женскихъ. Въ концѣ концовъ оказывается, что несчастные мужики и оброкъ за землю вносятъ въ казначейство, и барщину отработываютъ почти въ прежнемъ размѣрѣ...

Идемъ, всей компаніей, въ деревню и приступаемъ къ такъ-называемому добровольному соглашенію. Приходится предлагать помѣщику одно изъ двухъ: или согласиться на прирѣзку въ крестьянскій

надѣлъ всѣхъ тѣхъ земель и угодій, которыми они пользовались въ моментъ изданія манифеста 19-го февраля, или же—примириться съ значительнымъ пониженіемъ, на основаніи 175 ст. положенія о выкупѣ, выкупныхъ платежей, а, слѣдовательно, и выкупной ссуды. На эту ожидаемую ссуду большинство помѣщиковъ возлагало большія упованія: ею предстояло погасить долгъ сохранной казнѣ, а на остатки—жить и поддерживать разорявшееся хозяйство и имѣніе.

Не легко иногда приходилось добиваться этихъ «соглашеній!..» Случалось собирать крестьянъ по пяти и болѣе разъ, пока, наконецъ, удавалось составить выкупной актъ. Иногда мѣшала этому просто вражда между помѣщикомъ и крестьянами, ихъ религіозная рознь, старые счеты; иногда одно какое нибудь рѣзкое слово, сказанное крестьяниномъ, уничтожало труды нѣсколькихъ тяжелыхъ часовъ. При всемъ своемъ незлобіи и при всей забитости, бѣлорусскіе крестьяне не въ силахъ были иногда воздержать свой языкъ и не кинуть въ лицо своему бывшему пану и повелителю жесткое слово, которое не всегда удавалось предупредить и остановить во-время. Помню, напримѣръ, разъ такой случай. Покончивъ повѣрку уставной грамоты въ одномъ небольшомъ имѣньицѣ, принадлежавшемъ двумъ старосвѣтскимъ польскимъ помѣщицамъ, сестрамъ Сипайло, я, не утруждая ихъ приглашеніемъ въ селеніе, во дворъ старосты, поѣхалъ къ нимъ самъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ и старшиною; это было не болѣе версты отъ селенія, такъ что крестьяне шли за нами почти слѣдомъ, а мы нарочно ѣхали шагомъ. Подобные пріемы были необходимы, и я тщательно всегда избѣгалъ видѣться съ помѣщикомъ, до окончанія дѣла, безъ посторонняго присутствія крестьянъ. И здѣсь, съ старыми пани, я поступилъ также: добылъ столъ, устроился кое-какъ на дворѣ, пригласилъ помѣщицъ, и, къ крайнему удовольствію—покончилъ-было уже все дѣло въ какія нибудь четверть часа. Оставалось лишь подписаться обѣимъ сторонамъ. И вотъ, когда одна изъ сестеръ только-что было стала копировать свою подпись, сдѣланную для нея русскими буквами волостнымъ писаремъ, какъ вдругъ одинъ изъ крестьянъ, желая сказать имъ, очевидно, комплиментъ, громко проговорилъ:

— Наши пани—добрыя; тільки дюже стрекочатъ—якъ сороки...

— Какъ?! мы сороки??!.. закричали разомъ обѣ пани и, расплакавшись, тотчасъ же ушли «до покоя», въ домъ. Дѣйствительно, обѣ пани говорили чрезвычайно быстро, громко, словно горохъ сыпали—«якъ сороки», да еще обѣ въ одно и то же время и объ одномъ... И вотъ, пришлось идти уговаривать ихъ — простить дерзкаго виновника и забыть обиду... Пани долго плакали, но, наконецъ, простили, все-таки, своего оскорбителя и подписали выкупной актъ. Какъ у Гоголя, изъ-за слова «гусакъ» вышла цѣлая исторія между двумя добрыми людьми, такъ и здѣсь едва не рушилось серьезное дѣло изъ-за одного только слова — «сороки»...

Другой случай окончился болѣе неудачно и имѣлъ очень печальный исходъ. Въ одномъ селеніи (Кунцы), мнѣ очень долго пришлось уговаривать и помѣщика, и крестьянъ, чтобы они пришли между собою къ какому нибудь соглашенію; наконецъ, когда все уже, повидимому, было окончено и оставалось лишь составить актъ этого соглашенія съ обозначеніемъ границъ новаго крестьянскаго надѣла и геодезическимъ описаніемъ, на сходку явился старикъ-бѣлоруссъ, высокаго роста, сѣдой, какъ лунь, и слѣпой. Послушавъ нѣсколько минутъ переговоры своихъ односельцевъ съ помѣщикомъ, онъ вдругъ началъ протестовать, шумѣть и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что съ паномъ, какъ съ «мятежникомъ», ни въ какія соглашенія входить не слѣдуетъ, что панъ въ концѣ-концовъ ихъ непремѣнно обманетъ; затѣмъ, онъ напомнилъ сходкѣ, что отецъ этого пана былъ крайне жестокъ съ ними: «меня онъ высѣкъ 15 разъ», добавилъ старикъ... Слова эти были искрой, брошенной въ порохъ. Я сидѣлъ въ это время въ избѣ старосты и составлялъ актъ соглашенія; когда заслышавъ шумъ, я, вышелъ къ сходкѣ, происходившей, какъ и всегда, подъ открытымъ небомъ, то все уже было покончено: крестьяне отказались отъ состоявшагося уже соглашенія съ помѣщикомъ, и ни за что не хотѣли подписать акта. Пришлось поневолѣ ограничиться сбавкою выкупныхъ платежей. Это уменьшеніе выкупныхъ взносовъ представлялось для крестьянъ, на первыхъ порахъ, очень соблазнительнымъ: меньше земли — меньше и платы; но въ будущемъ, о которомъ они иногда не хотѣли и знать, эта мѣра была для нихъ положительнымъ раззореніемъ: при прогрессивномъ увеличеніи народонаселенія, безъ увеличенія, въ то же время и земли, крестьяне неминуемо должны были бѣдствовать и закабаляться въ отработки за ту же самую землю, отъ которой они при составленіи выкупнаго акта отказались.

Совсѣмъ иное происходило тогда, когда удавалось добиться соглашенія крестьянъ и уступокъ со стороны помѣщика, и мы, мировые посредники, были иногда такъ счастливы, что видѣли воочію плоды своихъ скромныхъ трудовъ и усилій въ этомъ дѣлѣ. Случалось такъ, что, послѣ повѣрки уставной грамоты, въ иномъ селеніи не только прекращалась всякая барщина на пана—въ видѣ отработковъ за угодья и арендуемую землю,—но даже крестьяне въ теченіе лѣта успѣвали заработывать у того же самаго помѣщика значительныя суммы, которыя вполнѣ и покрывали слѣдуемые съ нихъ выкупные платежи въ казну.

Бывали и такіе случаи. Послѣ нашей повѣрки, помѣщики, которые имѣли огромное количество рогатаго скота и лошадей, покупали, въ концѣ зимы, кормъ у своихъ же крестьянъ, у которыхъ этотъ кормъ оставался, вслѣдствіе очень малаго количества скота. Вотъ эти-то наши дѣйствія, надо полагать, и служили поводомъ къ

тому, что приснопамятная скарятинская «Вѣсть» обзывала насъ «соціалистами», а петербургскіе враги графа Муравьева поставили ему этотъ нашъ мнимый соціализмъ въ главную вину, трубили о немъ въ высшихъ сферахъ, съумѣли смутить даже государя, и въ концѣ, добились-таки того, что графъ Муравьевъ пожелалъ удалиться отъ должности генералъ-губернатара умиротвореннаго имъ края.

Предвидя въ будущемъ все громадное экономическое значеніе земли для крестьянъ, въ которой заключался весь жизненный для нихъ и ихъ потомства вопросъ и всѣ условія будущаго благосостоянія, мы, понятно, употребляли всѣ зависящія отъ насъ мѣры для приведенія въ исполненіе этой великой идеи, указанной изъ Вильны графомъ Муравьевымъ. Но иногда, мы встрѣчали непреоборимыя препятствія въ своихъ хлопотахъ—и не со стороны однихъ помѣщиковъ, но и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ, въ 1865 году, членами были одинъ полякъ и два помѣшика-бѣлорусса съ польскими же взглядами на это дѣло; во главѣ ихъ стоялъ богатый польскій панъ К—скій, губернскій предводитель дворянства, и секретарь присутствія Г—скій. Предсѣдатели съѣздовъ, дѣйствовавшіе въ русскомъ духѣ, въ пользу крестьянъ, встрѣчали, иногда, серьезныя противодѣйствія среди членовъ этого полу-польскаго присутствія,—и только личное вмѣшательство Беклемишева, который любилъ крестьянъ и желалъ имъ добра, улаживало дѣло, не довóдя его до Вильны. Въ началѣ 1866 года, при назначеніи членомъ могилевскаго присутствія подполковника С. И. Носовича, дѣлà пошли лучше и члены сразу перестали играть въ польскую руку. Но, къ сожалѣнію, свѣтлая и энергичная личность Носовича оказалась одинокимъ воиномъ въ полѣ,—и его, въ концѣ того же 1866 года, по донесенію жандармскаго подполковника Коцебу, уволили отъ должности, какъ соціалиста.

Польскіе же помѣщики противодѣйствовали намъ, при составленіи выкупныхъ актовъ, лишь въ двухъ случаяхъ: или когда ихъ имѣнія не были заложены въ сохранной казнѣ, и они, слѣдовательно, не особенно боялись пониженія выкупныхъ платежей; или же когда они имѣли съ своими бывшими крестьянами личные счеты по бывшему мятежу. Тутъ уже ничего нельзя было подѣлать. Въ послѣднихъ случаяхъ паны не желали входить съ «быдломъ» ни въ какія сношенія и переговоры,—и рѣдко удавалось смягчить ихъ и какъ нибудь урезонить: «нѐ хце»,—и баста!..

Чтобы объяснить эти чуства помѣщичьей злобы на крестьянъ, слѣдуетъ припомнить, что крестьяне, дѣйствительно, были, иногда, жестоки и безпощадны къ своимъ панамъ, участвуя, вмѣстѣ съ войсками, въ подавленіи возстанія. Они хватали помѣщиковъ не только въ лѣсахъ, но и въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ и домахъ, хватали на дорогахъ, связывали — и представляли въ Могилевъ, въ качествѣ мятежниковъ, пойманныхъ, будто бы, въ лѣсу.

При революціонномъ террорѣ въ краѣ и въ Могилевской губерніи и при всеобщей паникѣ властей, некогда, конечно, было разбирать—насколько дѣйствительно виноватъ привезенный панъ-ляхъ; его безъ церемоніи сажали въ острогъ, а экипажъ и лошадей отдавали въ полную собственность крестьянъ, доставившихъ «мятежника». Весною 1863 года, нэйтычанки, коляски и фаэтоны продавались въ Могилевѣ отъ 5-ти до 25-ти рублей, не дороже; ихъ покупали у крестьянъ жиды,—и потомъ, когда страсти улеглись и порядокъ былъ возстановленъ, продавали въ-десятеро дороже тѣмъ же помѣщикамъ и русскимъ чиновникамъ.

Интересно, при этомъ, слѣдующее обстоятельство. Крестьяне рѣдко брали своего помѣщика; они очень дипломатично поступали такимъ образомъ: крестьяне пана А. забирали и везли въ Могилевъ пана Б., а крестьяне этого послѣдняго являлись очень спокойно въ фольваркъ пана А., связывали ему руки и ноги, выбирали самый лучшій экипажъ въ каретномъ сараѣ и самыхъ лучшихъ лошадей въ конюшнѣ,—и ѣхали въ губернскій городъ. Безобразіе и своеволіе было большое, но предотвратить это власти не могли: мятежъ ударилъ надъ ихъ головами какъ неожиданный громъ, они его не ждали—войскъ было очень мало, по лѣсамъ бродили и грабили шайки,—и власти были непритворно рады, что крестьяне явились имъ на подмогу—стали ловить и представлять въ Могилевъ безпокойныхъ польскихъ пановъ, надѣлавшихъ всю эту кутерьму и «замѣшанье». Впослѣдствіи, военно-судныя коммисіи освободили болѣе двухъ третей привезенныхъ крестьянами помѣщиковъ, за недостаткомъ уликъ; но отъ этого, понятно, освобожденнымъ было не легче...

При разборѣ всѣхъ этихъ арестованныхъ, происходили, иногда, сцены очень комическія. Такъ, напримѣръ, когда коммисія приступила къ дѣлу помѣщика С—ло, обвинявшагося въ изготовленіи для повстанцевъ сухарей, вызвала крестьянъ, доставившихъ его, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Могилевъ, и стала опрашивать ихъ, въ качествѣ свидѣтелей—при какихъ обстоятельствахъ и за что именно былъ взятъ С—ло, то крестьяне отвѣчали, что взяли его за то, что онъ дѣйствительно пёкъ сухари.

— Черные сухари?—спросилъ одинъ изъ презусовъ коммисіи.

— Ни; бѣлые. Енъ богатый, черныхъ не ѣсть.

— Ну, и что же,—доставлялъ онъ эти сухари мятежникамъ, въ шайки?

— Бронь Боже! ёнъ такій недобрый, скупый...

— Для чего же онъ ихъ пёкъ?

— Самъ ѣлъ,—спокойно и наивно отвѣчали крестьяне...

А между тѣмъ, этотъ панъ, за свою любовь къ бѣлымъ сухарямъ, отсидѣлъ уже, пока о немъ вспомнили, нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ,—откуда его, конечно, тотчасъ же и выпустили.

И вотъ, когда при повѣркѣ уставныхъ грамотъ приходилось имѣть дѣло съ подобнымъ паномъ, пострадавшимъ отъ крестьянъ, то никакія убѣжденія и мѣры не могли уже привести его къ добровольному соглашенію съ ними:—Нé хце!—и баста... Приходилось, по неволѣ, составлять выкупной актъ безъ согласія помѣщика, понижая при этомъ выкупные платежи до minimum'а, — если крестьянскіе надѣлы нельзя было сдѣлать удобными — т. е. если и во время изданія манифеста 19-го февраля ихъ земельное владѣніе не представляло никакихъ выгодъ и возможности прокормиться и внести ежегодные выкупные платежи. Въ томъ и другомъ случаѣ, на наши головы сыпались со стороны пановъ всевозможныя нареканія, проклятія, клеветы и всяческія поношенія; все это, въ общемъ, способствовало тому, что за рьянымъ мировымъ посредникомъ устанавливалась прочная репутація «соціалиста» и ежеминутная возможность (впослѣдствіи, послѣ увольненія покойнаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана) быть удалену отъ должности—«для пользы службы».

Эти мнимые «соціалисты», выжитые, вскорѣ, изъ Могилевской губерніи, разсѣялись по всему лицу земли русской, оставивъ послѣ себя добрую память лишь у крестьянъ, для блага которыхъ они потрудились. Нѣкоторыхъ изъ этихъ моихъ сослуживцевъ я и теперь вспоминаю съ истиннымъ удовольствіемъ и съ уваженіемъ. Помню я Быховскаго предводителя дворянства, инженеръ-капитана А. М. Лоренцевича, горецкаго — князя А. М. Дондукова-Корсакова; мировыхъ посредниковъ: князя Н. С. Крапоткина, графа Цукато, Каргопольцева и В. Е. Качурина, предсѣдателей съѣздовъ: могилевскаго — А. А. Энгельгардта, чаусовскаго — Мясоѣдова, члена крестьянскаго присутствія Носовича, и др. Многихъ изъ нихъ давно уже нѣтъ и на свѣтѣ: Лоренцевичъ, напримѣръ, застрѣлился, Каргопольцевъ, служившій потомъ въ Туркестанѣ мировымъ судьей, былъ убитъ, въ ссорѣ, барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ... Изъ живыхъ, нѣкоторые служатъ и теперь, и остаются, повидимому, вѣрны разъ усвоенному ими, въ сѣверо-западномъ краѣ, принципу и взглядамъ на служебное дѣло: такъ, напримѣръ, С. И. Носовичъ ведетъ, судя по газетамъ (1882 года), войну съ неправдой въ Сибири, гдѣ онъ занимаетъ постъ иркутскаго губернатора. Замѣчательно, что всѣ эти лица—какъ и другія, имъ подобныя—не пожелали воспользоваться, въ свое время, въ Могилевской губерніи ни однимъ вершкомъ земли изъ раздаваемыхъ тогда щедрою рукою конфискованныхъ и секвестрованныхъ польскихъ имѣній, на льготныхъ условіяхъ 37-ми-лѣтней уплаты денегъ за эти имѣнія въ казну. Все это, вмѣстѣ съ орденами и чинами, хватали въ свои хищническія, цѣпкія руки различные проходимцы, пролазы и авантюристы, которые не имѣли, да и не могли имѣть съ нами ничего общаго.

VI.

Основанiе народныхъ училищъ въ Сѣннинскомъ уѣздѣ. — Противодѣйствiе этому дѣлу со стороны евреевъ и самихъ крестьянъ. — Пожары въ училищахъ. — Содѣйствiе духовенства. — Участiе дирекцiи народныхъ училищъ и попечителя П. Н. Батюшкова. — Учитель, преподающiй маршировку и ружейные прiемы. — Ученикъ по найму.

Въ предъидущей главѣ я обрисовалъ положенiе того дѣла, для котораго собственно мы и были призваны въ край—т. е. повѣрку уставныхъ грамотъ и составленiе выкупныхъ актовъ. Этимъ же дѣломъ мнѣ довелось, въ слѣдующемъ 1866 году, заниматься и въ Быховскомъ уѣздѣ, куда я былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, и въ Сѣннинскомъ, куда я, годъ спустя, былъ переведенъ на ту же должность и гдѣ пробылъ четыре года. Вездѣ приходилось встрѣчаться съ одними и тѣми же условiями: съ поражающею бѣдностью крестьянъ, съ недоброжелательствомъ помѣщиковъ и съ уставными грамотами, составленными самымъ обманнымъ и недобросовѣстнымъ образомъ... Но, занимая самостоятельную уже должность мирового посредника, мнѣ довелось знакомиться и со всѣми другими разнообразными условiями мѣстной жизни, среди которыхъ надо было жить, служить и дѣйствовать. На первомъ планѣ—по крайней мѣрѣ для меня—стояли народныя училища и главные дѣятели и труженики этихъ училищъ—народные учителя и сельскiе священники.

Въ эти годы, которыхъ касаются мои «воспоминанiя», дѣло народнаго образованiя въ Могилевской губернiи было въ самомъ печальномъ положенiи. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ участкѣ Быховскаго уѣзда, куда я, въ январѣ 1866 года, былъ назначенъ посредникомъ, было, въ пяти волостяхъ, всего одно училище, въ мѣстечкѣ Пропойскѣ, да и то не было вовсе обезпечено въ матерiальномъ отношенiи; а въ 3-мъ участкѣ Сѣннинскаго уѣзда, куда я, годъ спустя, былъ переведенъ, въ семи волостяхъ, составлявшихъ участокъ, не было ни одного училища.

Бывшiе мировые посредники этихъ участковъ, изъ поляковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ бѣлоруссовъ, относились къ дѣлу народнаго образованiя крайне индиферентно: они, подобно многимъ помѣщикамъ того времени, находили, что грамотность для крестьянина, какъ для простой рабочей силы, по меньшей мѣрѣ безполезна. Сами крестьяне были, повидимому, того же мнѣнiя и всячески отлынивали отъ постройки и, вообще, отъ учрежденiя и основанiя у нихъ училищъ. Вначалѣ, это пассивное противодѣйствiе крестьянъ было для меня чистою загадкою; но потомъ, дѣло разъяснилось. Оказалось, что между крестьянами—въ Сѣннинскомъ, напримѣръ, уѣздѣ—уста-

новилось твердое убѣжденіе, что всѣ мальчики, которые только обучатся грамотѣ, будутъ впослѣдствіи непремѣнно взяты въ «москали», т. е. въ солдаты. Первыми авторами и, затѣмъ, распространителями этой умышленной лжи являлись евреи, которые, болѣе чѣмъ кто либо, боялись и не желали развитія грамотности между крестьянскимъ населеніемъ края, между населеніемъ, которое они эксплуатировали совершенно безнаказанно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, благодаря, главнымъ образомъ, его темнотѣ и безграмотности. Евреи отлично понимали, что пока бѣлорусскій крестьянинъ неразвитъ, забитъ и тупъ, до тѣхъ поръ онъ всецѣло находится въ ихъ цѣпкихъ рукахъ; до тѣхъ поръ все его достояніе, весь заработокъ и излишекъ будетъ переходить въ его, еврея, карманъ... Мнѣ, поэтому, стоило, иногда, неимовѣрныхъ усилій и терпѣнія, чтобы добиться отъ волостнаго схода согласія и приговора на устройство при волости училища. При первыхъ же моихъ словахъ, крестьяне, обыкновенно, заводили рѣчь о своей бѣдности и неимѣніи средствъ для постройки и поддержанія училища... Въ этихъ случаяхъ, я прибѣгалъ, иногда, къ маленькой хитрости. Замѣтивъ особенно сильныхъ крикуновъ, я вызывалъ ихъ впередъ и начиналъ урезонивать каждаго порознь. Всегда оказывалось одно изъ двухъ: или крикунъ имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, за которыхъ боялся, что ихъ всѣхъ заберутъ «въ москали», или же, это былъ какой нибудь горчайшій пьяница, кричавшій на сходѣ съ голосу своего корчмаря Ицки, у котораго онъ состоялъ въ неоплатномъ долгу. Въ послѣднемъ случаѣ, приходилось вести съ этимъ крикуномъ слѣдующій, примѣрно, діалогъ:

— Такъ ты, Остапъ, рѣшительно не хочешь, чтобы въ вашей волости было училище?

— Не хо̀чу.

— Почему же именно?

— Не ма гро̀шей.

— Да вѣдь тутъ немного нужно: въ вашей волости двѣ тысячи слишкомъ душъ; лѣсъ у васъ найдется свой, работники и плотники—тоже свои, и придется вамъ дать не болѣе какъ по злоту (15 к.) съ души—на всю постройку и обзаведеніе; затѣмъ, составите второй приговоръ, что будете, при взносѣ мірскихъ суммъ, добавлять каждый годъ по 10 к. или по 12-ти—на добавочное жалованье учителю и сторожу; начальство же изъ Могилева (дирекція) будетъ прибавлять жалованье учителю и батюшкѣ отъ себя и будетъ, вдобавокъ, высылать въ училище книжки, безплатно.

На все это слѣдуетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:—Не ма гро̀шей!..

— Даже и злота не имѣешь на училище?

— Не ма и жаднéго злота.

— Ну, хорошо. Теперь, скажи, сколько злотовъ ты пропиваешь въ годъ?

Въ отвѣтъ—молчаніе и видимый конфузъ...

— Можетъ быть, ты забылъ? или тебѣ трудно счесть?.. Тогда, скажи лишь, сколько ты пропилъ въ прошлое воскресенье?..

Пристыженный крикунъ понижаетъ тонъ, и дѣло, мало по малу, улаживается самымъ благополучнымъ образомъ: тутъ же, при мнѣ, составляется приговоръ, тутъ же онъ подписывается крестьянами и утверждается мною. Именно такого рода сцена, почти буквально, происходила у меня въ Мошканскомъ волостномъ правленіи Сѣннинскаго уѣзда, осенью 1877 года, гдѣ мѣстный корчмарь-еврей употреблялъ всѣ возможныя отъ него средства и силы для недопущенія устройства училища. Въ концѣ, онъ добился-таки своего: училище это хотя и было выстроено и вполнѣ заведено, но, въ слѣдующемъ же году, отъ неизвѣстной причины, сгорѣло до-тла; а новое училище въ этой же волости крестьяне пожелали выстроить совсѣмъ уже въ другомъ селеніи и при другой церкви, настоятель которой (священникъ Сорокалѣтовъ) пользовался у крестьянъ большою любовью и уваженіемъ. Желаніе ихъ было, конечно, исполнено,—и довольно большое селеніе Мошканы такъ и осталось безъ училища.

Точно также, и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ Сѣннинскомъ уѣздѣ, въ моемъ участкѣ, было сожжено неизвѣстною рукою народное училище въ мѣстечкѣ Островнѣ, просуществовавшее всего нѣсколько мѣсяцевъ. Учитель этого училища, студентъ семинаріи Потаповичъ, отправился вмѣстѣ съ сторожемъ въ баню, заперевъ училище на замокъ. Спустя полчаса, училище пылало уже со всѣхъ сторонъ, и нельзя было даже узнать впослѣдствіи, въ какомъ мѣстѣ начался пожаръ... Евреи мѣстечка Островны подавали даже ко мнѣ, ранѣе, формальное прошеніе, въ которомъ ходатайствовали, чтобы предполагавшееся училище было выстроено не въ мѣстечкѣ Островнѣ, а въ сосѣднемъ селеніи Дорогокуповѣ. Прошеніе это было оставлено мною безъ послѣдствій — и въ результатѣ, произошелъ пожаръ, «отъ неизвѣстной причины»... Такъ какъ училища эти были застрахованы, то на долю крестьянъ и мою выпадали одни лишь новые хлопоты и труды, безъ матеріальныхъ убытковъ. Ученіе дѣтей, конечно, прекращалось на нѣкоторое время; но, тѣмъ не менѣе, постройки шли такъ быстро, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оба сгорѣвшія училища были отстроены вновь.

Главную помощь и содѣйствіе въ училищномъ дѣлѣ оказывали, обыкновенно, мѣстные священники—эти, почти безкорыстные, труженики въ дѣлѣ народнаго образованія въ Бѣлоруссіи. Получая въ сущности ничтожные гроши (60 руб. въ годъ) за свое законоучительство, священники Сѣннинскаго уѣзда (о которомъ, собственно, и идетъ теперь рѣчь) полагали всю душу свою въ эти скромныя и жалкія волостныя училища. Только благодаря содѣйствію и вліянію духовенства, мнѣ удалось разсѣять въ крестьянахъ

существовавшія у нихъ предубѣжденія противъ училищъ, внушенныя евреями, и поселить вѣру въ полезность этихъ училищъ. Священники же, главнымъ образомъ, руководили и учителями — молодыми людьми, совершенно неопытными, попадавшими на мѣста прямо со школьной семинарской скамьи. А когда тѣ же самые священники составили потомъ изъ учениковъ народныхъ училищъ небольшіе церковные хоры, замѣнившіе собою раздирательное пѣніе дьячковъ и отставныхъ солдатъ, то дѣло училищъ въ своемъ участкѣ я считалъ упроченнымъ навсегда: крестьяне, видя воочію результаты обученія, не только не уклонялись отъ участія въ поддержаніи своихъ училищъ, но, напротивъ, сами, иногда, на волостныхъ сходахъ, заводили рѣчь о необходимости той или другой мѣры, въ видахъ улучшенія училищнаго дѣла; затѣмъ, перестали скрывать своихъ дѣтей отъ обученія, опредѣлили небольшіе (въ 5 коп.) штрафы съ родителей за каждый пропущенный ребенкомъ классъ, каковыя деньги шли на поддержку тѣхъ же училищъ; наконецъ — и это было самое главное — крестьяне всѣхъ трехъ волостей участка, гдѣ мною были основаны училища — Мошканской, Островенской и Латыговской—согласились на устройство при этихъ училищахъ, какъ они называли, ко́нвиктовъ: т. е. стола и постелей для дѣтей изъ отдаленныхъ отъ мѣста училищъ деревень и селеній. На эту мѣру крестьяне долго не соглашались, отзываясь все тѣмъ же неимѣніемъ «гро́шей»; но когда, однажды, въ латыговское волостное училище явилось двое мальчиковъ, пришедшихъ въ классъ, за шесть верстъ, въ двадцатиградусный морозъ, съ отмороженными пальцами и ушами, я собралъ волостные сходы и, при содѣйствіи священниковъ, добился-таки приговоровъ крестьянъ на устроеніе этихъ конвиктовъ: положено было собирать въ училища, въ началѣ каждой осени, ржаную муку, крупу и пшено, картофель, сало и соль, и пр., и, кромѣ того, съ каждой ревизской души по двѣ или по три копѣйки на наемъ стряпухи и покупку кухонной посуды. Такимъ образомъ, дѣло училищъ въ участкѣ Богъ помогъ мнѣ поставить прочно и основательно. Дѣти отдаленныхъ деревень стали отдаваться родителями въ училища гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде: имъ не нужно уже было ходить каждый день за нѣсколько верстъ, полемъ и лѣсомъ, въ классъ, и число учащихся дѣтей стало, вслѣдствіе этого, значительно увеличиваться.

Теперь, слишкомъ пятнадцать лѣтъ спустя, я вспоминаю обо всемъ этомъ съ особеннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ, и ради одного только этого дѣла, охотно забываю всѣ тѣ огорченія и непріятности, начиная съ незаслуженныхъ обвиненій въ «соціализмѣ» и кончая бывшею у меня, позднѣе, войною съ полиціей и губернскою администраціею, которыя потомъ пришлось пережить и испытать... Съ неменьшимъ отраднымъ удовольствіемъ я вспоминаю

свѣтлыя и симпатичныя личности моихъ усердныхъ помощниковъ въ этомъ серьезномъ и благомъ дѣлѣ — священниковъ Хруцкаго и Сорокалѣтова, трудившихся не покладая рукъ и гораздо болѣе моего въ дѣлѣ обученія. Первый изъ нихъ былъ бѣднымъ приходскимъ священникомъ въ Латыговской волости, въ селеніи Ходцахъ — отчего и самое училище называлось у крестьянъ ходчанскимъ. Этотъ священникъ положилъ всю душу свою въ училище, отдавая ему и все свое свободное время отъ пастырскихъ трудовъ и остатокъ отъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ — покупая, часто, дѣтямъ сапоги, шапки, угощая ихъ чаемъ и сластями. Шесть лѣтъ назадъ, въ 1877 году, проѣзжая по московско-брестской дорогѣ, я встрѣтился на станціи Толочинъ съ однимъ изъ сѣннинскихъ мировыхъ судей, бывшимъ въ Могилевской губерніи, въ мое время, мировымъ посредникомъ, и узналъ отъ него, что священникъ Хруцкій умеръ отъ чахотки, оставивъ свою семью безъ всякихъ средствъ къ жизни; его вдова едва добилась мѣста просвирни при той же ходчанской церкви...

Не мало также обязано было процвѣтаніе основанныхъ училищъ и дирекціи. Всѣ наши заявленія и просьбы исполнялись охотно; дирекція высылала намъ достаточное количество учебныхъ пособій и матеріаловъ, мѣняла, иногда, учителей, если они оказывались почему-либо неудобными. Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа былъ въ это время родной братъ извѣстнаго покойнаго поэта, П. Н. Батюшковъ, зорко слѣдившій за дѣломъ народнаго образованія въ округѣ, отлично понимавшій весь серьезный смыслъ и значеніе этого образованія въ будущемъ сѣверо-западнаго края и дѣлавшій, поэтому, для народныхъ школъ все, что онъ могъ и что въ силахъ былъ сдѣлать. У меня сохранились два письма Помпея Николаевича ко мнѣ, писанныя въ 1869 году, гдѣ онъ выражалъ мнѣ свою искреннюю признательность за скромные труды въ дѣлѣ народнаго образованія, и я берегу письма эти, какъ лучшее воспоминаніе лучшихъ лѣтъ моей жизни, какъ самую дорогую и, въ сущности, единственную награду, которую я получилъ въ то время за свои труды.

Богъ вѣсть, въ какомъ теперь положеніи эти училища и цѣлы ли они?... Можетъ быть они въ положеніи еще лучшемъ. Дай Богъ. Но я и многіе мои сотоварищи — такіе же «соціалисты» — твердо убѣждены, что какъ въ дѣлѣ училищъ, такъ и въ устройствѣ земельнаго быта крестьянъ, мы трудились не напрасно и оставили по себѣ замѣтный слѣдъ, который не въ силахъ были замести никакіе послѣдовавшіе, часто измѣнявшіеся, вѣтры «внутренней политики» сѣверо-западнаго края...

. . . . .

Какъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, такъ и въ дѣлѣ училищъ не обходилось иногда безъ непріятностей и курьезовъ. О не-

пріятностяхъ, въ видѣ двухъ пожаровъ, я уже говорилъ; курьезы же бывали въ такомъ родѣ. Въ мошканское народное училище присланъ былъ, однажды, изъ Могилева учителемъ совсѣмъ малограмотный человѣкъ и, вдобавокъ, большой жуиръ. Нѣсколько недѣль спустя по его прибытіи, ко мнѣ пріѣхалъ волостной старшина и сообщилъ, что дѣти почти постоянно находятся одни, безъ учителя, что на уроки ходитъ одинъ «батюшка», а учитель, взявъ впередъ жалованье, ѣздитъ по всему околотку на крестьянскихъ лошадяхъ и ищетъ себѣ подходящую невѣсту.

— Учитъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, чему-нибудь ребятишекъ?— спрашиваю старшину.

— А якъ-же—учитъ... Уставитъ въ рядъ, якъ москáлей, та й учитъ.

Объяснилось, что учитель вздумалъ учить дѣтей совсѣмъ не тому, чему слѣдовало бы — что учитъ онъ ихъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ... Самъ онъ оказался отставнымъ юнкеромъ какого-то пѣхотнаго полка, неодолѣвшимъ премудрости юнкерскаго училища, оставившимъ, вслѣдствіе этого, службу и застрявшимъ въ Могилевѣ. Такъ какъ онъ былъ землякомъ и дальнимъ родственникомъ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, то его, ничто же сумняся, и отправили обучать юношество... Дѣло выходило очень щекотливое. Я жилъ съ дирекціей въ большомъ ладу, а тутъ, поневолѣ, нужно было заводить непріятную переписку и подвергать остракизму только-что присланнаго дирекціею педагога. Дѣлать нечего, велѣлъ на другой же день заложить лошадей и поѣхалъ въ это училище, отстоявшее отъ меня въ 15-ти верстахъ. Пріѣзжаю — и застаю все въ лучшемъ видѣ: вездѣ чистота, порядокъ, полы выскоблены, всѣ дѣти подстрижены подъ гребенку... Въ классѣ засѣдаетъ самъ учитель, очень молодой человѣкъ, одѣтый франтомъ; идетъ классъ ариѳметики. Начинаетъ онъ вызывать учениковъ къ доскѣ и задавать имъ задачи; дѣти отвѣчаютъ плохо, нерѣшительно и ничего почти не знаютъ.

— Вызовите лучшихъ учениковъ,—прошу учителя.

Онъ вызываетъ двухъ мальчиковъ и тѣ отвѣчаютъ бойко и хорошо, знаютъ сложеніе и вычитаніе. Учитель вздумалъ-было тутъ-же объяснять имъ правило умноженія, но тотчасъ же сбился самъ, помножая на ноль...

— Давно ли вы выучились складывать и вычитать? — спрашиваю этихъ двухъ мальчиковъ.

— А еще въ прошломъ рóку (году), отъ батюшки.

— Чѣмъ же они занимались съ вами? — полюбопытствовалъ я узнать у учителя.

Оказалось — ничѣмъ. Въ сѣняхъ, въ углу, стояла цѣлая куча какихъ-то деревянныхъ колодокъ, замѣнявшихъ ружья во время военныхъ экзерцицій... Предупрежденный старшиной о моемъ прі-

ѣздѣ, юнкеръ-педагогъ остался дома, привелъ въ порядокъ училище, придавъ ему внѣшній лоскъ и видъ, и разсчитывалъ, очевидно, что дѣло какъ-нибудь сойдетъ съ рукъ...

— Къ чему вы учите дѣтей маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ?—задалъ я вопросъ педагогу, при самомъ уже отъѣздѣ изъ училища.

— А на всякій случай. Попадутъ въ военную службу, и имъ будетъ легко.

— Я бы васъ попросилъ—не учить. Можете вы мнѣ обѣщать это?

— Хорошо, я не буду учить...

На этомъ мы и разстались. Вскорѣ же, въ этомъ училищѣ произошелъ пожаръ, и я воспользовался случаемъ просить дирекцію отозвать этого невозможнаго педагога. Просьба моя была исполнена, и его вскорѣ же куда-то перевели.

Второй памятный мнѣ курьезъ былъ въ Островенскомъ училищѣ. Въ началѣ, какъ я уже говорилъ, крестьяне относились къ училищамъ крайне несимпатично и, напуганные жидами, всячески уклонялись отъ отдачи въ эти училища своихъ дѣтей. Приходилось поэтому прибѣгнуть къ нѣкоторому понужденію и слѣдующей, довольно оригинальной мѣрѣ: напримѣръ, если училище могло вмѣщать въ себѣ 50 мальчиковъ, а въ данной волости было 500 дворовъ, то отъ каждыхъ десяти дворовъ было для крестьянъ обязательно доставить въ училище одного ученика; а такъ какъ крестьяне добровольно этого не дѣлали, то сельскіе старосты ввели жеребьевую систему. И вотъ, достался разъ этотъ жеребій одному довольно зажиточному крестьянину, имѣвшему трехъ сыновей, подростковъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; не долго думая, богатый крестьянинъ обращается къ своему односельцу, пастуху, у котораго былъ всего одинъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, и нанимаетъ у него сына ходить въ училище вмѣсто своего, вынувшаго жеребій... Я узналъ объ этой исторіи совершенно случайно, спустя годъ, на происходившемъ въ моемъ присутствіи экзаменѣ: меня особенно удивилъ одинъ бойкій и умненькій мальчикъ, отвѣчавшій на всѣ вопросы толково и складно.

— Кто онъ такой? спросилъ я послѣ экзамена у волостнаго старшины.

— Ёнъ наймитъ, былъ отвѣтъ...

И дѣло, такимъ образомъ, выплыло на божій свѣтъ... Оказалось, что и старшина, и писарь отлично знали эту исторію, но не видѣли въ ней ничего необыкновеннаго и невозможнаго. Такъ и остался этотъ «наймитъ» въ училищѣ, и спустя еще годъ, окончилъ курсъ народнаго училища первымъ ученикомъ. Какая была дальнѣйшая судьба этого талантливаго ребенка, нанявшагося учиться,—я не знаю, такъ какъ вскорѣ оставилъ и службу, и тотъ край.

Въ годъ оставленія мною службы, мнѣ очень хотѣлось ввести въ программу обученія въ народныхъ училищахъ особый, такъ-сказать, предметъ — ознакомленіе учениковъ съ положеніемъ 19-го февраля, въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, и существенныхъ его чертахъ, напримѣръ, съ правами крестьянъ и ихъ обязанностями, съ волостными судами, съ сферою дѣятельности волостныхъ и сельскихъ сходовъ, и проч. Я началъ по этому поводу переписку съ дирекціей народныхъ училищъ Могилевской губерніи, а самъ приступилъ-было уже къ составленію подходящаго «руководства» для своихъ училищъ. Но дирекція, не разрѣшивъ моего ходатайства собственною властью, отнеслась къ попечителю Виленскаго округа, а оттуда послѣдовалъ категорическій отказъ. Тогда, я возобновилъ представленіе по этому вопросу лично отъ себя и получилъ новый отказъ, ничѣмъ даже не мотивированный. Волостные писаря, слѣдовательно, такъ и остались единственными въ волостяхъ юристами и истолкователями положенія 19-го февраля и главными руководителями сходовъ и даже волостныхъ судовъ.

VII.

Увольненіе Беклемишева и бывшія интриги противъ него. — Его отношенія къ крестьянамъ.—Мое первое представленіе ему.—Назначеніе Виленскимъ генералъ-губернаторомъ А. Л. Потапова. — Имѣвшіяся о немъ въ краѣ свѣдѣнія. — Его объѣздъ края въ 1868 году.

Весною 1868 года, могилевскій губернаторъ, покойный А. П. Беклемишевъ, былъ уволенъ отъ должности, «согласно прошенію», съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ... Это была самая чувствительная и невознаградимая потеря для Могилевской губерніи, которою управлялъ этотъ добрый и честный человѣкъ въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ. Увольненіе его было дѣломъ интриги, подпольной, черной и самой отвратительной интриги!.. Дѣло началось, какъ это бываетъ на Руси сплошь и рядомъ, съ личныхъ столкновеній: Беклемишевъ не поладилъ съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, съ губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ и съ военными властями Могилева — начальникомъ 29-й пѣхотной дивизіи (нынѣ тоже покойнымъ) генералъ-лейтенантомъ Рудановскимъ и съ губернскимъ воинскимъ начальникомъ. Непріязненныя личныя отношенія перешли вскорѣ, какъ водится, въ служебныя, и началась весьма дружная и правильная атака и подкопы противъ губернатора. Первую атаку, начавшуюся еще въ 1866 году, Беклемишевъ отразилъ очень успѣшно. Бывшій

въ то время Виленскимъ генералъ-губернаторомъ К. П. Кауфманъ (тоже покойный), хорошо знавшій всю закулисную сторону этой интриги, поддержалъ Беклемишева въ Петербургѣ, и онъ уцѣлѣлъ; сдѣланные доносы на него обрушились на самихъ доносителей: одинъ изъ нихъ, жандармскій подполковникъ Коцебу, былъ переведенъ въ Вятку, другой, воинскій губернскій начальникъ, полковникъ Тиньковъ—въ Витебскъ. Но въ 1868 году, при происшедшихъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и главное при ожидаемомъ назначеніи Виленскимъ генералъ-губернаторомъ извѣстнаго генерала Потапова, козни и интриги противу Беклемишева начались вновь и увѣнчались на этотъ разъ полнѣйшимъ успѣхомъ. Новый жандармскій полковникъ, желая поддержать пошатнувшійся престижъ своего предмѣстника, сталъ посылать доносы на Беклемишева въ Петербургъ crescendo; они, понятно, попадали въ руки всесильнаго тогда графа Шувалова, — и все это кончилось тѣмъ, что самый, можно сказать, лучшій и вѣрнѣйшій слуга царскій въ сѣверо-западномъ краѣ, одинъ изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ губернаторовъ въ Россіи, былъ уволенъ отъ должности... По одному изъ подтвердившихся доносовъ, на благороднѣйшаго Беклемишева взвалили отвѣтственность за какія-то нечистыя и некрасивыя аферы одного мирового посредника (изъ нѣмцевъ), который, получивъ польское имѣніе на льготныхъ правахъ (изъ числа конфискованныхъ), устроилъ въ этомъ имѣніи обширную запашку и различные заводы и заставилъ крестьянъ своего участка работать на себя, какъ на помѣщика, старинную барщину—за самое ничтожное вознагражденіе. Беклемишевъ былъ обвиненъ «въ знаніи, попустительствѣ, недонесеніи», и проч. Афериста-посредника прогнали, конечно, со службы, но суду почему-то не предали и дѣло въ концѣ-концовъ было, все-таки, замято; кѣмъ и ради чего — этого я не знаю и не помню теперь.

Покойный А. П. Беклемишевъ, причисленный къ министерству, не долго оставался въ бездѣйствіи и въ тѣни. Исполняя различныя возлагавшіяся на него порученія, онъ вскорѣ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства, произведенъ былъ въ тайные совѣтники, получилъ Бѣлаго Орла; но неумолимая смерть прекратила, въ 1878 году, эту честную и благородную жизнь: онъ умеръ не имѣя, кажется, и 50-ти лѣтъ отъ роду, оставшись до конца жизни своей *идеалистомъ*, въ лучшемъ значеніи этого слова, съ безконечною и всегдашнею вѣрою въ людей, въ силу Россіи и ея будущее, умеръ почти бѣднякомъ, ничего почти не оставивъ своей большой семьѣ...

Лица, которыя знали покойнаго Александра Петровича, или служили съ нимъ, если имъ доведется читать мои «воспоминанія», согласятся, вѣроятно, съ тѣмъ, что добрые отзывы объ этомъ человѣкѣ не преувеличены нисколько. Я лишь счелъ своимъ долгомъ

почтить добрую память этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка, замѣчательнаго уже по одному тому, что онъ не былъ вовсе похожъ на «администратора». Запуганные отъ вѣку крестьяне-бѣлоруссы любили его, вѣрили ему безусловно (что рѣдко бываетъ въ данныхъ случаяхъ), шли къ нему толпами съ письменными и словесными просьбами, и онъ терпѣливо и внимательно выслушивалъ всѣхъ и каждаго, каждаго удовлетворялъ если было возможно и каждому помогалъ... Рѣдкій проситель-крестьянинъ уходилъ отъ него не ободреный, не съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

Помню, въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, былъ у меня, разъ, волостной сходъ въ Островенской волости (Сѣннинскаго уѣзда), на которомъ мнѣ нужно было лично присутствовать—по случаю, кажется, новыхъ выборовъ должностныхъ лицъ. Вдругъ, подходитъ къ столу старый, безрукій солдатъ съ венгерской медалью и георгіевскимъ крестомъ,—и обращаемся ко мнѣ:

— Правда ли, ваше в—діе, что Александра Петровича, нашего губернатора, не будетъ больше у насъ?

Я ему отвѣтилъ, что правда.

Старикъ долго смотрѣлъ на меня въ упоръ, какими-то, словно оробѣвшими, глазами, — и вдругъ, захвативъ уцѣлѣвшей рукой полу своей старой солдатской шинели, поднесъ ее къ своимъ старческимъ глазамъ и вытеръ катившіяся по лицу слезы... Затѣмъ, неловко какъ-то повернулся на-лѣво-кругомъ и исчезъ въ толпѣ схода. Потомъ я узналъ, что у этого солдата былъ сданъ, неправильно, въ рекруты старшій сынъ — единственный кормилецъ всей семьи, — и, благодаря лишь участію Беклемишева, возвращенъ изъ военной службы обратно. Когда этотъ солдатъ былъ въ пріемной у губернатора, подалъ ему свою просьбу и подробно разсказалъ свое дѣло, то Александръ Петровичъ приказалъ ему «подождать». И вотъ, когда уже всѣ просители ушли, Беклемишевъ тихонько вышелъ въ пріемную, сунулъ солдату въ руку 10 рублей и велѣлъ «идти съ Богомъ и ждать на-дняхъ сына домой»...

Кстати уже, не могу воздержаться здѣсь отъ коротенькаго разсказа о моемъ первомъ представленіи этому доброму человѣку.

По дорогѣ въ Могилевъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я соблазнился какою-то небольшою рѣчкой—и выкупался. Это было въ сырой, холодный вечеръ,—и у меня на другой же день началась лихорадка; съ этою «хворобой» я пріѣхалъ и въ Могилевъ. Явившись на другой день для обычнаго представленія губернатору, я засталъ въ пріемной массу народа—чиновниковъ, военныхъ и помѣщиковъ— и мнѣ довелось ждать очень долго; а тутъ, какъ на грѣхъ, начался пароксизмъ лихорадки... Становилось очень досадно на это ожиданіе, и мое терпѣніе, наконецъ стало истощаться... Дежурный чиновникъ куда-то исчезъ, и лица, расположившіяся въ пріемной, отправлялись въ сосѣдній кабинетъ губернатора сами собою, слѣ-

дующимъ упрощеннымъ порядкомъ: выходившій изъ кабинета подходилъ къ кому нибудь изъ ожидавшихъ лицъ и приглашалъ его двумя словами: «васъ проситъ», или: «пожалуйте къ Александру Петровичу»... и приглашенный отворялъ дверь кабинета и скрывался за тяжелыми драпри. Иногда же, получившій аудіенцію проходилъ изъ кабинета прямо черезъ пріемную, никого не приглашая на смѣну,—и тогда, минуты двѣ-три спустя, изъ драпировокъ показывалась красивая голова какого-то молодаго человѣка и приглашала, кивкомъ и глазами, кого нибудь изъ ожидающихъ... Въ началѣ, меня, человѣка, не представлявшагося въ своей жизни, до этого раза, ни одному губернатору, занимала вся эта церемонія; но потомъ, стала наскучать, а тутъ еще и лихорадка проклятая трясетъ... И вотъ, я рѣшился вызвать изъ-за-драпри молодого человѣка и объяснить ему, что я боленъ и ждать не могу. Я былъ увѣренъ, что это—или новый дежурный, или чиновникъ особыхъ порученій Беклемишева, присутствующій при пріемѣ. Я подсѣлъ къ самой двери,—и, только что изъ нея высунулась голова молодого человѣка, какъ я сдѣлалъ ему знакъ рукой и кивнулъ головой... Онъ тотчасъ же сдѣлалъ два-три шага въ пріемную и подошелъ ко мнѣ. На немъ былъ обыкновенный вицъ-мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ—и ничего больше, т. е. никакихъ крестовъ, ни звѣздъ... Я лишь замѣтилъ, что этотъ молодой человѣкъ очень красивъ собою, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, улыбаясь какъ-то странно—не то насмѣшливо, не то любезно...

— Мнѣ угодно представиться начальнику губерніи. Я ожидаю больше часу и ждать больше не могу... Доложите, будьте добры, что я боленъ: видите, меня трясетъ лихорадка... А уйти какъ-то неловко—меня дежурный записалъ въ книгу, какъ только я пришелъ сюда...

Едва только я все это проговорилъ, какъ физіономія молодого человѣка быстро измѣнилась: улыбка исчезла, а на лицѣ явилось необыкновенно доброе и сожалѣюще выраженіе...

— Очень жалѣю, что вы больны и что я этого не зналъ... Прошу васъ,—и онъ пригласилъ меня слѣдовать за собою.

— Я, конечно, понялъ, что передо мною былъ самъ губернаторъ Беклемишевъ,—и, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же сталъ извиняться за это qui pro quo... Но Беклемишевъ не далъ и кончить этого извиненія: онъ прямо предложилъ мнѣ ѣхать къ себѣ въ гостинницу и быть у него послѣ, когда буду здоровъ...

— Какъ жаль, право, что я не зналъ о томъ, что вы сидите больной и ждете!.. говорилъ онъ, прощаясь со мной...

Точно громъ небесный разравился надъ Литвою и Бѣлоруссіею весною 1868 года,—когда пронеслась вѣсть о назначеніи генерала Потапова въ Вильну... Съ личностью и дѣятельностью этого генерала край былъ хорошо знакомъ,—такъ какъ, А. Л. Потаповъ, до назначенія К. П. Кауфмана, былъ нѣкоторое время помощникомъ Муравьева. Всѣ знали, что Потаповъ не только не одобрялъ политики Муравьева по умиротворенію мятежнаго края, но тайно, а впослѣдствіи и явно, противодѣйствовалъ этой политикѣ. У русскихъ людей, поэтому, не могло быть никакихъ иллюзій и розовыхъ надеждъ относительно будущаго направленія и характера дѣятельности новаго генералъ-губернатора: всѣ хорошо понимали, что русское дѣло обречено на погибель, что національная политика въ сѣверо-западномъ краѣ и его обрусѣніе отмѣняются...

Находились, впрочемъ, оптимисты, которые припоминали первый пріѣздъ Потапова въ Могилевъ, въ качествѣ помощника генералъ-губернатора Муравьева. Всѣ служащіе—военные и гражданскіе—собрались въ то время, для обычнаго представленія, въ залѣ дворянскаго собранія; тутъ собралось и духовенство—православное и католическое; а такъ-какъ польскихъ костеловъ въ Могилевѣ было очень много, то и ксендзовъ, понятно, собралось не мало. Они стояли въ залѣ отдѣльною кучкою, очень многочисленною, въ сторонѣ отъ насъ, «схизматиковъ». И вотъ, когда генералъ Потаповъ обошелъ группу чиновниковъ и направился къ православному духовенству, то, остановясь на нѣсколько секундъ передъ группой ксендзовъ, онъ, на ихъ общій, почтительный поклонъ, отвѣтилъ: «Васъ еще такъ много»!?.. Фраза эта, по своему тону, выражала скорѣе изумленіе, чѣмъ вопросъ...

Но вѣдь все это было такъ давно!.. Послѣ этого, нѣсколько разъ уже перемѣнились лица, стоявшія во главѣ управленія краемъ, перемѣнился и вѣтеръ... Поэтому, оптимистовъ, придававшихъ серьезное значеніе этому давнему эпозоду съ могилевскими ксендзами, было очень немного; болѣе же благоразумные люди, не нуждавшіеся, къ тому же, въ службѣ, спѣшили убраться изъ края сами—по добру по здорову, какъ говорится: они—или подавали въ отставку прямо, или же брали болѣе или менѣе продолжительные отпуски, «по болѣзни»,—съ тѣмъ, чтобы ужъ не ворочаться въ край вовсе. Люди же бѣдные, жившіе службой, а также и болѣе упорные—«фанатики»—какъ ихъ величали поляки,—остались у моря и стали ждать погоды... Ждать имъ пришлось не долго: вскорѣ же, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» послѣдовалъ рядъ приказовъ, увольнявшихъ русскихъ людей отъ службы—для пользы службы; а въ pendant къ этимъ распоряженіямъ, генералъ-губернаторъ Потаповъ, лѣтомъ того же 1868 года, предпринялъ объѣздъ ввѣреннаго ему края...

Этотъ приснопамятный объѣздъ былъ, можно сказать, торжест-

венным шествіемъ побѣдителя, съ криками: «vae victis»! по адресу русскихъ людей... Во время своего объѣзда, генералъ Потаповъ не счелъ уже нужнымъ, хотя бы ради простого приличія, маскировать свои явныя симпатія къ полякамъ и открытую ненависть (именно—ненависть) къ русскимъ людямъ. Во время этого объѣзда, вполнѣ выяснилось profession de foi новой политики новаго генералъ-губернатора въ краѣ. Самъ Потаповъ, не говоря уже о сопрождавшей его свитѣ, старался всюду, гдѣ только было можно, и при всякомъ удобномъ случаѣ, развивать и заявлять о своихъ новыхъ взглядахъ и новомъ направленіи. Онъ (напримѣтъ въ Минской губерніи) говорилъ православному духовенству, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, оскорбительныя рѣчи, внушая напримѣръ, священникамъ, что «обрусѣніе — не поповское дѣло»... Онъ останавливался, преимущественно, въ палаццахъ и домахъ богатыхъ пановъ; на офиціальныхъ представленіяхъ, въ уѣздныхъ городахъ, онъ рѣдко пропускалъ случай оскорбить какого нибудь русскаго чиновника, принизить его и велѣть подать въ отставку,— если только этимъ чиновникомъ не былъ почему-либо доволенъ мѣстный губернаторъ, или приносилъ жалобу мѣстный польскій магнатъ. Самый тонъ разговоровъ генерала Потапова на этихъ пріемахъ съ русскими чиновниками былъ невыносимъ: рѣзкій голосъ, пренебрежительный тонъ, недопущеніе никакихъ возраженій и оправданій...

Газеты того времени, понятно, не могли говорить и даже касаться этого тріумфаторскаго шествія «побѣдителя»... Одинъ «Голосъ» да «Московскія Вѣдомости» старались дать понять обществу, что въ сѣверо-западномъ краѣ совершается что-то неладное... Но все это были голоса робкіе и несмѣлые. Не то время было тогда, чтобы имѣть смѣлость подвергать критическому анализу торжество «побѣдителя»: начавшаяся въ Петербургѣ реакція ставила этого тріумфатора въ положеніе совершенно исключительное: онъ становился абсолютно неуязвимъ... Торжество газеты «Вѣсть» и ея единомышленниковъ было полное. Лишь немного позже, стали появляться въ названныхъ двухъ большихъ газетахъ, сначала робкія и неясныя, а потомъ и болѣе смѣлыя корреспонденціи и письма изъ сѣверо-западнаго края,—и только много лѣтъ спустя, уже по увольненіи генерала Потапова отъ дѣлъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились довольно обстоятельныя, хотя совершенно эпизодическія и отрывочныя, и далеко неполныя описанія полонофильскихъ подвиговъ этого русскаго генерала—во время его поѣздки по краю, въ 1868 году, и послѣ, за все время его княженія въ Литвѣ, вплоть до служебнаго перемѣщенія его въ Петербургъ, на постъ шефа жандармовъ и главноуправляющаго III-мъ Отдѣленіемъ.

VIII.

Ревизія крестьянскихъ учрежденій Могилевской губерніи Пушкинымъ, Селиверстовымъ и Евреиновымъ.—«Хлѣбный вопросъ», поднятый во время этой ревизіи. — Неожиданное погашеніе этого вопроса вѣтромъ изъ Вильны. — Недоумѣнія крестьянъ. — Корреспонденціи изъ Могилева и переполохъ отъ нихъ. — Мое «сокращеніе».

Вскорѣ послѣ объѣзда генераломъ Потаповымъ Могилевской губерніи, командированы были изъ Вильны, для обревизованія мировыхъ крестьянскихъ учрежденій этой губерніи, нѣсколько лицъ—изъ состоящихъ при генералъ-губернаторѣ. Къ счастію для крестьянъ Могилевской губерніи и для насъ, «соціалистовъ»-посредниковъ, всѣ эти лица оказались не просто чиновниками, но и людьми: они не пожелали «оправдать довѣрія» генерала Потапова — и не произвели никакихъ опустошеній въ средѣ русскихъ людей, служившихъ въ то время крестьянскому дѣлу. Они добросовѣстно и самымъ тщательнымъ образомъ объѣзжали волости, собирали сходы, знакомились съ бытомъ крестьянъ и съ административными порядками въ мировыхъ участкахъ, ревизовали очень подробно канцеляріи мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, и пр.,—и ко всему относились чрезвычайно безпристрастно и внимательно. Эти ревизующія лица были—сынъ безсмертнаго Пушкина, подполковникъ А. А. Пушкинъ, М. В. Селиверстовъ и камеръ-юнкеръ Евреиновъ. Правда, послѣ ихъ ревизіи, въ Могилевской губерніи было уволено нѣсколько мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей съѣздовъ; но увольненія эти были, дѣйствительно, по заслугамъ: уволены были или лица завѣдомо недобросовѣстныя, или баричи и лѣнтяи, которые лишь жуировали, занимая должности, а не служили. Сѣннинскій уѣздъ, въ которомъ былъ я, ревизовалъ Селиверстовъ, бывшій самъ когда-то мировымъ посредникомъ и отлично, поэтому, знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ. Онъ объѣхалъ всѣ семь волостей моего участка, обревизовалъ ихъ, провѣрилъ всѣ волостныя суммы, осмотрѣлъ училища и пр.,—и затѣмъ, приступилъ къ обревизованію моей канцеляріи. Тутъ мнѣ приходилось, невольно, пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ — въ ожиданіи, что Селиверстовъ пожелаетъ, кстати, обревизовать и находившіяся у меня суммы, которыхъ на-лицо не имѣлось... Дѣло въ томъ, что ревизія эта производилась въ ноябрѣ 1868 года; незадолго передъ тѣмъ, я уѣзжалъ въ отпускъ въ имѣніе моего покойнаго отца въ Тамбовскую губернію, и должность свою, на время отъѣзда, передалъ своему кандидату, маіору В—ичу; ему же передалъ и находившіеся у меня нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. По возвращеніи изъ отпуска, принявъ должность, я не могъ уже получить этихъ денегъ съ В—ича, такъ какъ,

онъ ихъ растратилъ. А тутъ, какъ разъ, случилась ревизія... Объ этой растратѣ я тотчасъ же заявилъ, негласно, въ съѣздѣ своимъ сослуживцамъ и предсѣдателю, но донести объ этомъ офиціально въ съѣздъ, или губернатору не рѣшился: этотъ маіоръ В—ичъ былъ старый человѣкъ, семейный, больной и очень бѣдный; къ тому же, онъ обѣщалъ пополнить растрату въ скорости. Мы и порѣшили—никому и ничего не доносить, предупредивъ, однако, В—ича, что если Селиверстовъ докопается до этой растраты, то тогда, конечно, придется объяснить ему все это дѣло. В—ичъ бросился-было къ евреямъ за займомъ, но они, зная его за бѣдняка, отказали; у меня же, послѣ моей дальней поѣздки, не было въ то время свободныхъ денегъ,—и, такимъ образомъ, В—ичъ находился нà волосъ отъ суда и сраму. Къ счастію для него, добрѣйшій М. В. Селиверстовъ, найдя все остальное въ моемъ участкѣ въ порядкѣ, стѣснился ревизовать у меня денежныя суммы,—и В—ичъ былъ спасенъ. Вскорѣ, онъ получилъ, на льготныхъ условіяхъ, небольшое имѣнье, былъ зачисленъ въ Вильну въ штатъ при Потаповѣ—и деньги внесъ [1]).

Ревизующія чиновники наткнулись, между прочимъ, на одно очень интересное дѣло въ Могилевской губерніи, надѣлавшее въ то время много шуму и доставившее не мало хлопотъ польскимъ помѣщикамъ. Не помню уже теперь, ктò изъ нихъ—Пушкинъ или Селиверстовъ—принялъ въ одной волости отъ крестьянъ просьбу о возвращеніи имъ хлѣба, взятаго изъ запаснаго магазина помѣщикомъ, въ началѣ 1863 года. Оказалось, что крестьяне, устроившіе у себя сельскіе запасные магазины тотчасъ по объявленіи воли, т. е. въ 1861 году, стали ссыпать въ эти магазины хлѣбъ въ томъ же 1861 году; затѣмъ, они ссыпали хлѣбъ и въ 1862 году, который былъ, тоже, сравнительно урожайнымъ годомъ. Такъ какъ, обаяніе помѣщичьей власти было еще очень сильно и польскіе мировые посредники совсѣмъ не думали ослаблять это обаяніе и значеніе, а вотчинная полиція предоставлена была, по положенію 19-го февраля, помѣщикамъ же, то они, помѣщики, и завѣдывали этими магазинами полновластно. Въ началѣ 1863 года, предвидя, можетъ быть, что дни этой ихъ власти уже сочтены, нѣкоторые помѣщики, самымъ спокойнымъ образомъ, распорядились продать этотъ хлѣбъ, или же брали рожь на свои винокуренные заводы, а овесъ—для своихъ лошадей. Затѣмъ, въ апрѣлѣ произошло возстаніе, появи-

---

[1]) Этотъ счастливый «случай» постигъ В—ича при слѣдующихъ, довольно характерныхъ обстоятельствахъ. Во время пріѣзда генерала Потапова въ г. Сѣнно, въ его свитѣ находился полковникъ Е—овъ, бывшій воспитанникъ Пажескаго корпуса, гдѣ маіоръ В—ичъ былъ прежде воспитателемъ. Е—овъ, узнавъ своего стараго воспитателя, попротежировалъ ему,—и маіоръ В—ичъ, вмѣсто ожидаемаго суда за растрату суммъ, получилъ, неожиданно, имѣніе и сдѣлался помѣщикомъ. И. З.

лись въ губерніи вооруженныя шайки; потомъ, началось усмиреніе этого возстанія, аресты помѣщиковъ, суды, ссылки, и пр... Тутъ уже было не до магазиновъ, — и дѣло это, надо полагать, такъ и кануло бы въ вѣчность, если бы одному сельскому обществу не вздумалось заявить во время ревизіи объ этомъ бывшемъ расхищеніи ихъ трудоваго хлѣба. Тогдашній могилевскій губернаторъ П. Н. Шелгуновъ (бывшій минскій) принялся за дѣло очень горячо, на первыхъ порахъ: всѣ съѣзды и мировые посредники получили циркулярное предложеніе привести въ извѣстность весь присвоенный помѣщиками отъ крестьянъ хлѣбъ, по каждой экономіи отдѣльно,—и затѣмъ, склонить помѣщиковъ къ возврату крестьянамъ этого хлѣба. Но—склонить ихъ было не такъ-то легко: они сами, въ это время, были, большею частію, разорены — тѣми контрибуціями (10% сборъ съ дохода), которыя съ нихъ взимались... Наконецъ, немногіе изъ помѣщиковъ признались въ этомъ присвоеніи: большинство отзывалось, за давностью дѣла, запамятованіемъ о немъ, или ссылалось на распоряженія своихъ экономовъ и управляющихъ... Тѣмъ не менѣе, мы, мировые посредники, принялись за это вопіющее дѣло очень сильно, убѣжденные: во 1-хъ, въ дѣйствительности этихъ присвоеній, а во 2-хъ, въ томъ, что хлѣбъ этотъ слѣдуетъ отъ пановъ, такъ или иначе, вернуть крестьянамъ, какъ неправильно у нихъ отнятый. Къ сожалѣнію, дѣлу этому не суждено было окончиться: помѣщики нашли заступничество въ Вильнѣ,—и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мы получили новый циркуляръ, предлагающій пріостановиться, вообще, со всѣмъ этимъ дѣломъ—впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Вскорѣ, мы отлично знали, что никакихъ такихъ распоряженій больше не послѣдуетъ... Только зря взбудоражили крестьянъ и помазали ихъ по губамъ этимъ хлѣбомъ!.. Цѣлый годъ, потомъ, не было мнѣ отбоя и покоя отъ крестьянъ и ихъ распросовъ относительно возвращенія хлѣба. Когда, бывало, я ѣхалъ зачѣмъ нибудь въ какое-либо волостное правленіе, то заранѣе клалъ себѣ въ карманъ циркуляръ губернскаго присутствія, пріостановившій это дѣло. Какъ только, бывало, кончишь занятія въ волостномъ правленіи и выходишь садиться въ экипажъ, то смотришь, стоятъ уже нѣсколько человѣкъ «уполномоченныхъ» отъ сельскихъ обществъ...

— Вамъ что̀ нужно? спрашиваю ихъ.

— А объ тэмъ житѣ усё... Колы жь намъ панъ повертàеть его?..

— А вотъ, послушайте-ка, что̀ мнѣ губернаторъ пишетъ, отвѣчаю, бывало, имъ, достаю злосчастный, весь уже истрепанный, циркуляръ и читаю...

— Ну, что̀ поняли?

— Ницъ не понѧли, не розумѣемъ ни чо̀го...

— А тутъ пишется, что хлѣба этого вы долго, а можетъ быть, и совсѣмъ не получите.

— Якъ же такъ?!.

И «уполномоченные» дѣлаютъ изумленныя физіономіи и чешутъ затылки... Просто, неловко и даже стыдно было передъ ними,—въ такое комическое положеніе поставили насъ передъ крестьянами въ этомъ дѣлѣ, такъ-таки и замолкшемъ, потомъ навсегда...

Я тогда послалъ корреспонденцію въ «Голосъ», и попробовалъ-было поднять въ печати этотъ «хлѣбный вопросъ» крестьянъ Могилевской губерніи; но и печать оказалась безсильна передъ Вильной; только прибавилъ я лишнихъ хлопотъ мѣстной жандармеріи, которая долго и тщательно розыскивала «автора»...

Здѣсь, кстати, я позволю себѣ разсказать одинъ эпизодъ, происшедшій въ Могилевской губерніи въ 1866 году по поводу газетныхъ же корреспонденцій.

Ка̀къ распорядился генералъ Потаповъ съ покойнымъ литераторомъ Л. Н. Антроповымъ, за его письма изъ Вильны въ «Голосъ», — я уже говорилъ выше. Та же участь выпадала и на долю другихъ корреспондентовъ, въ остальныхъ пяти губерніяхъ сѣверо-западнаго края. По крайней мѣрѣ, то и дѣло приходилось слышать объ увольненіи со службы въ этихъ губерніяхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ писаніи газетныхъ корреспонденцій; этотъ изгоняемый изъ края неблагонадежный элементъ состоялъ, преимущественно, изъ учителей гимназій и мировыхъ посредниковъ. Противу тѣхъ и другихъ выдвигалась, обыкновенно, тяжелая артиллерія—въ видѣ обвиненія въ соціализмѣ, равно опасномъ и для учащагося юношества, и для крестьянъ,—и соціалистовъ-корреспондентовъ живо выпроваживали вонъ—сначала со службы, а потомъ и изъ края.

Но въ Могилевской губерніи произошелъ, однажды, такой казусъ съ этими корреспонденціями. Въ одинъ прекрасный день приходитъ въ Могилевъ почта и привозитъ нѣсколько нумеровъ (по числу, конечно, подписчиковъ) «Московскихъ Вѣдомостей», съ письмомъ «Изъ Могилева-на-Днѣпрѣ». Письмо, по выраженію могилевскихъ властей, было «ужасное»; во-первыхъ, отъ начала до конца правда, которую и опровергнуть, хотя бы и оффиціальнымъ «сообщеніемъ», было нельзя; во-вторыхъ, въ письмѣ этомъ приподнималась завѣса съ одного очень темнаго и довольно серьезнаго дѣла— съ исторіи, происшедшей въ стѣнахъ знаменитаго Бѣлыничскаго костела [1]); въ-третьихъ, въ письмѣ разоблачались некрасивыя дѣй-

[1]) Исторія эта заключалась въ слѣдующемъ: Крестьянскія дѣти, играя около одного изъ подвальныхъ оконъ костела, нашли нѣсколько круглыхъ и коническихъ пуль. Пока узнали объ этой находкѣ власти и полиція и пока пришло изъ Могилева разрѣшеніе осмотрѣть подвалъ (вмѣщавшій въ себѣ гробницы), тамъ все уже почти было прибрано; нашли только одинъ холщевой мѣшокъ съ темными, лоснящимися пятнами отъ свинцовыхъ пуль на его внутренности, да

ствія нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ губерніи изъ бѣлоруссовъ (т. е. тѣхъ же, въ сущности, поляковъ); а въ-четвертыхъ, и это самое главное, что повергло губернскія власти въ ужасъ, на письмѣ стояла римская цифра I, слѣдовательно, надо было ждать «продолженія» въ слѣдующихъ нумерахъ, какъ выражаются редакціи... Подъ роковымъ письмомъ стояла всего одна буква К... Вотъ тутъ и извольте найти «автора!..»

Принялись, конечно, прежде всего, за тѣхъ подозрительныхъ особъ, фамилія которыхъ начиналась на эту букву... учинили надъ ихъ корреспонденціей негласный надзоръ и взяли ихъ «подъ сомнѣніе». Въ Могилевѣ служилъ въ то время совѣтникомъ губернскаго правленія нѣкто г. К—овъ, очень добрый и милый человѣкъ, но уже отнюдь не «корреспондентъ»: нрава онъ былъ тихаго, происходилъ изъ духовнаго званія и былъ, скорѣе, человѣкомъ талейрантнымъ, т. е. способнымъ угодить и нашимъ и вашимъ... Тѣмъ не менѣе, его сильно заподозрѣли въ прикосновенности къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и въ «принадлежности къ соціально-демократической партіи, стремящейся...» и проч. и проч. И приходилось совсѣмъ уже туго бѣдному, ни въ чемъ не повинному совѣтнику, какъ вдругъ на его счастье узнали, что верстахъ въ 20-ти отъ Могилева, въ имѣніи Прибережье [1]), гостилъ у своихъ родственниковъ извѣстный пѣвецъ маріинскаго театра) г. К—евъ... Съ человѣка такой свободной профессіи были, конечно, взятки-гладки, по пословицѣ; къ тому же, во время появленія письма въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», его уже и слѣдъ простылъ въ Могилевской губерніи... Вдругъ, новая бомба — «Письмо II-е»; черезъ недѣлю III-е... И всѣ письма въ томъ же родѣ: правдивыя, искреннія и очень жгучія, и все бьютъ по самымъ больнымъ и сокровеннѣйшимъ мѣстамъ губерніи... Беклемишеву эти письма хотя и были непріятны, но онъ сдерживался; приближенные же его производили весьма тщательные сыски и розыски «автора», но ничего не узнали и никого не нашли. Одинъ изъ этихъ господъ допрашивалъ даже пишущаго эти строки.

— Не знаете ли, кто это пишетъ?

— Право не знаю, отвѣчалъ я.

— Но въ послѣднемъ письмѣ разсказывается одинъ случай, происшедшій въ вашемъ участкѣ—что польскій помѣщикъ побилъ

нѣсколько, очевидно случайно, оброненныхъ пуль на каменномъ полу подвала въ щеляхъ. Такъ какъ костелу могло угрожать закрытіе, то поляки не пожалѣли средствъ и хлопотъ, и дѣло было замазано. И. З.

[1]) Имѣніе это принадлежало польскому помѣщику Пересвѣтъ-Солтану и подлежало обязательной продажѣ въ русскія руки. Его купилъ, со ссудою отъ казны, на льготныхъ условіяхъ, литераторъ А. Потѣхинъ, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». И. З.

крестьянина, а когда тотъ пошелъ жаловаться къ посреднику, то его же, побитаго, будто бы и высѣкли.

— Положимъ, это въ моемъ участкѣ, дѣйствительно, было — при моемъ предмѣстникѣ, графѣ Толстомъ; но какъ узналъ объ этомъ авторъ «письма», этого я не знаю.

— Да ужь не вы ли, скажите, пишете эти «письма»? вдругъ спросилъ меня допрашивающій, тѣмъ самымъ тономъ, какимъ гоголевская Коробочка спросила Павла Иваныча Чичикова: «Да ты, батюшка, не скупаешь ли, тоже, птичьи перья?..»

Я отвѣчалъ отрицательно.

Представьте же себѣ, какъ вытянулись у всѣхъ лица, когда, наконецъ, узнали, изъ достовѣрнаго источника (посредствомъ, кажется, перлюстраціи), что авторомъ «Писемъ» въ «Московскія Вѣдомости» было одно высокопоставленное лицо—въ то время сенаторъ, пріѣзжавшій на нѣсколько недѣль въ Могилевскую губернію. Едва только это разузнали, какъ всѣ розыски тотчасъ же стихли, — и пѣвцу К—еву, вѣроятно, болѣе уже не икалось въ Петербургѣ...

Корреспонденціи же, къ слову сказать, погубили впослѣдствіи, въ 1870 году, и меня—т. е. заставили оставить службу. Случилось это такъ. Въ 1868 и 1869 годахъ я помѣстилъ нѣсколько писемъ «Изъ Могилевской губерніи» въ газетѣ «Голосъ». Пока эта губернія была подчинена Потапову, я своихъ корреспонденцій не подписывалъ; но въ 1869 году, когда Могилевская, а за нею Витебская и Минская губерніи были изъяты изъ вѣдѣнія Виленскаго генералъ-губернатора, я соблазнился авторскою славой и, подобно Антропову, подписалъ подъ своею послѣднею корресподенціей двѣ своихъ буквы—И. З... Могилевскимъ губернаторомъ въ то время былъ человѣкъ добрый, но немножко малодушный: вѣрившій, напримѣръ, въ непогрѣшимость полиціи, боявшійся корреспонденцій какъ огня, окружавшій себя людьми «преданными» ему лично, но не дѣлу, и пр. Сначала противъ меня повелась обычная, въ провинціальномъ чиновничьемъ мірѣ, интрига и атака—преимущественно тайная и, нельзя сказать, чтобы очень чистая: мѣстная полиція сочиняла на меня крестьянамъ жалобы—и сама же производила, иногда, дознанія по этимъ жалобамъ; затѣмъ, посадили въ острогъ ни въ чемъ неповиннаго, очень честнаго фельдшера Лешко, служившаго въ одной изъ волостей моего участка — только за то, что онъ отговаривалъ крестьянъ отъ жалобъ, внушаемыхъ полиціей; наконецъ, по доносу жандармскаго офицера, былъ командированъ въ мой участокъ, во время моего нахожденія въ отпуску, членъ губернскаго присутствія — для производства дознанія по этому доносу, оказавшемуся ложнымъ. Когда, наконецъ, увидѣли, что изъ всего этого ничего не выходитъ, тогда въ Могилевѣ придумали самый простой и вѣрный пріемъ: рѣшили сократить одинъ мировой участокъ въ

уѣздѣ (Сѣннинскомъ), гдѣ служилъ безпокойный и опасный авторъ корреспонденцій... Министерство утвердило это представленіе губернскаго присутствія — и жребій «сократиться» палъ, конечно, на меня, грѣшнаго... Я, впрочемъ, не пожелалъ ждать этого «сокращенія» — и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

На этомъ, пока, я и прерву мои «воспоминанія» о сѣверо-западномъ краѣ. Нѣсколько лѣтъ позже, мнѣ, случайно, довелось прожить нѣкоторое время въ Гродненской губерніи. Я встрѣтилъ новые порядки и новые типы. Генералъ-губернаторомъ края былъ въ то время, тоже, совершенно новый типъ талейрантнаго администратора — въ лицѣ покойнаго П. П. Альбединскаго, одинаково добраго и любезнаго и къ полякамъ, и къ русскимъ... Бывшіе виленскіе «пши» превратились уже въ «дѣльцовъ» и ворочали крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи; контингентъ мировыхъ посредниковъ былъ уже совсѣмъ иной: эти, прежде почетныя, должности, замѣщались бывшими гродненскими семинаристами и даже волостными писарями... Губернаторомъ въ Гродно былъ въ то время уланскій офицеръ, нѣмецъ, плохо даже говорившій по-русски...

Это время, впрочемъ, составляетъ предметъ моихъ отдѣльныхъ «воспоминаній», которыя теперь, пока, преждевременны».

Ив. Захарьинъ.

С.-Петербургъ
мартъ, 1883 года.

ВОСПОМИНАНІЕ О Д. И. ЯЗЫКОВѢ.

ВЪ САМЫЙ годъ моего поступленія въ Петербургскій университетъ я познакомился съ Дмитріемъ Ивановичемъ Языковымъ, извѣстнымъ ученымъ, переводчикомъ Шлецерова изслѣдованія Несторовой лѣтописи и издателемъ записокъ Нащокина и Дюка Лирійскаго. Это было въ 1839 году. Раньше онъ служилъ по министерству народнаго просвѣщенія, но въ это время занималъ мѣсто непремѣннаго секретаря императорской россійской академіи, которая тогда была самостоятельнымъ ученымъ заведеніемъ и помѣщалась въ первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ теперь находится римско-католическая духовная академія. Въ ту пору академическое зданіе состояло изъ центральнаго дома и двухъ боковыхъ флигелей, соединенныхъ теперь съ нимъ промежуточными придѣлками въ одно цѣлое. Въ главномъ корпусѣ въ верхнемъ этажѣ была обширная зала засѣданій, канцелярія, архивъ и библіотека, а въ нижнемъ жилъ Дмитрій Ивановичъ съ семействомъ. Одинъ изъ флигелей отдавался въ наемъ, а въ другомъ помѣщались служившіе при академіи чиновники и еще нѣсколько человѣкъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дому. Здѣсь и я поселился, когда Языковъ, по рекомендаціи одного своего родственника, съ которымъ я познакомился въ дорожномъ дилижансѣ, пригласилъ меня давать уроки сыну и вмѣстѣ съ тѣмъ разобрать его собственную библіотеку и составить каталогъ.

Когда я узналъ Языкова, ему было уже болѣе шестидесяти пяти лѣтъ. Это былъ низенькій старикъ, совсѣмъ сѣдой и немного

сгорбленный, но еще бодрый и живой. Занимаясь въ его библіотекѣ, я вполнѣ ознакомился съ его образомъ жизни. Какъ рано ни придешь бывало — непремѣнно увидишь его въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, обложеннымъ книгами. Хотя рабочая комната выходила на дворъ, но въ ней отчетливо слышался и громъ рояля изъ залы, и крикъ попугая изъ диванной, а между тѣмъ научный труженикъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Работа положительно дѣлала его глухимъ и слѣпымъ ко всему окружающему. Но какъ только било три часа, онъ въ ту же минуту вставалъ и шелъ въ переднюю, гдѣ лакей держалъ уже на-готовѣ зимой шубу, а въ другія времена года шинель коричневаго сукна, съ тремя воротниками, одинъ на другомъ. Говорятъ, что кенигсбергцы повѣряли свои часы по времени ежедневно-регулярной прогулки Канта, и мнѣ кажется тоже самое могли бы дѣлать жители первой и седьмой линій и Большаго и Средняго проспектовъ Васильевскаго Острова, по направленію которыхъ Дмитрій Ивановичъ гулялъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. По возвращеніи его тотчасъ же садились за обѣдъ, а когда подавали кофе, человѣкъ несъ уже въ диванную двѣ подушки и одѣяло, и старикъ шелъ на часъ отдыхать. Его непремѣнно провожала младшая его дочь, десятилѣтняя дѣвочка, которая знала на память все «Горе отъ ума» и должна была, прежде чѣмъ отецъ заснетъ, прочесть ему какую-нибудь сцену изъ комедіи Грибоѣдова. Этотъ установленный порядокъ нарушался только разъ въ недѣлю, въ тѣ дни, когда бывали собранія членовъ академіи, и Языковъ, какъ непремѣнный секретарь, постоянно въ нихъ участвовалъ. Въ эти дни и прогулка отмѣнялась, и обѣдали позже обыкновеннаго, а вмѣсто отдыха и чтенія онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ приглашенныхъ къ обѣду. Чаще другихъ бывалъ нѣкто Анастасевичъ, переводчикъ «Федры» Расина и горячій почитатель Вольтера и энциклопедистовъ. Оба старика, сидя въ креслахъ, толковали о тогдашнихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ, куря какой-то чрезвычайно крѣпкій табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубочекъ, которыя служили только на одинъ разъ и послѣ того бросались. Въ кабинетѣ былъ всегда большой запасъ этого добра. Такія трубки я видалъ потомъ только на картинахъ Теньера, у его фламандскихъ мужиковъ.

Судя по такой правильной жизни хозяина, можно было бы кажется ожидать, что и въ домѣ долженъ быть образцовый порядокъ. На самомъ дѣлѣ этого не было. Правда, Языковъ былъ не богатъ, но при готовой квартирѣ, порядочномъ содержаніи и доходахъ съ какого-то хотя и небольшаго имѣнія онъ не долженъ бы нуждаться, а между тѣмъ въ домѣ часто замѣчались недостатки въ вещахъ самыхъ необходимыхъ. Хозяйство, несмотря на то, что кромѣ хозяйки смотрѣла за нимъ особая экономка, велось далеко не правильно. Самъ Дмитрій Ивановичъ, какъ я уже сказалъ, былъ че-

ловѣкъ кабинетный и нисколько не вмѣшивался въ домашнія дѣла. Меня удивило только то положеніе, въ какомъ я нашелъ его библіотеку. Казалось бы у человѣка, исключительно занятаго такими учеными трудами, которые требовали постоянныхъ справокъ съ источниками, книги должны быть предметомъ особыхъ заботъ и сохраняться въ порядкѣ. Напротивъ, библіотека была въ жалкомъ положеніи. Шкапы не запирались, и книги съ позволенія или безъ позволенія бралъ всякій, кто только хотѣлъ, и когда возвращалъ, то ставилъ куда попало. Иныя книги совсѣмъ не возвращались. При разборѣ я отдѣлилъ цѣлую груду разрозненныхъ книгъ, и притомъ отъ изданій цѣнныхъ и довольно рѣдкихъ. И едва прошло нѣсколько дней послѣ того, когда я отобралъ полные экземпляры и составилъ часть каталога, какъ и въ этомъ начали уже сказываться пробѣлы. Старикъ сердился, но это нисколько не прекращало пропажъ. Оставались цѣлыми только тѣ книги, которыя постоянно лежали на его пыльномъ письменномъ столѣ. Куда исчезали и кому нужны были разрозненные томы, осталось неизвѣстнымъ. Два или три раза я видалъ книги изъ Языковской библіотеки у жильцовъ нашего флигеля, но помню, что онѣ возвращались исправно. Можно думать только, что ихъ постигла та же судьба, какъ и многіе десятки томовъ академическихъ изданій, которые лежали большими грудами на чердакѣ. Дѣло въ томъ, что иногда во флигель къ намъ забывали принести дровъ, и тогда утромъ кто нибудь изъ обывателей нашего этажа, болѣе другихъ чувствительный къ холоду, поднимался на чердакъ, бралъ въ этой кладовой кучу книгъ и затапливалъ ими печь. Больше всего топили, по удобству формата для переноски, экземплярами сочиненій адмирала Шишкова и изданіемъ «Ликей или кругъ словесности» Лагорна. Иногда эти аутодафэ дѣлались въ такомъ размѣрѣ, что клочья полусгорѣвшей бумаги, вылетая изъ трубы, обильно падали на улицу, и однажды въ академію приходила полиція освѣдомиться о причинѣ такого бумажнаго изверженія. Но вѣрно этимъ произведеніямъ суждено уже было погибнуть не отъ крысъ, а отъ огня, потому что все, чего мы не успѣли сжечь, сгорѣло потомъ во время бывшаго въ академическомъ флигелѣ пожара.

Во время, о которомъ я говорю, нашъ флигель былъ очень населенъ. Внизу, въ большой квартирѣ жилъ какой-то крупный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія съ большимъ семействомъ. Въ каждомъ окнѣ видна была постоянно женская голова надъ какой-то работой. Но такъ какъ въ эту квартиру былъ особый входъ съ улицы и жильцы ея никогда не появлялись у Языковыхъ, то мы и не знали, кто эти господа и почему живутъ въ академическомъ домѣ. Верхній этажъ, гдѣ и мнѣ дали небольшую меблированную комнату, былъ гораздо характернѣе. Въ немъ жило и проживало много самаго разнообразнаго люда.

Большую комнату, окнами на улицу, занималъ полиційместеръ академіи. Сколько я могъ понять, его величали такимъ образомъ потому, что онъ командовалъ тремя академическими сторожами, отдавалъ имъ приказы мести улицу, смотрѣть за чистотой двора и приводить въ порядокъ залу передъ началомъ еженедѣльныхъ засѣданій. Занятія эти не очень однакожъ обременяли его, такъ что онъ каждый день по нѣсколько часовъ посвящалъ литературному труду. Во все время моего житья въ академіи онъ работалъ въ потѣ лица надъ переводомъ одного разсказа Альфреда де-Виньи, размѣромъ не больше печатнаго листа, поправлялъ его, передѣлывалъ, сокращалъ и довелъ до полной неузнаваемости съ оригиналомъ. Тутъ онъ остался доволенъ своей работой, и перечитавъ ее всѣмъ, у кого достало терпѣнія его слушать, понесъ рукопись въ какой-то журналъ, но такъ какъ ее не приняли, то нашъ полиціймейстеръ снова принялся за сизифовъ трудъ надъ исправленіемъ и передѣлкою своего перевода. Не знаю, сподобился ли онъ видѣть свое многострадальное произведеніе въ печати.

Сосѣдомъ его былъ другой труженикъ, Ѳеодосій Ивановичъ, который извѣстенъ былъ у насъ подъ именемъ нумизмата. Въ какой степени онъ знакомъ былъ съ этой наукой, я не знаю. У него не водилось никакого нумизматическаго собранія и даже никакихъ сочиненій по этому предмету, но онъ любилъ перечислять, въ какомъ музеѣ или частномъ хранилищѣ находится такая или другая рѣдкая монета. Съ особеннымъ одушевленіемъ разсказывалъ онъ, какимъ иногда чудеснымъ случайностямъ подвергаются нумизматы. У одного какого-то извѣстнаго любителя былъ въ коллекціи чрезвычайно рѣдкій серебряный пятачекъ Петра III. Въ одинъ прискорбный день эта драгоцѣнная монета пропала, и не смотря на всякія поиски и обѣщаніе значительной награды тому, кто ее представитъ, рѣдкость не находилась. Бѣдный ученый былъ въ отчаяніи и рѣшилъ, что сокровище его какимъ-нибудь образомъ похищено было кѣмъ нибудь изъ завистливыхъ нумизматовъ. Но вышло не то: въ квартирѣ перестилали полъ, и подъ нимъ нашли мышиное гнѣздо, а въ немъ оказался и пропавшій пятачокъ. Такимъ образомъ здѣсь мышь чуть не надѣлала бѣды какъ сорока-воровка въ «Сонанбулѣ». Собственныя занятія Ѳеодосія Ивановича въ нумизматикѣ ограничивались тѣмъ, что къ нему по воскресеньямъ приходили нищіе и приносили ему собранныя мѣдныя деньги, которыя онъ промѣнивалъ у нихъ на серебро, съ прибавкою нѣсколькихъ копѣекъ. Это дѣлалось, какъ онъ говорилъ, въ тѣхъ видахъ, что нищимъ попадаются иногда рѣдкіе экземпляры, цѣнимые на вѣсъ золота. Впрочемъ сколько я помню, ему не удалось добыть этимъ путемъ ничего замѣчательнаго. Но Ѳеодосій Ивановичъ жилъ въ академіи не ради нумизматики. Офиціальнымъ его занятіемъ было составленіе, по порученію Языкова, указателя личныхъ именъ

и географическихъ названій къ какому-то изданію русскихъ лѣтописей. На его письменномъ столѣ стояли ряды картонныхъ коробочекъ, съ нарѣзанными изъ бумаги билетами, величиной въ игральную карту. На нихъ выписывались слова изъ лѣтописи и размѣщались по коробкамъ подъ соотвѣтсвенной буквой, чтобы потомъ вносить ихъ по порядку въ общій алфавитный списокъ. Но работѣ этой не суждено было увидѣть свѣтъ: она сгорѣла во время того пожара, въ которомъ погибъ и «Ликей» съ другими академическими изданіями. Впрочемъ, едва ли слѣдуетъ жалѣть объ этой потерѣ. Мнѣ случалось видѣть, какъ въ отсутствіе нумизмата иные изъ нашихъ сожителей, нуждаясь въ клочкѣ бумаги, чтобы закурить трубку или сигару, брали для того готовые уже билеты труженика. Можно представить, какъ полонъ былъ бы указатель Ѳеодосія Ивановича.

Въ надворной части флигеля, рядомъ съ моей комнатой, жилъ капитанъ Кукъ. Такъ звали у насъ отставнаго лейтенанта, который былъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ жены Языкова и потому пользовался квартирой въ академіи и столомъ отъ Дмитрія Ивановича. Всякое утро, какъ только было девять часовъ, или по его выраженію склянокъ, въ комнатѣ его, которую онъ называлъ каютой, раздавался рѣзкій свистъ и затѣмъ крикъ: «ей, боцманъ»! И на этотъ призывъ являлся его деньщикъ-матросъ съ отвѣтнымъ крикомъ: «есть»! Слѣдовала команда: «ставить лиселя»! Это значило, что боцманъ долженъ подавать чай и къ нему «морскія сливки», т. е. ромъ. Напившись чаю, лейтенантъ выходилъ на вахту, т. е. начиналъ маршировать взадъ и впередъ по комнатѣ, запустивъ руки въ карманы шароваръ. При этомъ онъ замѣтно покачивался, хотя и увѣрялъ, что отъ многолѣтняго плаванія въ экспедиціяхъ давно пріобрѣлъ морскія ноги, на которыхъ можетъ держаться при самомъ сильномъ штормѣ. Въ какихъ именно экспедиціяхъ бывалъ нашъ капитанъ Кукъ, мы не могли узнать. На вопросы объ этомъ, онъ отзывался обыкновенно, что плавалъ во всѣхъ широтахъ и навѣрно открылъ-бы Америку и путь въ Индію, если бы его не предупредили эти невѣжды—Колумбъ и «Васька» де-Гамо. Теперь лейтенантъ постоянно сидѣлъ въ своей каютѣ и выходилъ изъ нея, или какъ онъ говорилъ, снимался съ якоря, только разъ въ три мѣсяца, когда ѣздилъ за полученіемъ пенсіи.

Кромѣ этихъ постоянныхъ обитателей, у насъ появлялись временные кочевники: старшій сынъ Языкова, служившій въ гатчинскихъ кирасирахъ и часто пріѣзжавшій въ отпускъ, его товарищи-юнкера, родственники капитана Кука, кадеты морскаго корпуса, студенты и всякая молодежъ. Все это жило иногда по нѣскольку дней и почивало въ свободныхъ комнатахъ, обильно снабженныхъ диванами. Въ нашъ флигель снизу никто не ходилъ, и у насъ иногда

подымался такой содомъ, съ пѣснями и всякимъ школьничествомъ, что жена Дмитрія Ивановича присылала узнать, что здѣсь дѣлается. Самъ Языковъ во все время моего житья въ академіи только разъ приходилъ во флигель навѣстить капитана Кука, который сильно простудился во время экспедиціи за пенсіей.

У Языкова кромѣ двухъ сыновей, изъ которыхъ младшему я давалъ уроки для поступленія въ кадетскій корпусъ, было три дочери. Старшая была замужемъ за отставнымъ гвардейскимъ полковникомъ Кожинымъ, и обыкновенно по праздникамъ пріѣзжала съ мужемъ къ отцу и проводила у него цѣлый день. Прелестная,

Д. И. Языковъ.

кроткая и всегда задумчивая, она принадлежала къ типу тѣхъ женщинъ, которыя должны были служить моделью для художниковъ при изображеніи подвижницъ первыхъ вѣковъ христіанства. О младшей ея сестрѣ я уже сказалъ: въ то время это была дѣвочка бойкая, способная и обѣщавшая также быть красавицей. Средняя сестра, Конкордія Дмитріевна, воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ. Когда я поселился въ академіи, она уже оканчивала курсъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла изъ заведенія. Это было важнымъ событіемъ нетолько въ семействѣ Языкова, но и во всемъ академическимъ домѣ. Праздничные обѣды Дмитрія Ивановича сдѣлались многолюднѣе: на нихъ появились новыя лица изъ военной молодежи, привлекаемыя очевидно прекрас-

ной институткою. Съ перваго появленія этой изящной красавицы, стройной и гибкой, съ антично-правильными чертами и неподдѣльной наивностью во всѣхъ движеніяхъ, у насъ во флигелѣ только и разговоровъ было что о ней. Нетолько молодежь, но и наши ученые труженики, и даже капитанъ Кукъ были отъ нея безъ ума. Восхищеніе это кажется оставалось для нея тайною до тѣхъ поръ, когда наконецъ оно выразилось со стороны какого-то изъ ея поклонниковъ странною выходкою, которая была очень непріятна для институтки. Вотъ что случилось. Въ диванной комнатѣ у окна стояла клѣтка съ попугаемъ. На знаю, давно ли и гдѣ пріобрѣтенъ этотъ попугай, но вѣроятно онъ принадлежалъ прежде какой-нибудь итальянкѣ, потому что отчетливо выкрикивалъ и по нѣскольку резъ повторялъ фразу: io t'amo, mio caro! Кто-то изъ поклонниковъ институтки, и очевидно близкій къ дому, придумалъ объяснить свои чувства обожаемой особѣ черезъ посредство этого попугая. Однажды въ воскресенье за обѣдомъ, который по праздникамъ бывалъ обыкновенно въ залѣ прилежащей къ диванной, въ то время, когда между разговорами выдалась минута общаго молчанья, попугай громко закричалъ: «милая Конкордія, я люблю тебя»! Молоденькая институтка вспыхнула и едва не заплакала. Розыски о томъ, какой педагогъ давалъ уроки русскаго языка попугаю, не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ ученикъ такъ хорошо оправдалъ своего преподавателя, что каждый день по нѣсколько разъ повторялъ заученную фразу, а такъ-какъ это не нравилось институткѣ, то его и съ клѣткой подарили какой-то знакомой барынѣ. Языковъ, какъ я помню, очень жалѣлъ объ этомъ, потому-что любилъ каждое утро самъ приносить попугаю размоченный въ сливкахъ сухарь.

Старшій сынъ Дмитрія Ивановича, какъ я уже сказалъ, служилъ юнкеромъ въ гатчинскихъ кирасирахъ, и мнѣ приходилось иногда ѣздить съ какими нибудь порученіями въ Гатчину. Одна изъ такихъ поѣздокъ особенно осталась у меня въ памяти. Это было весною, въ концѣ апрѣля. Дни стояли прекрасные, солнечные. Нева давно разошлась и Исаакіевскій мостъ, который тогда служилъ единственнымъ сообщеніемъ Васильевскаго Острова съ Адмиралтейскою стороною, былъ уже наведенъ. Кончивъ порученіе въ Гатчинѣ, я на другой день добрался благополучно до Царскаго Села, пообѣдалъ тамъ въ гостинницѣ и вечеромъ воротился по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Спокойно дошелъ я до набережной, и вдругъ вижу—мостъ разведенъ, во всю ширину рѣки сплошной бѣлой массой тянется ладожскій ледъ, и перевозъ прекратился. Съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ и безъ всякаго знакомства на лѣвомъ берегу Невы я очутился въ затруднительномъ положеніи. Съ слабой надеждой на то, что можетъ быть ледъ разойдется и откроется перевозъ, пошелъ я бродить по Невскому проспекту, но

когда часа черезъ два воротился на набережную — ледоходъ былъ также густъ и пустые ялики качались у пристани, на которой дремалъ одинъ перевозчикъ и расхаживалъ квартальный. Очевидно, что попасть домой было нельзя. Идя безъ цѣли по Англійской набережной, я уже посматривалъ на полукруглую гранитную скамейку, по сторонамъ которой спускаются сходы къ водѣ. Здѣсь я думалъ ночевать, завернувшись въ шинель. На крѣпостной колокольнѣ пробило одиннадцать часовъ. Когда я остановился передъ спускомъ и глядѣлъ на движущуюся по Невѣ ледяную массу, ко мнѣ подошелъ какой-то морякъ.

— Вамъ, вѣрно, на ту сторону нужно? спросилъ онъ.

— Да, у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ и не хотѣлось бы ночевать на улицѣ.

— И я въ такомъ же положеніи; надобно во что̀-бы ни стало попасть на Островъ.

— Но какъ же мы попадемъ: перевоза нѣтъ.

— А вотъ какъ: теперь двѣнадцатый часъ, полиція скоро уйдетъ съ пристани... Мы возьмемъ яликъ и сами переѣдемъ безъ перевозчика. Насъ, конечно, отнесетъ льдомъ, но, вѣроятно, у горнаго корпуса пристанемъ. Хотите?

— Съ удовольствіемъ: вы, какъ морякъ, вѣроятно, съумѣете справиться съ яликомъ.

— Надѣюсь. Только двоимъ будетъ трудно; пойдемте искать еще одного или двухъ товарищей.

Это не стоило большаго труда. По набережной бродили печальныя фигуры, похожія на тѣни, скитающіяся по берегу Стикса въ напрасномъ ожиданіи Харона, который перевезъ бы ихъ въ страну успокоенія. Намъ скоро удалось завербовать еще двоихъ островитянъ, купца и сенатскаго чиновника, пожелавшихъ участвовать въ нашей экспедиціи. Чтобы не возбудить подозрѣнія, мы по одиночкѣ подвигались къ пристани. Какъ только квартальный ушелъ, мы дружно сбѣжали на плотъ, сѣли въ одинъ изъ яликовъ и, захвативъ съ другихъ пару лишнихъ веселъ и багровъ, оттолкнулись отъ пристани и врѣзались въ промежутокъ плывущихъ хрупкихъ льдинъ. Насъ, однакожъ, увидали; полицейскій прибѣжалъ на пристань и закричалъ:

— Воротитесь! я вамъ приказываю.

— Полноте, отецъ-командиръ, отвѣчалъ ему морякъ: ваши приказанія на водѣ не дѣйствуютъ!

Хотя мы не отошли еще и двухъ саженей отъ берега, но остановить насъ, конечно, было уже нельзя. Проснувшійся дежурный перевозчикъ, съ своей стороны, только развелъ руками. Черезъ нѣсколько минутъ и квартальный ушелъ.

При сплошной массѣ льда намъ, разумѣется, невозможно было плыть на веслахъ, и мы подвигались впередъ дѣйствуя только од-

ними баграми. Но дѣло шло медленно: яликъ быстро несло по теченію, а въ направленіи къ противоположному берегу мы выигрывали очень немного. Проходило иногда по нѣскольку минутъ, пока мы успѣвали пробраться между двумя плотными льдинами. Вотъ миновали мы академію художествъ, морской корпусъ; вотъ, наконецъ, и горный корпусъ, но вмѣсто того, чтобы пристать здѣсь къ берегу, мы были еще на серединѣ Невы. Вдобавокъ, насъ затерло между большими плотными льдинами, изъ которыхъ мы, при всѣхъ усиліяхъ, не могли никакъ выбраться, а при этомъ яликъ началъ скрипѣть и въ немъ показалась течь. Одинъ изъ пассижировъ, именно купецъ, началъ размашисто креститься и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бранить другихъ за то, что втянули его въ неминуемую погибель. Но командиръ нашъ, морякъ, оказался, какъ говорится, на высотѣ своей задачи.—«Намъ придется выбраться на взморье, сказалъ онъ: тамъ ледъ будетъ рѣже и мы на веслахъ пристанемъ къ Галерной гавани; съ баграми теперь нечего дѣлать, надобно только стараться, чтобы не затонулъ яликъ». И мы, оставя багры, принялись вычерпывать фуражками воду. Предсказаніе нашего путеводителя вполнѣ оправдалось. Какъ только мы проплыли мимо Чекушъ и вышли на широкое взморье, ледъ замѣтно началъ рѣдѣть, и между нимъ показались большія полыньи. Въ то время, какъ одни изъ насъ продолжали вычерпывать воду изъ ялика, другіе взялись за багры и весла, и, наконецъ, мы благополучно сошли на берегъ въ Гавани. Былъ уже шестой часъ утра. Морякъ нашъ жилъ въ одной изъ дальнихъ линій острова; онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай, и тутъ мы окончательно познакомились. Когда я разсказалъ о нашемъ приключеніи Языкову, онъ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе, но за то капитанъ Кукъ остался очень доволенъ и выразилъ надежду, что я могу со временемъ пріобрѣсть морскія ноги.

Живя въ россійской академіи, я, конечно, интересовался ея еженедѣльными собраніями. Въ самую залу засѣданій, разумѣется, нельзя было войти, но я нерѣдко приходилъ въ прилегавшую къ ней библіотеку, изъ которой можно было все видѣть и слышать. Собраніе открывалось, обыкновеннно, тѣмъ, что Дмитрій Ивановичъ, въ качествѣ непремѣннаго секретаря, читалъ протоколъ предъидущаго засѣданія, а затѣмъ спрашивалъ, кому изъ господъ членовъ угодно прочесть или заявить что нибудь. Въ то время академія приготовляла новое изданіе «Словаря» и работа по этому предмету была раздѣлена между многими лицами, а потому чтенія и замѣчанія сосредоточивались преимущественно на объясненіи отдѣльныхъ словъ русскаго языка. Больше и горячѣе всѣхъ интересовался этимъ дѣломъ, сколько я помню, извѣстный составитель русской грамматики и издатель «Остромірова Евангелія», Александръ Христофоровичъ Востоковъ. Иногда кто нибудь изъ членовъ читалъ и литературныя статьи, а Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ даже про-

декламировалъ, однажды, съ нѣсколько забавнымъ паѳосомъ стихотвореніе свое, подъ заглавіемъ «Сардамскій плотникъ». Въ этомъ засѣданіи былъ и И. А. Крыловъ, котораго я видѣлъ тогда въ первый и послѣдній разъ. Самъ онъ ничего не читалъ, да, кажется, и не слушалъ. Случалось, что кто нибудь приносилъ въ собраніе книжку журнала или листокъ газеты и читалъ во всеуслышаніе чѣмъ нибудь интересовавшую его статью. Однажды, я былъ крайне ѳзадаченъ тѣмъ, что въ засѣданіи удостоилась публичнаго чтенія и моя небольшая статейка.

Дѣло было такъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» была напечатана статья какого-то г. Шюца, подъ названіемъ «Русскій языкъ въ Сибири». Авторъ, говоря въ ней объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія, причислилъ къ его идіотизмамъ много такихъ словъ и фразъ, которыя употребляютъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ, особенно среди сельскаго населенія. Мнѣ вздумалось написать возраженіе на статью, къ чему, кромѣ явныхъ ошибокъ ея, меня побуждало еще то, что я отъ моего близкаго товарища по университету, сибиряка Н. Г. Минина, узналъ нѣсколько дѣйствительно сибирскихъ выраженій и словъ, повидимому, неизвѣстныхъ г. Шюцу. Это давало мнѣ возможность самому прикинуться сибирякомъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, придавало авторитетность моей критической замѣткѣ. Я написалъ статейку и отнесъ ее въ редакцію той же «Сѣверной Пчелы». Черезъ недѣлю этотъ мой первый литературный опытъ и явился въ газетѣ, въ № 60 отъ 16 марта 1839 г., подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о русскомъ языкѣ въ Сибири» и за подписью «Сибирякъ». И вотъ въ ближайшемъ засѣданіи академіи, когда я былъ въ библіотекѣ, Языковъ, послѣ чтенія кѣмъ-то изъ членовъ не помню теперь какой статьи, обратился къ собранію съ заявленіемъ, что въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» напечатано возраженіе на читанную въ прошломъ засѣданіи статью Шюца объ идіотизмахъ сибирскаго нарѣчія. По требованію присутствующихъ, Дмитрій Ивановичъ прочелъ мою статейку. Мнѣ было очень неловко: хотя высказанныя мною замѣчанія и признаны были справедливыми, но, тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ неумѣстность моей мистификаціи. Надежда, что псевдонимъ мой останется не раскрытымъ, не оправдалась. Не предвидя, что статья попадетъ въ собраніе академіи, я не дѣлалъ изъ своего писанія тайны и во флигелѣ знали о моей работѣ. Кто-то изъ моихъ сосѣдей, и кажется полиціймейстеръ, сообщилъ объ этомъ Языкову. Я боялся какой нибудь непріятности, но все кончилось благополучно. Дмитрій Ивановичъ, при первомъ свиданіи, сказалъ мнѣ что-то пріятное на счетъ моей статьи и обѣщалъ найти для меня какія-нибудь литературныя занятія. Съ этого дня онъ даже сталъ внимательнѣе ко мнѣ, а когда я уѣзжалъ изъ академіи, подарилъ нѣсколько книгъ и, въ томъ числѣ, свой переводъ Шлецерова «Нестора».

Съ той поры, какъ Россійская академія была присоединена къ академіи наукъ и Языковъ выѣхалъ изъ казеннаго дома, я видѣлъ его рѣдко. Онъ жилъ послѣ того еще года четыре, по прежнему проводилъ большую часть дня за письменнымъ столомъ и дѣятельно работалъ надъ составленіемъ «Церковнаго словаря». Хотя послѣ преобразованія заведенія Дмитрій Ивановичъ поступилъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности въ академіи наукъ, но ѣздилъ туда, какъ я слышалъ, довольно рѣдко. Причиной этому было не ослабѣвавшее его здоровье и не сожалѣніе о потерянномъ мѣстѣ непремѣннаго секретаря, а сколько я могъ понять, одна не оставлявшая его мысль о томъ, что съ новой перемѣною упало самостоятельное положеніе того ученаго учрежденія, которое основано было императрицею Екатериною и принесло не мало пользы отечественному языкознанію. При всей своей сдержанности, онъ однажды, по возвращеніи изъ засѣданія отдѣленія академіи наукъ, выразился въ этомъ смыслѣ.

Ни о семействѣ Дмитрія Ивановича, ни о судьбѣ моихъ товарищей по житью въ академическомъ флигелѣ я впослѣдствіи ничего не слыхалъ. Однажды только, встрѣтилъ я на улицѣ такъ называемаго боцмана, который сообщилъ мнѣ, что капитанъ Кукъ окончилъ свою жизненную вахту и что его провожалъ на Смоленское кладбище взводъ моряковъ съ тремя горнистами.

А. Милюковъ.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ДАЛАМБЕРЪ.

(Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами).

Въ ЧИСЛѢ бумагъ императрицы Екатерины II, хранящихся въ государственномъ архивѣ и публикуемыхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, обнародованы были, между прочимъ [1]), 7 писемъ императрицы къ знаменитому геометру и энциклопедисту Даламберу и 8 отвѣтныхъ писемъ Даламбера.

Къ сожалѣнію, въ государственномъ архивѣ переписка этихъ лицъ сохранилась не вполнѣ. Нынѣ счастливый случай далъ редакціи «Историческаго Вѣстника» возможность пополнить оказавшіеся въ ней пробѣлы.

Г. Шарль Анри (Charles Henry), библіотекарь университета въ Парижѣ, открылъ въ библіотекѣ университета, въ числѣ бумагъ дѣвицы Леспинасъ, бывшей въ долговременной дружбѣ съ Даламберомъ, 29 документовъ, касающихся сношеній его съ императрицею Екатериною и нѣкоторыми русскими и сообщилъ ихъ, въ копіяхъ, издателю «Историческаго Вѣстника» А. С. Суворину.

Прежде чѣмъ перечислить эти документы, замѣтимъ, что переписка Екатерины съ Даламберомъ дѣлится на два періода. Въ первомъ изъ нихъ (1762—1767 гг.) она поддерживалась довольно дѣятельно; затѣмъ, послѣ пятилѣтняго перерыва, Даламберъ и им-

---

[1]) Въ VII, X и XIII томахъ сборника общества.

ператрица обмѣнялись, въ 1772 году, четырьмя письмами, которыми и закончилась ихъ корреспонденція.

Доставленные г. Шарлемъ Анри документы, за исключеніемъ двухъ, относятся къ первому періоду этой переписки. Въ числѣ ихъ находятся:

1—8. Восемь писемъ императрицы къ Даламберу, изъ коихъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ напечатано было 5.

9—16. Восемь писемъ Даламбера къ императрицѣ. Изъ нихъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ напечатано было только 2, но за то Обществомъ опубликовано было 4 письма Даламбера, коихъ въ доставленной г. Шарлемъ Анри коллекціи не находится.

Письма къ Даламберу:

17. И. И. Бецкаго.

18. Николаи, частнаго секретаря русскаго посланника въ Вѣнѣ князя Д. М. Голицына.

19. Библіотекаря императрицы Одара.

20. Н. И. Панина.

21. Жившаго въ Петербургѣ женевца Пиктэ.

22. Графа К. Г. Разумовскаго.

23. И. И. Шувалова, и

24. Президента Энò (Hénault).

25—27. Три письма Даламбера: одно къ Одару [1]), другое къ русскому посланнику въ Парижѣ С. В. Салтыкову и третье къ дѣвицѣ Туронъ.

28. Записка по вопросу, предложенному Даламберу императрицею въ письмѣ ея къ г-жѣ Жоффрень, и

29. Записка о французскихъ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ рускими войсками въ Польшѣ въ 1772 году.

Мы помѣщаемъ ниже только 22 документа, не находя нужнымъ перепечатывать 5 писемъ Екатерины и 2 письма Даламбера, явившихся въ сборникѣ Русскаго Историческаго Общества.

Предисловіе къ письмамъ написано, по нашей просьбѣ, Д. Ф. Кобеко, которому и приносимъ нашу искреннюю благодарность какъ за этотъ трудъ, такъ и за редакцію русскаго перевода.

Со времени прибытія своего въ Россію до вступленія на престолъ, Екатерина II прилагала особенное стараніе къ самообразованію. Она ознакомилась съ лучшими сочиненіями иностранныхъ писателей и, слѣдуя направленію вѣка, увлекалась произведеніями

[1]) Письмо это въ подлинникѣ хранится въ государственномъ архивѣ въ Петербургѣ (кар. II, № 96).

той группы французскихъ литературныхъ дѣятелей, которая извѣстна подъ именемъ энциклопедистовъ. Своимъ государственнымъ умомъ она, ранѣе многихъ, поняла, что эта литературная партія представляла силу, которую слѣдовало привлечь на свою сторону и которою должно было воспользоваться и соотвѣтственно этому начертала себѣ планъ дѣйствій. Плану этому она слѣдовала неуклонно въ теченіи первой половины своего царствованія.

Немедленно по воцареніи, она сдѣлала въ этомъ направленіи шагъ, который хотя и не увѣнчался успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе стяжалъ ей громкія хвалы энциклопедистовъ. Воспитателемъ къ своему сыну и наслѣднику, восьмилѣтнему цесаревичу Павлу Петровичу, она пригласила Даламбера.

Первоначальныя, если можно такъ выразиться, оффиціозныя, предложенія сдѣланы были Даламберу чрезъ посредство двухъ проживавшихъ въ Петербургѣ иностранцевъ, Одара и Пиктэ [1]).

Одаръ (Michel Odar) происхожденіемъ изъ Піэмонта, прибылъ въ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ и благодаря покровительству канцлера Воронцова, получилъ чинъ надворнаго совѣтника и должность совѣтника въ коммерцъ-коллегіи [2]). Затѣмъ племянница Воронцова, княгиня Е. Р. Дашкова, которой Одаръ сдѣлался необходимымъ своими литературными познаніями, исходатайствовала ему мѣсто управляющаго небольшою дачею, которою владѣла великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

«Одаръ бѣденъ и мнѣ кажется, что ему надоѣло быть бѣднымъ», такъ характеризовалъ его французскій посланникъ баронъ Бретель. Отсюда проистекли побужденія, заставившія его принять участіе въ заговорѣ противъ Петра III. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что за деньги Одаръ готовъ былъ совершить всякое преступленіе. Онъ былъ посредникомъ въ переговорахъ между Екатериною и Бретелемъ, когда первая обратилась къ Бретелю о ссудѣ ей 60.000 руб. Привыкнувъ получать деньги отъ англійскаго посланника Вилліамса, Екатерина вѣроятно разсчитывала на удовлетвореніе своей просьбы и на этотъ разъ, но Бретель отказалъ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ сообщены уже были мною въ статьѣ: «Изъ исторіи французской колоніи въ Россіи» (Ж. М. Н. П. 1883 г.). Здѣсь они являются пополненными, ибо кромѣ источниковъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ, я воспользовался донесеніями французскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Петербургѣ, хранящимися въ архивѣ рус. ист. общества.

[2]) Въ Государственномъ архивѣ (дѣло 1761 г., XIX, 290) хранятся двѣ записки Одара: 1) Mémoire sur le commerce de Russie, à M. le procureur général le 26 juin 1761 и письмо его къ княгинѣ Дашковой, при которомъ послана была ей эта записка и 2) Sentiment du conseillier de la cour Odar sur le Reglement qu'on prétent établir, relativement à la saisie (en cas de faillite) des effets envoyés en commission pour l'étranger, le 3 decembre 1761. Первая изъ этихъ записокъ напечатана, безъ имени автора, Бюшингомъ въ Magazin für die Historie und Geographie, Halle, 1777, XI, 439—464.

ей въ просимой ссудѣ, ссылаясь на недостаточность своихъ инструкцій и обѣщалъ лишь испросить на это разрѣшеніе короля. Но дѣло не терпѣло отсрочекъ и государственный переворотъ 28-го іюня 1762 года совершился на этотъ разъ безъ помощи французскихъ денегъ. Одаръ наблюдалъ за всѣми участниками въ заговорѣ, расточалъ имъ разныя обѣщанія [1]), хранилъ въ своей квартирѣ манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины, и въ самый день переворота сопровождалъ ее въ походѣ въ Петергофъ. Во всякомъ случаѣ, участіе его въ этомъ дѣлѣ было довольно значительно, хотя княгиня Дашкова, приписывавшая себѣ успѣхъ предпріятія, утверждаетъ, что въ послѣдніе три дня до переворота Одаръ принималъ въ немъ такъ мало участія, что находился за городомъ у графа А. С. Строганова. Дѣятельность его, кажется, довольно вѣрно характеризовалъ тогдашній австрійскій посланникъ Мерси д'Аржанто̀, говоря, что онъ былъ секретаремъ заговора.

Затѣмъ Одаръ поступилъ на службу въ кабинетъ императрицы, ея библіотекаремъ, и послѣ кратковременной отлучки въ Италію, вернулся въ Россію. Сохранилось извѣстіе, что онъ былъ доносителемъ на Хитрово и другихъ лицъ, составившихъ заговоръ противъ Екатерины, въ бытность ея, въ 1763 году, послѣ коронаціи, въ Москвѣ. Въ награду за эту услугу онъ, отказавшись отъ всякихъ отличій, потребовалъ денегъ.

Послѣ этого, указами 8-го декабря 1763 и 31-го марта 1764 гг., Одаръ назначенъ былъ членомъ коммисіи для разсмотрѣнія коммерціи россійскаго государства и особаго при ней собранія для разсмотрѣнія проектовъ, касающихся до торговли, и былъ употребляемъ для составленія соображеній по предполагавшемуся торговому трактату съ Англіею. Въ томъ же 1764 году, онъ оставилъ Россію [2]), вернулся на родину и умеръ въ Ниццѣ около 1773 года отъ удара молніи.

Другая личность, принявшая участіе въ перепискѣ о приглашеніи Даламбера въ Россію, женевецъ Пиктэ (Pictet de Warembé) былъ своимъ человѣкомъ у Вольтера, который, вслѣдствіе его большаго роста, называлъ его «великаномъ». Онъ принадлежалъ къ труппѣ любителей, разыгрывавшихъ пьесы Вольтера на его домашнемъ театрѣ въ Делисахъ. Тамъ же познакомился онъ и съ Даламберомъ, проведшимъ въ гостяхъ у Вольтера августъ 1756 года.

Первоначально Пиктэ поступилъ къ графу А. Р. Воронцову, при которомъ былъ въ качествѣ секретаря, а затѣмъ, не задолго до переворота 28-го іюня 1762 года, пріѣхалъ въ Россію. Однажды гулялъ онъ въ саду лѣтняго дворца, когда пришелъ туда императоръ Петръ III, въ сопровожденіи свиты и адъютантовъ. Пиктэ

[1]) Ср. Bernardin de St. Pierre III въ его oeuvres posctumes, Paris, 1839, стр. 51.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XXVI, 118.

прошелъ мимо императора, не снялъ шляпы и даже не посторонился. Императоръ, которому онъ нагло смотрѣлъ въ глаза, спросилъ окружавшихъ, что это за человѣкъ? Никто не зналъ его. Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, Петръ послалъ флигель-адъютанта остановить его и спросить, кто онъ такой? Тотъ, все еще не снимая шляпы, отвѣчалъ, что онъ французъ. Тогда Петръ сказалъ: «вотъ какой негодный французъ зашелъ къ намъ въ садъ» и приказалъ адъютанту дать ему 20 фухтелей и сказать: «такъ его величество учитъ вѣжливости невоспитанныхъ французовъ» и чтобъ онъ сейчасъ убирался изъ сада.

Послѣ паденія Петра III, первое явившееся сочиненіе о переворотѣ было помѣщенное въ парижскомъ Journal Encyclopédique 1-го ноября 1762 года [1]) анонимное письмо одного иностранца къ своему другу, которому онъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, это событіе и осуждаетъ падшаго императора. Письмо это написалъ къ Вольтеру «длинный, худой и косой» Пиктэ, чрезъ котораго и началась, затѣмъ, переписка Екатерины съ Вольтеромъ.

Какую именно должность занималъ въ 1762 году Пиктэ въ Петербургѣ, мы сказать не можемъ; впослѣдствіи же, онъ сдѣлался французскимъ учителемъ у графа Г. Г. Орлова и состоялъ въ канцеляріи опекунства иностранныхъ колонистовъ, которой Орловъ былъ президентомъ. Въ 1765 году, онъ отправленъ былъ во Францію, для приглашенія французскихъ переселенцевъ, но, по возвращеніи оттуда, въ маѣ того же года, былъ уличенъ въ контрабандѣ и хотя Екатерина, помня прежнія его услуги, смягчила слѣдовавшее ему наказаніе, но онъ долженъ былъ покинуть Россію [2]). Дальнѣйшая судьба Пиктэ не вполнѣ ясна. Въ 1785—1794 годахъ онъ проживалъ въ Лондонѣ, гдѣ занимался литературными трудами.

Эти краткія свѣдѣнія объ Одарѣ и Пиктэ показываютъ, что они принадлежали къ числу тѣхъ полу-авантюристовъ, которые во множествѣ начали являться въ Россію, еще со времени Елизаветы Петровны. Къ совершенно иному роду людей принадлежало третье лицо, принявшее также участіе въ предварительной перепискѣ о приглашеніи Даламбера въ Россію,—Николаи.

Генрихъ Людвигъ Николаи родился въ Страсбургѣ и по окончаніи курса въ тамошнемъ университетѣ отправился въ Парижъ,

---

[1]) T. VII, 3-me partie, p. 122—131. Еще ранѣе этого въ томъ же журналѣ 1762 г. (T. VI, 1-re partie, p. 145—151; T. VII, 2-me partie, p. 140—152 и 3-me partie, p. 141—149) помѣщены были въ отдѣлѣ Nouvelles politiques (безъ подписи) тѣ три письма Пиктэ изъ Петербурга, которые г. Бартеневъ недавно перепечаталъ въ Архивѣ кн. Воронцова, кн. XXIX, стр. 159—170.

[2]) Изъ дѣлъ государственнаго архива (1765 года, XIX, 298) видно, что въ этой контрабандѣ участвовали еще два француза, Демаре и Леманьянъ. Послѣдній былъ родственникомъ Пиктэ. О немъ см. въ запискахъ Бернарденъ де С. Пьера. Oeuvres posthumes, стр. XIII и слѣд.

гдѣ посѣщалъ литературное общество дѣвицы Леспинасъ, постоянными гостями которой были Даламберъ и Дидро. Тутъ же познакомился онъ съ княземъ Д. М. Голицынымъ. Назначенный, въ маѣ 1761 года, посломъ въ Вѣну, князь Голицынъ желалъ имѣть при себѣ, въ качествѣ секретаря, молодаго человѣка, который соединялъ бы съ хорошимъ происхожденіемъ общее научное образованіе и знаніе языковъ. Онъ остановился на Николаи, который принялъ его предложеніе. Пробывъ въ Вѣнѣ два года, Николаи въ 1763 году возвратился на родину, гдѣ остался недолго и совершилъ путешествіе по Франціи. Вновь вернувшись въ Страсбургъ, Николаи сдѣлался профессоромъ въ тамошнемъ университетѣ, куда поступили сыновья президента петербургской академіи наукъ графа К. Г. Разумовскаго. Въ 1766 году, Разумовскій пригласилъ Николаи воспитателемъ къ своему сыну Алексѣю, съ которымъ Николаи совершилъ путешествіе по Европѣ и пріѣхалъ въ Россію въ 1796 году.

Еще въ бытность свою за границею, Николаи получилъ отъ графа Н. И. Панина предложеніе принять участіе при воспитаніи цесаревича Павла Петровича и съ тѣхъ поръ безотлучно состоялъ при немъ во все время его великокняжества, а въ царствованіе его занималъ должность президента Академіи Наукъ. Совершенно отдавшись новому своему отечеству, Николаи умеръ въ глубокой старости, снискавъ общее къ себѣ уваженіе.

На первоначальныя предложенія пріѣхать въ Россію, сдѣланныя Даламберу чрезъ Одара и поддержанныя чрезъ Пиктэ (письма I и III) Даламберъ отвѣчалъ отказомъ (письмо IV), но это дало поводъ самой императрицѣ написать ему, въ ноябрѣ 1762 года, письмо, пересланное Даламберу Панинымъ (письмо VI) и тотчасъ же повсюду оглашенное, — въ которомъ она, между прочимъ, утверждаетъ, что воспитаніе сына такъ близко ея сердцу и Даламберъ такъ ей нуженъ, что, быть можетъ, она слишкомъ настаиваетъ на своемъ предложеніи и приглашаетъ его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями [1]). Несмотря однако и на это письмо и на всѣ выгодныя условія, предложенныя ему чрезъ русскаго посланника въ Парижѣ, С. В. Салтыкова (письмо VIII), Даламберъ рѣшительно отказался отъ предложенной ему чести.

Трудно сказать, могъ ли бы Даламберъ быть пригоденъ къ дѣлу воспитанія наслѣдника русскаго престола. Самъ онъ, повидимому, не очень серьезно смотрѣлъ на сдѣланное ему предложеніе и шутливо писалъ Вольтеру: «знаете ли вы, что мнѣ предложили, хотя я и не имѣю чести быть іезуитомъ, воспитаніе великаго князя въ Россіи. Но я очень подверженъ гемороидальнымъ коликамъ, а онѣ

---

[1]) Письмо это 13-го ноября 1762 г. было неоднократно напечатано и въ послѣдній разъ въ Сбор. Рус. Ист. Общ., VII, 178.

слишкомъ опасны въ этой странѣ». Литературный врагъ Даламбера, Ж. Ж. Руссо, находилъ, что отказываясь отъ этого приглашенія, Даламберъ поступилъ хорошо, потому, что онъ не сдѣлалъ бы изъ Павла Петровича ни завоевателя, ни мудреца, а сдѣлалъ бы только арлекина. Какъ ни рѣзко это мнѣніе Руссо, но въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ многіе выражали сомнѣніе въ пригодности Даламбера къ педагогической дѣятельности. «Даламберъ—это Діогенъ, котораго слѣдуетъ оставить въ его бочкѣ», записалъ въ своемъ дневникѣ литературный хроникеръ того времени Башомонъ, повторяя, вѣроятно, отзывъ современнаго ему общества. Напротивъ того, нѣкоторые изъ друзей Даламбера горячо совѣтывали принять сдѣланное ему императрицею приглашеніе, указывая на его практическія выгоды (письмо IX).

Несмотря на отказъ Даламбера, ближайшая цѣль, которую, приглашая его, имѣла въ виду Екатерина, была ею достигнута. Французская академія занесла въ свои протоколы предложеніе, сдѣланное ея члену, Вольтеръ патетически поздравилъ своего друга и газеты разнесли по всему свѣту вѣсть объ этомъ просвѣщенномъ дѣйствіи Екатерины. Первый шагъ по пути къ популярности былъ сдѣланъ ею удачно, а что вызовъ Даламбера не былъ ни искреннимъ, ни серьезнымъ дѣломъ, видно изъ того, что получивъ его отказъ, Екатерина на этомъ успокоилась и не продолжала искать своему сыну другаго воспитателя. Въ парижскомъ литературномъ кругѣ распущенъ былъ слухъ, что Екатерина намѣревалась обратиться съ подобнымъ же предложеніемъ или къ Дидро, или къ Мармонтелю, или къ Сорену (Saurin), но ничего подобнаго не послѣдовало.

Одновременно съ предложеніемъ принять на себя воспитаніе цесаревича, сдѣлано было Даламберу, чрезъ И. И. Шувалова (письмо II), другое предложеніе — перенести въ Россію печатаніе Энциклопедіи, которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ Дидро и которая подверглась тогда запрещенію во Франціи. Предположеніе это также не осуществилось [1]).

Начатая такимъ образомъ переписка Екатерины съ Даламберомъ продолжалась до 1767 года, довольно дѣятельно, касаясь исключительно литературныхъ предметовъ, трудовъ Даламбера и занятій Екатерины по сочиненію наказа Коммисіи объ уложеніи.

Занимаясь составленіемъ наказа, Екатерина встрѣтила сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ хорошій и полезный резуль-

---

[1]) Письмо Шувалова къ Дидро по тому же предмету, отъ 20-го августа 1762 года, см. въ Correspondance de Grimm et le Diderot, Paris, 1829, стр. 184,

тать? и вопросъ этотъ предложила Даламберу, чрезъ посредсво г-жи Жоффренъ, съ которою состояла также въ перепискѣ [1]).

Отвѣтъ Даламбера является въ печати въ первый разъ (приложеніе XX).

Перечитывая письма Даламбера къ императрицѣ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ слышна какая-то принужденность, торжественность и напыщенность. Онъ доказываетъ, декламируетъ, разсыпается въ безконечныхъ выраженіяхъ уваженія. Самый независимый изъ такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка похожъ на придворнаго, но придворнаго неловкаго, неискуснаго; это доказываетъ, какъ несвойственна была ему подобная роль. Сколько извѣстно, Екатерина не сдѣлала ему никакихъ благодѣяній, но онъ такъ неловко жалуется на свои денежныя затрудненія и хвалитъ императрицу за ея щедрость къ Дидро, что какъ будто бы самъ выпрашиваетъ милостей. Дидро, помня оказанныя ему благодѣянія, навсегда остался горячимъ сторонникомъ Екатерины; Вольтеръ поддерживалъ съ нею переписку какъ потому, что это удовлетворяло его непомѣрному самолюбію, такъ и по разсчету, сочиняя статьи по заказу русскаго правительства; для Даламбера не существовало этихъ побужденій, а вести чисто литературную переписку было для него совершенно безцѣльно.

Вѣроятно, поэтому онъ и прекратилъ эту корреспонденцію и возобновилъ ее только въ 1772 году, по слѣдующему поводу.

Преслѣдуя польскихъ конфедератовъ, русскіе войска заняли Краковъ и взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ, служившихъ въ польской арміи. «Во имя философіи» Даламберъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою объ ихъ освобожденіи, но получилъ въ этомъ отказъ; онъ повторилъ свою просьбу, но императрица осталась неумолимою, обѣщавъ только освободить плѣнниковъ «въ свое время» [2]).

Екатерина не сомнѣвалась, что просьба Даламбера была ему внушена тогдашнимъ французскимъ министерствомъ и это повліяло, можетъ быть, на ея рѣшеніе, потому что отношенія Россіи къ Франціи были въ то время натянуты [3]). Тѣмъ не менѣе, Даламберъ крайне оскорбился тѣмъ, что Екатерина, сообщивъ о своемъ отказѣ въ его ходатайствѣ Вольтеру, прибавила, что ей хотѣлось написать Даламберу, что плѣнные французы нужны ей для введенія

---

[1]) Письмо 15-го января 1766 года въ Сборн. Рус. Ист. Общ., I, стр. 283, и письмо Даламбера къ императрицѣ отъ 11-го августа 1766 года, тамъ же, X, стр. 131.

[2]) Письма эти напечатаны въ XIII томѣ Сборн. Рус. Ист. Общ.

[3]) Письмо къ Гримму, 8-го мая 1784 года, Сборн. Рус. Ист. Общ. XXIII, стр. 303. Еще ранѣе Даламбера, Вольтеръ предлагалъ герцогу Ришелье свое ходатайство за плѣнныхъ французовъ, но подъ условіемъ, что это будетъ одобрено французскимъ правительствомъ. Письма его въ изд. Бешо, т. 67, № 6347, 6349 и 6359.

въ Россіи изящныхъ манеръ. Даламберъ не безъ основанія увидѣлъ въ этихъ словахъ насмѣшку [1]).

Впрочемъ, хотя императрица и отказала Даламберу, но тѣмъ не менѣе просьба его, кажется, повліяла на судьбу французскихъ плѣнныхъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Тесби де-Белькуръ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ о пребываніи въ Россіи, что свобода объявлена была ему и его товарищамъ по ссылкѣ въ Тобольскъ, 24-го сентября 1773 года, и что онъ не зналъ, кому обязанъ былъ своимъ освобожденіемъ, такъ какъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, Дюранъ, къ которому онъ обратился съ просьбою о пособіи уже по прибытіи своемъ изъ Тобольска въ Москву, отвѣтилъ, что онъ не получалъ на счетъ его никакихъ инструкцій [2]).

Послѣ обмѣна, въ 1772 году, писемъ Екатерины и Даламбера, переписка ихъ прекратилась окончательно и Даламберъ сталъ чрезвычайно сдержанъ и холоденъ въ отзывахъ своихъ объ императрицѣ (письмо XXII). Скажемъ болѣе, онъ сдѣлался защитникомъ турокъ и недругомъ Россіи.

Быть можетъ на это повліяли и тѣсныя сношенія Даламбера съ Фридрихомъ II, который также охладѣлъ къ своей союзницѣ. Даламберъ, много обязанный Фридриху, питалъ къ нему глубокое уваженіе и, какъ не безъ ироніи замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей того времени, графъ С. Р. Воронцовъ, «съ тѣмъ умеръ, что нѣтъ государя добродѣтельнѣе, какъ король прусскій» [3]).

Кромѣ непосредственной переписки съ императрицею, Даламберъ, какъ видно изъ печатаемыхъ ниже писемъ, былъ въ корреспонденціи съ Бецкимъ и графомъ Разумовскимъ (письма XV и XVIII) [4]). Сверхъ того, многіе русскіе, посѣщавшіе Парижъ, были въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ.

Такъ съ нимъ знакомъ былъ графъ А. Р. Воронцовъ [5]); въ 1772 году посѣтилъ его бывшій въ Парижѣ директоръ Академіи Наукъ графъ В. Г. Орловъ [6]); въ 1774 году—графъ Чернышевъ [7]), а въ 1778 году видался съ нимъ извѣстный фонъ-Визинъ. Выражаясь очень неблагосклонно о французскомъ обществѣ вообще и о французскихъ писателяхъ въ особенности, фонъ-Визинъ говоритъ, что

---

[1]) Письмо Вольтера къ Даламберу, отъ 19-го апрѣля 1773 года, и отвѣтъ послѣдняго 27-го апрѣля. Письма его въ изд. Бешо, т. 68, № 6533 и 6542.

[2]) Thesby de Belcourt. Relation d'un officier français pris par les Russes et rélégné en Sebérie, Amsterdam, 1776, стр. 156, 223 и 236.

[3]) Арх. князя Воронцова, IX, 434.

[4]) Письмо Даламбера къ Разумовскому см. у Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, Спб., 1880, I, 328.

[5]) Письмо къ нему Даламбера отъ 1-го ноября 1764 года, въ Арх. князя Воронцова, XXIX, 299.

[6]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Спб., 1878, I, 256.

[7]) Письмо Даламбера къ Фридриху, 12-го апрѣля 1775 года, Oeuvres de Frédéric, XXV, 10.

«изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня Даламберъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіогномію»[1]). Наконецъ, въ 1782 году, посѣтилъ Даламбера цесаревичъ Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Сѣвернаго. Отдавая отчетъ объ этомъ посѣщеніи, Даламберъ писалъ, что Павелъ Петровичъ наговорилъ ему очень много любезнаго о желаніи, которое имѣли видѣть его въ Петербургѣ и о сожалѣніи, которое въ особенности онъ испыталъ, убѣдившись въ невозможности этого. «Я очень тронутъ его сожалѣніемъ, прибавилъ Даламберъ, но вовсе не раскаяваюсь и даже, можетъ быть, менѣе чѣмъ когда либо»[2]).

Эти слова Даламбера показываютъ, на сколько измѣнился его взглядъ на дѣятельность императрицы Екатерины. Такая же перемѣна произошла, въ свою очередь, и въ ея мнѣніи о Даламберѣ. Получивъ извѣстіе о его смерти (29-го октября 1783 года), Екатерина писала Гримму: «прискорбно, что Даламберъ умеръ, не видавъ и не читавъ нашего оправданія по дѣлу о Крымѣ[3]); покрайнѣй мѣрѣ слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и судить уже послѣ того; вмѣсто этого онъ говорилъ намъ оскорбленія; мнѣ это непріятно, какъ и то малодушіе, которое онъ выказалъ во время своей болѣзни; вѣроятно силы тѣлесныя превозмогли силы душевныя. Но эти люди часто судили иначе, чѣмъ они проповѣдывали; очень давно я была у него въ немилости и вы знаете, что насъ поссорилъ Вольтеръ».

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и надъ Франціею разразились ужасы практическаго примѣненія тѣхъ началъ, въ теоретической разработкѣ которыхъ энциклопедисты принимали такое дѣятельное участіе. Тогда Екатерина, забывъ о покровительствѣ, которое она нѣкогда оказывала имъ и ихъ Энциклопедіи, печатаніе которой предлагала перенести въ Россію, писала Гримму, что она «ожидаетъ отъ него оправданія въ ея умѣ философовъ и ихъ учениковъ, въ томъ, что они имѣли долю участія въ революціи и въ Энциклопедіи, ибо Гельвецій и Даламберъ признавались оба Фридриху II, что въ этой книгѣ было два лишь предмета: первый, уничтоженіе христіанской религіи, второй, — уничтоженіе царской власти»[4]).

Д. Кобеко.

---

[1]) Сочиненія, изд. Ефремова, Спб., 1866, 440 и 447.

[2]) Письмо къ Фридриху, 21-го іюня 1782, Oeuvres de Frédéric, XXV, 230.

[3]) Манифестъ о присоединеніи Крыма къ Россіи состоялся 8-го апрѣля 1783 года, но напечатанъ позднѣе и въ нѣмецкомъ переводѣ явился въ особомъ приложеніи къ St-Petersburger Zeitung, 21-го іюля 1783 года.

[4]) Сборн. Рус. Ист. Общ. XXIII стр. 308 и 622.

I.

Pictet à d'Alembert.

St. Pétersbourg, $\frac{4}{15}$ août 1762.

Monsieur. Quoique je n'aie eu l'honneur de Vous connaître, qu'à l'occasion du voyage, que Vous fîtes à Génève pour voir Monsieur de Voltaire et que Votre temps soit trop précieux pour que j'eusse voulu prétendre à entretenir avec Vous un commerce de lettres, qui n'aurait été de Votre part qu'une preuve de Votre politesse, je me flatte que la circonstance des propositions que Vous fait faire Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et l'intention que j'ai en écrivant, Vous feront recevoir ma lettre avec plaisir. Si Vous étiez un homme ordinaire on n'imaginerait pas que Vous fussiez un seul instant en suspens sur les propositions de Sa Majesté, mais Vous êtes un philosophe qui avez donné tant de preuves de Votre façon de penser sur la fortune, qu'on ne peut s'empêcher d'avoir quelques doutes pour le parti que Vous prendrez; mais permettez moi de Vous le dire si Vous hésitez il faut que la personne de notre auguste souveraine, son caractère, son esprit, ses talents, ne Vous soient point du tout connus. Je voudrais Vous la peindre, Monsieur; mais la tâche est au dessus de mes forces et je ne connais que la plume d'un Voltaire, d'un Diderot, d'un d'Alembert qui pût en parler dignement; peut-être

---

I.

Пиктэ Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{4}{16}$ августа 1762 года.

М. Г. Хотя я имѣлъ честь познакомиться съ вами только во время путешествія вашего въ Женеву, для свиданія съ г. Вольтеромъ, и хотя время ваше слишкомъ дорого для того, чтобы я могъ разсчитывать поддерживать съ вами переписку, которая съ вашей стороны была бы лишь доказательствомъ вашей вѣжливости, тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что благодаря сущности предложенія, которое дѣлаетъ вамъ ея величество императрица всероссійская и въ уваженіе намѣренія, съ которымъ я вамъ пишу, вы получите письмо мое не безъ удовольствія. Если бы вы были человѣкомъ обыкновеннымъ, то нельзя бы было и представить себѣ, чтобы вы остались, хотя на минуту, въ недоумѣніи на счетъ намѣреній ея величества, но вы философъ, явившій столько доказательствъ своего взгляда на богатство, и потому нельзя не имѣть нѣкоторыхъ сомнѣній на счетъ вашего рѣшенія. Позвольте же мнѣ сказать вамъ, что если вы будете колебаться, то надобно полагать, что личность нашей августѣйшей государыни, ея характеръ, ея умъ и ея таланты вамъ, совершенно неизвѣстны. Я желалъ бы изобразить ее предъ вами, м. г., но эта задача превосходитъ мои силы и я думаю, что только перо Вольтера, Дидро, Даламбера можетъ говорить о ней достойнымъ образомъ. Быть можетъ вы вообразите себѣ, что въ этомъ слу-

imaginerez Vous, que je ne consulte dans ceci que mon interêt et le désir de Vous voir; peut-être porterez Vous l'injustice jusqu'à me confondre, avec ces hommes de cour qui n'ont d'autre idée que de faire la leur, fut—ce même aux dépens de la vérité; il est certain que je désirerais fort d'être à même de former avec Vous des relations plus particulières; mais il est des régles dont un honnête homme ne s'écarte jamais et je me flatte de l'être. Vous dirai-je plus, je suis républicain, j'ai sucé avec le lait les moeurs de mon pays; il y a trop peu de temps que je l'ai quitté pour avoir changé de façon de penser; j'y suis attaché par des liens presque indissolubles et sans avoir aucun des motifs qui Vous sont présentés, je sens cependant que je ne pourrais de longtemps me résoudre à quitter Pétersbourg uniquement pour jouir du spectacle d'une souveraine, qui ayant les talents nécessaires, consacre tous ses instants à rendre tout son Empire florissant et son peuple heureux: ce tableau n'aurait-il rien d'intéressant pour Vous? Je sais que mille liens Vous attachent à Paris, que Vous y avez autant d'amis que de persones qui Vous connaissent, que Vous êtes au centre des lettres, des arts, des talents; mais un philosophe est fait pour sentir qu'il se doit á l'instruction des hommes. Pierre le Grand a tiré cet Empire de l'obscurité; on est étonné du progrés que la nation a fait en si peu de temps; cependant on ne peut se dissimuler que depuis la mort de ce prince, les progrés n'ont pas répondu à ce qu'on doit attendre de l'état où il avait porté les choses; il fal-

---

чаѣ я соображаюсь только съ моими интересами и съ желаніемъ свидѣться съ вами; быть можетъ, вы доведете несправедливость до того, что смѣшаете меня съ толпою придворныхъ, у которыхъ одна только мысль—ухаживать за всѣми, хотя бы то было даже въ ущербъ истинѣ. Конечно, я горячо желалъ бы имѣть возможность войти съ вами въ болѣе близкія сношенія, но есть правила, отъ которыхъ никогда не уклоняется честный человѣкъ, а я льщусь принадлежать къ ихъ числу; скажу вамъ болѣе, я республиканецъ, я всосалъ съ молокомъ нравы моей родины; слишкомъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, что я ее покинулъ, для того чтобы я могъ измѣнить мой образъ мыслей; я связанъ съ нею узами почти неразрывными и не имѣя ни одного изъ поводовъ, которые вамъ представлены, чувствую однако, что еще на долгое время я не могъ бы рѣшиться покинуть Петербургъ единственно для того, чтобы наслаждаться лицезрѣніемъ государыни, которая обладая всѣми необходимыми талантами посвящаетъ каждое мгновеніе на то, чтобы сдѣлать свою страну цвѣтущею и свой народъ счастливымъ. Развѣ эта картина не имѣетъ ничего привлекательнаго и для васъ? Я знаю, что тысячи узъ привязываютъ васъ къ Парижу, что у васъ тамъ столько же друзей, сколько лицъ, васъ знающихъ; что вы находитесь въ центрѣ литературы, искусствъ, талантовъ, но философъ созданъ для того, чтобы сознавать свой долгъ въ отношеніи къ просвѣщенію человѣчества. Петръ Великій вывелъ эту страну изъ мрака; всѣ удивлены успѣхами, сдѣланными націею въ столь короткое время; однако невозможно скрыть, что со смерти этого государя,

lait une souveraine comme Catherine pour corriger les abus qui s'étaient glissés et donner une nouvelle vie à tant d'établissements utiles; mais puisque cette princesse a le génie assez étendu pour sentir que l'esprit philosophique est le seul capable d'inspirer aux hommes l'amour du bien et la pratique des vertus morales, les vrais philosophes doivent—ils hésiter lorsqu'elle les invites à venir les répandre chez elle? Vous serez ici dans le cas de voir tous les jours, son altesse impériale Monsieur le grand duc; Vous êtes ami de Monsieur Diderot qui dans l'épître dédicatoire qu'il a adressé à Madame la Princesse de Nassau a donné une si belle leçon à tous les princes; Vous sentez comme lui, et quelle ne sera pas la satisfaction, dont Vous jouirez, lorsque Vous verrez vos principes de philosophie et de morale devenir ceux de ce jeune prince et en assurant son bonheur et sa gloire, assurer aussi la félicité de tant de millions de Vos semblables! Parlerais-je de l'Encyclopèdie, de ce livre cher et précieux à tous ceux, qui pensent, dont le bigotisme et l'hypocrisie ont arrêté l'impression; tache, à jamais honteuse pour la France; Vous devez à la République des lettres de l'achever et comment pourriez Vous trouver une occasion plus favorable que la protection que l'Impératrice Vous accorde? Enfin, Monsieur, ce qui à mon sens doit le plus contribuer à Vous décider, parce que cela sert à Vous faire connaître le caractère de la souveraine, qui Vous demande, c'est que je lui ai ouï dire, qu'elle savait bien que Vous étiez trop philosophe pour que la fortune put

---

успѣхи не соотвѣтствовали тому, чего должно было ожидать отъ положенія, въ которомъ онъ оставилъ дѣла; нужна была государыня, подобная императрицѣ Екатеринѣ, чтобы исправить вкравшіяся злоупотребленія, и придать новую жизнь столь многочисленнымъ полезнымъ учрежденіямъ, но если эта государыня обладаетъ геніемъ, довольно обширнымъ, чтобы сознавать, что философическій умъ есть единственно способный внушить людямъ любовь къ добру и жизнь добродѣтельную, то истинные философы должны ли колебаться, когда она приглашаетъ ихъ распространять эти начала въ ея государствѣ? Здѣсь вы будете имѣть случай видѣть ежедневно великаго князя; вы другъ г. Дидро, который въ посвятительномъ письмѣ своемъ принцессѣ Нассауской далъ такой прекрасный урокъ государямъ; вы чувствуете, какъ и онъ, и каково будетъ удовольствіе, которымъ вы будете наслаждаться, когда вы увидите, что ваши правила философіи и морали, сдѣлаются и правилами этого молодаго великаго князя и когда, утверждая его счастіе и его славу, вы утвердите также и блаженство стольких миллiоновъ людей? Говорить ли мнѣ объ Энциклопедіи, объ этой книгѣ, любезной и драгоцѣнной для всѣхъ, кто мыслитъ, печатаніе которой было остановлено ханжествомъ и лицемѣріемъ,—пятно навсегда постыдное для Франціи. Вы обязаны передъ наукой окончить ее и гдѣ вамъ найти для этого болѣе благопріятный случай, какъ не въ покровительствѣ, которое оказываетъ вамъ императрица. Наконецъ, м. г., то что, по моему мнѣнію, должно болѣе всего способствовать вашему рѣшенію, потому что это поможетъ вамъ ознакомиться съ характе-

Vous tenter, mais qu'elle espérait que Votre amour pour l'humanité et pour les sciences Vous déciderait; c'est ce mot, que Sa Majesté m'a fait l'honneur de m'adresser, qui m'a mis la plume à la main; il m'a fait tant d'impression, il peint si bien ses sentiments, que j'ai voulu Vous le communiquer.

J'imagine que Monsieur Grimm est trop des amis de Monsieur Diderot pour n'être pas des Vôtres; oserai-je Vous demander de lui faire mes compliments et de le prier de faire agréer les assurances de mon respect à Madame d'Epinay. Si Vous voulez m'honorer d'une réponse, je Vous prie de me l'envoyer sous le couvert de Monsieur de Béranger, chargé des affaires de Sa Majesté très-chrétienne ici, comme il veut bien faire partir ma lettre dans son paquet, j'ai pris la liberté d'y enjoindre une pour Monsieur de Voltaire, que je Vous prie de vouloir bien faire mettre à la poste; soyez persuadé des sentiments, avec lesquels j'ai l'honneur d'être etc.

II.

Schouvalow à d'Alembert.

St.-Pétersbourg, $\frac{9}{29}$ août 1762.

Monsieur. Vous n'êtes pas surpris sans doute d'apprendre que Monsieur d'Alembert est aussi connu en Russie qu'en France; mais Vous

---

ромъ государыни, которая васъ вызываетъ, — это то, что я слышалъ отъ нея, что она отлично знаетъ, что вы слишкомъ философъ для того, чтобы богатства могли васъ прельстить, но она надѣется, что ваша любовь къ человѣчеству и къ наукамъ заставитъ васъ рѣшиться. Эти слова, съ которыми ея величество изволила обратиться ко мнѣ, заставили меня взяться за перо; они произвели на меня такое впечатлѣніе, они такъ хорошо рисуютъ ея чувства, что я хотѣлъ сообщить ихъ вамъ.

Я полагаю, что г. Гриммъ слишкомъ друженъ съ г. Дидро, чтобы не находиться и въ числѣ вашихъ друзей; смѣю ли просить васъ передать ему мое почтеніе и просить его передать выраженіе моего уваженія къ г-жѣ д'Эпинэ. Если вы пожелаете почтить меня отвѣтомъ, прошу васъ прислать его по адресу г. Беранже, здѣшняго французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Такъ какъ онъ согласился послать мое письмо въ своемъ конвертѣ, то я осмѣлился приложить еще другое на имя г. Вольтера, которое покорнѣйше прошу васъ отправить на почту. Примите увѣреніе въ чувствахъ, съ которыми честь имѣю быть и проч.

II.

И. И. Шуваловъ Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{9}{20}$ августа 1762 года.

М. Г. Вы, конечно, не удивитесь, узнавъ что имя Даламбера столь же извѣстно въ Россіи, какъ и во Франціи, но, надѣюсь, будете польщены тѣмъ,

serez flatté, j'espère, d'avoir su acquérir en la personne de l'Impératrice ma souveraine une protection aussi zélée, que puissante. Le fameux ouvrage de l'Encyclopèdie auquel Vous avez tant de part, a donné à Sa Majesté l'Impératrice une idée de Votre mérite, conforme à l'admiration et à l'estime, que Vous Vous êtes attiré du public; c'est par son orde, Monsieur, que je dois Vous marquer, que si l'ouvrage rencontre des obstacles ailleurs, il pourrait être achevé en Russie; l'impression se ferait à Riga ou dans quelque autre ville de cet empire. S'il Vous faut un secours en argent pour subvenir aux frais qui naturellement doivent être considérables, Vous n'avez qu'à parler. Enfin on sera charmé de Vous prêter tous les secours que Vous jugerez nécéssaires pour achever un travail glorieux pour notre siècle et utile à tout le Genre humain.

Je suis charmé, Monsieur, d'avoir pu être l'interprète de l'intention de ma souveraine. Jamais l'inclination n'a mieux secondé le devoir. Je me ferai autant de gloire que de plaisir de pouvoir Vous prouver plus particuliérement la considération distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

NB. Vous aurez la bonté de m'adresser Vos lettres par le prince de Galitzin, notre ambassadeur à Vienne, — comme je crois, que notre ambassadeur est parti de Paris, je joins ici mon adresse.

что съумѣли пріобрѣсти въ лицѣ императрицы, всемилостивѣйшей моей государыни, столь же ревностную, какъ и могущественную покровительницу. Энциклопедія, этотъ знаменитый трудъ, въ которомъ вы приняли такое участіе, дала императрицѣ понятіе о вашихъ достоинствахъ, вполнѣ согласное съ удивленіемъ и уваженіемъ, которыя вы привлекли къ себѣ со стороны общества. По ея повелѣнію, я долженъ сообщить вамъ, м. г., что если это предпріятіе встрѣчаетъ препятствія въ другихъ странахъ, оно могло бы быть окончено въ Россіи; печатаніе его производилось бы въ Ригѣ или въ какомъ либо иномъ городѣ Россіи. Если вы нуждаетесь въ деньгахъ, для покрытія издержекъ, которыя, конечно, должны быть значительны, вамъ остается лишь заявить объ этомъ. Однимъ словомъ, государыня будетъ рада оказать вамъ всякую помощь, которую вы признаете необходимою для окончанія труда, который прославитъ наше время и принесетъ пользу для просвѣщенія всего человѣчества.

Я счастливъ тѣмъ, что могъ быть выразителемъ намѣренія всемилостивѣйшей моей государыни. Никогда личное влеченіе не содѣйствовало столь хорошо исполненію долга. Я вмѣняю себѣ столько же въ заслугу, какъ и въ удовольствіе, если мнѣ представится случай чѣмъ либо особеннымъ выразить вамъ то глубокое уваженіе, съ которымъ честь имѣю быть, и т. д.

NB. Будьте добры пересылать ваши ко мнѣ письма чрезъ посредство нашего посланника въ Вѣнѣ, князя Голицына, такъ какъ я полагаю, что нашъ посланникъ въ Парижѣ выѣхалъ оттуда. Прилагаю мой адресъ.

III.

d'Odar à d'Alembert.

Vienne, septembre 1762.

Monsieur. La nature de ma commission peut excuser auprès de Vous la liberté que je prends de Vous écrire sans avoir l'honneur d'être connu de Vous. C'est par zèle pour le service de l'Etat, duquel j'ai l'avantage d'être citoyen, que j'ai pris sur moi de Vous sonder, Monsieur, si Vous pourriez écouter les propositions de concourir à l'instruction du jeune Grand Duc de Russie. Rien ne peut Vous donner une preuve plus convainquante de l'admiration générale que Vous Vous êtes acquise que la confiance qu'une cour si éloignée met dans Votre esprit et dans Votre coeur; c'est un mérite que S. E. M-r de Panin, gouverneur de ce jeune prince, voudrait se faire auprès de sa souveraine, que de mettre entre des mains si habiles un ouvrage qu'elle a tant à coeur. Toute l'Europe est si unanime sur l'éloge de notre gracieuse impératrice, qu'il serait superflu de retracer ici la grandeur de son âme, son amour pour les sciences et pour ceux qui s'y distinguent, son humanité, sa générosité, si toutes ces vertus, en Vous garantissant l'accueil le plus gracieux et les récompenses proportionnées au plaisir que Vous lui ferez, ne me servaient d'arguments les plus stringents pour Vous y inviter. Je sais bien que les richesses et les honneurs ne sont pas ce qui détermine un philosophe; mais l'occasion

---

III.

Одаръ Даламберу.

Вѣна, 2-го сентября 1762 года.

М. Г. Свойство моего порученія можетъ извинить предъ вами смѣлость, которую я принимаю писать вамъ, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ. Изъ усердія къ службѣ государству, гражданствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, я принялъ на себя порученіе предварительно спросить васъ, выслушаете ли вы предложеніе содѣйствовать воспитанію молодаго русскаго великаго князя. Ничто не можетъ дать вамъ болѣе убѣдительнаго доказательства всеобщаго уваженія, которое вы пріобрѣли, какъ то довѣріе, которое столь отдаленный дворъ питаетъ къ вашему уму и къ вашему сердцу. Его превосходительство Н. И. Панинъ, воспитатель великаго князя, вмѣнилъ бы себѣ въ заслугу передъ государыней, если бы могъ передать въ столь искусныя руки дѣло, которое такъ близко ея сердцу. Вся Европа столь единодушна въ похвалахъ нашей всемилостивѣйшей государынѣ, что было бы излишне изображать здѣсь величіе ея души, ея любовь къ наукамъ и къ тѣмъ, которые въ нихъ отличаются, ея человѣколюбіе, ея щедрость, если бы всѣ эти добродѣтели, обезпечивая вамъ милостивѣйшій пріемъ и награды, соотвѣтственныя удовольствію, которое вы ей доставите, не служили бы мнѣ аргументомъ къ тому, чтобы пригласить васъ сюда. Я хорошо знаю, что не

de faire un bien si important ne peut que Vous tenter, d'autant plus qu'elle est accompagnée du bonheur d'approcher une princesse des plus accomplies.

Espérant, Monsieur, que Vous voudrez bien m'honorer d'une réponse préalable, j'ai l'honneur d'être, aussi penétré d'admiration pour Vos talents que de la considéraion la plus distinguée

Monsieur

Votre très—humble et très—obéissant serviteur

d'Odar.

Adresse: Conseiller de Cour et
Bibliothécaire de S. M. l'Impèratrice de toutes
les Russies chez son Excel. M. le
Prince Galitzin, ambassadeur extra-
ordinaire de la cour Impériale de Russie
à Vienne.

IV.

d'Alembert à d'Odar.

Monsieur. Il faudrait être plus que philosophe, ou plutôt ne l'être pas assez pour ne pas sentir tout le prix d'une place aussi importante qu'honorable qui étant remplie comme elle mérite de l'être, peut contribuer au bonheur d'une grande nation. Je suis donc infiniment flatté comme je le dois, de la proposition que Vous voulez bien me faire au nom de S. E. M-r de Panin, à qui je Vous prie de faire agréer ma reconnaissance et mon respect. Ce que Vous me faites l'honneur de me dire des qualités éminentes de Votre auguste Impératrice doit

---

богатства и не почести заставляютъ философа принять рѣшеніе; но прельстить васъ можетъ лишь случай совершить такое великое и доброе дѣло, тѣмъ болѣе, что оно сопровождается счастьемъ быть вблизи одной изъ совершеннѣйшихъ государынь.

Пребывая въ надеждѣ, что вы удостоите меня отвѣта, имѣю честь и проч.

IV.

Даламберъ Одару.

М. Г. Нужно бы было быть болѣе чѣмъ философомъ, или, скорѣе, не быть имъ въ достаточной степени, чтобы не сознавать всю цѣну столь же важной, сколь и почетной должности, которая, будучи исполнена, какъ она того заслуживаетъ, можетъ содѣйствовать счастью великаго народа. Поэтому я въ высшей степени польщенъ, какъ и должно быть, предложеніемъ, которое вы мнѣ дѣлаете отъ имени его превосходительства Н. И. Панина, которому покорнѣйше прошу передать мою признательность и мое уваженіе. То, что вы мнѣ говорите о возвышенныхъ качествахъ августѣйшей вашей государыни,

rendre précieux à tout homme qui pense l'avantage de l'approcher et le bonheur de mériter sa confiance dans une éducation qui lui est si chère. Mais, Monsieur, plus cette confiance m'honorerait par les devoirs sacrés qu'elle impose, plus elle m'effraye par l'incapacité que je me sens d'y répondre. Ne croyez pas que je veuille me parer d'une fausse modestie; si j'avais l'honneur d'être connu de Vous, Vous sauriez avec quelle franchise j'exprime ici ce que je sens et encore plus à quel point je dis la vérité en cette occasion. Quelques connaissances philosophiques et littéraires acquises dans la retraite, peu d'usage des hommes et encore moins des cours, peu de lumières sur les matières épineuses du gouvernement dans lesquelles un prince doit être instruit, tout cela, Monsieur, est bien loin des talents nécésssaires pour remplir dignement la place qu'on me fait l'honneur de proposer. Il y a plus de 30 ans que je travaille uniquement et sans relâche, si je puis parler de la sorte, à ma propre éducation et s'il s'en faut bien que je sois content de mon ouvrage. Jugez du peu de succès que je devrais me promettre d'une éducation infiniment plus importante, plus difficile et plus étendue.

Je n'ajouterai point à ces raisons, Monsieur, les lieux communs ordinaires sur l'amour de la patrie. Je n'ai ni assez à me louer de la mienne pour qu'elle soit en droit d'exiger, de moi de grands sacrifices, ni en même temps assez à m'en plaindre pour ne pas désirer de lui être utile, si elle m'en jugeait capable; j'y ai eu comme tous les

---

должно для каждаго мыслящаго человѣка сдѣлать драгоцѣнными возможность быть въ числѣ ея приближенныхъ и счастье заслужить ея довѣріе въ дѣлѣ воспитанія, которое ей такъ дорого. Но, м. г., чѣмъ болѣе это довѣріе принесло бы мнѣ чести тѣми священными обязанностями, которыя оно на меня бы возложило, тѣмъ болѣе оно страшитъ меня неспособностью, которую я въ себѣ чувствую, чтобы его оправдать. Не думайте, чтобы я желалъ рисоваться моею скромностью; если бы имѣлъ честь быть вамъ знакомымъ, вы бы знали, съ какою откровенностью я выражаю здѣсь то, что чувствую и еще болѣе, въ какой степени я въ настоящемъ случаѣ правдивъ. Нѣкоторыя литературныя и философическія познанія, пріобрѣтенныя въ уединеніи, малое знаніе людей и еще меньшее знаніе двора, мало свѣдѣній о тернистыхъ предметахъ управленія, которымъ долженъ быть обученъ великій князь, все это далеко отъ талантовъ, нужныхъ для того, чтобы достойно выполнить обязанности, которыя мнѣ сдѣлали честь предложить. Уже болѣе 30 лѣтъ, я,—если такъ можно выразиться,—исключительно и неустанно работаю надъ собственнымъ своимъ воспитаніемъ и еще многаго недостаетъ, чтобы я былъ доволенъ результатомъ моихъ трудовъ. Судите же о маломъ успѣхѣ, который я могъ бы обѣщать себѣ отъ результатовъ гораздо болѣе важнаго, болѣе труднаго и болѣе обширнаго воспитанія.

Къ этимъ соображеніямъ я не прибавлю общихъ мѣстъ о любви къ отечеству. Я не могу достаточно похвалиться моею любовью къ родинѣ, чтобы она была въ правѣ требовать отъ меня большихъ жертвъ, ни въ то же время

gens de lettres, qui ont le bonheur ou le malheur de se faire connaître par leur travail, les agréments et les dégoûts, attachés à la réputation; ma fortune y est très-médiocre, mais suffisante à mes besoins et plus que suffisante à mes désirs; ma santé naturellement faible, accoutumée à un climat doux et tempéré ne pourrait en supporter un plus rude; enfin, Monsieur, c'est une des maximes de ma philosophie de ne point changer de situation quand on n'est pas tout à fait mal; mais ce qui éloigne absolument de moi toute envie de me transplanter, c'est mon attachement pour un petit nombre d'amis à qui je suis cher, qui ne me le sont pas moins et dont la société fait ma consolation et mon bonheur; il n'y a, Monsieur, ni honneurs, ni richesses qui puissent tenir lieu d'un bien si précieux.

Un autre motif, non moins respectable pour moi, ne me permet pas, Monsieur, d'accepter les offres si flatteuses de la cour de Russie. Il y a plus de dix ans, le roi de Prusse me fit faire les propositions les plus honorables et les plus avantageuses; il les a reitérées sans succés à plussieurs reprises et mon silence ne l'a pas empêché de mettre le comble à ses bontés pour moi par une pension, dont je jouis depuis 8 ans et que la guerre n'a point suspendue. Il a été mon premier bienfaiteur, il a été longtemps le seul; je jouis de ses bienfaits sans avoir la consolation de lui être utile, et je me croirais indigne de l'opinion favorable que les ètrangers veulent bien avoir de moi, si

---

не могу и жаловаться на нее на столько, чтобы не желать быть ей полезнымъ, еслибы она сочла меня къ тому способнымъ. Какъ всѣ писатели, которые имѣли счастье или несчастье сдѣлаться извѣстными своими трудами, я испыталъ и удовольствія и досады, соединенныя съ извѣстностью; состояніе мое очень скромно, но достаточно для удовлетворенія моихъ нуждъ и болѣе чѣмъ достаточно для моихъ желаній; мое здоровье, слабое отъ природы, пріобыкшее къ мягкому и умѣренному климату, не могло бы перенести климатъ болѣе суровый; наконецъ, м. г., одно изъ правилъ моей философіи состоитъ въ томъ, чтобы не перемѣнять положенія, когда оно еще не окончательно дурно; но что совершенно удаляетъ отъ меня всякое желаніе переселиться, это привязанность моя къ небольшому числу друзей, которымъ я дорогъ, которые не менѣе дороги и мнѣ и общество которыхъ составляетъ мое утѣшеніе и мое счастіе: не существуетъ, м. г. ни почестей, ни богатствъ, которые могли бы замѣнить столь драгоцѣнное благо.

Другая причина, не менѣе достойная въ моихъ глазахъ уваженія, не позволяетъ мнѣ принять крайне лестныя предложенія русскаго двора. Тому болѣе десяти лѣтъ, король прусскій сдѣлалъ мнѣ самыя почетныя и самыя выгодныя предложенія. Онъ ихъ повторялъ неоднократно, но безуспѣшно, и мое молчаніе не помѣшало ему завершить свои благодѣянія пенсіею, которою я пользуюсь въ теченіи 8 лѣтъ и которую не прекратила даже война. Онъ былъ моимъ первымъ благодѣтелемъ и долгое время единственнымъ; я пользуюсь его благодѣяніями, не имѣя утѣшенія быть ему полезнымъ, и счелъ бы себя недостойнымъ благосклоннаго мнѣнія, которое обо мнѣ имѣютъ

j'étais capable de faire pour quelque prince que ce ne fût ce que je n'ai pas eu le courage de faire pour lui.

Je suis. etc.

V.

Nicolaï à d'Alembert.

Vienne, ce 20 novembre 1762.

Monsieur. Je viens de remettre à M. d'Odar, la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'adresser pour lui; le séjour qu'il a fait à Venise a traîné un peu plus en long qu'il ne s'était proposé; c'est la raison pourquoi je réponds si tard au billet que Vous avez bien voulu ajouter pour moi. M. d'Odar a plus admiré Votre lettre qu'il en a été content. Pour moi qui Vous ai écrit pour la première fois sous la dictée de mes supérieurs, je Vous écris celle-ci sous celle de mon coeur, sur lequel Votre résolution a fait une impression de plus agréables. Votre modestie, Votre attachement pour Vos amis, Votre contentement d'un sort médiocre, Votre délicatesse, tout me charme, tout porte le caractère de grandeur d'âme, d'honnêtété, de philosophie. Je suis au comble de ma joie d'avoir vu ce trait de Vous et de pouvoir Vous admirer autant en particulier que je l'ai fait dans Vos ouvrages. J'envierais plus le sort du dernier de Vos amis que celui des premiers grands de notre cour. Je ne la connais pas assez pour en dire ni bien

---

иностранцы, если бы былъ способенъ сдѣлать для кого либо изъ государей то, чего я не имѣлъ мужества сдѣлать для него. Остаюсь и пр.

V.

Николаи Даламберу.

Вѣна, 20-го ноября 1762 года.

М. Г. Я только что передалъ г-ну Одару письмо, которое вы сдѣлали мнѣ честь прислать на его имя. Пребываніе его въ Венеціи продлилось нѣсколько долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ: вотъ причина, почему я такъ поздно отвѣчаю на записку, которую вамъ угодно было присовокупить для меня. Г. Одаръ болѣе восхищался вашимъ письмомъ, чѣмъ остался имъ доволенъ. Что касается до меня, я писалъ вамъ первый разъ подъ диктовку моихъ начальниковъ; это письмо пишу вамъ подъ диктовку моего сердца, на которое ваше рѣшеніе произвело самое пріятное впечатлѣніе. Ваша скромность, ваша привязанность къ друзьямъ, ваше довольство умѣреннымъ положеніемъ, ваша деликатность, все меня очаровываетъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ величія души, честности и философіи. Я безконечно радъ видѣть въ васъ эту черту и имѣть возможность восхищаться вами какъ человѣкомъ, также какъ уже восхищался вами въ вашихъ сочиненіяхъ. Я болѣе позавидовалъ бы судьбѣ послѣдняго изъ вашихъ друзей, чѣмъ судьбѣ самыхъ знатнымъ нашего двора. Я недостаточно знаю его, чтобы сказать о немъ что либо хорошее или дурное; но тѣмъ не менѣе предполагаю, что вы имѣли бы при немъ столько же

ni mal; toujours je suppose qu'il y aurait eu pour Vous autant d'ennuis que d'agréments comme peut-être à toutes les cours du monde.

Depuis la lettre de M. d'Odar, Vous en aurez reçu, Monsieur, une autre par le canal de M. le Prince de Galitzin; les propositions indirectes qui Vous y auront été faites, me font presque juger qu'on trouvera la démarche de Mr. d'Odar un peu trop précipitée. On a voulu y aller plus finement. Je ne sais pas si on y aurait mieux réussi; M. Diderot auquel je Vous supplie, Monsieur, de présenter mes respects à l'occasion, y répondra sans doute de la même façon.

Je regarderai comme le plus heureux de la vie le moment qui me ramenera vers lui peut-être et celui auquel je pourrai Vous témoigner de bouche toute l'admiration, l'estime et l'attachement que je Vous ai voué

Monsieur

Votre très—humble et très—obéissant serviteur.

VI.

Panin à d'Alembert.

Moscou, ce 13 novembre 1762.

Monsieur. L'incluse que Vous trouverez ici, est de la main de ma souveraine, je croirais affaiblir son contenu si j'aujoutais quelque chose aux sentiments et à la proposition qu'elle contient. Cependant proposé à la direction de l'éducation de ce prince, je dois Vous dire, Mon-

---

непріятностей, сколько и удовольствія, какъ, быть можетъ, при всякомъ другомъ дворѣ въ свѣтѣ.

Послѣ письма г. Одара, вы, безъ сомнѣнія, получили другое письмо чрезъ посредство князя Голицына. Косвенныя предложенія, которыя въ немъ сдѣланы вамъ, заставляютъ меня предполагать, что попытка г. Одара будетъ признана нѣсколько поспѣшною. Къ этому хотѣли подойти болѣе тонкимъ образомъ. Не знаю, лучше ли это удалось. Г. Дидро, которому я покорнѣйше прошу васъ, м. г., передать при случаѣ выраженіе моего почтенія, отвѣтитъ на это, безъ сомнѣнія, такимъ же образомъ.

Я буду считать счастливѣйшею въ моей жизни ту минуту, которая, быть можетъ, приведетъ меня къ нему, и ту, когда мнѣ представится возможность изустно засвидѣтельствовать вамъ удивленіе, почтеніе и привязанность, которыя я къ вамъ питаю. Остаюсь и проч.

VI.

Панинъ Даламберу.

Москва, 13-го ноября 1762 года.

М. Г. Письмо, которое вы найдете приложеннымъ къ настоящему, писано собственною рукою всемилостивѣйшей моей государыни. Опасаюсь ослабить его содержаніе, если прибавлю что либо къ чувствамъ и предложенію, которое оно содержитъ. Тѣмъ не менѣе, поставленный для наблюденія за вос-

sieur, que j'attendrai avec beauconp d'empressement Votre réponse. Les conditions que l'Impératrice veut Vous accorder réponderont sans doute à l'importance de l'objet, à Vos mérites, et à ce que Vous desirerez Vous même. Je suis avec la plus parfaite estime, Monsieur, etc.

VII.

d'Alembert à Catherine.

1762.

Madame. La lettre dont Votre Majesté Impériale vient de m'honorer me pénètre de la plus vive reconnaissance et en même temps de la plus vive douleur de ne pouvoir répondre à Ses bontés. J'ose néamoins, Madame, espérer de ces bontés même et j'ajoute de l'équité de Votre Majesté Impériale, de l'élévation et de la sensibilité de son âme, qu'elle voudra bien rendre justice aux motifs, qui ne me permettent pas d'accepter ses offres.

Si la philosophie est insensible aux honneurs, elle ne saurait l'être au précieux avantage d'approcher une princesse éclairée, courageuse et philosophe (ce phénoméne si rare sur le trône), de mériter sa confiance dans la partie la plus importante de sa glorieuse administration et de concourir à ses vues respectables pour le bonheur d'un grand peuple. Mais, Madame (et je supplie Votre Majesté Impé-

---

питаніемъ великаго князя, я обязываюсь сказать вамъ, м. г., что буду ждать вашъ отвѣтъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Условія, которыя предложила вамъ государыня, будутъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовать важности предмета, вашимъ достоинствамъ и тому, что вы сами пожелаете для себя. Остаюсь, м. г., съ совершеннымъ уваженіемъ и проч.

VII.

Даламберъ Екатеринѣ.

(1762 г).

Государыня! Письмо, которымъ вашему императорскому величеству было угодно почтить меня, исполнило меня самою искреннею признательностью и въ то же время живѣйшею скорбью, что не могу воспользоваться вашими милостями. Тѣмъ не менѣе, зная доброту и справедливость вашего величества, а также и чувствительность души вашей, я беру на себя смѣлость надѣяться, что вамъ угодно будетъ признать справедливость тѣхъ доводовъ, въ силу которыхъ я вынужденъ отказаться отъ вашихъ милостивыхъ предложеній.

Какъ бы равнодушно не относилась философія къ почестямъ, она не могла устоять противъ счастливой возможности приблизиться къ монархинѣ, просвѣщенной и мужественной, монархинѣ-философу (феноменъ рѣдко встрѣчающійся на тронѣ)—противъ возможности заслужить ея довѣріе на столько, чтобы стать участникомъ ея славнаго правленія въ наиболѣе важной его части и содѣйствовать приведенію въ исполненіе ея благихъ предначертаній на счастье великаго народа. Но, государыня, (—и я умоляю васъ вѣрить,

riale d'être persuadée, que je la respecte trop pour ne pas lui parler avec toute la franchise philosophique) je ne suis nullement en état par le genre d'études que j'ai faites, de donner à un jeune prince destiné au gouvernement d'un grand empire les connaissances si nécéssaires pour régner, je ne pourrais tout au plus que le former par mes faibles leçons aux vertus, dont Votre Majesté Impériale lui donne bien mieux les exemples. Ma santé d'aileieurs ne pourrait résister au climat rigoureux de la Russie et me rendrait incapable du grand ouvrage, auquel Votre Majesté Impériale me fait l'honneur de m'appeler. Enfin, Madame, le petit nombre d'amis que j'ai le bonheur d'avoir, aussi obscurs et aussi sédentaires que moi, ne pourraient ni consentir à notre séparation, ni se résoudre à abandonner avec moi une patrie, dont ils ne sont pas mieux traités.

Pourquoi faut-il Madame, que la distance immense où je suis des Etats, que Votre Majesté Impériale gouverne avec tant de sagesse et de gloire, ne me permette pas d'aller moi-même la supplier d'approuver ces raisons, mettre à ses pieds au nom de tous les gens de lettres et de tous les sages de l'Europe mon admiration, ma reconnaissance et mon profond respect, et l'assurer surtout que ce n'est point un principe de vanité raffinée qui me détourne de ce qu'elle désire; la vanité du philosophe peut refuser tout à la supériorité du rang, mais elle entend trop bien ses interêts pour ne pas se dévouer à la supériorité des lumières, en s'attachant, comme elle le souhaiterait, à Votre

---

что я слишкомъ уважаю ваше величество, чтобы не высказаться съ откровенностью, подобающей философу) предметъ моихъ научныхъ работъ не таковъ, чтобы я могъ считать себя способнымъ сообщить молодому великому князю, призванному управлять великимъ государствомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы правителю; все что я бы могъ — это только наставить его въ тѣхъ добродѣтеляхъ, лучшій примѣръ которыхъ являетъ для него ваше императорское величество. Къ тому же здоровье мое не могло бы перенести суровость климата Россіи и я былъ бы поэтому не въ состояніи выполнить тотъ серіозный трудъ, порученіемъ мнѣ котораго вашему императорскому величеству было угодно меня удостоить. Наконецъ, государыня, тѣ немногіе друзья, которыхъ я къ счастью имѣю,—люди такіе же простые и такіе же домосѣды, какъ и я, никогда бы не могли ни согласиться на разлуку со мной, ни рѣшиться покинуть вмѣстѣ со мной отечество, хотя имъ и живется въ немъ не лучше чѣмъ мнѣ.

О, государыня! зачѣмъ разстояніе, отдѣляющее меня отъ страны, которою ваше императорское величество управляете такъ мудро и съ такою славою, на столько громадно, что лишаетъ меня возможности лично умолять васъ признать уважительными высказанные мною доводы и повергнуть къ стопамъ вашего величества отъ имени всѣхъ европейскихъ ученыхъ и мыслителей мое восхищеніе, мою признательность и мое искреннее уваженіе, а главное—убѣдить васъ, что не изъ излишней гордости я отказываюсь исполнить желаніе вашего величества, потому что изъ гордости философъ можетъ

Majesté Impériale, si les motifs les plus puissants et les plus respectables ne s'y opposaient. Je conserverai précieusement toute ma vie la glorieuse marque, que Votre Majesté Impériale vient de me donner de ses bontés et de son estime, mais l'honneur qu'elle me fait est si grand, il suffit tellement à mon bonheur, que je ne songerai même pas à m'en glorifier

Je suis etc.

VIII.

Le Président Hénault à d'Alembert.

Paris, jeudi (1763).

J'ai reçu votre lettre, mon cher confrère, et je me suis aperçu, que j'avais obmis le seul motif, qui ne Vous permettrait pas d'hésiter. Vous êtes seul au monde et vous n'avez ni appui, ni protection; Vous, Vous pourriez Vous en passer, si Vous étiez un homme ignoré; mais malheureusement Vous êtes célèbre et par conséquent Vous avez des ennemis ou des envieux, ce qui est encore pis; on ne sait où cela peut aller et je dois Vous dire que cela est plus sérieux que Vous ne croiez. Il faut donc songer à Vous défendre et voilà une protection bien puissante qui s'ofire: gardez — Vous bien de la refuser. Indépendamment des avantages pécuniaires, le plus grand de tout est de se garantir et de s'assurer de jours tranquilles; ainsi donc voyez l'am-

---

не преклоняться передъ величіемъ сана, но, сознавая свое назначеніе, онъ не можетъ не преклоняться предъ величіемъ просвѣщенной дѣятельности вашего императорскаго величества и отказаться, безъ особенно уважительныхъ и побудительныхъ причинъ, отъ возможности стать соучастникомъ этой дѣятельности.

Выраженіе милостей и уваженія, которыми ваше императорское величество меня удостоиваете, я буду хранить, какъ драгоцѣнность, въ продолженіе всей моей жизни, и честь, которую вы мнѣ этимъ оказываете, наполняетъ меня такимъ счастьемъ, что не оставляетъ мѣста чувству суетнаго тщеславія. Остаюсь... и т. д.

VIII.

Президентъ Эно̀ Даламберу.

Парижъ, четвергъ (1763 г.).

Я получилъ ваше письмо, милый мой собратъ, и замѣтилъ, что упустилъ изъ виду единственную причину, которая не должна бы позволить вамъ колебаться. Вы одиноки на свѣтѣ и не имѣете ни поддержки, ни покровительства; вы могли бы обойтись безъ нихъ, если бы были человѣкъ неизвѣстный; но, къ несчастью, вы знамениты, поэтому имѣете враговъ и, что еще хуже, завистниковъ. Неизвѣстно, куда это можетъ привести, но я долженъ сказать вамъ, что это болѣе серьезно, чѣмъ вы полагате. Поэтому нужно подумать о вашей защитѣ и вотъ является весьма могущественное покровительство: не отказывайтесь отъ него. Независимо денежныхъ выгодъ, самая главная

bassadeur, traitez avec lui avec générosité et avec prudence. Vous êtes pauvre; il vous sied bien de recevoir des bienfaits que Vous recevrez à la face de l'Europe et de l'aveu du roy votre maître. Je demanderai 50.000 livres pour payer vos dettes et Vous mettre en état de partir; par rapport à l'état permanent de Votre fortune je demanderais ou j'insinuerais sans faire de marché quarante mille francs de rente sur la ville. Que savez — Vous ce que Vous penserez, un jour. Peut être Vous marierez vous: en un mot il faut n'avoir besoin de personne et alors tout le monde vous offrira et vous refuserez. Vous sacrifierez quelques jours ou plutôt quelques années à la juste reconnaissance que Vous devez. Ce choix est illustre et vous met hors de pair. Mais en finissant comme j'ai commencé il vous met à l'abri des méchants. C'est le conseil de Votre véritable ami et ce n'est pas une option; c'est un parti forcé. Vous reviendrez dans Votre pays sur un autre pied que Vous n'en êtes sorti, décoré de la confiance d'une impératrice et hors de portée des traits impuissants de la canaille littéraire.

IX.

d'Alembert à Saltikoff.

(1763):

Monsieur. J'aurais cru manquer au profond respect dont je suis pénétré pour l'Impératrice et à la reconnaissance que je lui dois, si

---

состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить и упрочить за собою спокойные дни. Итакъ, повидайтесь съ посланникомъ; переговорите съ нимъ великодушно и благоразумно. Вы бѣдны; вамъ приличествуютъ благодѣянія, которыя вы получите передъ лицомъ всей Европы и съ согласія короля, вашего государя. Я буду ходатайствовать о 50,000 ливровъ на уплату вашихъ долговъ и чтобы дать вамъ возможность выѣхать; по отношеніи же къ постоянному упроченію вашего состоянія я бы спросилъ не торгуясь, 40,000 франковъ годоваго дохода. Что вы знаете о томъ, что придетъ вамъ на умъ въ будущемъ? Можетъ быть вы женитесь; однимъ словомъ, не нужно имѣть надобности въ комъ бы то ни было, и тогда явятся къ вамъ съ предложеніями, и вы будете имѣть возможность отказывать. Вы пожертвуете нѣсколько дней или, правильнѣе, нѣсколько лѣтъ чувству признательности, которымъ вы обязаны. Выборъ васъ почетенъ и ставитъ васъ внѣ сравненія съ другими. Но оканчивая, какъ началъ, повторяю, что онъ охраняетъ васъ отъ злыхъ. Вотъ совѣтъ вашего истиннаго друга;—тутъ нѣтъ выбора. Вы вернетесь на родину иначе поставленнымъ, чѣмъ когда вы ее покинули, удостоенный довѣрія императрицы и недосягаемымъ для безсильныхъ ударовъ литературной сволочи.

IX.

Даламберъ С. В. Салтыкову.

(1763 г.).

М. Г. Мнѣ кажется, я измѣнилъ бы глубокому уваженію къ императрицѣ, которымъ я преисполненъ, и признательности, которою я ей обязанъ

je n'avais pas demandé à Votre Excellence le temps de faire de nouvelles refléxions sur les offres prodigieuses que Vous m'avez faites de la part de Sa Majesté Impériale; mais je crains à présent manquer à ce que je Vous dois, Monsieur, si je Vous faisais plus longtemps attendre ma réponse; elle est la même que celle que j'ai eu l'honneur de faire à Sa Majesté Imperiale. Je conserverai toute ma vie la plus profonde reconnaissance des bontés dont elle m'accable et le plus vif regret de n'en pouvoir pas profiter.

Je suis etc:

X.

d'Alembert à Catherine.

(1763).

Madame. L'indulgence avec laquelle Votre Majesté Impériale a bien voulu jeter les yeux sur mes faibles ouvrages et la bonté dont elle comble l'auteur, semblent m'autoriser à lui offrir la nouvelle édition que je viens de faire de mes Mélanges de littérature et de mes éléments de musique. Que je me croirais heureux si une seule page de ces cinq volumes pouvait être utile à l'éducation précieuse que la faiblesse de mes talents et ma situation ne m'ont pas permis d'entreprendre.

Mais, Madame, un prince qui a le bonheur d'avoir une mère telle que Vous, n'a besoin ni d'instituteurs ni de livres.

если бы не испросилъ у вашего превосходительство время, нужное для того, чтобы вновь обдумать тѣ чрезвычайно выгодныя предложенія, которыя вы сдѣлали мнѣ именемъ ея величества. Въ настоящую же минуту я опасаюсь измѣнить тому, чѣмъ я вамъ, м. г., обязанъ, если бы заставилъ васъ ожидать еще долѣе мой отвѣтъ: онъ тотъ же, какой я имѣлъ честь дать ея императорскому величеству. Я сохраню на всю жизнь глубочайшую признательность за блага, которыми она меня осыпаетъ и живѣйшее сожалѣніе о невозможности воспользоваться ими. Остаюсь и проч.

X.

Даламберъ Екатеринѣ.

(1763 г.).

Государыня! Снисходительность, съ которой вамъ угодно было бросить взглядъ на мои слабые труды, и милости, которыми вы осыпаете меня, какъ автора, даютъ мнѣ смѣлость поднести вашему императорскому величеству новое изданіе моихъ сочиненій: «Mélanges de littérature» и «Les éléments de musique». Какъ бы я былъ счастливъ, еслибы хотя одна страница изъ этихъ пяти томовъ могла принести пользу драгоцѣнному дѣлу воспитанія, отъ котораго я вынужденъ былъ отказаться по недостатку способностей и въ силу независящихъ отъ меня обстоятельствъ.

Но, государыня, мнѣ кажется, что великому князю, имѣющему по счастью такую мать, какъ вы, не нужно ни воспитателей, ни книгъ.

L'Académie française qui a désiré que je lui fisse part de la lettre dont Votre Majesté Impériale m'a honoré, a résolu par une délibération unanime de l'insérér dans ses régistres, comme un monument précieux de la faveur distinguée qu'une des plus grandes princesses de l'univers daigne accorder aux lettres; ce monument si cher et si glorieux à la philosophie est devenu, si je l'ose dire, le bien commun de tous ceux qui la cultivent, tous ont partagé ma reconnaissance et mon bonheur.

Vous avez, Madame, acquis dans cette nation libre et pensante, des sujets d'autant plus dévoués qu'ils sont volontaires et des admirateurs d'autant plus justes, qu'ils sont éclairés.

Votre Majesté Impériale, depuis la lettre qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire vient encore de mettre le comble à ses bontés en me faisant offrir par son ambassadeur la fortune la plus immense et les distinctions les plus flatteuses; mais, Madame, si quelque chose avait pû me déterminer à quitter la France et mes amis pour me charger d'un travail supérieur à mes forces, la lettre de Votre Majesté Impériale eut été pour moi le plus puissant de tous les motifs; ceux de l'interêt et de la vanité sont bienfaibles en comparaison.

Les occupations aussi utiles que glorieuses de Votre Majesté Impériale, me défendent de l'importuner plus longtemps, je l'avouerai même avec une douleur respectueuse (car Votre Majesté Impériale parle trop bien le langage du cóeur pour ne pas l'entendre) je sens que le devoir m'oblige désormais à me contenter de lui offrir en secret mon admi-

---

Французская академія, пожелавшая, чтобы я сообщилъ ей письмо, которымъ ваше императорское величество изволили почтить меня, единогласно рѣшила занести его въ протоколъ, какъ драгоцѣнное доказательство милостиваго благоволенія, которымъ величайшая изъ монархинь вселенной удостоиваетъ ученыхъ; теперь этотъ документъ, столь драгоцѣнный и славный для философіи, сталъ — если смѣю такъ выразиться — общимъ достояніемъ всѣхъ тѣхъ, которые ее разработываютъ, и всѣ они дѣлятъ со мной и мою признательность и мое счастье.

Вы пріобрѣли, государыня, среди націи, свободной и мыслящей, людей, преданность которыхъ потому уже вполнѣ искренна, что она добровольна, и поклоненіе которыхъ потому уже вполнѣ справедливо, что оно просвѣщенно.

Ваше императорское величество, почтивъ меня письмомъ, осыпали меня еще сверхъ мѣры своими милостями, предложивъ мнѣ чрезъ посланника цѣлое состояніе и самые лестные знаки отличія; но, государыня! если бы и нашлись такіе доводы, на основаніи которыхъ я могъ бы рѣшиться покинуть Францію и друзей и взяться за трудъ, несоотвѣтствующій моимъ силамъ, — то самымъ убѣдительнымъ изъ нихъ было бы письмо ваше; выгода же и почести имѣли бы для меня гораздо меньшее значеніе.

Я не осмѣливаюсь долѣе докучать вашему императорскому величеству и мѣшать занятіямъ, которымъ вы предаетесь съ такою пользою и такою славою; сознаюсь, однако, съ почтительною грустью (— и вы, государыня, зная такъ хорошо всѣ движенія сердца, не можете не понять меня), что чув-

ration et mon hommage; mais si la vivacité et la sincerité de ces sentiments renfermés en dedans de moi — même peut suppléer à leur obscurité si dans les travaux immenses et respectables de Votre Majesté Impériale mon nom revient quelque fois à sa mémoire, je la supplie d'être persuadée que ses bontés et ses vertus seront toujours présentes à mon coeur, que ce souvenir sera la consolation et la douceur de ma retraite, que je ferai sans cesse au nom de tous les Philosophes les voeux les plus ardents pour son bonheur et pour sa gloire et que je lui conserve au fond de mon âme un attachement inviolable et une reconnaissance éternelle.

C'est avec ces sentiments et avec le plus profond respect que je serai toute ma vie etc.

XI.

Catherine à d'Alembert.

à St.-Petersbourg, ce $\frac{7}{18}$ d'Avril 1763.

Monsieur d'Alembert. L'envoi de la nouvelle édition de Vos ouvrages, m'a fait beaucoup de plaisir et la lettre qui l'accompagnait encore plus. Je n'ai point regardé Vos écrits avec indulgence; je leur ai rendu justice. J'y ai trouvé la grandeur du génie ornée de la bonté du coeur et employée l'une et l'autre à instruire le genre humain, que Vous aimez malgré le refus dont Vous Vous glorifiez. Permettez que je Vous dise que l'on Vous reprochera toujours de n'avoir pas fait à l'humanité

ствую себя обязаннымъ впредь удовлетворяться только молчаливымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ передъ вами; но если теплота и искренность моихъ чувствъ могутъ выкупить ихъ безвѣстность и если вашему императорскому величеству и за безмѣрными и почтенными трудами вспомнится мое имя, я умоляю васъ вѣрить, что воспоминаніе о добродѣтеляхъ и милостяхъ вашихъ всегда будетъ жить въ моемъ сердцѣ, что воспоминанія эти будутъ мнѣ утѣшеніемъ и усладой въ моемъ уединеніи, что именемъ всѣхъ философовъ я горячо желаю вамъ счастья и славы и что въ глубинѣ души моей храню къ вамъ неискоренимую привязанность и вѣчную признательность.

Съ этими чувствами и глубочайшимъ почтеніемъ я буду пребывать всю жизнь... и т. д.

XI.

Императрица Екатерина Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{7}{18}$ апрѣля 1763 года.

М. г. Присылка новаго изданія вашихъ сочиненій доставила мнѣ большое удовольствіе, а письмо, которое ихъ сопровождало, еще бо̀льшее. Я не смотрѣла на ваши сочиненія снисходительно,—я отдавала имъ справедливость. Я нашла въ нихъ величіе генія, украшенное добротою сердца и то и другое направленные къ просвѣщенію человѣчества, которое вы любите, несмотря на отказъ, которымъ похваляетесь. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вамъ всегда будутъ ставить въ упрекъ то, что вы не сдѣлали для человѣчества

le plus grand bien posssible qui était en Votre pouvoir. J'avoue que j'ai été fort étonnée de voir ma lettre enregistrée; je ne m'imaginais nullement qu'il fût plus extraordinaire de la part d'un prince, de rechercher les gens de mérite que de celle des particuliers; il me semble que Votre Academie a fait par là une injure aux souverains du XVIII siècle, en perpétuant comme un modèle ou une chose unique ce que j'avais écrit à un des plus grands génies de mon temps, à un philosophe, pour lui confier l'éducation de mon fils; penserait-on autrement dans d'autres pays? Je ne croyais pas mériter tant de louanges pour une chose naturelle. Chacun choisit ce qu'il peut avoir de meilleur. Mes occupations, quelques pénibles qu'elles soient, ne m'empêcheront point de lire Vos ouvrages ni encore moins Vos lettres, mais je n'ose y prètendre après l'enregistrement de la mienne; je vois bien qu'on nous réduit nous autres à peine au sens commun. Cependant si Votre philosophie avait de la condescendance, Vous me feriez plaisir de me donner quelquefois des moments perdus et d'être persuadé qu'il y en a peu qui ont plus d'estime pour tout ce qui sort de Votre plume, que moi.

XII.

D'Alembert à Catherine.

7 juin 1764.

Madame. Monsieur le Prince de Galitzin m'a remis ces jours derniers de la part de Votre Majesté Impériale le présent le plus flatteur

---

самое великое добро, совершить которое было въ вашей власти. Признаюсь, меня удивило, что письмо мое внесено было въ протоколы академіи; я не воображала, чтобы отыскивать людей достойныхъ было со стороны государя дѣломъ болѣе чрезвычайнымъ, чѣмъ со стороны частнаго лица. Мнѣ кажется, что ваша академія нанесла этимъ оскорбленіе государямъ XVIII столѣтія, увѣковѣчивъ какъ образецъ или какъ исключительное явленіе то, что я писала одному изъ величайшихъ геніевъ моего времени, философу, дабы ввѣрить ему воспитаніе моего сына. Развѣ въ другихъ странахъ думаютъ объ этомъ иначе? Я не думала заслужить столько похвалъ за дѣло обыкновенное:—всякій ищетъ лучшаго, что онъ можетъ найти. Мои занятія, какъ бы они ни были тягостны, не мѣшаютъ мнѣ читать ваши сочиненія, а еще менѣе ваши письма, но я не смѣю претендовать на это послѣ внесенія моего письма въ протоколы; я вижу, что за нами едва признаютъ простой здравый смыслъ. Впрочемъ, если ваша философія снисходительна, вы доставите мнѣ удовольствіе, подаривъ мнѣ нѣсколько праздныхъ вашихъ минутъ. Будьте увѣрены, что немногіе уважаютъ болѣе чѣмъ я, все, что является изъ-подъ вашего пера.

XII.

Даламберъ Екатеринѣ.

7-го іюня 1764 года.

Государыня! Князь Голицынъ на этихъ дняхъ передалъ мнѣ отъ имени вашего императорскаго величества наиболѣе лестный для меня подарокъ,

dont elle put m'honorer, celui qui par toutes sortes de raisons, doit m'intéresser le plus, la magnifique médaille de l'avénement de Votre Majesté Impériale au trône, à ce trône qu'elle occupe avec tant de gloire; c'est une nouvelle marque de bonté que Votre Majesté Imperiale ajoute à toutes celles, dont elle m'a déjà comblé et c'est un nouveau motif pour moi de l'assurer de mon éternelle et respectueuse reconnaissance. Que ne puis-je la témoigner à Votre Majesté Impériale autrement que par mes discours et par les lettres qu'elle m'a permis d'avoir l'honneur de lui écrire? Je n'abuse point de cette permission quelque tenté que j'en suis; je respecte trop les occupations de Votre Majesté Impériale pour lui demander même de penser quelques moments à mon admiration et à mon attachement inviolable pour elle; mais j'ai le bonheur de voir qu'elle veut bien s'en souvenir quelques fois et m'en donner les preuves, les plus honorables et les plus touchantes.

Je me flatte que la dernière lettre que j'ai eu l'honneur d'écrire à Votre Majesté Impériale aura été plus heureuse que la précédente et lui sera parvenue; je priais Votre Majesté Impériale de vouloir bien m'aider de ses conseils et m'éclairer de ses lumières pour perfectionner ces faibles ouvrages qu'elle veut bien ne pas désapprouver; mais je sens que c'est trop désirer à la fois et lui dérober des moments qu'elle sait employer beaucoup mieux. Je me borne donc à l'assurer des sen-

---

какимъ только вы могли меня удостоить и который во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ наиболѣе дорогъ; подарокъ этотъ—великолѣпная медаль въ память восшествія вашего величества на престолъ, который вы занимаете съ такою славою. Эта новая милость, присоединенная къ тѣмъ, которыми вы награждаете меня такъ щедро, даетъ мнѣ поводъ снова выразить вамъ мою безконечную и почтительную признательность. Отчего я могу выразить ее вашему императорскому величеству не иначе, какъ только на словахъ и въ письмахъ, которыя вы позволили мнѣ имѣть честь писать къ вамъ! Я не злоупотребляю этимъ позволеніемъ, какъ ни велико его искушеніе; я на столько уважаю занятія, которымъ ваше императорское величество предаетесь, что даже не смѣю просить васъ хотя изрѣдка вспоминать о томъ удивленіи и безконечной преданности, которыя я къ вамъ питаю; но я имѣю счастье убѣждаться, что вамъ самимъ угодно иногда вспоминать обо мнѣ и давать мнѣ самыя лестныя и чувствительныя тому доказательства.

Я льщу себя надеждой, что послѣднее письмо, которое я имѣлъ честь писать вашему императорскому величеству, было счастливѣе предыдущихъ и достигло своей цѣли; въ немъ я просилъ ваше величество наставить меня вашими совѣтами и помочь мнѣ вашими познаніями, чтобы усовершенствовать мои слабые труды, которые вамъ угодно считать не заслуживающими порицанія; но я понимаю, что это значитъ заразъ желать слишкомъ многаго и похищать у вашего величества время, которое вы умѣете употреблять съ большей пользой, поэтому я ограничусь теперь только увѣреніемъ въ моихъ

timents que je partage avec tous ceux qui pensent et du très profond respect avec lequel je suis etc:

XIII.

d'Alembert à Catherine.

(1764).

Madame. Il y a plus de cinq mois que j'ai eu l'honneur d'écrire à Votre Majesté Impériale en réponse à la dernière lettre dont elle a bien voulu m'honorer. Monsieur le Prince Galitzin à qui j'avais remis ma lettre et qui la fit partir sur le champ, craint qu'elle n'ait été perdue avec plusieurs autres dépêches. Je serais au desespoir, Madame, que Votre Majesté Impériale, justement étonnée de mon silence, pût me soupçonner de n'être pas sensible, comme je le dois, à ses bontés et à l'assurance qu'elle même veut bien m'en donner quelquefois. J'ose dire qu'elle sera convaincue de ma vive reconnaìssance pour la lettre même que j'ai eu l'honneur de lui écrire et que je prends la liberte de rejoindre ici avec sa date. Votre Majesté Impériale y verra l'expression fidèle de mes sentiments qui ne finiront qu'avec ma vie. Ces sentiments, Madame, augmenteraients s'il était possible par tout ce que les nouvelles publiques apprennent à l'Europe, des talents et des vertus de Votre Majesté Impériale, de son amour pour ses peuples, de la sagesse de son gouvernement, de la protection qu'elle accorde aux lettres, des marques de considération qu'elle a données à son Académie, enfin de

---

чувствахъ, которыя раздѣляютъ со мной всѣ тѣ, кто мыслитъ, и въ моемъ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь... и т. д.

XIII.

Даламберъ Екатеринѣ.

(1764).

Государыня! Болѣе пяти мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ честь писать вамъ въ отвѣтъ на письмо ваше, которымъ вашему императорскому величеству было угодно почтить меня. Князь Голицынъ, которому я передалъ мое письмо и который немедленно отправилъ его, боится, что оно пропало вмѣстѣ съ другими депешами. Я буду въ отчаяніи, если ваше императорское величество, справедливо удивляясь моему молчанію, заподозрите меня, что я недостаточно цѣню ваши ко мнѣ милости и тѣ доказательства ихъ, которыми вамъ иногда угодно меня удостоивать. Смѣю думать, что васъ убѣдитъ въ моей горячей признательности то письмо, которое я имѣлъ честь писать вамъ и которое, помѣтивъ его тѣмъ числомъ, когда оно было отправлено, я беру на себя смѣлость присоединить къ этому. Въ немъ ваше императорское величество увидите непритворное выраженіе моихъ чувствъ, которыя умрутъ только со мной. Эти чувства, государыня, возросли бы, если бы это было возможно, еще болѣе при извѣстіяхъ, которыя становятся достояніемъ всей Европы, о вашихъ талантахъ и добродѣтеляхъ, о мудрости вашего правленія, объ уваженіи, которое ваше императорское величество оказываете вашей

l'esprit de tolérance qui l'anime et dont ses Etats vont retirer de si grands avantages. Quelle leçon, Madame, grâce à Vous et à un de vos voisins, les peuples du Nord vont faire à ceux du Midi. Ils leur apprirent autrefois à secouer le joug de la domination romaine; ils vont leur apprendre à secouer celui de la superstition du même nom; déjà la France vient de chasser de chez elle les grands apôtres de l'intolérance, les prétendus compagnons de Jésus, mais par malheur ce n'est pas la raison; c'est encore l'intolérance même qui les bannit; ce n'est pas parceque les Jésuites sont turbulents, fanatiques et dangereux, c'est parceque les Jésuites tiennent pour la grâce versatile et les parlements pour la grâce efficace; la philosophie voit tout cela, elle en rit, et elle en profite. Elle dit comme le grand prêtre dans Athalie:

Qu'importe de quel bras Dieu daigne se servir! [1]) Quoiqu'il en soit, pendant que les fanatiques en égorgent d'autres pour des absurdités, j'ai tâché paisiblement et sans égorger personne d'en mettre le moins qu'il m'a été possible dans l'ouvrage que j'ai eu l'honneur d'annoncer à Votre Majesté Impériale par la lettre jointe à celle-ci; il est fort avancé et ne m'en paraît pas meilleur. Que je me trouverais heureux si les lumières et les conseils de Votre Majesté Impériale me mettaient à portée d'y donner la perfection qui y manque. Mais je sens que

[1]) Ce vers est de Zaïre (Voltaire).

академіи,—словомъ, о томъ духѣ терпимости, которымъ вы проникнуты на благо вашему государству. Какой урокъ, государыня, благодаря вамъ и одному изъ сосѣднихъ съ вами государей, даютъ народы Сѣвера народамъ Юга. Показавъ имъ прежде примѣръ сверженія ига римскаго господства, они теперь научатъ ихъ, какъ свергнуть иго суевѣрія того же происхожденія; Францiя уже изгнала великихъ апостоловъ нетерпимости, мнящихъ себя товарищами Іисуса; но, къ несчастью, причина этого изгнанія — та же нетерпимость; іезуиты изгнаны не потому, что они буйные и опасные фанатики, а потому, что они придерживаются догмата превратной благодати, а парламентъ — дѣйствительной благодати; философія видитъ все это, смѣется надъ этимъ и извлекаетъ для себя изъ этого пользу. Она говоритъ, какъ первосвященникъ въ Аталіи:

«Не все ли равно, которой рукой Богъ посылаетъ свои милости»... [1])

Пока фанатики рѣжутъ другъ друга изъ-за нелѣпостей, я старался, кротко и никого не убивая, по мѣрѣ силъ избѣжать этихъ нелѣпостей въ своемъ сочиненіи, о которомъ я имѣлъ честь извѣщать ваше императорское величество письмомъ, препровождаемымъ при семъ въ копіи; сочиненіе это сильно подвинулось впередъ, но я имъ недоволенъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы ваше императорское величество своими свѣдѣніями и совѣтами дали мнѣ возможность придать ему то совершенство, котораго ему недостаетъ. Но я чувствую, что злоупотреблю вашими милостями, вашимъ вре-

[1]) Стихъ изъ Заиры (Вольтера).

j'abuse de ses bontés, de son temps et de sa patience, en l'importunant à la fois par deux longues lettres. Celle-ci aura du moins (à mon vif regret) le mérite d'être la plus courte, mais elle n'exprimera pas j'éspère avec moins de vivacité et de vérité les sentiments d'admiration, de reconnaissance éternelle et de très profond respect, avec lequel je suis, Madame, etc:

XIV.

Catherine à d'Alembert.

St.-Pétersbourg, ce $\frac{12}{23}$ (?) 1764.

Non, Monsieur, votre lettre du 15 d'Octobre n'est point perdue; elle m'a été remise, il est vrai qu'elle n'était pas de fraîche date. Deux raisons m'ont empêché d'y répondre jusqu'ici: la première c'est qu'encore toute étonnée de Votre refus je n'y pensais qu'avec chagrin; la seconde c'est la tâche audessus de mes forces que Vous me donnez dans cette lettre de Vous dire mon avis sur Vos ouvrages.

Je suis comme Philinte dans la comédie. J'admire et me tais. Cependant comme depuis deux ans j'ai eu des embarras immenses, qui m'ont presque privé du temps nécessaire pour une lecture suivie, dès que j'ai reçu Votre lettre, je me mis à relire Vos ouvrages; mais je trouvai alors que chacun se ressent de l'esprit de son métier et qu'au lieu de sentir les vraies et différentes beautés de Vos écrits, j'étais

---

менемъ и вашимъ терпѣніемъ, докучая вамъ заразъ двумя длинными письмами; покрайней мѣрѣ это имѣетъ то достоинство, что оно (къ моему искреннему сожалѣнію) короче другихъ, хотя, надѣюсь, что оно не менѣе живо и правдиво выражаетъ чувства моей вамъ вѣчной признательности, моего удивленія и глубокаго почтенія, съ которыми имѣю честь быть, государыня, и т. д.

XIV.

Императрица Екатерина Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{12}{23}$ (?) 1764 года.

Нѣтъ, м. г., ваше письмо отъ 15-го октября не затеряно; оно было мнѣ доставлено, хотя, правда, нѣсколько запоздавшимъ. Двѣ причины препятствовали мнѣ до настоящаго времени отвѣтить на это письмо. Первая заключается въ томъ, что не придя еще въ себя отъ удивленія, которое возбудилъ во мнѣ вашъ отказъ, я думала о немъ съ прискорбіемъ, вторая состоитъ въ томъ, что задача, которую вы предлагаете мнѣ въ этомъ письмѣ,—выразить мое мнѣніе о вашихъ сочиненіяхъ, — превышаетъ мои силы. Я подобно Филинту въ извѣстной комедіи Мольера: «восхищаюсь и молчу». Впрочемъ, такъ какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ я встрѣчала безконечныя затрудненія, которыя не оставляли мнѣ почти свободнаго времени для правильно-послѣдовательнаго чтенія, лишь только получила я ваше письмо, я принялась перечитывать ваши сочиненія, но почувствовала тогда, что каждый испыты-

comme l'abeille qui ne tire des plantes, que les sucs, dont elle a besoin pour son miel; je m'arrêtai aussi sur tout ce qui pouvait être utile au mien, et je me trouvai très incapable de Vous donner des conseils. J'ai toujours admiré dans Vos ouvrages la Vasticité et la Solidité en même temps que Votre génie, qui sans faire tort à personne, n'a point d'égal; je m'étonne qu'avec la sagesse qui règne dans tout ce qui est sorti de Vos mains, il est possible qu'on ait osé attaqué Votre philosophie. On devrait faire dans tout gouvernement éclairé une loi qui défende aux citoyens de s'entrepersécuter de quelque façon que ce soit; les guerres civiles sont reconnues pernicieuses et celles de la plume qui, en décourageant le talent détruisent le repos de ces mêmes citoyens sous le misérable prétexte de quelques différences d'opinion, sont aussi détestables que minutieuses. La réputation de Locke et de Newton ne souffriront pas d'atteinte de la piqûre d'une guêpe; quiconque leur refuse le nom de grand homme n'aime pas la vérité et celui qui leur donne l'épithète d'impies, n'a pas de jugement. J'en reviens à Votre seconde lettre, Monsieur, qui m'a fait beaucoup de plaisir; je ne l'aurais pas eu si je Vous avaïs répondue plustôt; je Vous en fais mes excuses, mais je m'en sais gré; permettez moi de Vous dire, que Vous Vous contredisez; Vous me donnez beaucoup de louanges et Vous n'avez pas voulu me connaître; ou peut être Vous êtes de l'avis de ceux qui disent, que les grands valent mieux d'être connu de loin que de près? Vous me dites encore que je brille dans les gazettes, et que

---

ваетъ на себѣ значеніе ремесла, которымъ занимается, и что вмѣсто того чтобы чувствовать истинныя и разнообразныя красоты вашихъ сочиненій, я сдѣлалась какъ бы пчелою, которая извлекаетъ изъ растеній тѣ лишь соки, въ которыхъ встрѣчаетъ надобность для выдѣлки меда; поэтому и я также останавливалась съ особеннымъ вниманіемъ на томъ, что могло быть полезнымъ для меня и считала себя совершенно неспособною давать вамъ совѣты. Въ сочиненіяхъ вашихъ я въ особенности восхищалась обширностью и основательностью и въ то же время геніальностью, которая, не обижая никого, не имѣетъ себѣ подобныхъ: удивляюсь, какъ при мудрости, которая царитъ во всемъ, что вышло изъ-подъ пера вашего, можно было осмѣлиться нападать на вашу философію. Каждое просвѣщенное правительство должно бы постановить законъ, запрещающій согражданамъ преслѣдовать другъ друга какимъ бы-то ни было способомъ: междуусобныя войны признаются вредными, а распри литературныя, которыя, отбивая духъ у таланта, уничтожаютъ спокойствіе тѣхъ-же самыхъ гражданъ, подъ достойнымъ презрѣнія предлогомъ нѣкотораго различія въ мнѣніяхъ, также отвратительны какъ и мелочны. Репутація Локка и Ньютона не потерпитъ ущерба отъ ужаленія какого нибудь шмеля; тотъ, кто отказываетъ имъ въ именованіи великихъ людей, не любитъ истины, а тотъ, кто даетъ имъ эпитетъ невѣрующихъ, лишенъ здраваго сужденія. Перехожу къ вашему второму письму, которое доставило мнѣ большое удовольствіе; его бы у меня не было, если бы я отвѣчала вамъ раньше; прошу меня въ этомъ извинить, но я благодарна са-

le Nord donne des leçons au Midi, mais d'ou vient donc que Vous autres peuples du Midi passez pour si éclairés, si les Règles les plus naturelles et les plus simples n'ont pas prises racine chez Vous, ou est-ce qu'à force de raffinement elles Vous ont echappées? Je crois cependant que quand Vos parlements Vous auront défait de la puissance ultramontaine, Vous reviendrez à Vos intérêts naturels; mais c'est un dur esclavage que de régler les siens d'après les finesses et les caprices de ceux, qui en ont de très différents. Enfin, je crois que la grâce efficace ramenera les choses à la longue dans leur assiette naturelle. Chez nous on a trop de respect pour les choses spirituelles pour les mêler au temporel et celui-ci se prête à soulager l'autre des vanités qui lui sont étrangers. Chacun reste dans l'étendue de sa domination sans qu'il s'avise seulement d'empiéter sur ce qui n'est pas de sa compétence, si les hérétiques n'étaient point soufferts, les fidéles désespereraient de les ramener dans le giron de l'Eglise. Les articles de foi étant inébranlables, il n'y a pas de quoi disputer, les philosophes ne donnent assurément pas d'atteinte; et sur les opinions de ce monde on pense ce qu'on veut; voilà l'état des choses, auquel je ne souffrirai pas aisément qu'on déroge. Ne me dites jamais que Vos lettres sont longues; je ne les trouve point telles; je les lis avec autant de plaisir que d'estime pour l'auteur; c'est de quoi je Vous prie d'être persuadé.

мой себѣ; позвольте сказать вамъ, что вы находитесь въ противорѣчіи съ самимъ собою; вы осыпаете меня похвалами и не пожелали, однако, познакомиться со мною; быть можетъ, вы раздѣляете мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что сильныхъ міра сего лучше знать издали, нежели вблизи. Вы говорите мнѣ еще, что мое имя блещетъ въ газетахъ и что Сѣверъ преподаетъ наставленіе Югу, но отчего же происходитъ, что вы, народы Юга, пользуетесь репутаціею столь просвѣщенныхъ, когда самыя простыя и самыя естественныя правила не укоренились у васъ? Или не изчезли ли они у васъ благодаря вашей утонченности! Тѣмъ не менѣе я думаю, что когда ваши парламенты освободятъ васъ отъ власти ультрамонтановъ, вы обратитесь, по прежнему, къ вашимъ естественнымъ интересамъ; но самое тяжелое рабство состоитъ въ томъ, чтобы направлять свои интересы соотвѣтственно хитростямъ и прихотямъ тѣхъ, интересы которыхъ совершенно противуположны. Наконецъ, я думаю, что божественная милость мало по малу возвратитъ все въ естественное положеніе. У насъ слишкомъ уважаютъ духовные предметы, чтобы смѣшивать ихъ съ свѣтскими. Всякій остается въ предѣлахъ своей власти, не думая даже вмѣшиваться въ то, что до него не касается и если бы еретики не были терпимы, то вѣрные отчаявались бы въ возможности возвратить ихъ въ лоно церкви. Такъ какъ основанія вѣры непоколебимы, то не о чемъ и спорить; конечно философы не даютъ повода къ нападкамъ и о мнѣніяхъ людскихъ всякій думаетъ, что ему угодно; вотъ положеніе вещей, и я неохотно потерплю, чтобы оно было измѣнено. Никогда не говорите мнѣ, что ваши письма слишкомъ длинны, я не нахожу ихъ таковыми и читаю ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и съ ува-

Excusez, s'il Vous plaît, les fautes de langage. J'ai toute occasion d'oublier le français et sauvez moi de l'imprimerie.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

женіемъ къ ихъ автору: въ этомъ я прошу васъ быть убѣжденнымъ. Извините мои ошибки противъ языка, мнѣ постоянно представляются случаи забыть французскій языкъ и избавьте мои письма отъ печати.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

УБІЙСТВО ЕГЕРМЕЙСТЕРА В. Я. СКАРЯТИНА.

29-го декабря 1870 года, во время представленія въ Большомъ театрѣ италіанской оперы, кажется — «Аиды», среди публики вдругъ пронесся слухъ, что сейчасъ на императорской охотѣ убитъ егермейстеръ В. Я. Скарятинъ. На посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ весьма естественные вопросы о томъ: кто, какъ и какимъ образомъ убилъ Скарятина, никто не могъ отвѣчать утвердительно, но каждый сообщалъ свои предположенія и догадки. На другой день, по городу распространились уже самые разнорѣчивые и невѣроятные слухи, которые прекратились не раньше, какъ дней черезъ пять, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что государь императоръ самъ пожелалъ въ подробности разъяснить это загадочное дѣло и для того назначилъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Зиновьева. Что происходило въ этой комиссіи — въ подробности никто не зналъ; стали только разсказывать, что вопросы, которымъ подверглись прежде всего егеря, присутствовавшіе на охотѣ 29-го декабря, не особенно уясняли дѣло, потому что всѣ они, и въ особенности самый главный изъ нихъ свидѣтель-очевидецъ, егерь Василій Кожинъ, какъ будто находились подъ чьимъ-то давленіемъ и не высказывали того, что знали. Относительно Василія Кожина молва передавала даже слѣдующее: онъ считался потому главнымъ свидѣтелемъ, что во время охоты стоялъ близъ бывшаго тогда оберъ-егермейстера графа Ферзена, на пунктѣ, находившемся въ прямомъ и ближайшемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ упалъ пораженный пулею изъ ружья Скарятинъ, вслѣдствіе чего онъ первый долженъ былъ видѣть, от-

куда и кѣмъ былъ пущенъ выстрѣлъ въ Скарятина. Однакожь, когда этотъ Кожинъ былъ призванъ къ допросу въ упомянутую комиссію, то онъ сказался больнымъ, и—какъ объясняли тогда—потому, что графъ Ферзенъ, будто бы, предварительно призывалъ его къ себѣ и обѣщалъ дать ему 1,000 рублей, если онъ ничего въ комиссіи не покажетъ. Егерь, какъ видно, не поддался на подобное искушеніе, но и не рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ предстать къ допросу, опасаясь мести начальника. Весь этотъ разсказъ, надо замѣтить, подтвердился потомъ вполнѣ сознаніемъ въ комиссіи самого Василія Кожина, о чемъ и было, какъ извѣстно, упомянуто даже въ правительственномъ извѣщеніи объ окончаніи дѣла. Какъ бы-то ни было, но на первыхъ порахъ комиссіи, какъ сказано, не удавалось раскрыть дѣла въ настоящемъ свѣтѣ. Тогда послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы министръ юстиціи, которымъ былъ тогда графъ Паленъ, присоединился къ составу комиссіи. Первымъ дѣйствіемъ графа Палена была мѣра, которая представлялась самою существенною въ подобнаго рода дѣлѣ и самою цѣлесообразною, независимо отъ того, какія показанія давались тѣми или иными свидѣтелями. Мѣра эта была—осмотръ мѣстности, на которой происходила охота 29-го декабря, что и было немедленно же приведено въ исполненіе. Вечеромъ, 14-го января 1871 года, министръ юстиціи съ тогдашнимъ прокуромъ с.-петербургскаго окружнаго суда, М. Н. Баженовымъ, и съ двумя посторонними лицами, приглашенными по высочайшему повелѣнію, въ качествѣ стороны, близкой къ Скарятину, именно—свиты его величества генералъ-маіоромъ кн. Д. Ѳ. Голицынымъ и ротмистромъ конной гвардіи Чичеринымъ, а также и съ приглашеннымъ самимъ министромъ архитекторомъ министерства, А. К. Серебряковымъ, отправился изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ на станцію Малая Вишера для того, чтобы оттуда проѣхать на лошадяхъ въ сторону, къ искомому мѣсту. 15-го января, рано утромъ, на трехъ простыхъ саняхъ (розвальняхъ) всѣ названныя лица прибыли на мѣсто охоты, отстоящее въ 24-хъ верстахъ отъ станціи Малая Вишера, въ лѣсъ, и тамъ немедленно, въ глубокомъ снѣгу, приступили къ осмотру мѣстности. Здѣсь находились уже: управлявшій тогда императорскою охотою, В. П. Раздеришинъ, завѣдывавшій егермейстерскою конторою, Ивановъ, всѣ егеря, присутствовавшіе на охотѣ 29-го декабря, и крестьянинъ Василій Андреевъ, который загонялъ медвѣдя во время охоты его величества.

Актъ, составленный по поводу этого осмотра и переданный затѣмъ министромъ юстиціи въ упомяную комиссію былъ слѣдующій:

«1871 года, января 15-го дня, въ 10½ часовъ пополуночи, произведенъ былъ осмотръ мѣстности, на которой во время высочайшей охоты, происходившей 29-го декабря 1870 года, убитъ былъ

выстрѣломъ изъ ружья егермейстеръ его величества, В. Я. Скарятинъ. Мѣстность эта находится въ лѣсу, въ 24-хъ верстахъ отъ станціи Николаевской желѣзной дороги, Малой Вишеры. Осмотръ начался съ возстановленія въ натурѣ той самой стрѣлковой линіи и на ней тѣхъ пунктовъ, на которыхъ 29-го декабря расположены были по номерамъ лица, прибывшія съ его величествомъ на охоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было возможнымъ, въ виду расположенія мѣстности, ограничиться установленіемъ въ точности лишь тѣхъ пунктовъ, положеніе которыхъ представляетъ особую важность для разъясненія обстоятельствъ дѣла.

«Такимъ образомъ, по указанію управляющаго императорскою охотою, Раздеришина, и находившихся при осмотрѣ стрѣлковъ, а также и по оставшимся еще въ натурѣ признакамъ, именно—дощечкамъ на №№ 9 и 6-мъ, щитку на № 7-мъ и полкамъ для ружей на № 8-мъ, установлены были слѣдующіе стрѣлковые пункты: 1) пунктъ № 6-й, на которомъ въ день охоты 29-го декабря находился его высочество, великій князь Владиміръ Александровичъ, и при немъ егерь Николай Бабуринъ, 2) пунктъ № 7-й, который занималъ его величество государь императоръ; при особѣ его величества находились: управляющій егермейстерскою конторою, Ивановъ, егерь-рогатчикъ, Петръ Шелагинъ, и егерь-собачникъ, Федоръ Сухопаровъ; 3) пунктъ № 8-й, на которомъ стояли бывшій оберъ-егермейстеръ, графъ Ферзенъ, и егерь его, Василій Кожинъ, 4) пунктъ № 9-й, гдѣ стоялъ егерь Александръ Сухопаровъ и 5) пунктъ № 10-й, на коемъ находился въ началѣ охоты егермейстеръ Скарятинъ и при немъ егерь Иванъ Кожинъ.

«Въ направленіи своемъ эта линія оказалась не прямою, а нѣсколько изломанною, и притомъ такъ, что съ пункта № 8-й можно было свободно видѣть лишь пунктъ № 7-й, но ни 9-го ни 10-го пунктовъ видно не было. Далѣе, по ту и по другую сторону стрѣлковой линіи оказался лѣсъ, совершенно густой съ той стороны, отъ которой шелъ медвѣдь, по показанію лицъ, бывшихъ 29-го декабря на охотѣ, и менѣе густой со стороны противуположной, причемъ противъ пункта № 7-й лѣсъ оказался болѣе частымъ, чѣмъ противъ пункта № 8-й, гдѣ найдено небольшое пространство, саженей 10 въ окружности, почти безъ деревьевъ. За тѣмъ, по установленіи означенныхъ пунктовъ, измѣрено было разстояніе между 6 и 10 пунктами вообще и въ частности между каждымъ изъ пунктовъ, входящихъ въ это пространство, и оказалось слѣдующее: отъ 6-го до 10-го (двухъ крайнихъ) нумера—38 саженей, между 6-мъ и 7-мъ нумерами—11 саж. 1 арш. между 7-мъ и 8-мъ—10 саженъ 1 аршинъ, между 8-мъ и 9-мъ—8 сажень и между 9-мъ и 10-мъ—9 сажень. Далѣе, по указанію крестьянина Василія Андреева, возстановленъ былъ слѣдъ медвѣдя по направленію его сначала изъ лѣса къ пункту № 7-й, потомъ небольшой поворотъ

его въ право отъ этого пункта, слѣдовательно въ сторону къ 6-му номеру, переходъ его черезъ стрѣлковую линію между номерами 7-мъ и 6-мъ и, наконецъ, направленіе его хода отъ мѣста, около шалаша собаки, въ право, черезъ чащу лѣса, до того мѣста, гдѣ медвѣдь со всѣхъ пунктовъ долженъ былъ считаться невидимымъ. Мѣсто же положенія шалаша показано было сообразно съ ёлкою, уцѣлѣвшею отъ 29-го декабря, когда она служила прикрытіемъ собаки, въ 3-хъ шагахъ позади 7-го номера, нѣсколько въ право. При обозначеніи указаннаго направленія медвѣдя, лицами, производившими осмотръ, замѣчены были два дерева, одно отъ другаго на разстояніи $^3/_4$ сажени, на которыхъ оказались слѣды двухъ пуль, расположенные въ такомъ направленіи, что для осматривавшихъ было очевидно, что слѣдъ пролетѣвшей пули на березѣ, лѣвѣе стоящей, могъ произойти только отъ выстрѣла съ № 6-го. И дѣйствительно, люди, бывшіе на охотѣ 29-го декабря, изъ нихъ въ особенности егерь Бабуринъ, находившійся въ тотъ день при великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ, удостовѣрили, что означенный выстрѣлъ былъ выстрѣломъ его высочества; другой же слѣдъ на ели, стоявшей правѣе первой березы, именно по линіи, направленной отъ пункта № 7-й, оказался слѣдомъ не пролетѣвшей, а врѣзавшейся въ середину дерева пули, причемъ очевидно было и удостовѣрено тѣмъ же свидѣтелемъ Бабуринымъ, что этотъ послѣдній слѣдъ былъ произведенъ пулею изъ ружья его величества въ то время, когда медвѣдь, перейдя стрѣлковую линію, направлялся въ чащу лѣса, изъ которой онъ вышелъ первоначально. Соображеніе это достаточно подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что по вынутіи означенной пули изъ дерева, при ней найденъ былъ клокъ медвѣжьихъ волосъ. Далѣе, при внимательномъ наблюденіи съ пункта № 8-й за вышеуказаннымъ направленіемъ медвѣдя оказалось, что по пути черезъ чащу лѣса медвѣдь долженъ былъ непремѣнно пройти небольшое пространство, въ видѣ просѣки, примѣрно около 2-хъ аршинъ, на которомъ хотя и есть небольшіе кустарники, но такіе, которые не могли скрывать звѣря отъ глазъ лицъ, стоявшихъ на 8-мъ номерѣ, вслѣдствіе чего производившими осмотръ и было признано, что въ моментъ, когда медвѣдь проходилъ вышеупомянутое пространство, въ него могли стрѣлять съ № 8-го. Убѣжденіе это подкрѣпилось послѣдующимъ осмотромъ мѣстности, по которому оказалось, что во всякомъ другомъ мѣстѣ медвѣдь не могъ быть усмотрѣнъ съ № 8-го. Для удостовѣренія за тѣмъ, какъ великъ былъ путь медвѣдя отъ того мѣста, гдѣ онъ скрылся отъ взоровъ государя, до вышеозначенной просѣки, на которой его встрѣтили выстрѣлы съ пункта № 8-й, измѣрено было это разстояніе и оно оказалось равнымъ 35-ти шагамъ; въ свою очередь, измѣрено было разстояніе по прямой линіи отъ № 8-го до упомянутаго мѣста пробѣга медвѣдя и оно ока-

залось равнымъ 18 саженямъ. По установленіи такимъ образомъ главныхъ пунктовъ и направленій, приступлено было къ точному опредѣленію мѣста самаго паденія егермейстера Скарятина для того, чтобы сообразить затѣмъ направленіе роковой пули. Съ этою цѣлью осматривавшіе признали нужнымъ прослѣдить по возможности весь путь Скарятина съ мѣста его стоянки, т. е. съ № 10-го. Въ виду извѣстныхъ уже показаній егерей Ивана Кожина и Федора Сухопарова, что Скарятинъ сошелъ съ своего мѣста и прошелъ мимо пункта № 9-го, удостовѣрено было, что дѣйствительно только по этой именно стрѣлковой линіи онъ и могъ направляться вплоть до пункта № 8-й; здѣсь же, по оставшемуся еще въ натурѣ слѣду вправо отъ № 8-го, очевидно было, что Скарятинъ направился именно по этому направленію, и такъ какъ означенный поворотъ вправо начинался аршина въ полтора отъ мѣста № 8-й, то осматривавшіе пришли къ убѣжденію, что Скарятинъ, не доходя полтора аршина до пункта, на которомъ въ то время стояли графъ Ферзенъ и егерь Василій Кожинъ, долженъ былъ направиться къ мѣсту своей погибели. Вѣрность этого соображенія утверждена была тутъ же и показаніями свидѣтелей, именно—мѣстнаго становаго пристава (прибывшаго во время осмотра и присутствовавшаго на охотѣ 29-го декабря), егерей, находившихся при осмотрѣ, и крестьянина Василія Андреева, которые заявили, что когда тотчасъ послѣ происшествія 29-го декабря они осматривали эту мѣстность, то тогда же и усмотрѣли вышеупомянутый единственный слѣдъ человѣка. Такое положеніе слѣда Скарятина, въ сопоставленіи съ вышесказаннымъ направленіемъ хода медвѣдя, навело осматривавшихъ тутъ же и на другое предположеніе, что Скарятинъ, подойдя къ пункту графа Ферзена, долженъ былъ остановиться, ибо въ это время и ему долженъ былъ быть видѣнъ пробѣгающій медвѣдь и такъ какъ въ это же время долженъ былъ стрѣлять № 8-й, то и Скарятинъ, по всему вѣроятію, остановился здѣсь же, прежде чѣмъ сдѣлалъ поворотъ вправо отъ стрѣлковой линіи, для того, чтобы дать выстрѣлъ изъ своего ружья по медвѣдю. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, вопервыхъ, по осмотрѣ ружья послѣ смерти Скарятина, въ ружьѣ оказался одинъ пустой патронъ, а вовторыхъ, ни съ какой другой точки на своемъ ходу онъ не могъ видѣть убѣгающаго звѣря. За симъ не трудно было уже съ точностью опредѣлить и мѣсто паденія Скарятина. Упомянутый слѣдъ его отъ пункта № 8-й оканчивался у небольшой елки, около которой, какъ удостовѣрили свидѣтели, и упалъ дѣйствительно Скарятинъ. Убѣжденіе въ томъ, что описываемое мѣсто было именно мѣстомъ паденія Скарятина, окончательно утвердилось послѣ того, какъ сдѣланное тутъ же заявленіе управляющаго императорскою охотою Раздеришина о замѣченномъ имъ еще 29-го декабря желтомъ пятнѣ на снѣгу, послѣ поднятія Скарятина, было провѣрено на самомъ

дѣлѣ, т. е. снѣгъ на указанномъ мѣстѣ былъ разгребенъ и подъ верхнимъ слоемъ онаго найдена была обледѣнѣвшая желтая часть снѣга, происшедшая какъ бы отъ какой-то жидкости, тутъ разлитой. По измѣреніи разстоянія этого пункта отъ мѣста № 8-й оказалось, что оно равняется 15-ти аршинамъ. Важность этой линіи заставила осматривавшихъ особенно тщательно изслѣдовать ея положеніе: оказалось, что хотя вышеуказанный слѣдъ Скарятина отъ пункта № 8-й и направлялся влѣво, къ тому мѣсту, гдѣ медвѣдь видѣнъ былъ съ 8-го пункта пробѣжавшимъ, но мѣсто паденія несчастнаго находится нѣсколько правѣе мѣста просѣки, гдѣ пробѣжалъ медвѣдь, такъ что становится очевиднымъ, что его поразила пуля, не долженствовавшая быть направленною въ медвѣдя, ибо въ послѣдняго, во всякомъ случаѣ, слѣдовало цѣлиться гораздо лѣвѣе, а по прямой линіи впередъ отъ мѣста паденія Скарятина медвѣдь былъ уже невидимъ для стрѣлявшихъ съ № 8-го. Вмѣстѣ съ этимъ, по направленію отъ пункта № 8-й къ мѣсту паденія Скарятина, замѣчена была тонкая березка, на которой въ 2-хъ аршинахъ отъ земли замѣченъ былъ острый слѣдъ пролетѣвшей пули; производившіе осмотръ могли заключить изъ этого обстоятельства лишь то, что упомянутый слѣдъ былъ сдѣланъ пулею, несомнѣнно вышедшею изъ какого-либо ружья съ пункта № 8-й, и что, задѣвши на лету березку, пуля эта поразила Скарятина въ поясъ сзади. Разстояніе между сказанною березкою и пунктомъ № 8-й составляетъ 7 аршинъ съ вершками, равно какъ и отъ нея до мѣста паденія Скарятина также 7 аршинъ съ вершками.

«Опредѣливъ всѣ означенные пункты и нанеся ихъ на планъ вмѣстѣ съ изображеніемъ на немъ вообще топографическаго характера мѣстности, гдѣ произошло печальное событіе 29-го декабря, осматривавшіе признали полезнымъ провѣрить по возможности, при извѣстныхъ уже условіяхъ мѣстности, во-1-хъ, обстоятельства, предшествовавшія убіенію Скарятина, и, во-2-хъ, согласіе съ дѣйствительностью тѣхъ показаній, которыя даны были до производства еще осмотра лицами, бывшими при самомъ происшествіи. Такъ, егерь Бабуринъ объяснилъ, что, какъ онъ слышалъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: въ то время, когда медвѣдь перешелъ стрѣлковую линію и направился къ мѣсту, гдѣ былъ шалашъ съ собакою, послѣдовали выстрѣлы, сначала государя императора, потомъ великаго князя Владиміра Александровича, затѣмъ еще нѣсколько выстрѣловъ, и наступилъ перерывъ секундъ въ 7, послѣ чего послѣдовалъ еще выстрѣлъ и тутъ же послышался стонъ; крестьянинъ Василій Андреевъ объяснилъ, что онъ шелъ вслѣдъ за медвѣдемъ и когда былъ недалеко отъ № 7-го, то послышалъ рядъ выстрѣловъ, а затѣмъ наступилъ промежутокъ времени, какъ выразился Андреевъ—«такъ, что не сочтешь двухъ десятковъ»—т. е. тоже около 7—8 секундъ, и тогда уже послѣдовалъ послѣдній

выстрѣлъ и крикъ «охъ!». Въ видахъ провѣрки этихъ объясненій признано было необходимымъ измѣрить разстояніе, которое долженъ былъ пройти егермейстеръ Скарятинъ отъ своего пункта (№ 10-й) до мѣста своего паденія, чтобы уяснить затѣмъ количество времени, употребленное имъ на это движеніе, и разстояніе это оказалось слѣдующимъ: отъ 10-го пункта до 8-го—51 аршинъ, отсюда до мѣста смерти—20 аршинъ. Пространство это оказалось, такимъ образомъ, довольно значительнымъ (71 аршинъ), чтобы можно было пройти его съ остановкою въ теченіе 7 секундъ; но въ виду того, что егерь, бывшій при Скарятинѣ, удостовѣрилъ, что послѣдній двинулся съ своего пункта по линіи при самомъ началѣ выстрѣловъ, сдѣланныхъ его величествомъ, а также и въ виду показанія егеря Василія Кожина (состоявшаго при графѣ Ферзенѣ) о томъ, что между первымъ и послѣднимъ выстрѣлами графа Ферзена прошло около 3-хъ минутъ, лица, производившія осмотръ, пришли къ заключенію, что вообще промежутокъ времени между послѣднимъ и предъидущими выстрѣлами не можетъ быть съ точностью установленъ, и потому основывать какой-либо окончательный выводъ на объясненіяхъ съ одной стороны Бабурина и Андреева, а съ другой — двухъ Кожиныхъ, невозможно; надлежитъ лишь признать, что промежутокъ этотъ, во всякомъ случаѣ, могъ продолжаться столько, сколько по естественному положенію всякаго охотника потребно было ему времени для того, чтобы послѣ одного выстрѣла опустить ружье и начать спускать въ немъ курокъ. Впрочемъ, имѣя въ виду, что главною цѣлью осмотра было лишь точное описаніе мѣстности происшествія, какъ матеріала необходимаго для соображенія затѣмъ съ другими данными дѣла, производившіе осмотръ не сочли возможнымъ дѣлать въ этомъ описаніи какія-либо дальнѣйшіе выводы изъ сравненія упомянутыхъ показаній Бабурина и Андреева съ результатами измѣренія разстоянія, пройденнаго Скарятинымъ, и потому обратились къ продолженію осмотра. Провѣряя вторую половину вышеустановленной задачи, т. е. согласіе съ дѣйствительностью прежде данныхъ показаній, осматривавшіе нашли, что паденіе Скарятина дѣйствительно раньше другихъ должны были увидѣть графъ Ферзенъ и егерь его Василій Кожинъ, какъ стоявшіе по прямому направленію къ этому мѣсту, и что поэтому Кожинъ могъ и подбѣжать къ убитому скорѣе прочихъ; что затѣмъ другое лицо, вслѣдъ за Кожинымъ долженствовавшее увидѣть убитаго, былъ рогатчикъ Шелагинъ, который, преслѣдуя медвѣдя отъ шалаша, былъ отъ мѣста происшествія шагахъ въ 12-ти. Далѣе, около мѣста, гдѣ лежалъ Скарятинъ, дѣйствительно, съ правой стороны оказалось толстое дерево, около котораго, по объясненію присутствовавшихъ, егерь Василій Кожинъ въ то время (29-го декабря) поставилъ ружье убитаго.

«Наконецъ, въ видахъ полнѣйшаго описанія мѣстности происшествія, осматривавшими признано не лишнимъ замѣтить здѣсь

еще и тотъ общій результатъ осмотра, который, по ознакомленіи съ мѣстностью, представляется самъ собою очевиднымъ, т. е., что выстрѣлы въ сторону, противуположную той, съ которой началась охота, хотя и сдѣланы были не съ одного № 8-го, но и съ нумеровъ 6-го и 7-го, но направленіе этихъ послѣднихъ таково, судя по вышеозначеннымъ слѣдамъ на двухъ деревьяхъ, что еслибы мысленно продолжить движеніе пуль впередъ, то вышла бы линія, направленная въ совершенно противуположную сторону той, которая направлялась изъ выстрѣловъ съ № 8 и притомъ отстоящая отъ мѣста паденія Скарятина, какъ показало измѣреніе, въ 23 шагахъ въ лѣво.

«Въ заключеніе, признано было необходимымъ пріобщить къ дѣлу, какъ вещественныя доказательства, вышеупомянутую березку и два куска отъ деревьевъ со слѣдами пуль, что̀ и исполнено по окончаніи осмотра въ одинъ часъ съ половиною пополудни».

Таковъ актъ, удостовѣрявшій мѣстность, на которой произошло печальное событіе 29-го декабря 1870 года. Понятное дѣло, что составители акта воздержались отъ всякихъ рѣшительныхъ выводовъ изъ данныхъ, которыя имъ представила живая мѣстность въ натурѣ, воздержались потому, что это противурѣчитъ закону, и что затѣмъ эти выводы предстояло сдѣлать въ засѣданіи коммисіи. Но частнымъ образомъ всѣ производившіе осмотръ тогда же высказались единогласно въ слѣдующемъ смыслѣ: изъ расположенія мѣстности и соотвѣствовавшихъ разъясненій лицъ, присутствовавшихъ на злополучной охотѣ, ясно было видно, что убить Скарятина могъ только графъ Ферзенъ. Если даже отбросить всѣ остальныя соображенія въ сторону, то достаточно одного факта, что Скарятинъ былъ убитъ послѣднимъ выстрѣломъ, а этотъ послѣдній выстрѣлъ и былъ выстрѣломъ графа Ферзена. Въ этомъ, собственно, послѣ осмотра, никто не сомнѣвался. Гораздо важнѣе представлялся вопросъ о нравственномъ значеніи этого выстрѣла, т. е. былъ ли онъ преступнымъ, намѣреннымъ, или только неосторожнымъ. Въ пользу перваго предположенія явились уже и нѣкоторыя данныя, почерпнутыя отъ лицъ, близко знавшихъ служебныя отношенія между оберъ-егермейстеромъ (графомъ Ферзеномъ) и егермейстеромъ (Скарятинымъ). Разсказывали, что, въ особенности въ послѣднее время, отношенія эти будто бы очень обострились, вслѣдствіе явнаго расположенія его величества къ В. Я. Скарятину, и что даже во время охоты 29-го декабря, въ тотъ моментъ, когда Скарятинъ приблизился съ своего мѣста къ № 8-му — что̀ выражало, что онъ уже идетъ къ мѣсту сборища, предполагая, что охота окончилась—графъ Ферзенъ, увидя его, сказалъ будто бы своему егерю: «чего онъ тащится раньше всѣхъ...» Не смотря, однакожъ, на такіе намеки, вы-

вести заключеніе о преднамѣренномъ убійствѣ Скарятина оказалось совершенно невозможнымъ, во-первыхъ, по отсутствію какихъ либо реальныхъ, чѣмъ вышеупомянутыя сплетни, данныхъ, а, во-вторыхъ, на основаніи все тѣхъ же условій мѣстности. А именно:—пунктъ, на которомъ стоялъ графъ Ферзенъ, былъ возвышенъ; мѣсто, на которомъ упалъ мертвый Скарятинъ, была лощина, настолько ниже лежащая пункта № 8-й, что если мысленно провести линію отъ ружья, приподнятаго графомъ Ферзеномъ для обыкновеннаго выстрѣла, то линія эта какъ разъ прошла бы черезъ голову Скарятина, и надо полагать, что еслибы графъ Ферзенъ дѣйствительно хотѣлъ, подъ видомъ прицѣла въ медвѣдя, послать пулю въ Скарятина, то онъ долженъ былъ, слишкомъ явно въ глазахъ стоявшаго тутъ же егеря Василія Кожина, нагнуть дуло ружья внизъ, чтобы попасть, по крайней мѣрѣ, въ голову Скарятина; для того же, чтобы попасть Скарятину въ поясъ, графъ Ферзенъ долженъ былъ, при обыкновенномъ держаніи ружья, даже присѣсть и притомъ значительно на землю,—движеніе, которое, конечно, не могло бы остаться незамѣчаннымъ прежде всего тѣмъ же Кожинымъ, не упустившимъ бы потомъ и указать на это обстоятельство. Ничего подобнаго, однакожь, въ дѣйствительности не было. Когда медвѣдь перебѣжалъ стрѣлковую линію, то графъ Ферзенъ, вслѣдъ за двумя неудачными выстрѣлами его величества и его высочества, съ своей стороны также далъ первый выстрѣлъ, совершенно, впрочемъ, безполезный, какъ это и удостовѣрилъ Василій Кожинъ, потому что, объяснилъ этотъ послѣдній, медвѣдя еще не было и видно съ № 8-го; когда же затѣмъ медвѣдь пробѣгалъ по просѣкѣ, прямо видѣнной съ № 8-го, то егерь Кожинъ крикнулъ: «ваше сіятельство, стрѣляйте, вонъ медвѣдь!» и въ это же время сталъ подавать графу ружье, только что отъ него принятое; графъ Ферзенъ, по старости лѣтъ, засуетился, сталъ брать ружье и въ это-то время, еще не приподнявши ружья на высоту, необходимую для нормальнаго прицѣла, другою рукой зацѣпилъ за курокъ, вслѣдствіе чего ружье, находясь еще у колѣнъ его, дало выстрѣлъ, оказавшійся роковымъ для Скарятина. Только въ такомъ положеніи ружья выстрѣлъ и могъ попасть Скарятину въ поясъ. Ясно, что преднамѣренности въ подобномъ дѣйствіи графа Ферзена усматривать было невозможно. Все, что можно было заключить изъ такого рода данныхъ — это о неосторожности, даже о случайности выстрѣла. Тѣмъ безсмысленнѣе и возмутительнѣе было, конечно, запирательство графа Ферзена и попытки его склонить егеря Василія Кожина къ ложному показанію.

Лица, производившія осмотръ, старались подробнѣе распросить именно егеря Василія Кожина, который былъ очевидцемъ всего происшествія, и изъ его показаній дѣло представилось въ такомъ видѣ: Скарятинъ, услыша сдѣланные государемъ выстрѣлы въ

сторону, откуда гнали на него медвѣдя, счелъ, какъ это обыкновенно бывало, что охота окончена, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ онъ, по положенію своему на номерѣ 10-мъ, не могъ видѣть, что происходило на остальныхъ номерахъ. Въ этомъ убѣжденіи, Скарятинъ и направился къ мѣсту сборища, которымъ естественно должна была быть та единственная поляна, на которой онъ неожиданно нашелъ потомъ смерть. Подойдя къ № 8-му, онъ подождалъ нѣсколько, не будутъ ли стрѣлять (въ моментъ перваго выстрѣла графа Ферзена) и затѣмъ повернулъ въ право на поляну. Когда пуля графа Ферзена сразила его, то тотъ же Кожинъ воскликнулъ: «ваше сіятельство, что вы сдѣлали, вы убили Василія Яковлевича!»—«Молчи!» пригрозилъ ему графъ Ферзенъ и тутъ же, вслѣдъ за бросившимся Кожинымъ, графъ Ферзенъ сталъ подходить къ упавшему Скарятину. Въ то же самое время съ нумеровъ своихъ подошли къ мѣсту происшествія государь и великій князь; на вопросы: что такое? какъ это случилось? всѣ молчали, но кѣмъ-то (Кожинъ не помнитъ или не замѣтилъ) высказано было предположеніе, что Скарятинъ споткнулся и самъ себя убилъ нечаянно, тѣмъ болѣе, что и ружье его тутъ же валялось на землѣ. При общемъ смущеніи, всѣ, повидимому, повѣрили этой догадкѣ и никому, конечно, не пришла въ голову вся очевидная несостоятельность ея съ перваго же взгляда, потому что нельзя же было въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы человѣкъ, какъ бы онъ не споткнулся, могъ себѣ сдѣлать правильный выстрѣлъ сзади въ поясъ. Въ такомъ недоразумѣніи всѣ и остались и возвратились въ городъ. Но тутъ, должно быть, скороспѣлая догадка показалась всѣмъ ужъ очень несостоятельною и потому стали дѣлать иныя гадательныя предположенія.

Весьма естественно, что какъ только всѣ вытекавшія изъ осмотра разъясненія и самый актъ осмотра внесены были министромъ юстиціи въ коммисію, тотчасъ же установилось твердое убѣжденіе въ виновности графа Ферзена. Вслѣдъ затѣмъ, дали свои разъясненія и сознаніе въ коммисію и свидѣтели, такъ что коммисія признала графа Ферзена виновнымъ не только въ неосторожномъ убійствѣ Скарятина, но главнымъ образомъ въ недостойномъ поведеніи какъ въ самый моментъ просшествія (замолчалъ свою вину), такъ и тогда, когда дѣло подверглось уже разслѣдованію.

Вскорѣ затѣмъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (1871 г., № 23, среда, 27-го января) было обнародовано всеподданнѣйшее донесеніе коммисіи государю императору съ слѣдующей резолюціей его величества:

«Усматривая изъ дѣла, что смерть егермейстера Скарятина произошла отъ случайнаго выстрѣла графа Ферзена и признавая послѣдняго виновнымъ въ позднемъ сознаніи, Я во вниманіе къ его болѣе пятидесятилѣтней службѣ, вмѣняю ему въ наказаніе настоящее увольненіе его отъ службы. За симъ считать дѣло конченнымъ».

Такая резолюція государя, въ которой всѣ упомянутые поступки графа Ферзена были во всеобщее свѣдѣніе осуждены его величествомъ, послужила для графа Ферзена, безъ сомнѣнія, еще большимъ наказаніемъ, нежели увольненіе отъ службы.

М. Баженовъ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВИВШАГОСЯ ИЗДАНІЯ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)

Послѣ крымской войны, когда правительство и интеллигентная часть русскаго общества пришли къ убѣжденію въ необходимости распространенія въ массѣ народа и солдатъ образованія и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовали его осуществленію,—извѣстный беллетристъ, бытописатель и иллюстраторъ солдатско-крестьянской жизни, Александръ Θедоровичъ Погосскій, основалъ два небольшіе, тождественные по содержанію, журнала, изъ которыхъ одинъ назывался «Народною», а другой «Солдатскою» бесѣдой.

Благодаря таланту основателя, повѣсти и разсказы котораго читались на расхватъ, предпринятое имъ изданіе сразу стало на твердую почву и въ непродолжительное время достигло высокой степени развитія: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ имѣло уже до 14,000 подписчиковъ.

Но 1863 годъ оказался неблагосклоннымъ къ Александру Θедоровичу. Онъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться, для излеченія болѣзни, за границу на довольно продолжительное время, а любимое свое дѣтище—маленькіе журнальцы передать въ другія руки, именно въ руки своего пріятеля, извѣстнаго врача-гомеопата Василья Васильевича Дерикера.

Новый издатель-редакторъ въ литературномъ мірѣ былъ человѣкъ пришлый, скорѣе диллетантъ, чѣмъ писатель (другъ и почитатель Сенковскаго, помѣстившій «нѣчто» или «что-то» въ его Библіотекѣ); издательское дѣло онъ зналъ плохо; при томъ же, имѣя

много занятій по своей профессіи, не могъ отдаться всецѣло пріобрѣтеннымъ имъ случайно журналамъ. Имѣть постоянныхъ сотрудниковъ, отвѣтственныхъ за отдѣлы,—онъ не считалъ нужнымъ, а случайные не могли имѣть вліянія на успѣхъ изданія. Послѣдствіемъ подобнаго положенія дѣла было полнѣйшее фіаско: въ два, три года, число подписчиковъ, не смотря на отсутствіе серьезныхъ конкуррентовъ изданію, упало до 6,000.

Сознавая невозможность издавать свои «Бесѣды» при такомъ незначительномъ числѣ подписчиковъ [1]), Дерикеръ попытался было поднять ихъ значеніе помѣщеніемъ въ нихъ, въ видѣ полезныхъ статеекъ, разныхъ своихъ врачебно-практическихъ совѣтовъ, обѣщаніемъ давать подписчикамъ не по шести, а по двѣнадцати книжекъ въ годъ и, наконецъ, изданіемъ особаго приложенія: «Календарь Бесѣдъ». Но всѣ эти издательскія потуги не только не подняли подписки, но, напротивъ, уронили ее окончательно: на 1867 годъ, обѣ «Бесѣды» имѣли только 3,129 подписчиковъ.

Такой печальный исходъ столь блистательно начатаго дѣла окончательно обезкуражилъ Дерикера. Онъ упалъ духомъ и сталъ задерживать выпускъ книжекъ. Въ августѣ 1867 года, у него было выпущено, вмѣсто восьми, только четыре книжки. Денежныхъ средствъ на выдачу остальныхъ восьми книжекъ въ наличности не имѣлось. Издать эти книжки въ кредитъ значило бы обременить изданіе 1868 года значительнымъ долгомъ, а на увеличеніе подписки разсчитывать едва ли было возможно, и вотъ Дерикеръ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшился продать свои «Бесѣды».

Я былъ знакомъ съ Дерикеромъ, печатался у него, и зайдя какъ-то къ нему въ концѣ лѣта 1867 года, нашелъ его въ страшномъ горѣ отъ разныхъ неудачъ, которыхъ у него, кромѣ неудачи по изданію, какъ нарочно въ то время скопилось довольно. Слово за слово, мы разговорились, посѣтовали, потужили о безвыходномъ положеніи нашихъ первыхъ піонеровъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и я уже сбирался было уходить, какъ вдругъ Дерикеръ поднялся съ мѣста, прошолся медленно по кабинету и, остановясь противъ меня, сказалъ: «я рѣшился продать мои «Бесѣды»—не купите ли вы ихъ, или не найдете ли мнѣ покупателя»? Меня застигло въ расплохъ подобное предложеніе, я не могъ ничего отвѣтить и сказалъ только, что объ этомъ нужно подумать серьезно.

Спустя недѣлю, мы опять свидѣлись и говорили объ условіяхъ передачи жуналовъ, но условія эти казались мнѣ такими тяжелыми, что я разстался съ Дерикеромъ безъ всякой надежды на успѣхъ дѣла. Однако, разумные доводы восторжествовали, Дерикеръ пошолъ на уступки, и въ одно прекрасное утро мы ударили по рукамъ. Онъ передавалъ мнѣ свои редакторскія и издательскія

[1]) Подписная цѣна за экземпляръ—2 р. въ годъ.

права и старый хламъ, т. е. журналы за прежніе годы и отпечатанныя особыми брошюрами нѣкототорыя статейки. Я же долженъ былъ удовлетворить подписчиковъ 1867 года, т. е. выдать въ этомъ году восемь книжекъ «Бесѣдъ», уплатить ему при заключеніи условія 1,000 руб. и за тѣмъ, впродолженіе трехъ лѣтъ, платить ему извѣстный процентъ чистой прибыли, но въ общемъ итогѣ за всѣ годы не менѣе 3,000 руб.

10-го сентября, утромъ, я отправился къ помощнику начальника Главнаго Штаба, свиты его величества генералъ-маіору Мещеринову, просить разрѣшенія на изданіе купленныхъ мною «Бесѣдъ», такъ какъ я состоялъ на службѣ въ Главномъ Штабѣ, въ его вѣдѣніи. Въ 11 часовъ онъ меня принялъ.

— Что вы скажете?

— Осмѣливаюсь безпокоить, ваше превосходительство, по собственному дѣлу.

— По какому?

— Прошу вашего разрѣшенія и покровительства въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ сдѣлаться источникомъ моего благосостоянія.

— Объяснитесь.

— Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что у насъ издается нѣсколько журналовъ для народа и солдатъ. Дѣла издателя одного изъ этихъ журналовъ, именно «Солдатской Бесѣды», Дерикера, пришли въ разстройство. Поэтому онъ предлагаетъ мнѣ принять изданіе.

— Что жъ вы хотите?—перебилъ меня генералъ:—субсидіи?.. Откуда я вамъ ее возьму?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я не прошу субсидіи, я прошу разрѣшенія и нравственной поддержки.

— Я ничего не могу вамъ сдѣлать—не въ моей власти...

— Если Погосскій былъ обязанъ многимъ генералу Обручеву, такъ позвольте мнѣ быть обязаннымъ вамъ всѣмъ...

— Я сдѣлалъ Погосскому больше, чѣмъ Обручевъ—опять перебилъ меня генералъ—да дѣло не въ томъ... Его изданію нельзя было не сочувствовать: онъ—извѣстный писатель и пользуется репутаціею.

— Да, если его повѣсти и составляли лучшій отдѣлъ журнала, за то прочіе отдѣлы не соотвѣтствовали...

— Повѣсти—еще разъ перебилъ меня генералъ—составляютъ лучшее средство для образованія народа, онъ читаетъ ихъ и поучается.

— Позвольте, ваше превосходительство, доложить вамъ, что народу нужны не одни повѣсти. Я предполагаю дать журналу болѣе серьезное направленіе, печатать, напримѣръ, объясненія значенія новыхъ мировыхъ судовъ, земскихъ учрежденій, что̀ необходимо знать крестьянину, за тѣмъ...

Но живой, подвижной генералъ снова перебилъ меня:—Да, что народъ пойметъ изъ вашихъ книжекъ! Онъ скорѣе пойметъ, если ему объяснятъ это на словахъ... Читать онъ не умѣетъ, а писаря не захотятъ дѣлиться съ крестьяниномъ тѣми свѣдѣніями, которыя составляютъ ихъ профессію... Впрочемъ, дѣло не мое, издавайте, что знаете, только я не могу понять, чѣмъ я то могу быть вамъ полезенъ?

— Мнѣ нужно разрѣшеніе на право изданія.

— Объ этомъ нужно просить графа [1]). Только графъ едва ли вамъ разрѣшитъ...

— Я надѣюсь на васъ, ваше превосходительство, быть можетъ вы примете на себя трудъ доложить о моей просьбѣ графу.

— Да, конечно, я буду говорить съ нимъ. Но я долженъ признаться, затрудняюсь... Вы займетесь своимъ журналомъ, а дѣла по должности будутъ лежать.

— Ваше превосходительство, я обѣщаю вамъ быть такимъ же исправнымъ чиновникомъ, какъ и теперь... Вѣдь я не буду одинъ заниматься журналомъ, найдутся сотрудники.

— Все же надо прочитывать, надо исправлять, надо, наконецъ, и направленіе дать журналу... какъ будто это пустяки...

— Ваше превосходительство, у васъ, въ Штабѣ, и въ настоящее время находятся на службѣ чиновники, которые извѣстную часть времени посвящаютъ казенному дѣлу, а потомъ работаютъ или для журналовъ, или для частныхъ компаній...

Генералъ не утерпѣлъ и горячо перебилъ меня: — за то и дѣла лежатъ, бумаги накопляются, исполненія нѣтъ, графъ не доволенъ... Нѣтъ! я съ ними скоро принужденъ буду разстаться.

— Не всѣ же таковы, ваше превосходительство, при извѣстной добросовѣстности, я полагаю, можно быть и хорошимъ редакторомъ, и хорошимъ чиновникомъ вмѣстѣ; впрочемъ, ваше превосходительство, вы увидите.

— Хорошо-съ!.. Только вы должны просить графа, подайте ему докладную записку завтра утромъ, если онъ приметъ васъ; впрочемъ, я дамъ вамъ знать.

Въ эту минуту вошелъ дежурный и доложилъ, что начальникъ Главнаго Штаба проситъ его превосходительство къ себѣ.

— Хорошо, скажи, что приду. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ: — но помните, субсидій — никакихъ! Что же касается до нравственной поддержки изданію, то она будетъ заключаться только въ рекомендаціи журнала войскамъ циркуляромъ. Но и это зависитъ отъ Совѣщательнаго Комитета, гдѣ я имѣю голосъ наравнѣ съ другими, слѣдовательно, рѣшеніе зависитъ не отъ меня. Я могу

---

[1]) Графа Ѳедора Логгиновича Гейдена, тогдашняго начальника главнаго штаба.

засвидѣтельствовать, что вы — человѣкъ способный, дѣльный... но относительно изданія, я, не видѣвъ его, ничего сказать не могу. Да и Комитетъ не можетъ приступить къ обсужденію, не видя, ну хоть первой вашей книжки.

— Представленіемъ книжки я не замедлю, ваше превосходительство, но я не могу начать печатанія, не получивъ разрѣшенія отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, куда я еще не подавалъ прошенія, не получивъ вашего дозволенія.

— Ну, такъ просите завтра графа. Я же, съ своей стороны, обѣщаю вамъ мой голосъ въ Комитетѣ, если изданіе будетъ того заслуживать, понимаете?..

— Дѣло будетъ говорить за себя.

— Ну, хорошо, прощайте, сказалъ генералъ и откланялся.

Я вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ: кому изъ служившихъ въ Главномъ Штабѣ не было извѣстно, что если генералъ Мещериновъ на что-нибудь согласится, препятствія къ тому со стороны графа Гейдена не будетъ. Первое препятствіе было мной устранено, и я, чтобы не терять времени, отправился къ Евгенію Александровичу Погожеву, моему сотоварищу и доброму другу, человѣку состоятельному, служившему тогда въ Главномъ Инженерномъ Управленіи. Наканунѣ я съ нимъ переговаривался о совмѣстномъ изданіи «Бесѣдъ», но онъ, баричъ по рожденію и привычкамъ, не пожелалъ обременять себя излишнимъ трудомъ, хотя отъ матеріальной поддержки не отказывался. Теперь я спѣшилъ къ нему съ хорошей вѣстью объ удачѣ у начальства. День былъ воскресный, утро позднее, но Погожевъ, послѣ какой-то субботней пирушки, еще спалъ; пришлось обождать. Наконецъ, онъ вышелъ, попенялъ, зачѣмъ я не велѣлъ его разбудить, разспросилъ обо всемъ, касающемся изданія, и обѣщалъ внести отъ себя въ дѣло пай въ 1,000 руб. и дать мнѣ заимообразно, если будетъ нужно, на вексель, 1,000 руб. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло подвигалось впередъ.

На утро, придя пораньше въ Главный Штабъ, я начернилъ докладную записку графу Гейдену и отдалъ писарю переписать. Между тѣмъ, генералъ Мещериновъ въ 10 часовъ былъ уже въ Штабѣ и подойдя ко мнѣ, освѣдомился «являлся ли я графу?»

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство, докладная записка переписывается.

— А вы не могли приготовить ее заблаговременно, сухо замѣтилъ генералъ:—опоздаете и графъ не приметъ васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ кабинетъ графа; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ бумаги. Взглянувъ на меня, онъ быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ громко:

— А, здравствуйте, пожалуйте сюда, садитесь, пожалуйста, что вы?

— Позвольте представить вашему сіятельству докладную за-

писку съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ принять званіе и обязанности редактора-издателя «Солдатской Бесѣды».

— На какихъ условіяхъ вы принимаете изданіе?

Я объяснилъ условія.

— Ваши сотрудники?

— Редакція еще не сформировалась, но я полагаю пригласить людей, горячо сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія.

— Очень радъ! Но это, надѣюсь, не будетъ мѣшать исполненію вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Постараюсь, ваше сіятельство, не подавать повода къ жалобамъ на себя. Вся моя жизнь была посвящена труду, не думаю, чтобы я могъ измѣниться теперь.

— Въ такомъ случаѣ съ моей стороны нѣтъ препятствія.

Потомъ, прочитавъ поданную мною докладную записку, графъ положилъ на ней резолюцію: «согласенъ», и отдавая мнѣ, сказалъ: отнесите Григорью Васильевичу [1]) и попросите его сдѣлать что нужно».

— Могу ли, ваше сіятельство, просить васъ о покровительствѣ моему журнальцу.

— Все, что будетъ отъ меня зависѣть — обѣщаю сдѣлать, если изданіе ваше будетъ того заслуживать. Прощайте, желаю вамъ успѣха.

Иду къ генералу Мещеринову, передаю ему записку и приказаніе начальника Штаба. Весело взглянулъ онъ на меня. Я понялъ этотъ взглядъ и сталъ благодарить его за оказанную поддержку моему сирому пріемышу. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «идите въ канцелярію и скажите Колоколову (правителю канцеляріи), чтобы приготовилъ что нужно».

На другой день мнѣ выдали, за подписью графа Гейдена, для представленія въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, свидѣтельство слѣдующаго содержанія: «Къ принятію на себя чиновникомъ Главнаго Штаба, поручикомъ Мартьяновымъ, званія и обязанностей редактора журналовъ «Народная Бесѣда» и «Солдатская Бесѣда» — со стороны начальства препятствія не имѣется; въ нравственномъ же и политическомъ отношеніяхъ онъ можетъ быть аттестованъ какъ человѣкъ вполнѣ благонадежный».

15-го сентября, я заключилъ съ Дерикеромъ нотаріальное условіе о передачѣ мнѣ издательскихъ и редакторскихъ правъ на «Бесѣды», и заплатилъ ему условленную тысячу рублей. Въ тотъ же день я обѣдалъ у моего пріятеля, Порфирія Ассигкритовича Климова, служившаго при статсъ-секретарѣ Бутковѣ. Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, сенатора М. Н. Похвиснева, въ то время въ Петербургѣ не было, онъ находился въ отпуску

---

[1]) Генералу Мещеринову.

за границей. Должность его исправлялъ сенаторъ Туруновъ. Находясь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Климовъ вызвался поѣхать къ нему со мною вмѣстѣ и познакомить насъ. Кромѣ того, водя хлѣбъ-соль съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Иваномъ Ильичемъ Глазуновымъ, онъ обѣщалъ мнѣ устроить печатаніе журналовъ въ его типографіи, на выгодныхъ для меня условіяхъ, и если будетъ нужно, открыть мнѣ кредитъ.

Выбравъ свободное утро, Климовъ поѣхалъ со мной къ Турунову. Онъ встрѣтилъ Порфирія Ассигкритовича съ распростертыми объятіями, безъ церемоніи, по-домашнему. Усадивъ въ кабинетѣ на диванѣ, Туруновъ спросилъ его: «какіе вѣтры занесли васъ ко мнѣ?»

Я ожидалъ въ пріемной и слышалъ громкіе раскаты его голоса. Когда меня пригласили въ кабинетъ, Климовъ церемонно раскланялся и повелъ такую рѣчь:

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ неофита прессы, только что слѣпленнаго изъ глины редактора Дериксровскихъ «Бесѣдъ»; онъ еще не обожженъ, поэтому если милость ваша будетъ, поберегите, не сломайте его.

— О! хо, хо, хо! засмѣялся Туруновъ: — за кого вы насъ принимаете? Развѣ мы ломаемъ,—мы бережемъ и лелѣемъ дѣтей мысли, не хуже всякой мамки.

— Знаю, знаю я вашу заботливость, засмѣялся въ свою очередь Климовъ: — ваши мамки такъ затягиваютъ свивальники, что бѣднымъ дѣтямъ мысли куда какъ плохо приходится.

— Ну что вы! что вы! отшучивался Туруновъ и обратясь ко мнѣ, спросилъ: а ваши бумаги готовы?

— Готовы, ваше превосходительство.

— Ну и прекрасно! дайте ихъ сюда, я ихъ помѣчу, а вы отвезите и отдайте ихъ въ Главномъ Управленіи правителю дѣлъ Капнисту, пусть онъ исполнитъ ихъ.

Я сталъ просить его принять участіе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи моего ходатайства, такъ какъ сентябрь былъ во второй половинѣ, а мнѣ нужно было выдать восемь книжекъ.

— О, не безпокойтесь! Главное Управленіе не задержитъ, все вамъ сдѣлаетъ и скоро, и хорошо.

— А какъ это понять: скоро? вмѣшался Климовъ:—у васъ если говорятъ: «скоро»—то это значитъ: годъ, а «экстренно»—полгода.

— Не нападайте на насъ, Порфирій Ассигкритовичъ, возразилъ Туруновъ, Главное Управленіе дѣйствуетъ теперь энергично.

— Энергично! это сколько же потребуетъ времени? продолжалъ Климовъ: — по всей вѣроятности, никакъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ...

Туруновъ защищалъ Главное Управленіе, устраняя свою личность, какъ будто онъ былъ совершенно не причастенъ къ дѣламъ печати. Это, казалось мнѣ, звучало какъ-то фальшиво, особенно

въ устахъ человѣка, управлявшаго вѣдомствомъ. Значитъ на него надѣяться нечего, и съ этими мыслями я отправился къ Капнисту.

Долго заставилъ дожидать себя въ пріемной Главнаго Управленія могущественный правитель канцеляріи. Наконецъ, онъ соизволилъ выйти. Это былъ самъ юпитеръ громовержецъ. Его походка, взгляды, интонація голоса—все напоминало «человѣка бѣлой кости». ничего общаго съ нами простыми смертными неимѣющаго. Онъ небрежно окинулъ меня взглядомъ и еще небрежнѣе спросилъ:

— А, это вы желали меня видѣть?.. что вамъ угодно?

Я подалъ ему мое прошеніе, сказалъ, что представлялся генералу Турунову, что онъ прочиталъ мои бумаги и просилъ передать ихъ ему для исполненія.

— Для исполненія! повторилъ съ саркастической улыбкой Капнистъ:—очень хорошо!.. будетъ исполнено... и повернувшись на каблукахъ, направился къ своему сѣдалищу.

Я за нимъ—когда могу узнать о разрѣшеніи?

— Вамъ сообщатъ по мѣсту жительства, чрезъ полицію, буркнулъ онъ какъ-то черезъ плечо на ходу и скрылся.

Такой пріемъ не предвѣщалъ ничего добраго, но я тогда вѣрилъ въ силу слова начальства и, улыбнувшись ему въ слѣдъ, вышелъ.

Дальнѣйшіе мои хлопоты заключались въ устройствѣ хозяйственной части журналовъ и сформированіи редакціи.

20-го сентября, я видѣлся съ И. И. Глазуновымъ, типографію котораго рекомендовалъ мнѣ Климовъ. Почтенный коммерсантъ принялъ меня чрезвычайно вѣжливо, но не сердечно. Было видимо, что онъ бралъ мое дѣло неохотно; но, въ виду рекомендаціи Климова, отказаться не хотѣлъ. Распросивъ: какое число экземляровъ я предполагаю печатать, сколько книжекъ думаю выпустить въ этомъ году, какой сортъ бумаги нужно употребить для нихъ, онъ высчиталъ, что все дѣло въ 1867 году потребуетъ до 5,000 рублей. Потомъ, видя мое изумленіе, прибавилъ, что, во вниманіе просьбы Порфирія Ассигкритовича, мнѣ будетъ сдѣланъ въ типографіи небольшой кредитъ до новой подписки. Я поблагодарилъ его, но сдѣланная имъ смѣта меня сильно обезпокоила; вѣдь, кромѣ печатанія, нужно было еще много денегъ на редакцію и сотрудниковъ. Я рѣшился переговорить съ другими типографщиками.

Образованіе редакціи, вполнѣ отвѣчающей цѣлямъ изданія, духу времени, потребностямъ цензуры и вкусамъ читателей, составляло одну изъ серьезныхъ задачъ. На первое время я пригласилъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ моихъ пріятелей двухъ братьевъ А. и С. Ольхиныхъ; бывшаго профессора Н. Ф. Павлова, недавно вернувшагося изъ какой-то дальной окраины, куда онъ былъ административно высланъ за нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ на одной публичной лекціи и, Богъ вѣсть почему, найденныхъ вред-

ными; Е. П. Карновича; П. А. Зарубина и г. Кушакевича. Взглядъ этихъ лицъ на народное образованіе былъ мнѣ, болѣе или менѣе, извѣстенъ и совпадалъ съ моимъ. Такъ какъ я жилъ тогда въ одной комнатѣ, нанимаемой въ семействѣ чиновника Сердюкова, въ Боровой улицѣ, то мы собирались по воскресеньямъ у Ольхиныхъ, которые занимали довольно большую квартиру не далеко отъ меня, у Пяти Угловъ, и горячо обсуждали программу и направленіе будущаго журнала, отлагая, впрочемъ, окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ до полученія разрѣшенія на изданіе «Бесѣды».

Но разрѣшеніе затянулось. Прошолъ сентябрь, прошолъ октябрь, никакого отвѣта не даютъ. Прихожу въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, никто ничего не говоритъ мнѣ; Капнистъ, подъ предлогомъ множества занятій, не выходитъ. Наконецъ, какъ-то ловлю его въ пріемной.

— Позвольте узнать: въ какомъ положеніи мое дѣло? обращаюсь къ нему.

— Мы не получили еще о васъ справки изъ III-го Отдѣленія.

— На что вамъ справка, когда мое начальство, лучше знающее меня, чѣмъ кто либо, выдало мнѣ свидѣтество о нравственной и политической благонадежности?

— Такіе ужъ у насъ порядки, процѣдилъ онъ въ отвѣтъ сквозь зубы и какъ-то бочкомъ юркнулъ за дверь.

Что дѣлать! что дѣлать! восклицалъ я, сидя у Климова,— вѣдь это—полнѣйшее разореніе. Вотъ уже ноябрь, а выйдетъ разрѣшеніе будетъ декабрь—когда же я успѣю издать восемь книжекъ? когда я сдѣлаю объявленія на будущій годъ? Это, безъсомнѣнія, Капнистъ нарочно затянулъ, чтобы насолить мнѣ!

— Успокойся, пожалуйста,—отшучивался Климовъ:—при чемъ тутъ Капнистъ! копнись ты самъ лучше въ дѣлѣ, тогда что нибудь и выйдетъ. Сходи въ III-е Отдѣленіе и узнай.

— Да я тамъ никого не знаю.

— Постой, мы пошлемъ туда Родіонова, онъ тамъ кой съ кѣмъ знакомъ и можетъ разузнать въ чемъ дѣло.

Родіоновъ, Александръ Николаевичъ, былъ его креатура, человѣкъ знакомый со всѣми и вездѣ. Явясь, по зову Климова, и выслушавъ порученіе, онъ отправился въ III-е Отдѣленіе, но тамъ случайно попалъ на самого статскаго совѣтника Горемыкина, завѣдывавшаго секретною частію, получилъ выговоръ и приказаніе: «прислать меня къ нему для личныхъ объясненій».

Являюсь въ III-е Отдѣленіе, сижу между голубыми мундирами часъ и болѣе,—зову нѣтъ. Прошу доложить—говорятъ, что занятъ. Посылаю г. Горемыкину мою визитную карточку, на которой написалъ, что я уволенъ моимъ начальствомъ только на одинъ часъ, сижу у него полтора часа, и если ему не возможно принять меня,

то я явлюсь въ другое время, а теперь долженъ отправиться на службу. Посланный возвратился съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ. Вхожу. Сидитъ господинъ довольно приличной наружности, съ ленточкой Владиміра въ петлицѣ. Кланяюсь.

— Здравствуйте! обратился ко мнѣ Горемыкинъ:—это вы посылали чиновника Родіонова за справкой?

— Я.

— Какъ же вы осмѣлились развѣдывать государственныя тайны?

— Никакихъ государственныхъ тайнъ я не посылалъ развѣдывать, а послалъ за справкой, почему III-е Отдѣленіе не отвѣчаетъ на запросъ лично обо мнѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, и послалъ съ разрѣшенія моего начальства, такъ какъ мнѣ самому, какъ состоящему на службѣ, сходить было нѣкогда.

— Кто вамъ сказалъ о сдѣланномъ намъ запросѣ?

— Правитель дѣлъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Капнистъ.

— Онъ не имѣлъ права вамъ этого говорить, а вы провѣрять его слова. Справка, о которой идетъ рѣчь, составляетъ секретъ.

— Для васъ — да! для меня — нѣтъ! Ничего дурного сказать вы обо мнѣ не можете: въ политическихъ демонстраціяхъ я не участвовалъ, подъ надзоромъ полиціи не состою, къ тайнымъ обществамъ не принадлежу, образа мыслей, опаснаго для общества или для правительства, не придерживаюсь, по суду не опороченъ, служба безупречна, поведеніе—вполнѣ достойное офицера и гражданина. И все это подтверждено въ свидѣтельствѣ, выданномъ мнѣ начальникомъ Главнаго Штаба и представленномъ мною въ Главное Управленіе по дѣламъ печати. Какіе же, послѣ этого, могутъ быть у васъ секреты обо мнѣ? Я не только къ вамъ, но и къ государю могу идти и просить, что мнѣ нужно.

— Все это очень хорошо, но вы затѣваете издавать журналъ, вы не одни будете издавать, у васъ будутъ сотрудники?

— Да, будутъ.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Мировой судья Ольхинъ, его братъ, служащій въ министерствѣ финансовъ, изъ литераторовъ: Павловъ, Карновичъ, Кушакевичъ, Зарубинъ и другіе.

— Это все люди либеральнаго образа мыслей, а Павловъ даже былъ высланъ. Вращаясь въ средѣ подобныхъ людей, вы легко могли проникнуться дурными идеями; намъ нужно узнать это все.

— Узнать было довольно времени, вы держите справку почти два мѣсяца, а это меня разорить можетъ.

— Позвольте, вы слишкомъ себѣ позволяете... Только я одинъ могу судить, сколько мнѣ нужно времени для наведенія справокъ о васъ и вашихъ будущихъ сотрудникахъ... При такомъ образѣ

мыслей, вы едва ли можете быть полезнымъ руководителемъ народа и солдатъ.

— Предоставьте это знать моему начальству.

— Но!.. довольно!.. можете идти!...

Я отправился къ начальнику Главнаго Штаба и передалъ ему весь разговоръ мой съ Горемыкинымъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и сказалъ: — «Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ кажется уже пріѣхалъ, скажите въ канцеляріи, чтобы написали ему отъ меня письмо о васъ».

16-го ноября, графъ Гейденъ писалъ Похвисневу слѣдующее: «Во ввѣренное вамъ управленіе поступило ходатайство состоящаго при Главномъ Штабѣ поручика Мартьянова объ утвержденіи его въ званіи редактора журнала «Солдатская Бесѣда». Признавая необходимымъ, чтобы во главѣ изданія, предназначеннаго для нижнихъ чиновъ, стоялъ человѣкъ хорошо знающій бытъ солдата и его потребности, энергическій и способный, могущій придать журналу соотвѣтственное видамъ военнаго министерства направленіе, и причисляя къ разряду такихъ лицъ поручика Мартьянова, я долгомъ поставляю обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбой: не признаете ли возможнымъ ускорить утвержденіемъ помянутаго офицера въ званіи редактора и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Гейденъ доложилъ о моемъ дѣлѣ военному министру, и по приказанію послѣдняго было написано письмо къ военному цензору, генералъ-лейтенанту Штюрмеру, о содѣйствіи къ скорѣйшему разрѣшенію моего ходатайства.

Письмо къ Похвисневу на утро я отвезъ и вручилъ Михаилу Николаевичу лично. Онъ вышелъ ко мнѣ заспанный, въ халатѣ. Прочитавъ письмо, приложилъ руку ко лбу и, подумавъ немного, сказалъ: — Не помню!.. кажется, такого представленія у насъ не было... впрочемъ, я прикажу справиться. Что окажется—увѣдомлю, или лучше, пойду гулять, самъ зайду къ графу Ѳедору Логгиновичу, такъ и скажите ему.

Генералъ Штюрмеръ, отъ 19-го ноября, отвѣчалъ: «Дѣло объ утвержденіи редакторомъ «Солдатской Бесѣды» извѣстнаго и мнѣ, по своимъ литературнымъ способностямъ, поручика Мартьянова еще не рѣшено, но начальникъ Главнаго Управленія цензуры принимаетъ въ просьбѣ г. Мартьянова живое участіе и надѣется устранить препятствія къ удовлетворительному его рѣшенію».

Изъ письма этого оказалось, что возникли какія-то препятствія. Но какія? откуда? Со стороны ли Горемыкина, или Капниста,— я не зналъ, какъ не зналъ и того, чѣмъ помочь дѣлу, такъ неожиданно подорванному въ самомъ началѣ. До конца года оставался одинъ мѣсяцъ: сотрудники, въ виду затрудненій со стороны цензуры, не знали, къ какому времени нуженъ будетъ матеріалъ

для журнала и одинъ за другимъ отказывались. И. И. Глазуновъ нашелъ положительно невозможнымъ отпечатать въ декабрѣ всѣ восемь книжекъ. «Все, что можно сдѣлать, прибавилъ онъ, это напечатать двѣ книжки, и то если нужный матеріалъ будетъ доставленъ въ началѣ декабря». Благопріятное для подписки время уходило. Объявленія о подпискѣ, обыкновенно, начинаютъ дѣлать съ октября, дабы подписчики могли заблаговременно знать о выходѣ журналовъ и подписаться. Начать же подписку въ декабрѣ—значило бы потерпѣть полнѣйшую неудачу, такъ какъ подписчики, въ особенности части войскъ, на которыя я болѣе всего долженъ былъ разсчитывать, большею частью, подписку уже сдѣлали. Положеніе становилось критическимъ; но я все еще ждалъ, не теряя надежды, разрѣшенія.

Но вотъ прошолъ ноябрь и наступилъ декабрь, а разрѣшенія нѣтъ, какъ нѣтъ! Начальство, встрѣчаясь со мной, освѣдомлялось и покачивало головой, товарищи подсмѣивались. Единственной отрадой въ это тяжелое для меня время было личное представленіе мое военному министру, генералъ-адъютанту Милютину.

Дмитрій Алексѣевичъ навѣщалъ иногда графа Гейдена, имѣвшаго квартиру въ зданіи Главнаго Штаба. Онъ прямо проходилъ къ нему въ кабинетъ, бесѣдовалъ, а изрѣдка поднимался на верхъ и посѣщалъ Главный Штабъ.

Кстати, мнѣ припомнился одинъ курьезный случай.

Въ пріемной графа дежурилъ молодой офицеръ, прикомандированный къ Штабу для зачисленія на должность чиновника для порученій. Не зналъ ли онъ министра, или хотѣлъ выдвинуться особой пунктуальностью службы, только, когда генералъ Милютинъ, войдя въ пріемную, направился прямо въ кабинетъ графа, онъ загородилъ ему дорогу и внушительно проговорилъ:—«позвольте, ваше высокопревосходительство, къ графу нельзя входить безъ доклада».

— Какъ нельзя! возразилъ озадаченный министръ: да развѣ вы меня не знаете? я—военный министръ...

Офицеръ сконфузился, но захотѣлъ выдержать характеръ до конца и отвѣчалъ: — «все-таки, ваше высокопревосходительство, позвольте доложить».

Генералъ-адъютанту Милютину пришлось отойти къ окну и стать какъ бы въ положеніе просителя. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ двери кабинета распахнулись и графъ Ѳедоръ Логгиновичъ, весь красный отъ волненія, бросился къ министру съ извиненіями.

— Вотъ какъ, графъ, замѣтилъ ему Дмитрій Алексѣевичъ, нынче ваши адъютанты меня уже не узнаютъ.

Бѣдный поручикъ на другой же день былъ отчисленъ въ полкъ.

Но возвратимся къ моимъ «Бесѣдамъ».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній министромъ Главнаго Штаба,

когда онъ проходилъ чрезъ наше отдѣленіе въ Ученый Комитетъ, онъ былъ остановленъ графомъ у моего стола.

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, тотъ офицеръ, сказалъ графъ, о которомъ я вамъ докладывалъ. Онъ пріобрѣлъ отъ Дерикера право на «Солдатскую Бесѣду» и теперь хлопочетъ объ утвержденіи его въ званіи редактора.

Дмитрій Алексѣевичъ подалъ мнѣ руку и спросилъ: — ну, что же, какъ у васъ идетъ дѣло?

Я было сталъ развивать картину возникшихъ затрудненій, но онъ перебилъ меня: — Да, я знаю... но все же есть надежда, что вы получите желаемое.

Я молчалъ.

— А я испросилъ, продолжалъ министръ, по просьбѣ Дерикера, на удовлетвореніе вашихъ подписчиковъ пособіе.

Не зная ничего о просьбѣ Дерикера, я счелъ долгомъ поблагодарить Дмитрія Алексѣевича за его покровительство изданію, и когда онъ ушелъ, бросился въ канцелярію за справкою. Оказалось, что Дерикеръ получилъ уже ассигнованное журналу пособіе.

Передъ праздникомъ Рождества, въ видѣ подарка на ёлку, я получилъ, чрезъ полицію, увѣдомленіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати, что ходатайство мое объ утвержденіи меня въ званіи редактора «Бесѣдъ» уважено быть не можетъ. Причинъ отказа не приведено.

На утро, графъ Гейденъ, вѣроятно, получившій подобное же увѣдомленіе, пригласилъ меня къ себѣ и съ участіемъ спросилъ:— вамъ отказали?

— Отказали, ваше сіятельство.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Выждать время... я такъ пораженъ отказомъ, что теперь ничего не могу сообразить.

— Очень жаль!.. но что дѣлать!.. впрочемъ, если что нибудь надумаете, обратитесь къ Григорью Васильевичу, онъ мнѣ доложилъ...

И искренно, съ видимымъ сочувствіемъ къ моему горю, пожалъ мнѣ руку.

Таковъ былъ финалъ злополучной попытки возобновить изданіе «Бесѣдъ». Но я не отчаявался поправить дѣло. Лѣтомъ 1868 года, я думалъ возобновить мое ходатайство, съ тѣмъ, чтобы начать изданіе въ 1869 году. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. А. Ѳ. Погосскій вернулся изъ-за-границы и основалъ, въ 1868 году, новый журналъ «Досугъ и Дѣло». Изданіе это, въ первый же годъ своего существованія, пріобрѣло болѣе 5,000 подписчиковъ. Конкуррировать съ такимъ талантливымъ издателемъ, какъ Погосскій, при существованіи еще журнала Гейрота, было трудно, и я счелъ за лучшее отложить возобновленіе «Бесѣдъ» до болѣе благопріятныхъ временъ.

Но долго еще друзья-товарищи посмѣивались надъ моимъ редакторствомъ. Одинъ остроумный каррикатуристъ (Іевлевъ) нарисовалъ даже каррикатуру «Мартьяновскія Бесѣды». Представлена была аудиторія, переполненная солдатами и народомъ. Я пробираюсь на каѳедру, держа въ рукахъ «Бесѣды». На послѣдней ступенькѣ меня останавливаютъ жандармы. Одинъ («жандармъ права» съ лицемъ Горемыкина) говоритъ мнѣ:—«позвольте, вы бесѣдовать не можете, вы нарушаете государственныя тайны». Другой же («жандармъ мысли» съ лицемъ Капниста) отбираетъ отъ меня «Бесѣды», говоря:—«извините... я только исполняю, что приказано».

Сохранилась ли эта каррикатура? Набросана она и зло, и мѣтко.

П. Мартьяновъ.

УГОРСКІЕ НАРОДЫ [1].

ИНСКОЕ научное общество вообще очень дѣятельно и не проходитъ мѣсяца, чтобы оно не выпускало, болѣе или менѣе важныя по результатамъ, изслѣдованія своихъ членовъ. Еще очень недавно вышла въ свѣтъ крайне любопытная книга доктора Буха о вотякахъ, а теперь появилось полное интереса изслѣдованіе профессора Алквиста. Послѣ Кастрена врядъ ли можно отъискать такого знатока урало-алтайскихъ языковъ, каковъ почтенный профессоръ Гельсингфорскаго университета, посвятившій всю жизнь свою на изученіе народовъ этой отрасли, начиная отъ береговъ Ботническаго залива и кончая съ одной стороны широкою Обью, а съ другой — нижнимъ теченіемъ Волги. На этотъ разъ на судъ публики является плодъ многолѣтнихъ трудовъ г. Алквиста среди остатковъ чисто угорской семьи урало-алтайцевъ, причемъ авторъ явился въ среду изслѣдуемыхъ имъ народовъ во всеоружіи знанія ихъ языковъ, а слѣдовательно могъ видѣть и слышать то, чего другіе изслѣдователи, при всемъ желаніи съ ихъ стороны, видѣть и слышать не могли.

Не желая слѣдовать по, такъ сказать, торнымъ дорогамъ, г. Алквистъ избралъ такой путь, гдѣ онъ могъ встрѣтить незатронутыхъ еще огрызками культурности угровъ; теченія рѣкъ Сосвы, Вышмы, Тапсы, Пелыми, Тавды, Туры, Конды и наконецъ громадной Оби обслѣдованы были самымъ тщательнымъ образомъ, причемъ авторъ

---

[1]) Unter Ostjaken und Wogulen.—Reisebriefe und Ethnographische Mittheilungen von Aug. Ahlqvist (Среди Остяковъ и Вогуловъ. — Путевыя письма и этнографическія сообщенія Авг. Алквиста).

постоянно находился въ прямыхъ и самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, какъ съ вогулами, такъ и съ остяками, которые не видѣли въ немъ чиновника, а потому и говорили съ нимъ, не стѣсняясь. Въ наши цѣли отнюдь не входитъ слѣдить шагъ за шагомъ автора и мы постараемся лишь дать общій очеркъ добытыхъ имъ результатовъ.

При этомъ считаемъ долгомъ выразить финскому научному обществу искреннюю признательность за оказанную имъ намъ любезность. По порученію редакціи «Историческаго Вѣстника» мы обратились, черезъ посредство г. Алквиста, въ общество съ просьбой о разрѣшеніи воспроизвести въ нашей статьѣ нѣкоторые рисунки изъ изданнаго имъ изслѣдованія г. Алквиста. Общество съ полной готовностью и безвозмездно представило въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» клише тѣхъ рисунковъ, которыми мы желаемъ иллюстрировать нашу статью.

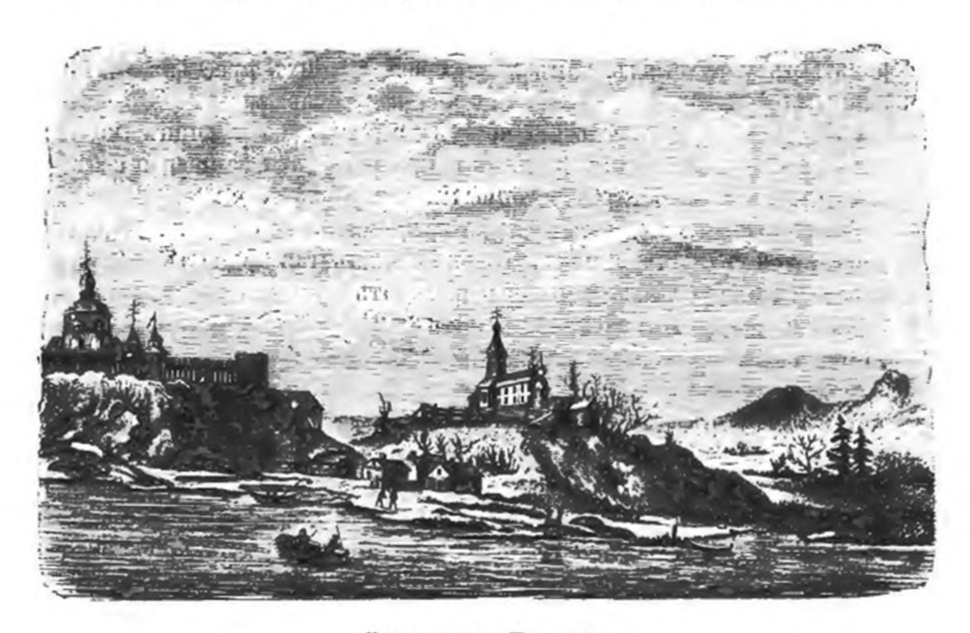
Вогулы (маньсъ) и остяки (хонда) считаютъ練 угрaми (ор или йорынъ-яхъ) только самоѣдовъ, а себя любятъ называть по тѣмъ рѣкамъ, на берегахъ которыхъ они живутъ. Много было уже говорено объ этихъ народахъ въ литературѣ, и въ то время, какъ нѣкоторые писатели старались доказать живучесть ихъ и культурную способность, другіе, напротивъ, утверждали, что они должны неминуемо вымереть. Но причиною такого вымиранія отнюдь нельзя считать, по словамъ г. Алквиста, систематическое спаиваніе туземцевъ водкою, а скорѣе неспособность ихъ примѣниться къ новымъ условіямъ жизни, которыя устанавливаются на Оби. Но кто же, спрашивается, замѣнитъ здѣсь эти племена? Русскіе переселенцы отнюдь не способны къ колонизаціи этого обширнаго и богатаго края и остается лишь одинъ народъ, который съ давнихъ поръ уже старается забрать весь край въ свои умѣлыя руки. Ловкій, довольствующійся малымъ, дѣятельный и разсчетливый зырянинъ, всегда лучше русскаго, который успѣлъ на легкихъ хлѣбахъ облѣниться, съумѣетъ воспользоваться дарами страны; само собою разумѣется, что русскіе понимаютъ превосходство зырянъ и стараются всячески помѣшать имъ забрать Обь въ свои руки; остякъ увѣряетъ, что пришлые изъ за Калися (сѣверный Уралъ) зыряне воруютъ у нихъ оленей и грабятъ ихъ лѣсныя мольбища, а русскій кричитъ, что зырянинъ хуже еврея, но все же сильно его побаивается, такъ какъ, неравенъ часъ, зырянинъ его околдуетъ; какъ русскій, такъ и остякъ, видитъ въ зырянинѣ будущаго владѣльца этой страны, со всѣми ея богатствами, и старается поэтому, насколько у него хватаетъ силъ и возможности, помѣшать его водворенію въ краѣ. «Нѣсколько разъ уже», говоритъ почтенный авторъ «ходатайствовали зыряне, чтобы имъ дозволили поселиться на р. Надымѣ, впа-

дающей въ Обскую губу, но всѣ ихъ старанія остались до сихъ поръ тщетными», благодаря противодѣйствію мѣстныхъ властей, которымъ вѣроятно гораздо удобнѣе управляться съ неразвитыми остяками, нежели съ предпріимчивыми зырянами. «Только этотъ народъ, продолжаетъ г. Алквистъ, и можетъ покорить для культуры эту страну. Русское населеніе въ этомъ столѣтіи почти совершенно не умножилось и осталось все на тѣхъ же давно насиженныхъ предками мѣстахъ; остяцко-вогульское населеніе вымираетъ съ каждымъ годомъ, тогда какъ зыряне представляютъ собою плодовитое и крѣпкое племя, которое, словно, создано для звѣроловства, оленеводства и рыбной ловли, а также и вообще для культуры». Они завели уже у себя посѣвы вплоть до 65° сѣверной широты; здѣсь они могутъ завести на нижнемъ и среднемъ теченіи Оби обширное скотоводство при своей умѣлости удесятерить ежегодный уловъ рыбы. Пока еще дозволятъ, однако, зырянамъ заселить долины Сосвы и Оби пройдетъ еще много лѣтъ и оба интересующіе насъ народа успѣютъ пожалуй окончательно вымереть.

Внѣшній видъ остяковъ и вогуловъ вовсе не такъ некрасивъ, какъ это предполагали тѣ, кому приводилось видѣть лишь испившіеся экземпляры, попадавшіеся путешественникамъ въ немногихъ русскихъ поселеніяхъ. Глаза остяковъ, напримѣръ, часто напоминаютъ глаза монголовъ, но зачастую имѣютъ круглую и притомъ открытую прорѣзь, причемъ цвѣтъ ириса то темнокоричневый, то черный; болѣзни глазъ встрѣчаются очень часто, благодаря неудобству и грязи жилищъ. Скулы выдаются у многихъ лишь въ очень незначительной степени, хотя въ наукѣ и держится совершенно противуположное убѣжденіе; носъ зачастую прямъ и только лишь въ нижней части своей слишкомъ уже широкъ, что можно видѣть и на изображеніяхъ идоловъ; подбородокъ острый и при томъ нѣсколько выдающійся, ротъ часто широкъ, причемъ губы достигаютъ значительной толщины, что совершенно противурѣчитъ женскимъ узкимъ губамъ; волосы въ большинствѣ случаевъ черные, хотя иногда и встрѣчаются темнокаштановые при самомъ незначительномъ числѣ бѣлокурыхъ экземпляровъ, которые по большей части чаще встрѣчаются среди вогуловъ. Сѣвернѣе Березова носятъ и остяки и сосвинскіе вогулы волосы заплетенными въ двѣ косы, но многіе успѣли уже заимствовать русскую прическу; напротивъ того на югѣ Березова косы попадаются очень рѣдко. У обоихъ народовъ руки очень изящны и притомъ очень малы, что служитъ какъ бы подтвержденіемъ гипотезы однаго ученаго объ угорскомъ доисторическомъ населеніи Европы. Внѣшніе углы глазной орбиты сильно приподняты, что приближаетъ угорскіе народы къ основному типу желтой расы; самые глаза малы, глубоко посажены и ирисъ самыхъ темныхъ оттѣнковъ. Интересно, что по строенію че-

репа оба народа очень напоминаютъ чистыхъ финновъ, хотя по внѣшности они болѣе похожи на лопарей.

Остякъ не плодовитъ, да къ тому же, вслѣдствіе дурныхъ условій и плохой пищи, дѣти его подвержены непомѣрной смертности, которая достигаетъ зачастую 75% всего числа дѣтей; многія пары остаются на всегда бездѣтными, да кромѣ того, многіе мужчины остаются неженатыми, такъ какъ пріобрѣтеніе себѣ жены стоитъ такъ дорого, что большинству приходится отказаться отъ семейной жизни. Рѣдко способенъ остякъ выплатить калымъ немедленно и обыкновенно уплата производится въ теченіи двухъ, иногда даже и болѣе, лѣтъ, такъ что, ради избѣжанія уплаты, остяцкій кава-

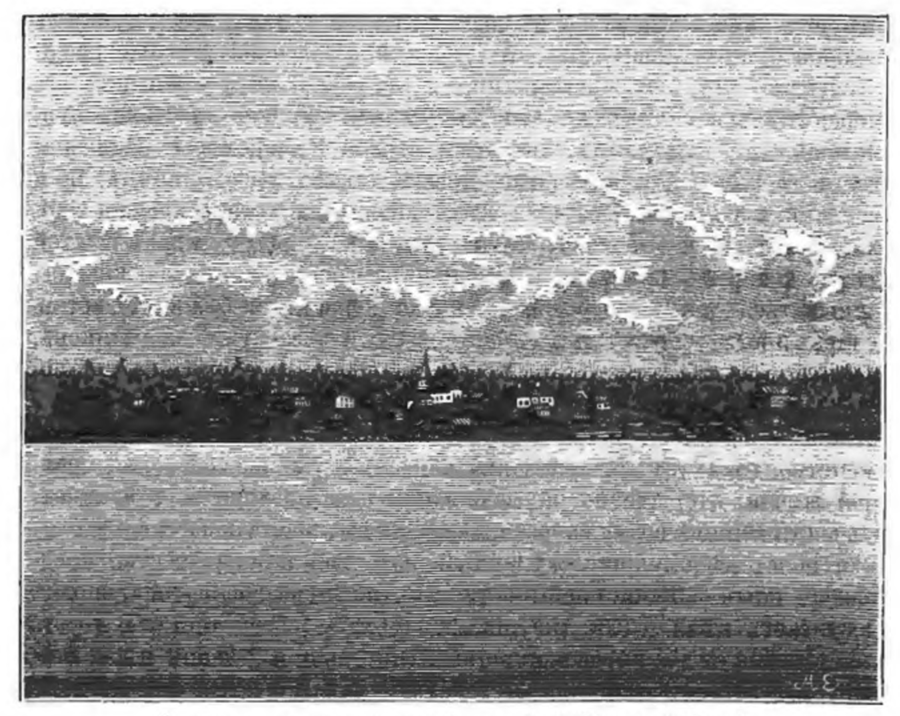
Видъ города Березова.

леръ уговариваетъ свою возлюбленную на уходъ; къ сожалѣнію, мѣстные ревнители всяческихъ «основъ» строжайшимъ образомъ преслѣдуютъ подобные уходы и тѣмъ съ одной стороны поощряютъ сожительство и развратъ, а съ другой—лишаютъ народъ возможности плодиться. Для примѣра затруднительности уплаты калыма, авторъ разсказываетъ объ одномъ остякѣ изъ Ендыра, который настолько счастливъ, что имѣетъ утѣху жизни, купленную имъ за 150 рублей; деньги были заняты имъ у Сухоруковскаго священника, о. Іоанна; уплата долга производилась кедровыми орѣхами, цѣнимыми за пудъ по 70 коп., тогда какъ они на худой конецъ стоятъ 1 руб. 10 коп.; въ уплату принимались оленьи шкуры за 50% ихъ стоимости, а также и соболя; весь долгъ былъ уплаченъ

въ 14 лѣтъ. Само собою разумѣется, что, пріобрѣтя за такія непомѣрныя деньги предметъ роскоши, остякъ съ нимъ не церемонится и женщина пользуется такими же правами, какъ олень или собака, которыхъ хозяинъ можетъ и любить и убить по своему усмотрѣнію. Каждый любящій отецъ семейства старается заблаговременно обезпечить для малолѣтняго еще сына удовольствіе имѣть жену и, такъ какъ по остяцкой пословицѣ: «покупай оленя теленкомъ, а жену—дитею», то нерѣдко можно видѣть, въ особенности на сѣверѣ, десяти-лѣтнихъ мужа и жену; случается, что отцы покупаютъ своимъ малолѣтнимъ сыновьямъ и взрослыхъ женъ, но тутъ они дѣйствуютъ уже отнюдь не въ выгодахъ сына, такъ какъ думаютъ больше о себѣ; извѣстное въ Россіи преступленіе развито среди угорскихъ народовъ чрезвычайно, и напрасно авторъ считаетъ его перенятымъ у русскихъ, такъ какъ среди нашихъ крестьянъ отъявленными «снохачами» считаются мордва и черемисы. Изъ опасенія ли увода или вслѣдствіе иныхъ какихъ либо причинъ, но и остячки и вогулки носятъ на лицѣ покрывала, хотя, закрывая себѣ лицо, отнюдь не заботятся о сокрытіи нѣкоторыхъ иныхъ частей тѣла, которыя, по нашимъ воззрѣніямъ, всего скорѣе должны бы скрываться отъ постороннихъ. Только непокрытая бѣдность заставляетъ иногда русскихъ женщинъ выходить за-мужъ за остяковъ, которые, однако, охотно скрещиваются съ ними, въ виду отсутствія въ такомъ случаѣ калыма. Хотя угорскіе народы и считаются христіанами, однако, все же нерѣдко можно встрѣтить здѣсь многоженство; въ 12-13 лѣтъ дѣвушка считается уже способною къ брачной жизни, что, однако, не мало вліяетъ на плодовитость браковъ. Съ достиженіемъ возмужалости, дѣвушка начинаетъ носить «вурыпъ» или поясъ цѣломудрія, сдѣланный изъ кожи или бересты, предназначенный для чистоплотности, что, по увѣренію Финша, вполнѣ достигаетъ цѣли. Если дѣвушка не соблюла своей чистоты, то это не ставится ей въ упрекъ и лишь нѣкоторыя, успѣвшія нѣсколько обрусѣть вогулки находятъ неудобнымъ приводить съ собою въ домъ мужа чужого ребенка; знатоки увѣряютъ, что не найдется тринадцатилѣтней дѣвушки, которая соблюла бы свою дѣвственность до этого возраста; мѣстные жители совершенно серьезно увѣряютъ даже, что остячки такъ и родятся женщинами и только въ рѣдкихъ случаяхъ на свадебномъ пиру, въ случаѣ неожиданнаго счастія для младожена, бьютъ посуду отъ радости и обсыпаютъ пухомъ родителей молодой при обычномъ разочарованіи въ ожиданіяхъ.

Если бы для того, чтобы превратить человѣка въ христіанина, было достаточно одного крещенія, то, конечно, оба угорскіе народа могли бы быть, за весьма лишь немногими исключеніями, признаны христіанами; но въ томъ-то и дѣло, что рука-объ-руку съ этимъ обрядомъ вовсе не идетъ подготовка крещающихся къ принятію великихъ христіанскихъ истинъ, все поддѣлывается подъ ладъ

ихъ же прежнихъ суевѣрій и новокрещенцы остаются на-вѣки все тѣми же язычниками, съ тою лишь разницею, что всѣ обязанности ихъ шамановъ принимаютъ на себя священники, по развитію очень не далеко ушедшіе отъ своихъ предшественниковъ. Страннѣе всего, что масса языческихъ суевѣрій только увеличивается новыми, заимствованными изъ житій и т. п. источниковъ, и слѣдствіемъ такого поведенія священниковъ является ящичекъ съ божками, который найдется во всякомъ домѣ, а любимый божокъ — въ карманѣ остяка, когда онъ находится на рыбной ловлѣ или на охотѣ; божку

Сортинье—русское поселеніе на рѣкѣ Сѣверной Сосвѣ.

этому обиваютъ лицо то жестью, а то и серебромъ, а остяцкій князь Тайшинъ употребилъ на эту богоугодную потребу то блюдо, которое было пожаловано ему императоромъ Николаемъ I. Обыкновенно эти идолы состоятъ изъ куска дерева, верхушка котораго обдѣлана въ нѣкоторое подобіе человѣческаго лица; на божка надѣвается рубаха изъ цвѣтнаго сукна, украшеннаго золотыми и серебряными позументами. Тѣ идолы, которые стоятъ по лѣсамъ, часто бываютъ очень толсты, такъ какъ доброхотные датели, обязанные имъ избавленіемъ отъ той или другой опасности или же добрымъ уловомъ и полѣсованьемъ, напяливаютъ на нихъ по нѣскольку сукон-

ныхъ рубахъ, навѣшиваютъ шкуръ, разныхъ мелкихъ вещицъ, кладутъ подлѣ нихъ даже деньги, а самимъ божкамъ вымазываютъ рты муксуньимъ жиромъ и оленьею кровью. Раза два въ годъ предъ особенно почитаемыми богами приносятся какъ бы общественныя жертвоприношенія, гдѣ убиваются олени, лошади, но чаще всего пѣтухи. И лошади и пѣтухи, считающіеся самою пріятною для боговъ жертвою, покупаются у русскихъ, такъ какъ сами остяки и вогулы не водятъ ни тѣхъ, ни другихъ. Непривычный путешественникъ будетъ очень удивленъ, когда въ пріобской русской деревнѣ спросятъ съ него рубль за курицу и два рубля за пѣтуха; но въ томъ-то и дѣло, что птицы эти разводятся съ спеціальною цѣлью быть проданными потомъ остякамъ; зачастую и мѣстные священники не брезгаютъ разводить сію выгодную для нихъ статью. Впрочемъ, какъ ни просты съ лица угорскіе боги, однако, они и не думаютъ брезгать болѣе богатыми приношеніями, въ родѣ соболей, зелененькихъ и синенькихъ бумажекъ, что̀, скажемъ между строкъ, весьма на̀-руку захожему зырянину, да и нашему русскому человѣку, что «простъ» на̀-руку. Въ тяжолое время случается, что туземцы отправляются къ своимъ богамъ и занимаютъ у нихъ то, что еще не унесено зырянами и русскими; не отдать этого долга—бѣда, такъ какъ боги накажутъ такого невѣрнаго должника, отнявъ у него все, что онъ имѣетъ. Что это за боги такіе — узнать рѣшительно невозможно, такъ какъ въ угорскомъ миѳологическомъ канонѣ царствуетъ путаница невообразимая; кромѣ того, всякому изъ писавшихъ объ этомъ дѣлѣ путешественниковъ трудно было стать, по малой своей приготовленности, къ такого рода изслѣдованіямъ, на остяцкую, напримѣръ, точку зрѣнія, а съ другой стороны, едва эти изслѣдователи начинали разговоръ о религіи, какъ туземцы незамѣтно начинали отмалчиваться, отнѣкиваться незнаніемъ и т. п. Главныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заимствуются обыкновенно позднѣйшими путешественниками у своихъ предшественниковъ, которые всѣ, какъ оказывается, черпали полною рукой у нѣкоего священника Вологодскаго, писавшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія о религіи угорскихъ народовъ въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а что онъ зналъ и писалъ, то вотъ образчики. Нашелъ сей изслѣдователь у остяковъ бога «Мастеръ» или «Мастерко», мѣстопребываніе котораго находилось на мысу, при сліяніи Иртыша съ Обью, куда на поклоненіе къ нему сходились и остяки и даже вогулы и самоѣды; бога этого туземцы называютъ «турымъ—ас-теръ», т. е. Оби корня богъ, такъ какъ Обь по ихнему «асъ», а отецъ Вологодскій, ничто же сумняшеся, взялъ да и прибавилъ послѣднюю букву слова «турымъ»—богъ къ принятому имъ за одно слово «ас-теръ»; потомъ и пошли уже разныя хитроплетенія, въ родѣ приравненія «Мастера» къ нашему русскому «мастеру», а такъ какъ для русскихъ,

все-таки, этотъ божокъ являлся чѣмъ-то низкимъ, достойнымъ презрѣнія, то и пошелъ на потребу Финшей и другихъ довѣрчивыхъ людей никогда несуществовавшій на свѣтѣ «мастерко». Точно также и остальныя имена боговъ, встрѣчающіяся у Эрмана, Кастрена, Финша и Полякова, ничто иное, какъ имена нарицательныя; напримѣръ: «ортикъ» значитъ—господинъ, «менкъ» и «куль»—чортъ. злой, «лоньхъ»—идолъ, «урт-иге»—господинъ старый, и, наконецъ, «сорни-турымъ»—золотой (дорогой) богъ. Чѣмъ-то въ родѣ бога считается, вѣроятно, и медвѣдь, такъ какъ убіеніе его сопровождается

Драматическое представленіе у вогуловъ.

особымъ пиромъ, танцами и шутками, образчикъ которыхъ описываетъ авторъ въ своей интересной книгѣ. «Торжественное представленіе устроено было ввечеру въ одной изъ горницъ Сортиньскаго волостнаго правленія, гдѣ у одной изъ стѣнъ, на столѣ была разложена медвѣжья шкура такимъ образомъ, чтобы казалось, что медвѣдь лезетъ на столъ и положилъ уже на него свою морду и лапы. Въ каждую глазную впадину всунули по серебряной монетѣ, а на когти понадѣвали колецъ; возлѣ медвѣдя сидѣлъ человѣкъ, изображавшій его побѣдителя, а о-бокъ съ нимъ помѣщался другой, который держалъ въ рукахъ нѣчто въ родѣ арфы и былъ музыкантомъ. На скамьяхъ и на полу сидѣла масса зрителей, вогуловъ

и русскихъ, мы помѣщались на почетной лавкѣ, а актеры одѣвались и гримировались въ другой комнатѣ. Самое представленіе началось съ того, что на сцену вышелъ замаскированный человѣкъ; маска его была сдѣлана изъ бересты и снабжена была, какъ и всѣ остальныя маски, очень комичнымъ длиннымъ носомъ, что, вѣроятно, и дало народу поводъ называть маску вообще—«лычнымъ носомъ». Вошедшій началъ монологъ, гдѣ онъ, между всевозможною похвальбою, хвастался также своею силою и мужествомъ, количествомъ перебитыхъ имъ на своемъ вѣку медвѣдей, съ которыми лежащій передъ нимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравняться, такъ какъ это не медвѣдь, а только медвѣженокъ. Но на бѣду тутъ-то именно и увидалъ онъ нечаянно бѣличій хвостикъ, который одинъ изъ публики совершенно будто бы незамѣтно привязялъ ему къ ногѣ... Актеръ пугается невѣроятно, начинаетъ весь трястись, кричитъ и взываетъ о помощи, падаетъ, наконецъ, на полъ и всяческими ужимками выражаетъ свой неописанный ужасъ предъ чудовищемъ, которое, какъ ему кажется, впилось ему въ ноги. Ясно, что цѣль представленія была въ этомъ трусливомъ человѣкѣ выставить рѣзче контрастъ съ мужественнымъ охотникомъ, гордо засѣдавшимъ за столомъ подлѣ своей добычи. Послѣ этого начался цѣлый рядъ маленькихъ драматическихъ сценокъ, большинство которыхъ исполнялось всего лишь двумя лицами; интересно, что всѣ эти отдѣльныя сценки отнюдь не имѣютъ никакой внутренней связи съ предметомъ празднества, но представляли картинки изъ жизни вогуловъ. Такъ, напримѣръ, въ первой сценкѣ появился, прежде всего, русскій городской купецъ или мѣщанинъ, котораго тотчасъ же можно было узнать потому, что къ его маскѣ прикрѣплена была длинная сѣдая борода; онъ вошелъ въ юрту вогула съ цѣлью купить у него полѣсовную добычу. Само собою разумѣется, что русскій, не приступая еще къ переговорамъ о цѣнѣ, вынимаетъ изъ кармана бутылку водки, и полагаетъ, что при помощи этого средства ему удастся и скоро, и не безъ выгоды для себя, обойти довѣрчиваго и падкаго на водку туземца. На повѣрку выходитъ, однако, что вогулъ себѣ-на-умѣ; пока въ бутылкѣ есть еще водка, онъ, повидимому, склоненъ уступить все чуть не за даромъ своему амфитріону, но едва послѣдняя капля драгоцѣнной жидкости выпита, какъ онъ объявляетъ, что не можетъ продать ничего, такъ какъ, къ великому своему прискорбію, запродалъ уже свой товаръ другому. Русскіе зрители отнеслись къ этой насмѣшкѣ совершенно благодушно и отъ души смѣялись надъ своимъ одураченнымъ соотечественникомъ. Въ слѣдующей сценѣ выступили уже мать и дочь, которыя собирали въ лѣсу ягоды; и эти роли исполнялись мужчинами, которые были одѣты въ женское платье, но на этотъ разъ были уже безъ масокъ, хотя лица ихъ были закрыты платками, какъ это можно наблюдать у всѣхъ угорскихъ женщинъ.

Остячки съ рѣки Конды.

Не смотря на усиленныя предостереженія матери, дочь, все-таки, слишкомъ далеко заходитъ въ лѣсъ и въ концѣ-концовъ оказывается, что она заплуталась; исходъ носитъ отчасти трагическій характеръ, такъ какъ, когда она возвращается къ матери, то оказывается, что лѣшій лишилъ ее невинности. Слѣдующая сценка потѣшается уже надъ вогуломъ, который подъ вліяніемъ знакомства съ русскимъ желаетъ и самъ жить болѣе культурною жизнію; онъ хочетъ завести скотину и покупаетъ корову, которой, однако, онъ прежде въ жизнь свою никогда не видывалъ; понятно, что хозяинъ и приступиться не умѣетъ къ диковинному звѣрю, ведетъ ее домой за хвостъ и въ особенности остроумно доитъ ее; роль коровы разъигрываетъ тоже вогулъ, который выказалъ несомнѣнный талантъ, изображая строптивость удивленнаго животнаго, которое не привыкло, чтобы его доили подобнымъ образомъ. Но верхъ искусства была сцена, исполненная двумя молодыми еще вогулами; одинъ изъ нихъ представлялъ нѣсколько подвыпившаго человѣка, который идетъ по лѣсу въ лунную ночь; нечаянно глаза его опускаются на землю и тутъ-то замѣчаетъ онъ, что возлѣ него идетъ другой какой-то путникъ—его тѣнь; онъ заговариваетъ со своимъ спутникомъ и принимаетъ эхо за его отвѣты; мало-по-малу, актеръ выходитъ изъ себя и начинаетъ что есть мочи колотить палкою грубіяна, повторяющаго его слова и торчащаго постоянно возлѣ него; въ пылу битвы онъ вбѣгаетъ въ густой лѣсъ, куда свѣтъ луны не проникаетъ и рѣшаетъ въ своей головѣ, что надоѣдливый спутникъ спрятался въ кустарникѣ. Довольный своею побѣдою, пьяненькій отправляется домой, а актеръ, изображавшій тѣнь удостоивается похвалъ со стороны зрителей, такъ какъ роль свою онъ исполнилъ блистательно, а роль была отнюдь не изъ легкихъ, въ виду того, что едва пьяненькій поворачивался къ нему спиною, какъ онъ долженъ былъ проскользнуть у него между ногъ, чтобы тотчасъ же оказаться передъ его носомъ. Каждая сценка заканчивалась танцами подъ тактъ музыки; танецъ выплясывается въ одиночку и хотя танцуетъ и много лицъ, но всякій воленъ дѣлать тѣ движенія, которыя ему заблагоразсудятся; онъ состоитъ изъ прыжковъ, сопровождаемыхъ различными тѣлодвиженіями, позами и т. п. Все это производитъ отнюдь не дурное впечатлѣніе, но носитъ комическій отпечатокъ, такъ какъ исполняется мужчинами. Авторъ видѣлъ впослѣдствіи близъ Кондинска тѣ же танцы, но исполняемые уже женщинами и тутъ оказалось, что и женщины угорскихъ народовъ не лишены нѣкотораго стремленія придать танцамъ сладострастный оттѣнокъ, который дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ зачатковъ канкана. Почтенный путешественникъ хотѣлъ дождаться конца представленія, находясь въ полной увѣренности, что все совершается по заранѣе составленному плану; но каково же было его изумленіе, когда оказалось, что подобныя представле-

нія продолжаются иногда два и три дня, да и то сюжеты не исчерпываются вполнѣ; пока есть запасъ водки, до тѣхъ поръ тянется и самое представленіе, такъ что убитый медвѣдь, въ честь котораго устраивается празднество, навѣрное принесетъ счастливому охотнику меньше, чѣмъ онъ истратитъ на угощеніе. Не малую роль въ празднествѣ играетъ и самъ медвѣдь, такъ какъ къ нему обращаются съ теплою рѣчью, гдѣ увѣряютъ его, что его вовсе и не

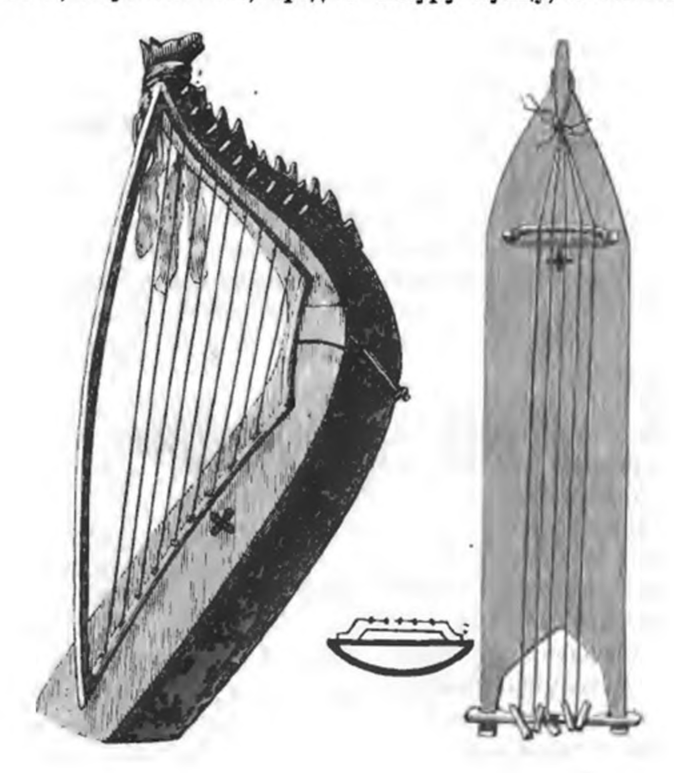
Остяцкіе идолы.

думали убивать, что это самъ онъ наткнулся на сучокъ, что никакого стыда для него отъ этой неловкости нѣтъ, а что, напротивъ того, шкура его будетъ служить для одѣянія знатныхъ людей. Съ головы шкуру никогда не сдираютъ, когти украшаютъ кольцами, въ глазныя впадины вставляютъ серебряные рубли и, въ концѣ концовъ, увѣряютъ «старика», что убитъ онъ не остякомъ, а русскимъ, который выдумалъ порохъ и огнестрѣльное оружіе. Божественное значеніе медвѣдя доказывается еще и тѣмъ, что остяки и вогулы клянутся его зубомъ или когтями.

Профессоръ Алквистъ не соглашается съ общераспространеннымъ въ наукѣ убѣжденіемъ, что остяки и вогулы до чрезвычайности искусны въ выдѣлкѣ разныхъ предметовъ домашняго и промысловаго обихода, но въ то же время свидѣтельствуетъ о томъ, что угорскія женщины дѣйствительно великія искусницы и обладаютъ въ высшей мѣрѣ вкусомъ и стремленіемъ къ изящному; изъ простой бересты онѣ умѣютъ выдѣлать самые разнообразные предметы, причемъ всѣ они сплошь покрыты очень красивыми рисунками, вырѣзанными въ берестѣ отъ руки ножомъ; въ особенности же выказываютъ онѣ свое мастерство въ вышивкахъ и въ украшеніяхъ одежды бусами и гарусомъ. Хотя и недолго оставались угорскіе народы подъ владычествомъ татаръ, но все же вліяніе этихъ послѣднихъ на бытъ обскихъ туземцевъ сказывается на каждомъ шагу; они не ѣдятъ свинины, женщины ихъ закрываютъ лицо, женская одежда есть почти точный сколокъ съ татарской, а главное—большинство, такъ называемыхъ, культурныхъ словъ, какъ напримѣръ: плугъ, соха, коса, рожь, горохъ, хмѣль, хлѣбъ, лошадь, корова, государство, господинъ, рынокъ, мыло и т. п. несомнѣнно татарскаго происхожденія.

Не мало интереса представляетъ у угорскихъ народовъ существующій у нихъ способъ счета времени; самымъ короткимъ мѣриломъ времени является «потъ», что значитъ—котелъ, и соотвѣтствуетъ тому времени, которое потребно на сварку ухи или похлебки. День у остяковъ въ смыслѣ «сутки» особаго наименованія не имѣетъ, а называется составнымъ словомъ «день-ночь»; недѣля называется запросто числительнымъ «семь», подобно мадьярскому языку, мѣсяцъ называется «луна», а годъ—опять-таки «зима-лѣто». Въ году мѣсяцевъ тринадцать и новый годъ начинается съ перваго весенняго новолунія. Замѣчательно, что у угорскихъ народовъ существуютъ зачатки письменъ, которые получили свое начало изъ семейныхъ и родовыхъ тавровъ, свидѣтельствующихъ не только о принадлежности того или другого предмета извѣстному лицу, но зачастую фигурирующихъ въ качествѣ подписей на приговорахъ и документахъ; тавры эти могутъ иногда группироваться и тогда свободно читаются въ видѣ болѣе или менѣе сложной фразы, какъ это намъ случилось уже разъ наблюдать у мордвы, образецъ письма которой былъ выставленъ въ одной изъ витринъ антропологической московской выставки 1879 года. Русскіе принесли къ остякамъ шахматы, шашки и карты, а туземныя удовольствія состоятъ въ танцахъ, музыкѣ, пѣніи и загадываніи загадокъ. Угорскіе народы обладаютъ своимъ народнымъ инструментомъ, который называется «журавлемъ», вѣроятно вслѣдствіе того, что верхняя часть его дѣйствительно вырѣзывается въ формѣ птичьей головы, иногда же—звѣриной; мотивы пѣсенъ представляютъ весьма значительное сходство съ финскими, но отъ нихъ вѣетъ еще большею безнадежностью

и они еще грустнѣе, нежели самая грустная изъ народныхъ финскихъ пѣсенъ; предметы, воспѣваемые въ пѣсняхъ, самые разнообразные: то пѣвецъ жалуется на отвергнутую изъ-за невозможности уплатить калымъ любовь, то зло острить надъ русскимъ торгашемъ, то описываетъ какой нибудь случай на охотѣ, то просто заявляетъ, что «брожу я по лѣсу, по темному лѣсу... соболь бѣжитъ предо мною, я убиваю его, продаю шкуру купцу, а потомъ напи-

Угорская арфа.

ваюсь до-пьяна въ Пелымѣ водкой», или: «ѣду я въ своей лодкѣ по большой рѣкѣ, много рыбы налавливаю я, наѣдаюсь рыбою досыта, самъ наѣдаюсь—пусть и жена моя наѣстся вволю, пусть и дѣти мои наѣдятся до отвала». Въ поэзіи угорскихъ народовъ нѣтъ ни размѣра, ни амгитераціи, ни риѳмы, и пѣсни отличаются отъ обыкновенной прозы лишь тѣмъ, что пѣвецъ старается почаще употреблять какое нибудь слово или основу его; только на Сѣверной Двинѣ, на Ладогѣ и Волгѣ появилась у урало-алтайцевъ дѣйствительная поэзія.

Несомнѣнно, что новый трудъ почтеннаго профессора составляетъ крайне отрадное явленіе въ нашей этнографической литературѣ, какъ и все, что до сихъ поръ выходило изъ-подъ его пера. Къ сожалѣнію, лишь не многое, написанное г. Алквистомъ, переведено на русскій языкъ (намъ извѣстны лишь его «Культурныя слова» въ переводѣ г. Майкова) и большинство его работъ существуетъ лишь на финскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, всѣ его лингвистическія работы, а также и нѣкоторыя этнографическія.

В. Майновъ.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ОСВОБОЖДЕНІЯ АМЕРИКАНСКИХЪ НЕВОЛЬНИКОВЪ.

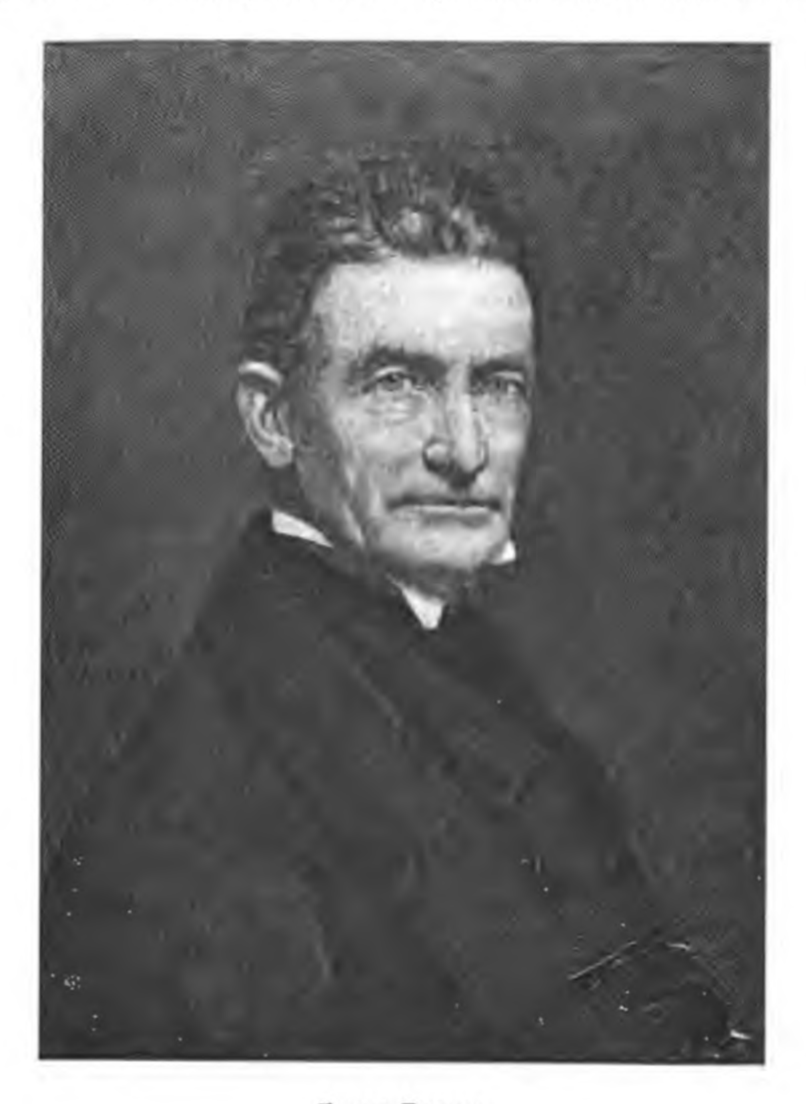

УПРЕКИ нашему времени въ холодности, безсердечіи, эгоизмѣ, стремленіи къ матеріальнымъ выгодамъ, недавно еще повторявшіеся какъ общее мѣсто, слышатся теперь все рѣже и рѣже. Имъ слѣдовало бы и вовсе замолкнуть во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ трехъ великихъ освобожденій, соединенныхъ съ подвигами геройства и самоотверженія: освобожденія Италіи отъ нѣмцевъ, Сѣверныхъ Штатовъ отъ рабовладѣльчества, Россіи отъ крѣпостного состоянія. Два первыя освобожденія осуществились послѣ тяжелой, кровавой борьбы; третье совершилось мирнымъ, безкровнымъ путемъ, но и здѣсь борьба была тяжела и упорна. Теперь, когда нѣтъ ни тираніи мелкихъ итальянскихъ властителей, ни ужасовъ невольничества и крѣпостничества — настоящее положеніе всѣхъ трехъ странъ, гдѣ совершились небывалые историческіе перевороты, является до того естественнымъ, обыкновеннымъ, что прежнее тяжелое прошлое кажется отошедшимъ въ глубь давно минувшихъ временъ. И это свойство человѣка—быстро свыкаться съ улучшеніями, забывая о томъ, какою цѣною они достигнуты, лучше всего доказываетъ, что человѣчество неуклонно идетъ впередъ по пути прогресса и что если усиліямъ ретроградовъ удается на время задержать этотъ ходъ, то вернуть исторію къ прежнимъ временамъ рабства и обскурантизма становится положительно невозможнымъ. Мыслима ли, напримѣръ, теперь продажа рабовъ на какомъ нибудь пространствѣ великой заатлантической республики? Молодое поколѣніе нашего времени даже съ трудомъ представляетъ себѣ, что такое положеніе могло когда нибудь существовать—и многіе изъ нихъ,

конечно, удивятся, если имъ напомнятъ, что четверть вѣка тому назадъ, въ этой свободной республикѣ, людей вѣшали за то, что они хотѣли освободить негровъ. Но если существованіе рабовладѣльцевъ понятно въ монархіи, оно является совершеннымъ абсурдомъ въ странѣ равенства и братства. И однако же этотъ абсурдъ длился почти столѣтіе и уничтоженіе его стоило рѣкъ крови, сотенъ тысячъ людскихъ жизней, милліонныхъ имущественныхъ потерь. Не должно ли послѣ этого все человѣчество радоваться, что въ Россіи подобное уничтоженіе совершилось твердою волею только одного человѣка? Не должны ли мы гордиться этимъ человѣкомъ, стоящимъ выше всѣхъ реформаторовъ, благодѣтелей человѣчества?

Но мы не должны забывать и тѣхъ лицъ, которыя шли по одному пути съ нашимъ великимъ Освободителемъ, хотя дѣйствовали въ другихъ странахъ и при другихъ условіяхъ. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ простой гражданинъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, Джонъ Броунъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ характеровъ республики, посвятившій всю жизнь свою идеѣ освобожденія невольниковъ, типъ безкорыстнаго, безупречнаго аболиціониста, пожертвовавшаго жизнью своимъ великодушнымъ убѣжденіямъ. Глубоко религіозный, строгій пуританинъ, онъ не по буквѣ только, но и по духу, слѣдовалъ ученію евангелія, примѣняя его безусловно къ своей собственной жизни и къ жизни общества. Страданія рабовъ въ южныхъ штатахъ республики съ молодыхъ лѣтъ возбуждали въ немъ негодованіе къ тиранамъ, состраданіе къ ихъ жертвамъ. Съ неукротимою энергіею возставалъ онъ противъ позорнаго рабовладѣльчества, стремясь избавить отъ него свое отечество. Ему не было еще тридцати лѣтъ (родился онъ въ первый годъ нынѣшняго столѣтія) когда онъ принялся за осуществленіе своей идеи, вербуя вездѣ приверженцевъ къ партіи аболиціонистовъ, избавляя отъ рабства множество негровъ и креоловъ, давая имъ возможность бѣжать отъ своихъ господъ и подвергаясь при этомъ серьезнымъ опасностямъ. Съ 1854 года онъ началъ дѣлать экспедиціи противъ рабовладѣльцевъ Канзаса и Миссури, съ цѣлью насильственнаго освобожденія невольниковъ, играя главную роль въ этихъ набѣгахъ, не разъ рискуя жизнью, дѣйствуя съ героическимъ самоотверженіемъ гражданина и рѣдкаго, энергическаго человѣка. Джонъ Броунъ первый началъ войну противъ южныхъ штатовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ торга неграми, въ силу «священнаго права собственности», основаннаго на владѣніи своими братьями какъ неодушевленною вещью. Не маіоръ Андерсонъ въ фортѣ Сомнеръ, въ штатѣ Каролины открылъ военныя дѣйствія противъ невольничьихъ штатовъ, а Джонъ Броунъ въ арсеналѣ Гарперсферри противъ штата Виргинія. Нападеніе Броуна положило конецъ всѣмъ переговорамъ, компромисамъ, нерѣшительности. Ударъ былъ нанесенъ, хотя и не достигъ цѣли. но онъ былъ объявленіемъ войны,

послѣ котораго нельзя уже было вернуться къ прежнимъ уловкамъ, оттягиванью, колебанію. Это было первое непризнаніе права владѣть живою собственностью, первое вооруженное возстаніе противъ правительства штата, занятіе его крѣпости, сопротивленіе его вой-

Джонъ Броунъ.

скамъ, попытка учредить національное управленіе на равноправности американцевъ и негровъ. Попытка Броуна была также важна какъ прокламаціи Линкольна, битвы Шермана и Гранта, конституціонныя соглашенія Сомнера. Резолюціи республиканской партіи

въ сѣверныхъ штатахъ прямо объявили уничтоженіе рабства на югѣ закономъ, выше всѣхъ конституцій отдѣльныхъ штатовъ; сохраненіе Союза—выше всѣхъ мѣстныхъ интересовъ, и Броунъ первый попытался осуществить этотъ принципъ въ то время, когда многіе патріоты юга и сѣвера еще пріискивали средства отвратить столкновеніе. Но долголѣтній опытъ убѣдилъ Броуна, что съ рабовладѣльцами невозможны никакія соглашенія, что противъ несправедливости можно дѣйствовать только силою, что только въ вооруженной борьбѣ съ своими притѣснителями негры могутъ пріобрѣсти увѣренность въ своихъ правахъ, въ своей силѣ, всѣ качества, необходимыя для того, чтобы быть гражданами въ странѣ, гдѣ они были только рабами. И чтобы поднять ихъ духъ и имѣть точку опоры, съ которой онъ могъ бы производить дальнѣйшія экспедиціи, Броунъ задумалъ овладѣть небольшимъ городкомъ Виргиніи, Гарперсферри, съ огромнымъ невольничьимъ населеніемъ, въ плодородной долинѣ, гдѣ сливаются Потомакъ и Шенандоа. Вблизи городка идетъ цѣпь Голубыхъ горъ, съ ихъ утесистыми долинами, низменными склонами, гдѣ отрядъ аболиціонистовъ могъ легко скрыться, въ случаѣ отступленія. Наконецъ и отрядъ и негры, которые могли присоединиться къ нему во время возстанія, нуждались въ оружіи, а въ Гарперсферри былъ большой арсеналъ, гдѣ хранилось множество военныхъ снарядовъ, подъ наблюденіемъ незначительнаго гарнизона. Захвативъ его, Броунъ могъ вооружить многочисленные отряды негровъ, которые изъ Голубыхъ горъ могли бы тревожить плантаторовъ Виргиніи, Тенесси и Алабамы и принудить ихъ освободить своихъ невольниковъ. Главныхъ рабовладѣльцевъ онъ хотѣлъ взять заложниками и посредствомъ этихъ плѣнниковъ произвести давленіе на ихъ товарищей.

Пріѣхавъ въ 1848 году въ Европу продавать шерсть огайскихъ овецъ, Броунъ прилежно изучалъ систему укрѣпленій мелкихъ фортовъ, способъ веденія горной войны Шамилемъ, партизанскіе кампаніи Тусенъ-Лувертюра и Дессалина на Санъ-Доминго. Немногимъ лицамъ говорилъ онъ о своихъ планахъ, но они были извѣстны корифеямъ аболиціонистовъ, хотя они и не сознавались въ этомъ, боясь упрека, что они подстрекали Броуна къ нападенію и не раздѣлили съ нимъ опасности. Въ 1859 году, онъ явился сначала въ Мерилендѣ съ своимъ другомъ, Андерсономъ, подъ видомъ туристовъ, отправляющихся въ горы для розъисканія минераловъ. Въ іюлѣ онъ былъ уже въ Гарперсферри съ двумя сыновьями, подъ именемъ Смита. Онъ выдавалъ себя за ньюйоркскаго фермера, пришедшаго на югъ нанять клочокъ земли, такъ какъ на сѣверѣ у него погибъ весь урожай. Онъ, дѣйствительно, арендовалъ небольшой участокъ земли съ отдѣльнымъ домикомъ, удаленнымъ отъ другихъ жилищъ. Туда, постепенно, одинъ по одному, начали собираться его приверженцы. Привозили также ящики съ оружіемъ, порохомъ, аму-

ницiей. 16-го октября, ночью, отрядъ изъ 22-хъ человѣкъ двинулся на городъ: въ числѣ ихъ шестеро принадлежали къ семейству Броуна, изъ нихъ остался въ живыхъ только одинъ; изъ пятерыхъ негровъ — трое были бѣглые невольники. Они перешли мостъ на Потомакѣ, захватили съ собой его сторожа, потомъ сломали ворота арсенала и заняли его, взявъ въ плѣнъ директора, полковника Льюиса Уашингтона. Послѣ полуночи въ Гарперсферри пришелъ поѣздъ Огайской желѣзной дороги изъ Бальтиморы. Броунъ приказалъ своему сыну задержать его на мосту, который велъ въ городъ. Пассажиры, не зная причины остановки, стали безпокоиться и одинъ изъ нихъ, свободный негръ Гайвудъ, вышелъ изъ вагона и пошелъ черезъ мостъ. Вдругъ, съ другого конца моста ему крикнули, чтобы онъ вернулся назадъ. Не понимая, что значитъ это приказанiе, бѣднякъ непослушался и, хотя видѣлъ направленныя на него ружья, продолжалъ идти впередъ. Пуля положила его на мѣстѣ. Это была первая жертва возстанiя. Выстрѣлъ встревожилъ, однако, нѣкоторыхъ жителей въ городѣ; они поднялись, не смотря на то, что едва начинало разсвѣтать и стали собираться кучками на улицахъ. Одни изъ нихъ пошли въ арсеналъ, гдѣ ихъ захватили въ плѣнъ и отвели подъ конвоемъ въ отдѣльное зданiе. Ирландецъ Берлей вздумалъ сопротивляться. Негръ Ньюби убилъ его наповалъ выстрѣломъ изъ карабина. Тогда поняли, что это дѣло не шуточное—и вѣсть о возстанiи негровъ быстро распространилась по городу. Дали знать и въ сосѣднiя мѣстности, полагая, что инсургенты, овладѣвшiе арсеналомъ, многочисленны. Въ этомъ убѣждали часовые, разставленные на всѣхъ пунктахъ близъ арсенала и встрѣчавшiе выстрѣлами любопытныхъ, какъ только они показывались въ виду зданiя. Около девяти часовъ утра группа кое-какъ вооруженныхъ гражданъ—во всемъ городѣ и окрестностяхъ могли найти нѣсколько плохихъ ружей—собралась подъ начальствомъ бывшихъ строевыхъ офицеровъ, полковниковъ Байлора и Джибсона, обсудить положенiе дѣлъ. Убѣжденые въ томъ, что инсургенты не могутъ долго держаться въ арсеналѣ, рѣшили, прежде всего, отрѣзать имъ путь отступленiя въ Голубыя горы со стороны Потомака и Шенандоа. Скоро явились два небольшiе отряда правительственныхъ войскъ изъ главнаго города Виргинiи—Чарльстоуна. Они тотчасъ овладѣли мостомъ, ведущимъ въ городъ, убивъ одного изъ часовыхъ инсургентовъ, и захвативъ другого. Арсеналъ былъ около полудня окруженъ и отрѣзанъ отъ всѣхъ путей сообщенiя, по которымъ можно было ожидать помощи отъ соумышленниковъ или возставшихъ негровъ. На инсургентовъ сыпались выстрѣлы гражданъ и подоспѣвшихъ отрядовъ. Отстрѣливаясь, инсургенты отступили въ машинное зданiе арсенала, гдѣ были заперты десять плѣнныхъ, захваченныхъ въ началѣ стычки. Броунъ барикадировался въ этомъ зданiи и открылъ огонь по осаждающимъ. Первою жертвою палъ

безоружный желѣзнодорожный агентъ. Это до того озлобило нападающихъ, что они тотчасъ же разстрѣляли инсургента, захваченнаго ими сторожемъ на мосту. Одинъ изъ инсургентовъ хотѣлъ спастись, бросившись въ рѣку, но былъ убитъ въ водѣ однимъ изъ волонтеровъ.

Перестрѣлка продолжалась до наступленія сумерекъ. Осаждающіе стали держать совѣтъ: взять ли арсеналъ приступомъ, или ждать утра для того, чтобы покончить съ мятежниками. Отъ приступа отказались потому, что при взятіи арсенала вмѣстѣ съ инсургентами могли погибнуть и заложники, если бы даже Броунъ не выставилъ ихъ впередъ при нападеніи осаждающихъ. Рѣшили отправить къ нему парламентера съ предложеніемъ сдаться. Сосѣдній фермеръ принялъ на себя эту обязанность, весьма опасную, такъ какъ мятежники не соблюдали законовъ правильной войны. Укрѣпивъ бѣлый платокъ на старомъ зонтикѣ, фермеръ смѣло пошелъ къ воротамъ машиннаго зданія и закричалъ громогласно:

— Кто командуетъ въ этомъ укрѣпленіи?

— Капитанъ Броунъ изъ Канзаса, отвѣчали ему изнутри зданія.

— Капитанъ Броунъ изъ Канзаса! продолжалъ фермеръ, съ тѣмъ же торжественнымъ тономъ. Я посланъ къ вамъ, сэръ, начальниками правительственныхъ отрядовъ, съ предложеніемъ сдаться, и повторяю это предложеніе отъ имени всего населенія штата Виргиніи. Да хранитъ васъ Богъ!

— Какія условія предлагаете вы? спросилъ Броунъ.

— Условія! повторилъ фермеръ. Мнѣ не предлагали никакихъ, пославшіе меня. Какихъ же условій требуете вы сами?

— Чтобы мнѣ дали свободный пропускъ съ моими людьми и плѣнниками по мосту и вдоль по рѣкѣ до шлюзовъ, въ милѣ отсюда, гдѣ я отпущу плѣнниковъ, но съ тѣмъ, чтобы меня не безпокоили и далѣе на дорогѣ, по которой я пойду.

— Вы потрудитесь изложить эти условія письменно, отвѣчалъ посланный.

— Теперь слишкомъ темно, чтобы заниматься писаньемъ, отвѣчалъ Броунъ.

— Это, однакоже, необходимо, и такой старый воинъ, какъ вы, сэръ, должны понимать это. Въ случаѣ несогласія вашего, я вернусь къ пославшимъ меня.

Тогда засвѣтился огонекъ въ зданіи и посланному была передана бумага съ условіями, написанными рукою Броуна. Принять ихъ было невозможно, и одинъ изъ начальниковъ отряда разорвалъ условія, считая ихъ новымъ оскорбленіемъ и требуя немедленнаго приступа, все-таки, отложеннаго до утра. Ночью къ осаждающимъ прибыли новыя подкрѣпленія, подъ начальствомъ полковника Ли, прославившагося потомъ въ междоусобную войну. Отъ имени войска Соединенныхъ Штатовъ Броуну было повторено предложеніе сдаться

Допросъ Джона Броуна.

на единственномъ условіи охранить жизнь его отъ раздраженныхъ гражданъ города и передать его суду гражданскихъ властей.

— На такихъ условіяхъ мы не сойдемся, отвѣчалъ на это Броунъ: на вашей сторонѣ сила, но вы знаете, что солдаты не боятся смерти. Я предпочитаю смерть отъ пули — смерти на висѣлицѣ.

Тогда регулярныя войска пошли на приступъ зданія. Моряки въ нѣсколько минутъ разбили тяжелой лѣстницей двери машиннаго отдѣленія; осыпаемые выстрѣлами, они ворвались въ комнату, гдѣ въ густомъ пороховомъ дыму инсургенты защищались отчаянно. Броунъ израненный, растрѣлявъ всѣ заряды, отбивался какимъ-то багромъ. Поручикъ Гринъ нанесъ ему сильный ударъ саблею въ голову. Броунъ, упалъ обливаясь кровью. Борьба кончилась. Оставшіеся въ живыхъ инсургенты были схвачены. Раненымъ сдѣлали перевязку. Броунъ скоро пришелъ въ себя и хотя сильно страдалъ отъ ранъ, но спокойно отвѣчалъ на предложенный ему предварительный допросъ (помѣщенный въ настоящей статьѣ рисунокъ изображаетъ сцену этого допроса, а портретъ — самый схожій, исполненъ лучшимъ американскимъ художникомъ Вудманомъ и взятъ изъ журнала «The Century»).

— Что привело васъ сюда, капитанъ?

— Желаніе освободить вашихъ рабовъ! былъ отвѣтъ.

— Но какъ вы могли надѣяться достигнуть этого съ такими ничтожными силами, какъ у васъ?

— Я ожидалъ, что мнѣ помогутъ.

— Но кто и откуда? Неужели вы ждали помощи и отъ бѣлыхъ, какъ отъ негровъ?

— Да, и отъ бѣлыхъ, отовсюду.

— А теперь вы сознаетесь, что обманулись въ своихъ ожиданіяхъ?

— Да, я обманулся, прибавилъ онъ голосомъ, въ которомъ выражались грусть и сожалѣніе. Онъ говорилъ также, что планъ нападенія на Гарперсферри составленъ былъ имъ самимъ и что онъ не думаетъ, чтобы кому нибудь другому пришла въ голову подобная попытка. На упреки въ томъ, что онъ зажегъ въ странѣ междоусобную войну, онъ отвѣчалъ: время покажетъ въ правѣ ли я былъ сдѣлать это. Онъ не захотѣлъ видѣть католическаго патера, подвернувшагося тутъ же, въ первые же часы послѣ взятія въ плѣнъ Броуна, но писалъ къ своей женѣ и дѣтямъ, оставленнымъ въ штатѣ Нью-Іорка.

Попытка Броуна привела въ удивленіе и негодованіе южные штаты съ ихъ шестимиліоннымъ населеніемъ, предписывавшимъ законы не только четыремъ миліонамъ своихъ рабовъ, но и правительству всей республики. Эти штаты настояли на избраніи въ президенты Буханана, самаго преданнаго слуги рабовладѣльцевъ; они не только отказались прекратить торговлю неграми, къ чему

были обязаны трактатами, но ввели привозъ невольниковъ въ штаты Королины и Георгіи, нарушивъ ими же составленный договоръ о невведеніи рабства въ новыхъ штатахъ; они заставили главу судебной власти, Танея, обнародовать декретъ рабовладѣльческой олигархіи, объявить, что «четыре миліона американцевъ, американскаго происхожденія, не имѣютъ правъ, которыя бѣлый гражданинъ былъ бы обязанъ уважать». Южные штаты громогласно проповѣдывали убѣжденіе, высказанное прежнимъ президентомъ республики, Квинси Адамсомъ, что «сохраненіе, распространеніе и укрѣпленіе невольничества было жизненнымъ духомъ національнаго управленія». Даровой трудъ рабовъ считался существеннымъ источникомъ народнаго благосостоянія. Могли ли поэтому допустить, чтобы Джонъ Броунъ не только распространялъ убѣжденіе, что рабство немыслимо въ республикѣ, но и поддерживалъ его съ оружіемъ въ рукахъ. На захватъ арсенала въ Гарперсферри южные штаты взглянули серьезно, не какъ на разбойничью попытку, а какъ на объявленіе войны ихъ основному принципу. Вотъ что̀ говорилъ самъ Броунъ въ Чарльстоунѣ, куда его перевезли изъ Гарперсферри, чтобы судить въ главномъ городѣ штата,—сенаторамъ Мезону изъ Виргиніи и Валандигаму изъ Огайо: «я надѣюсь, что поступокъ мой не примутъ за выходку разбойника: я считаю себя здѣсь жертвою большого зла. Лучше было бы, если бы южные штаты приготовились заранѣе къ рѣшенію этого вопроса и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—иначе онъ рѣшится и безъ нихъ. Судъ надо мной не разрѣшитъ ничего».

На судѣ онъ говорилъ еще опредѣлительнѣе послѣ того, какъ ему произнесли смертный приговоръ:

— Судъ признаетъ, я полагаю, силу божьяго закона. Здѣсь лежитъ книга, которую цѣлуютъ принимающіе присягу. Книга эта евангеліе. Въ ней говорится, что я долженъ поступать съ другими такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы поступали со мною. Она учитъ также, что мнѣ отмѣрится тою же мѣрою, какою я измѣряю. Я старался дѣйствовать въ этомъ духѣ. Богъ не знаетъ лицемѣрія, и я полагаю, что дѣйствуя, какъ я дѣйствовалъ всегда, въ защиту презираемыхъ всѣми бѣдняковъ, я поступилъ не преступно, но справедливо».

Далѣе, на вопросъ судей, чѣмъ онъ оправдаетъ свой поступокъ, Броунъ отвѣчалъ, что они сами поступаютъ противъ законовъ Бога и человѣчества, что онъ всталъ на защиту бѣдныхъ и слабыхъ, противъ гнетущей ихъ системы рабства. Эта идея руководила всей его жизнью и сюда привелъ его крикъ отчаянія угнетенныхъ. Онъ подтвердилъ, что планъ вторженія въ Виргинію принадлежитъ ему одному и даже изъ друзей его многіе считали этотъ планъ непрактичнымъ и несвоевременнымъ. Но онъ, все-таки, прославилъ Броуна, и поставилъ его на ряду съ безсмертными бойцами за свободу:

Леонидомъ, Маккавеями, Теллемъ, Винкельридомъ, Валласомъ, Гоферомъ, Марко Боцарисомъ.

Джона Броуна приговорили къ повѣшенію за измѣну, убійство и за попытку возбудить рабовъ къ мятежу. Казнь отложили до 2-го декабря, чтобы осужденный могъ совершенно излечиться отъ ранъ. Надѣялись, что губернаторъ Виргиніи—президентъ республики по закону не имѣлъ даже права ходатайствовать за Броуна—окажетъ великодушіе и милосердіе. Но съ обѣихъ сторонъ страсти разгорались въ высшей степени: аболиціонисты стали печатать рѣзкія, страстныя рѣчи въ защиту стараго Канзаскаго бойца за свободу, угрожали, что съ милиціей сѣверныхъ штатовъ освободятъ Броуна изъ тюрьмы, вырвутъ его даже изъ петли. Рабовладѣльцы требовали точнаго исполненія закона, строгаго примѣненія мѣръ противъ мятежниковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Говорили не стѣсняясь, что если губернаторъ смягчитъ приговоръ — это будетъ значить, что онъ испугался угрозъ аболиціонистовъ, но въ такомъ случаѣ и рабовладѣльцы не позволятъ ему пользоваться властью, въ ущербъ ихъ интересамъ. Викторъ Гюго обнародовалъ краснорѣчивое письмо къ «американской республикѣ», умоляя ее не допускать, чтобы одинъ штатъ безчестилъ всѣ остальные, чтобы «Вашингтонъ убилъ Спартака». Все было напрасно: Броунъ, былъ повѣшенъ на глазахъ значительныхъ военныхъ отрядовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ южныхъ штатовъ. Тѣло Броуна было отправлено къ его семейству на ньюйоркскую ферму, гдѣ и погребено съ почестью. Изъ двадцати двухъ человѣкъ, геройски защищавшихся въ арсеналѣ противъ въ пятьдесятъ разъ сильнѣйшаго непріятеля, успѣли спастись только пятеро и въ числѣ ихъ сынъ Броуна Овенъ; два другихъ сына его—Оливеръ и Ватсонъ были убиты на глазахъ отца, въ числѣ десяти жертвъ, павшихъ при взятіи арсенала, остальные семеро, захваченные въ плѣнъ, повѣшены на другой день послѣ казни Броуна. Замѣчательно, что въ числѣ волонтеровъ, вызвавшихся сопровождать Броуна на висѣлицу и болѣе другихъ осыпавшій мученика оскорбленіями — былъ Вильксъ Бутъ, убившій потомъ президента Линкольна. Этими двумя преступленіями началась и окончилась война за освобожденіе американскихъ невольниковъ.

Во всѣхъ своихъ рѣчахъ, письмахъ, поступкахъ, Броунъ былъ простъ, прямъ и честенъ, безъ малѣйшихъ корыстныхъ или эгоистическихъ видовъ. Это былъ настоящій «историческій характеръ», твердо вѣрившій, что онъ предназначенъ къ исполненію той цѣли, какую поставилъ себѣ въ жизни. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на Кромвеля, только безъ его хитрости и честолюбія. Онъ шелъ твердо по слѣдамъ своего великаго предшественника, президента Джеферсона, уроженца той же Виргиніи, куда вторгнулся Броунъ, и писавшаго еще сто лѣтъ тому назадъ въ своей «декларація объ освобожденіи невольниковъ»: «какимъ проклятіямъ должны

мы предать тѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ людей, которые допустили одну половину гражданъ владѣть другою и превратили этимъ однихъ—въ деспотовъ, другихъ—въ злѣйшихъ враговъ ихъ. Можно ли считать утвердившеюся свободу народа, когда не признали главнаго основанія этой свободы, лучшаго дара Бога и которую нельзя нарушить не возбудивъ его гнѣва. Я боюсь за свое отечество, когда думаю о томъ, что Богъ справедливъ и что его правосудіе не можетъ вѣчно спать. Принимая въ соображеніе положеніе вещей и число страдающихъ отъ него лицъ, нельзя не убѣдиться, что революція неизбѣжна, если не произойдетъ какое либо сверхъестественное вмѣшательство въ это дѣло. И Всемогущій будетъ, конечно, на нашей сторонѣ въ этомъ столкновеніи».

Прошло, однако, почти восемьдесятъ лѣтъ прежде, чѣмъ эти слова осуществились. Казалось бы, что́ можетъ быть яснѣе мысли, что въ свободной странѣ одинъ гражданинъ не можетъ распоряжаться жизнью и имуществомъ другаго, что лицо, не признающее надъ собою власти самодержавнаго господина, не можетъ, въ свою очередь, быть господиномъ своего брата, созданнаго по тому же образу и подобію какъ онъ самъ. Рабство, родившееся на Востокѣ, приняло тамъ грандіозные размѣры потому только, что младенчествующее человѣчество считало властителей-деспотовъ существами другой, высшей породы, богами и дѣтьми боговъ. Эту же оскорбительную для человѣчества фикцію вздумали воскресить римскіе императоры уже въ то время, когда новое ученіе признало равенство и братство всѣхъ людей. Мудрено ли, что надъ богомъ — Геліогабаломъ, или сыномъ Юпитера Каракаллою смѣялись втайнѣ даже тѣ, кто публично приносилъ имъ жертвы и кадилъ имъ ѳиміамомъ. Потомъ, въ эпоху преобладанія физической силы, вторженія новыхъ племенъ, разрушавшихъ старыя государства, затѣмъ въ эпоху грубаго средневѣковаго невѣжества, въ періоды международныхъ столкновеній, племенныхъ и религіозныхъ войнъ, существованіе рабства еще могло быть если не оправдываемо, то извиняемо. Но удержаніе его въ заатлантической республикѣ, возникшей на основаніи принциповъ республики французской, положившей начало новымъ порядкамъ и понятіямъ—было положительнымъ абсурдомъ, и надо только удивляться, какъ болѣе развитая, здравомыслящая часть Соединенныхъ Штатовъ раньше не положила конецъ постыдному торгу людьми въ южныхъ штатахъ, и что для достиженія этой цѣли надо было ждать столько лѣтъ и пролить столько крови во время междуусобной войны. Но эта необходимая война началась съ попытки Броуна, о которой сѣвероамериканцы будутъ вспоминать, даже когда забудутся названія сотни другихъ, болѣе кровопролитныхъ сраженій этой войны.

Закончимъ характеристику великаго гражданина словами поэта и философа Соединенныхъ Штатовъ, Эмерсона:

«Я не удалюсь отъ истины, если скажу, что всѣ народы, насколько они одарены сочувствіемъ и самоуваженіемъ, симпатизируютъ Джону Броуну. Невозможно безъ участія видѣть эту храбрость, забвеніе собственныхъ интересовъ, эту любовь, не знающую страха. Каждый джентльменъ безспорно будетъ на его сторонѣ. Я называю джентльменомъ не надушенаго и расчесаннаго франта, а человѣка, проникнутаго истиннымъ благородствомъ, который, какъ Сидъ, удѣляетъ отверженному всѣми прокаженному мѣсто на своей постелѣ, или, какъ умирающій Сидней передаетъ раненому солдату чашку съ холодной водой, въ которой тотъ больше нуждается. Потому что въ чемъ же и состоитъ истинное благородство рыцарскихъ чувствъ, какъ не въ защитѣ слабаго противъ сильнаго притѣснителя? Кто былъ причиною появленія аболиціонистовъ?—Рабовладѣлецъ. Чувство милосердія — естественный законъ, защищающій родъ человѣческій отъ истребленія дикими страстями. Первымъ аболиціонистомъ гораздо прежде Броуна, прежде чѣмъ поднялись Голубыя горы на рѣкѣ Шенандоа — была любовь, у которой есть еще другое имя — справедливость. Она была до Ликурга и Альфреда, была прежде рабства — и будетъ послѣ него».

В. З.

ІОВЪ, ПРОМЕТЕЙ И ФАУСТЪ

(Опытъ этико-исторической параллели).

Законъ вселенной — это равновѣсье,
Возмездьями лишь держится она.
Изъ «Донъ Жуана»
гр. А. К. Толстаго.

Пусть не довѣряетъ суетѣ заблудшій,
ибо суета будетъ и воздаяніемъ ему.
«Книга Іова» (XV, 31).

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.
Изъ «Фауста» Гёте.

ЗУЧАЮЩЕМУ литературы народовъ древности, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, въ ихъ непрерывномъ развитіи и взаимодѣйствіи, нерѣдко попадаются параллели и аналогіи въ области художественнаго творчества различныхъ народныхъ группъ, отдѣленныхъ одна отъ другой пространствомъ вѣковъ. И это, безъ сомнѣнія, потому, что духъ человѣческій въ сущности всегда оставался неизмѣннымъ; потому, что одинаковыя причины всегда оказываютъ одинаковое дѣйствіе, и у всѣхъ націй, доросшихъ до извѣстной высоты культуры, возникали однѣ и тѣ же проблеммы. На такое же сопоставленіе напрашивается и проблемма, нашедшая себѣ выраженіе въ трехъ величайшихъ произведеніяхъ художественнаго творчества, названія которыхъ приведены выше [1]). Одно досталось намъ отъ вет-

[1]) Это указаніе на родственность названныхъ твореній, по ихъ основному мотиву, дѣлалось не разъ. Составители руководствъ по исторіи литературы, какъ Шерръ, напримѣръ, упоминаютъ о такой родственности не только Іова,

хозавѣтныхъ евреевъ, другое завѣщано античнымъ міромъ, третье принадлежитъ новѣйшей эпохѣ, и каждое изъ нихъ выросло и расцвѣло на своей родной почвѣ, въ непосредственной зависимости отъ окружавшей его атмосферы. Изучая ихъ параллельно, видишь ясно, какъ подъ дѣйствіемъ этой различной атмосферы одно и то же зерно даетъ ростки первоначально еле замѣтные, жидкіе и дряблые, потомъ они становятся виднѣе и сочнѣе, выносливѣе къ непогодѣ и вѣтрамъ и, наконецъ, крѣпнутъ настолько, что изъ нихъ выходитъ вѣтвистое и многолѣтнее дерево; видишь, какъ робкій порывъ мысли, пробудившейся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, по мѣрѣ ихъ улучшенія, подъ лучами знанія и свободы, созрѣваетъ въ сознательную идею, которая переходитъ въ жизнедѣятельное стремленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ три литературныхъ типа — восточный Іовъ, этотъ «правовѣрный» [1]), эллинскій Прометей, этотъ «провидецъ» [2]) и европейскій Фаустъ, этотъ «счастливый» [3]) мужъ желаній—воплощаютъ въ себѣ терзающее человѣка раздвоеніе души его. Въ очертаніи типа безсильнаго и подневольнаго борца со зломъ, въ Іовѣ, вырисовывается уже силуетъ титаническаго характера Прометея, а съ этимъ характеромъ образъ борца, недовольствующагося плодами цивилизаціи, доискивающагося болѣе возвышеннаго счастья и болѣе высокаго могущества, складывается въ яркій и типическій портретъ Фауста. У всѣхъ троихъ одинъ общій источникъ недовольства жизнью—глубокій разладъ дѣйствительности съ идеаломъ человѣческаго счастья; у всѣхъ троихъ душевное раздвоеніе излечивается возвращеніемъ къ блаженству духовнаго равновѣсія. Но каждый изъ нихъ совершаетъ это по своему, примѣнительно къ воззрѣніямъ и чувствамъ своей эпохи, своей среды. Одному утѣшеніемъ служитъ вѣра, другому — надежда, третьему — любовь.

Прометея и Фауста, но и Шекспировскаго Гамлета, и Байроновскаго Каина. Намъ, однако, важны здѣсь не варіаціи одной и той же тэмы. Иначе параллель въ данномъ случаѣ можно бы распространить еще дальше. И въ персидскомъ «Шахъ-Наме» найдется свой Фаустъ и свой Прометей. Даже въ райскомъ миѳѣ о первомъ человѣкѣ не трудно отмѣтить зародышъ Фауста. Какъ ни привлекательны, быть можетъ, эти генеалогическія изысканія, но для цѣлей предлагаемаго этюда они не имѣютъ значенія. Задача этюда болѣе скромная,— прослѣдить прогрессивное развитіе одной и той же нравственной идеи, выраженной въ трехъ созданіяхъ поэзіи различныхъ народовъ и эпохъ, не касаясь однако ихъ художественныхъ достоинствъ.

[1]) По-арабски.

[2]) Буквальное значеніе по-гречески.

[3]) Faustus — счастливый.

I.

Ветхозавѣтный еврей, образецъ терпѣнія и покорности передъ волей Іеговы, поверженный для испытанія своимъ богомъ въ незаслуженныя несчастія, осмѣлился возроптать на свой жребій. Самый ропотъ не былъ заносчивымъ. «Твои руки трудились надо мною, и образовали всего меня кругомъ, и Ты же губишь меня», — вотъ что вырвалось изъ груди страдальца. Но стоило Іеговѣ напомнить человѣку, «омрачившему Провидѣніе словами безъ смысла», что тотъ, котораго разумъ не въ состояніи постигнуть видимаго міра, не смѣетъ доискиваться высшихъ помысловъ его устроителя, и библейскій пессимистъ тотчасъ смирился, отрекся отъ своихъ сомнѣній въ справедливости Іеговы и «раскаялся въ прахѣ и пеплѣ».

Тутъ, стало быть, восторжествовала еврейская мораль, въ силу которой тайны мірозданія и судебъ человѣческихъ неисповѣдимы смертному. Земной порядокъ вещей, такъ высоко поэтически прославленный въ бесѣдѣ Іеговы съ Іовомъ, напротивъ, убѣждаетъ израильскаго пессимиста въ глубинѣ его невѣдѣнія, въ необходимости смирить свою волю и покоряться неисповѣдимымъ велѣніямъ свыше. Жизнь и страданія Іова служатъ какъ бы предостереженіемъ смертному, что право на счастье и благополучіе въ рукахъ Іеговы, что и безбожнику оно можетъ улыбнуться, если Богъ Израиля пожелаетъ предостеречь или смутить нечестивца своими милостями, а несчастье, въ видѣ испытанія, можетъ поразить и воплощенную добродѣтель.

Съ точки зрѣнія ветхозавѣтнаго еврея существованія зла въ мірѣ, управляемомъ Іеговой, не полагалось. Понятіе о немъ пришло изчужа, со стороны. Книга Іова, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ обличаетъ вліяніе персидскаго дуализма. Сатана тутъ впервые предсталъ передъ Іеговой, вмѣстѣ съ другими исполнителями его повелѣній. Моисеево же еврейство не знало такихъ лукавыхъ и вѣроломныхъ прислужниковъ. Борьба съ злыми искусителями человѣка, которые раздѣляли бы наравнѣ съ добрыми духами власть надъ міромъ, извѣстна была только Зороастрову кодексу. Въ «Вендидадѣ», напримѣръ, гдѣ Ормуздъ, представитель добра, научаетъ своего пророка Зороастра «доброму закону», разсказано, какъ злые духи, побуждаемые своимъ предводителемъ Ариманомъ, набросились на этого пророка изъ странъ сѣверныхъ. Демоны, говоритъ Зороастръ, искали меня уничтожить, и онъ храбро пошелъ имъ на встрѣчу. «Я перебью твоихъ злыхъ созданій», сказалъ онъ Ормузду. — Не убивай ихъ, Зороастръ, но скорѣе отрекись отъ маздаянскаго закона и достигнешь полнаго счастья. «Нѣтъ, я не отрекусь отъ священнаго закона».—Но какимъ же оружіемъ ты ду-

маешь уничтожить мои созданія? «Священной жертвой и молитвами священнаго текста, это—мое совершенное оружіе». И посредствомъ молитвъ Зороастръ проклялъ войско Аримана.

Такое представленіе о присутствіи въ мірѣ зла авторъ «Книги Іова», очевидно, могъ вынести съ береговъ Евфрата и, слѣдовательно, его произведеніе относится къ періоду послѣ плѣненія Вавилонскаго. Но, усвоивъ чужое воззрѣніе, библейскій еврей, все-таки, остался вѣренъ себѣ и заимствованное сдѣлалъ своимъ, сливъ его съ Моисеевыми возрѣніями и показалъ, какъ справедливость Іеговы и его благость умѣютъ примиряться съ видимымъ зломъ. Оттого-то, вѣроятно, и сатана, поражавшій Іова, по велѣнію свыше, послѣ бесѣды страдальца съ Богомъ Израиля, не счелъ нужнымъ выступать на сцену, какъ въ началѣ «Книги». Пораженіе злаго духа молчаливо признается, особенно, когда всѣ отнятыя имъ у Іова земныя блага возвращаются Іеговой вдвойнѣ. Еврейская черта видна здѣсь и въ самомъ мотивѣ къ примиренію со зломъ. Примиреніе это обусловливается достиженіемъ личнаго благополучія и внѣшняго благоденствія.

Но въ сѣтованіяхъ Іова уже виденъ зародышъ Прометея, зародышъ самостоятельной личности и характера. Развиться этому зародышу въ нѣчто цѣльное и опредѣленное трудно, да и нельзя было въ ветхозавѣтной обстановкѣ потому, что у евреевъ единственной самостоятельной личностью почитался Іегова, который и подавлялъ собою всякое проявленіе свободной воли у людей, не говоря уже о свободномъ дѣйствіи. А тѣмъ болѣе немыслимо было ожидать проявленія титанической непреклонности воли, какой отличается «Прикованный Прометей» Эсхила.

II.

Подобно Іову, и Прометей захотѣлъ познать тайны мірозданія и бороться со зломъ. Какъ въ Іовѣ подобное желаніе столкнулось съ необходимостью безусловно повиноваться волѣ Іеговы, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается, такъ и надъ Прометеемъ нависла страшная гроза. Отъ рока эллину некуда было уйти. Отсюда борьба становится неминуемой. Успѣхъ ея долженъ быть купленъ цѣною личныхъ страданій. Но вотъ и разница въ положеніи того и другаго борца.

Іовъ непосредственнымъ чувствомъ узналъ о несправедливостяхъ управителя вселенной и, какъ скоро заглушилось это невольное чувство другимъ, болѣе твердымъ и глубоко укоренившимся чувствомъ вѣры, онъ смирился и всецѣло подчинился запрету Іеговы помышлять о тайнахъ его промысла. Прометей родился въ иной атмосферѣ. Завѣса невѣдѣнія, закрытая для еврея, открылась эллину. Идея высшей

Гёте.

культуры, терпимости и свободнаго развитія духа распустилась уже широко. Прометея окрылила мысль о благѣ всѣхъ эллиновъ, т. е., по тогдашнимъ понятіямъ, о благѣ общечеловѣческомъ. Титанъ похищаетъ огонь, эту основу всѣхъ искусствъ и культуры, сознательно съ цѣлью сдѣлать людямъ добро. А сознаніе пользы своихъ дѣйствій, разумѣется, закаляетъ характеръ, придаетъ энергію и поддерживаетъ въ борьбѣ. Эта борьба становится тѣмъ упорнѣе, что и его противникъ, Зевсъ, не считаетъ себя непогрѣшимымъ. Онъ возсѣлъ на престолѣ Олимпа насиліемъ. Его намѣреніе—погубить всѣхъ людей—открылось наружу. Своимъ протестомъ Прометей уясняетъ людямъ, что громовержецъ олицетворяетъ собой тиранническій произволъ, точно какъ Іегова. Но если на Бога Израиля негдѣ было искать суда еврею, жившему только чувствомъ, то теперь, когда эгоистическое чувство смѣнилось сознательной и роковой мыслью объ общемъ благѣ, съ Зевсомъ явилась возможность помѣриться силами. Сама «Минерва съ мятежнымъ за одно», какъ характерно доноситъ Юпитеру Меркурій въ «Прометеѣ» Гёте. Даже самъ палачъ, Вулканъ, приковывающій осужденнаго титана къ утесу скалы, выражаетъ состраданіе къ гордому и непреклонному борцу за право жить и свободу мыслить. Подобно Іову, Прометей призываетъ въ свидѣтели своей правоты всю природу:

«Безпредѣльный эфиръ! восклицаетъ плѣнникъ, быстрокрылые вѣтры, истоки рѣкъ, несчетныя, ропчущія волны моря, земля общая мать всѣхъ существъ, и ты солнце, отъ котораго ничто не скрыто, я зову васъ въ свидѣтели: глядите, какъ поступаютъ всѣ съ Богомъ, какимъ ужаснымъ пыткамъ я преданъ, преданъ на тысячи лѣтъ. Такъ вотъ онѣ, позорныя цѣпи, придуманныя для меня новымъ владыкой безсмертныхъ! Увы! Мое настоящее положеніе, моя участь въ будущемъ одинаково ужасны. Когда взойдетъ послѣдній день этой муки? Но я предвижу все, что должно случиться; ничего неожиданнаго со мной произойти не можетъ. Буду твердо переносить рѣшеніе судьбы; не буду бороться противъ необходимости, о которой знаю, что она неодолима. Но не могу молчать о моемъ горѣ, хотя мнѣ и больно говорить о немъ. Несчастный! За то, что я былъ полезенъ смертнымъ моими дарами, я обреченъ этимъ долгимъ мученіямъ. Я похитилъ съ неба, я принесъ на землю искру того огня, который сталъ для ея жителей началомъ всякаго искусства, доставилъ имъ тысячи выгодъ» [1]).

Борьба съ Зевсомъ оказалась неизбѣжной, его произволъ можно сломить только упорствомъ, непреклонностью и энергіей протеста, хотя бы въ результатѣ борьбы протестанту приходилось лично погибнуть. И Прометей напрягаетъ всю свою волю, чтобы разумной силой души побѣдить физическія муки, на какія обрекъ его Зевсъ. Обезсиленный, онъ все таки угрожаетъ своему тирану, предвѣщая катастрофу, долженствующую сокрушить тронъ Зевса, а себѣ сулитъ безсмертіе. Тщетно принуждаютъ плѣнника повторить,

[1]) По переводу, помѣщенному въ «Исторіи греческой литературы» Корша.

какая это будетъ катастрофа и какъ ея избѣжать. Онъ противится и просьбамъ и угрозамъ, онъ продолжаетъ упорствовать и тогда, когда разражается землетрясеніе:

...Земля заколыхалась,
За молньей молнія—шипятъ и вьются
И всюду мечутъ огненныя стрѣлы;
Столбами вихри поднимаютъ пыль;
Вездѣ шумитъ, какъ въ буйномъ хмѣлѣ буря,
Съ мятежническою яростью и съ воемъ
Въ отчаянномъ схватились боѣ море
И небеса... И эту кару Зевсъ
Мнѣ шлетъ, чтобъ испугался я?.. Рази,
Хлещи, гроза!.. О, мать моя святая!
О ты, эфиръ, священная стезя
Зиждительнаго свѣта! Посмотрите,
Какую я терплю несправедливость!.. [1])

Изъ сказаннаго видно, что личность Прометея является величавой эмблемой нравственной свободы, которая и на самаго Зевса должна оказать благодѣтельное дѣйствіе. Въ «Освобожденномъ Прометеѣ» Зевсъ (Юпитеръ), дѣйствительно, перестаетъ быть деспотомъ; онъ только нравственная сила и Прометей, образумивъ тирана своимъ упорствомъ, примиряется съ нимъ, освобождается отъ мученій Геркулесомъ и получаетъ совѣщательный голосъ на Олимпѣ. Прометей достигъ безсмертія, достигъ того, о чемъ только мечталъ Іовъ, умоляя Іегову: «О, если бы ты въ преисподней сокрылъ меня и укрывалъ меня пока пройдетъ гнѣвъ твой; положилъ мнѣ срокъ, и потомъ вспомнилъ обо мнѣ!» [2]).

Но замѣчательно здѣсь, что такого результата эллинъ достигъ черезъ посредство женщины. Въ этомъ опять видна рѣзкая разница между ветхозавѣтнымъ произведеніемъ и трагедіей Эсхила, въ этомъ, наконецъ, послѣдняя обнаруживаетъ уже вѣяніе духа, роднящаго Прометея съ типомъ пессимиста, созданнымъ Гёте. Іовъ, согласно своему еврейскому понятію, терзаемый душевными муками, склоненъ даже объяснять присутствіе нечисти въ мірѣ своимъ рожденіемъ отъ женщины. «Человѣкъ, рожденный женою, сѣтуетъ Іовъ, краткодневенъ и пресыщенъ печалями». Къ этой мысли еврейскій скептикъ возвращается не разъ среди своихъ мрачныхъ размышленій. У эллина взглядъ иной. Такъ, страдающей отъ любовныхъ преслѣдованій Зевса дочери Инаха, Іо, которая въ восхитительномъ монологѣ открываетъ прикованному титану свои дѣвическія мечты и тревоги, Прометей предсказываетъ, что рожденный отъ нея, чрезъ тридцать поколѣній, Геркулесъ возвратитъ его къ безсмертію. Предсказаніе исполнилось, и гордый ти-

[1]) По переводу М. Елецкаго, «Современникъ» 1863 г., № 4.
[2]) Кн. Іова, XIV, 13.

танъ возсѣлъ на Олимпѣ, успокоенный надеждой, что начало безсмертія человѣческаго рода въ смыслѣ неуничтожаемости сознательнаго стремленія къ лучшему, положено незыблемо, что отвоеванное имъ право на жизнь, къ истоку которой возвратила его женщина, подобно Минервѣ въ «Прометеѣ» Гёте, послужитъ людямъ на пользу, открывъ имъ доступъ къ этому истоку; что

Въ новорожденномъ юношескомъ счастьѣ
Душа ихъ можетъ быть равной божеству...
Ихъ надо предоставить жизни [1]).

Прометею «равное по духу племя» получило возможность проявлять силы своего духа, раздвигая въ ширь завѣсу невѣдѣнія и стремясь слить міръ въ одно прекрасное цѣлое, гдѣ «незримо всюду вѣетъ вѣчно юный вѣчной жизни вѣчный духъ». Чтобъ достигнуть этого, человѣкъ долженъ былъ отдаться великому божеству жизни во всѣхъ ея формахъ. Такую миссію могъ выполнить только Фаустъ, этотъ воплощенный духъ новаго времени и его понятій, развитой высокоодаренный умъ, исчерпавшій всѣ источники знанія, изучившій всѣ науки и все-таки неудовольствовавшійся ничѣмъ, чего достигали люди вѣками.

III.

Сродство положенія Іова съ Фаустомъ не требуетъ доказательствъ. Какъ справедливо замѣчено въ предисловіи къ недавно изданному г. Фетомъ переводу «Фауста», на это сродство указываетъ прологъ первой части. Подобно сатанѣ, посылаемому Іеговой для испытанія Іова, Мефистофель получаетъ позволеніе отъ Господа «сбить этотъ духъ съ живыхъ его основъ»:

Пока съ земли онъ не сойдетъ,
То я тебѣ не возбраняю.
Блуждаетъ человѣкъ, пока живетъ [2]).

Кромѣ того, оба произведенія основаны на народномъ преданіи, въ которомъ рѣчь идетъ о человѣческой душѣ, отстранившейся отъ Бога и снова возвратившейся къ нему. Подобно Іову, Фаустъ чувствуетъ пустоту въ сердцѣ, убѣдившись въ своемъ безсиліи путемъ размышленій рѣшить вопросы бытія; подобно Іову, Фаустъ готовъ покончить съ жизнью. Наконецъ, подобно тому, какъ книга Іова для рѣшенія этихъ вопросовъ стремится выдти за предѣлы еврейства, и «Фаустъ» Гёте ищетъ разгадать проблемму мірозданія и въ стихійныхъ силахъ, и въ житейскихъ суетахъ, и въ ходѣ развитія человѣчества. Не даромъ же Гейне замѣтилъ, что «Фаустъ обнимаетъ собою небо, землю и человѣка».

---

[1]) «Прометей» Гёте въ изданіи Гербеля.

[2]) По переводу г. Фета.

Но не менѣе очевидна и разница между ветхозавѣтнымъ пессимистомъ и скептикомъ новаго времени. Въ каждомъ изъ нихъ основная проблемма разрѣшается не одинаково. Со страхомъ смолкъ и преклонился Іовъ передъ неисповѣдимостью воли Іеговы, когда ему предстала картина чудесъ природы, засвидѣтельствовавшихъ въ его глазахъ безусловное превосходство всемогущества Бога Израиля надъ всякимъ человѣческимъ познаніемъ и пониманіемъ. Рабъ не смѣлъ больше ставить вопросы и страдалъ въ тиши и безмолвіи, пока не получилъ награды за долготерпѣніе. Фаустъ, напротивъ, выросъ уже въ атмосферѣ свободы. Право на эту свободу отвоевалъ уже Прометей цѣною собственныхъ страданій и вмѣстѣ съ свободой завѣщалъ человѣчеству свою титаническую непреклонность въ стремленіи къ свѣту и правдѣ. Именно такое титаническое упорство въ поискахъ за удовлетвореніемъ ненасытности своего духа проявляетъ Фаустъ въ первой части творенія Гёте. И не мудрено: поколѣніе, къ которому принадлежалъ великій поэтъ, было поколѣніемъ съ силою Прометея. Его типъ и нашелъ себѣ воплощеніе въ «Фаустѣ». Посмотримъ же, каковъ этотъ типъ [1]).

Передъ читателемъ Фаустъ выступаетъ прежде всего съ своимъ монологомъ, какъ ученый, неудовлетворенный своимъ знаніемъ и возлагающій надежды на магію. Свыше не посылается ему ника-

---

[1]) Въ характеристикѣ «Фауста», какъ типа, мы руководствуемся объяснительными изданіями трагедіи Гёте, появившимися въ послѣднее время, главнымъ же образомъ, чрезвычайно ясными и толковыми коментаріями къ переводу г. Фета и лекціями берлинскаго профессора Вильгельма Шерера о нѣмецкой литературѣ, вышедшими теперь отдѣльнымъ изданіемъ. У насъ до сихъ поръ не было сдѣлано сколько-нибудь удовлетворительной характеристики Фауста, если не считать замѣчаній, высказанныхъ И. С. Тургеневымъ при оцѣнкѣ перевода Вронченко (Соч. Тургенева, т. I, изд. 1883 г.). Но покойный писатель находилъ въ «Фаустѣ» «рѣзкій отпечатокъ исключительности и эгоизма односторонняго», хотя это, по его словамъ, «великое произведеніе является самымъ полнымъ выраженіемъ эпохи, которая въ Европѣ не повторится — той эпохи, когда общество дошло до отрицанія самого себя, когда всякій гражданинъ превратился въ человѣка, когда началась, наконецъ, борьба между старымъ и новымъ временемъ, и люди, кромѣ человѣческаго разума и природы, не признавали ничего непоколебимаго». Какъ время, которому служитъ выраженіемъ «Фаустъ», время романтизма остается неоконченнымъ, такъ и это созданіе Гёте, по мнѣнію Тургенева, должно считаться незаконченнымъ, ибо «разрѣшеніе трагедіи» нашему романисту кажется «жалкимъ и бѣднымъ». Подобный приговоръ, однако, черезъ-чуръ поспѣшный и обязанъ лишь личному мнѣнію Ивана Сергѣевича о томъ, что «намъ теперь нужны не одни поэты» и что теперь пришла «пора, когда, не переставая признавать «Фауста» величавымъ и прекраснымъ произведеніемъ, мы идемъ впередъ, за другими, можетъ быть, меньшими талантами, но сильнѣйшими характерами, къ другой цѣли (?)»... Но на это мнѣніе, впрочемъ, довольно распространенное у насъ, можно отвѣтить собственными словами Гёте: «какъ скоро поэтъ хочетъ дѣйствовать политически, онъ долженъ пристать къ какой-нибудь партіи, а приставши къ партіи, онъ перестаетъ быть поэтомъ; онъ долженъ проститься съ своимъ свободнымъ духомъ, независимымъ взглядомъ и надвинуть на уши шапку ограниченности и слѣпой ненависти».

кихъ предостереженій. Ни одинъ голосъ не зоветъ его обратно. Фаустъ обладаетъ таинственной книгой и съ ея помощью онъ можетъ вызывать духовъ. Онъ и вызываетъ. Появляется исполинскій духъ земли. Фаустъ не выноситъ его вида, но не теряетъ мужества. Духъ, однако, отталкиваетъ его и исчезаетъ. Фаусту не подъ силу бесѣда съ глазу на глазъ съ духами. Отчаяніе овладѣваетъ имъ. Онъ хватаетъ чашу съ ядомъ и уже подноситъ ко рту, какъ вдругъ вблизи раздается звонъ колоколовъ и хоровое пѣніе: «Христосъ воскресъ!» Этотъ звонъ, ему знакомый съ юныхъ лѣтъ, вызываетъ въ отчаявшемся и потерявшемъ вѣру ученомъ воспоминанія счастливаго дѣтства и призываетъ его къ жизни. Онъ со слезами восклицаетъ:

Слеза течетъ, землѣ я отданъ снова!

На гуляньѣ въ свѣтлое воскресенье къ Фаусту пристаетъ пудель. Дома, когда пудель мѣшаетъ ему работать, ученый замѣчаетъ, что подъ видомъ пуделя оказывается Мефистофель, который, подъ дѣйствіемъ заклинаній, обличаетъ свою истинную натуру:

Той силы часть и видъ,
Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творитъ.
. . . .
. . . Часть той части я, что прежде всѣмъ была;
Часть истины, которая и свѣтъ произвела,
Свѣтъ гордый, что свою родительницу ночь,
Всего лишивъ, изъ міра гонитъ прочь,
А все удачи нѣтъ, затѣмъ что самъ
Вполнѣ прикованъ онъ къ дѣламъ.

Мефистофель соблазняетъ Фауста своими услугами, обѣщая такимъ «искусствомъ ублажать, какого никому изъ смертныхъ не видать». Договоръ заключенъ. Мефистофель обязывается служить разочарованному ученому и исполнять все, что онъ только пожелаетъ, безпрекословно до тѣхъ поръ, пока Фаустъ не скажетъ мгновенью: «Остановись! Прекрасно ты!» А съ того момента Фаустъ всецѣло принадлежитъ Мефистофелю. Этимъ договоромъ ученый порываетъ всякую связь съ былымъ существованіемъ и отдается потоку дѣйствительной жизни, желая испытать все, что «смертнымъ выпало на долю», восторгъ и скорбь и въ ихъ стремленьѣ найти свое стремленье, хотя бы и ему, какъ имъ, пришлось потерпѣть крушенье. Но для такой школы нужна юность и вотъ, при помощи Мефистофеля, Фаустъ, побывавъ на пиру гулякъ въ погребѣ Ауэрбаха, отправляется въ кухню вѣдьмы. А съ возвращеніемъ молодости является и потребность любви. Фаустъ влюбляется въ Гретхенъ, настоящаго ребенка, простота и невинность котораго побѣдили и очаровали его сердце. Тутъ Мефистофель пользуется случаемъ, чтобы побудить его совершить грѣхъ. Фаустъ желаетъ обладать кроткой, доброй, наивной, чистой и честной Гретхенъ. Ея крайне несложное существо охватывается пламенемъ пер-

Заключительная сцена Гётевскаго Фауста (Картина П. Корнеліуса).

вой любви и пламя это сжигаетъ ее. Она отдается безъ брака Фаусту, котораго любитъ, отдается съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякаго сопротивленія, даже безъ малѣйшаго желанія сопротивляться, единственно изъ глубокой женской привязанности. Удивленная и смущенная глубокими познаніями Фауста, Гретхенъ смотритъ на него, какъ на что-то высшее. «Для нея, по справедливому замѣчанію Георга Брандеса («Женскіе типы у Гёте»), какъ будто обратилось въ дѣйствительность древнее сказаніе, что сыны боговъ снизошли до человѣческихъ дочерей. Она совершенно теряется передъ возлюбленнымъ, вмѣстѣ съ нимъ возвышается и въ немъ исчезаетъ. Это не два равныхъ другъ другу существа, которыя даютъ другъ другу руку и принимаютъ на себя взаимныя обязательства, а пораженный смущеніемъ и удивленіемъ ребенокъ, прилѣпляющійся къ мужчинѣ». Для Гретхенъ это—вся жизнь, а въ жизни Фауста это только одинъ эпизодъ. Отдавшись ему, она уже никого не любитъ, остается вѣрной ему по инстинкту, а Фаустъ, соблазнивъ, бросаетъ ее. Эта любовная исторія причиняетъ смерть матери Гретхенъ, ея брату, ея ребенку и ей самой. Мать она умерщвляетъ усыпительнымъ напиткомъ, чтобы Фаустъ могъ придти къ ней ночью. Брата закалываетъ на поединкѣ Мефистофель, когда тотъ хотѣлъ отомстить за безчестіе своей сестры. Ребенка сама Гретхенъ убиваетъ изъ боязни позора. Ее заключаютъ въ тюрьму и казнятъ.

И такъ, въ своемъ стремленіи къ свѣту и познанію жизни, Фаустъ, на первыхъ порахъ, поддавшись страсти, вскорѣ убѣдился въ ея суетности и отрѣшился отъ нея. Во второй части онъ уже изъ «малаго свѣта» переходитъ въ «большой» и, окунаясь въ водоворотѣ нравственныхъ явленій, которыми обозначился ходъ общечеловѣческаго развитія, пускается на свои поиски по всей исторіи человѣчества.

«Весна—краса природы», въ лицѣ Аріеля, снова пробуждаетъ энергію въ Фаустѣ, начинавшую было ослабѣвать подъ тяжкимъ сознаніемъ вины относительно Гретхенъ. Онъ вмѣстѣ съ Мефистофелемъ, согласно легендѣ о Фаустѣ [1]), попадаетъ ко двору импе-

[1]) Кстати сказать, въ послѣднее время появилось нѣсколько любопытныхъ разъясненій объ этой легендѣ. Упомянемъ напримѣръ, статью Царнке въ мюнхенской «Allgemeine Zeitung» (№ 246, 1883 г.). Такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстно имя автора знаменитой «Historia von D. Iohann Fausten», напечатанной въ 1587 году во Франкфуртѣ на Майнѣ и послужившей для «Фауста» Гёте фундаментальный канвой, то Царнке пытается очертить умственную атмосферу, среди которой появилась «Исторія». Изъ собранныхъ имъ библіографическихъ данныхъ объ издателѣ этой книги, Іоганнѣ Шписсѣ, видно, что она была продуктомъ строго лютеранскаго направленія.

Тутъ же умѣстно упомянуть объ одномъ изъ мемуаровъ, недавно увѣнчанномъ королевской академіей въ Мадридѣ, по поводу столѣтія Кальдерона. Задачей конкурса было рѣшить вопросъ, въ какомъ соотношеніи находятся сюжеты «El magico prodigioso» Кальдерона и «Фауста» Гёте, сообразно съ старин-

ратора Максимиліана I, при особѣ котораго Мефистофель занимаетъ должность шута. Императоръ предается беззаботной веселости, незамѣчая, какъ государство доходитъ до раззоренія и упадка. Императору вздумалось вызвать образъ Елены. Но Фаустъ самъ плѣняется ея идеальной красотой до самозабвенія. Но, когда онъ хочетъ схватить явившійся призракъ, происходитъ взрывъ, Фаустъ лежитъ на землѣ, а Елена исчезаетъ въ туманѣ. На этомъ кончается первое дѣйствіе 2-й части. Мефистофель переноситъ обезсиленнаго Фауста въ его прежній кабинетъ, гдѣ его Фамулусъ Вагнеръ, этотъ «бумажной мудрости сухой ползунъ», какъ его мѣтко назвалъ Струговщиковъ въ своемъ переводѣ «Фауста» (1-я часть), только что сдѣлалъ великое открытіе. Ему удалось искусственнымъ путемъ создать человѣчка Гомункула. Этотъ человѣчекъ, знаменующій собой стремленіе человѣчества къ идеалу высшей культуры, выка-

ными и средневѣковыми легендами, которыми могли вдохновляться оба писателя. Могуэль получилъ премію. Въ его мемуарѣ основательно доказано, что въ обоихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего схожаго, даже сюжетъ иной. Во-первыхъ, любовь Фауста и Маргариты не исчерпываетъ сюжета «Фауста». Это—только эпизодъ. Между тѣмъ какъ сюжетъ «Чудодѣйственнаго Чародѣя» сводится къ любви Кипріана къ Юстиньѣ. Когда Фаустъ заключилъ договоръ съ діаволомъ, онъ не зналъ Маргариты. Только въ оперѣ Гуно онъ знакомъ съ ней и уже одно это измѣняетъ и искажаетъ трагедію Гёте. Въ «Чудодѣйственномъ Чародеѣ» Кипріанъ заключаетъ договоръ единственно съ намѣреніемъ овладѣть Юстиньей. Демонъ Кальдерона—настоящій сатана, только и помышляющій что о гибели душъ. Мефистофель же—скорѣе отрицатель, холодный и безпощадный насмѣшникъ надъ добромъ, нежели отъявленный служитель зла. Такого діавола, какъ Мефистофель, можно было придумать только въ концѣ XVIII столѣтія. Фаустъ продаетъ свою душу діаволу, чтобы возстановить силы молодости и съ ними отдаться жизни. Кипріанъ—не старъ, онъ красивъ и добивается только соблазнить Юстинью. Любовная исторія въ «Фаустѣ» вставлена, какъ эпизодъ, геніально изображающій роковыя послѣдствія человѣческихъ стратей. «Чудодѣйственный Чародѣй», напротивъ, оправдываетъ страсть и показываетъ резонность соблазна. Но гдѣ же зародилась личность Фауста? Изысканія Могуэля привели его къ слѣдующему заключенію. Около 1480 года въ Книттлингенѣ, въ Виртембергѣ, родился будущій великій ученый. Онъ изучалъ философію въ Гейдельберѣ, физику и магію въ Краковѣ, почему, вѣроятно, иные и считаютъ прототипъ Фауста полякомъ. При содѣйствіи Франца Сикингена, онъ былъ преподавателемъ и ректоромъ коллегіи въ Крейцнахѣ. Это былъ такой заправскій гуманистъ, что приводилъ на память цитаты изъ всѣхъ сочиненій Платона и Аристотеля. Въ своемъ невѣріи онъ доходилъ до того, что увѣрялъ въ возможности дѣлать всѣ чудеса, о какихъ повѣствуетъ евангеліе. Уже при жизни онъ сталъ легендарной личностью. Увѣряли, будто въ Виттенбергѣ онъ воскресилъ Елену и женился на ней. У него былъ слуга, всюду сопровождавшій его, по имени Мефистофель. Для всѣхъ нѣмцевъ этотъ слуга сдѣлался олицетвореніемъ сатаны. Однажды онъ убилъ своего господина въ Римлихѣ, близъ Виттемберга, и вотъ легенда готова: это, молъ, демонъ, съ которымъ ученый докторъ заключилъ договоръ и который, когда наступилъ срокъ расплаты и докторъ отказался исполнить условіе, убилъ своего господина и унесъ съ собой его душу. Легенда распространилась по Европѣ. Къ 1561 году, Фаустъ сталъ извѣстенъ въ Испаніи. Одинъ изъ нѣмецкихъ студентовъ, Конрадъ Гесперъ, написалъ своему другу Крафту, что док-

зываетъ свой скороспѣлый разсудокъ особеннаго рода. Онъ называетъ Мефистофеля, этого отрицателя, своимъ «братцемъ», отгадываетъ мысли Фауста, которыя все еще сосредоточены на Еленѣ, и совѣтуетъ ему отправиться на античную почву. Не бывавъ тамъ, Фаустъ не можетъ быть культурнымъ. Въ Фарсалѣ предстоитъ Вальпургіева ночь и сборище древнегреческихъ привидѣній; только тамъ Фаустъ могъ бы исцѣлиться. Такъ и случилось. Мефистофель и Гомункулъ вмѣстѣ съ Фаустомъ несутся по воздуху и спускаются на Пеней. Гомункулъ освѣщаетъ дорогу въ идеальный міръ греческаго искусства своимъ интеллигентнымъ фонаремъ. Только что коснулся земли Фаустъ, какъ уже спрашиваетъ: «А гдѣ она?» И блуждаетъ онъ въ кругу миѳологическихъ существъ, разспрашивая:

Скажите лики женскіе сейчасъ:
Елены кто не видѣлъ-ли изъ васъ?

Центавръ Хиронъ сажаетъ Фауста къ себѣ на спину и везетъ къ предсказательницѣ Манто, дочери Эскулапа, въ качествѣ помѣшаннаго, котораго ей надо излечить. Но она восклицаетъ: «кто хо-

торъ Фаустъ пользуется необычайной знаменитостью «въ кругу студентовъ, которые ведутъ беспутную жизнь». Въ 1599 году, по свидѣтельству Патера Мартина дель-Ріо, два магика Фаустъ и Агриппа платили въ испанскихъ гостинницахъ съ виду настоящими деньгами, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, эти деньги превращались въ роговое вещество. Затѣмъ легенда проникла въ Англію. Въ 1584 году, Марло, по профессіи актеръ, раззорившійся жуиръ, отождествилъ себя съ Фаустомъ и составилъ драму изъ легенды. Перебывавъ на всѣхъ кукольныхъ комедіяхъ въ Англіи, драма эта попала въ Германію. Въ 1759 году, Лессингъ задумалъ изобразить Фауста побѣдителемъ демона, при помощи ангела. Немногимъ, пожалуй, извѣстно, что современники Гёте, генералъ Клингеръ и Ленцъ, умершіе въ Россіи, сочиняли каждый «Фауста». Наконецъ въ 1775 году, Гёте прочелъ Клопштоку первые сцены своего «Фауста». Только Гёте вполнѣ далась эта сложная задача.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе полустолѣтія варіаціи на тэму «Фауста» не переставали слѣдовать одна за другой. Въ своемъ трояномъ воплощеніи — философскомъ, литературномъ и артистическомъ — онъ оказывалъ истинное обаяніе на людей мысли и печатнаго слова. Отмѣтимъ здѣсь весьма любопытную и недавнюю попытку Камилля Беллэга («Faust») прослѣдить эту полувѣковую борьбу со сфинксомъ германскимъ. Беллэгъ, пробуя объяснить «Фауста», сознавъ всю трудность и сложность подобной задачи, ибо каждый обыкновенно толкуетъ по своему всѣ выраженныя въ трагедіи Гёте тайны человѣческой души, ея сомнѣнія, ея страсти и порывы къ раскаянію; для каждаго эта эпопея борьбы человѣческихъ инстинктовъ съ требованіями разума служитъ зеркаломъ, въ которомъ каждый ищетъ слѣдовъ своей мысли и своихъ сердечныхъ движеній. Всегда тутъ, стало быть, анализъ получается нѣсколько индивидуальный; Беллэгу пришла счастливая мысль анализировать главнымъ образомъ художественныя и артистическія произведенія, вызванныя къ жизни созданіемъ Гёте. Такъ, безсмертный сюжетъ «Фауста» искушалъ талантъ живописцевъ и композиторовъ, — Делакруа, Ари Шеффера, Берліоза, Гуно и Шумана. Къ сожалѣнію, этотъ этюдъ, при всѣхъ его литературныхъ достоинствахъ, не чуждъ пристрастія къ излюбленнымъ автору композиторамъ.

четъ невозможнаго,—мнѣ милъ», и обѣщаетъ провести Фауста темными ходами къ Персефонѣ. Тамъ онъ можетъ свидѣться съ Еленой. Сцена, въ которой должно было произойти это свиданіе, осталась ненаписанной. Но въ третьемъ актѣ, послѣ того, какъ пронеслись всѣ чудеса классической Вальпургіевой ночи, послѣ того, какъ Гомункулъ, тщетно допытываясь у Ѳалеса и Анаксагора, какого направленія ему держаться, разбиваетъ, наконецъ, свою реторту, въ которой, до тѣхъ поръ, заключены были его несмѣтныя духовныя силы, у ногъ красоты, на тронѣ Галатеи, послѣ того, какъ Мефистофель принялъ античную наружность, переодѣвшись фуріей Форкіадой, желаніе Фауста исполняется.

Елена является ему въ собственномъ дворцѣ въ Спартѣ. Въ памяти ея удержалось случившееся только по возвращеніи изъ Трои. Она какъ будто только что приплыла къ Спартѣ, посланная Менелаемъ впередъ, чтобъ принести жертву богамъ. Тутъ на порогѣ дворца встрѣчаетъ ее Мефистофель въ образѣ Форкіады и объявляетъ ей, что жертвой должна быть она сама. Однакожь, Мефистофель предлагаетъ Еленѣ убѣжище. Въ отсутствіе Менелая, въ горахъ за Спартой поселился сѣверный воинственный народъ; предводитель его готовъ ограждать Елену. Она соглашается. Въ волшебномъ туманѣ Мефистофель переноситъ ее съ ея служанками въ средневѣковый дворецъ, гдѣ Фаустъ, въ кругу толпы привидѣній, встрѣчаетъ ее въ качествѣ предводителя этихъ привидѣній и скоро пріобрѣтаетъ ея любовь. Онъ возвращается съ ней въ Аркадію. Ребенокъ Эвфоріонъ — плодъ ихъ союза; этотъ ребенокъ проявляетъ слишкомъ кипучую страстью природу, онъ вырывается изъ рукъ родителей, взлетаетъ на скалы, все выше и выше, туда, «гдѣ смертный стонъ», наконецъ, прекрасный юноша падаетъ къ ногамъ родителей. Его духъ возлетѣлъ горѣ. Изъ глубины онъ зоветъ мать и та исчезаетъ [1]). Фаустъ стоитъ одинъ. Только платье и покрывало остаются въ рукахъ у него. Эти одежды Елены разрѣшаются облаками и уносятъ Фауста.

Въ четвертомъ актѣ Фаустъ спускается съ облаковъ на вершину высокой горы. Является Мефистофель и спрашиваетъ, не

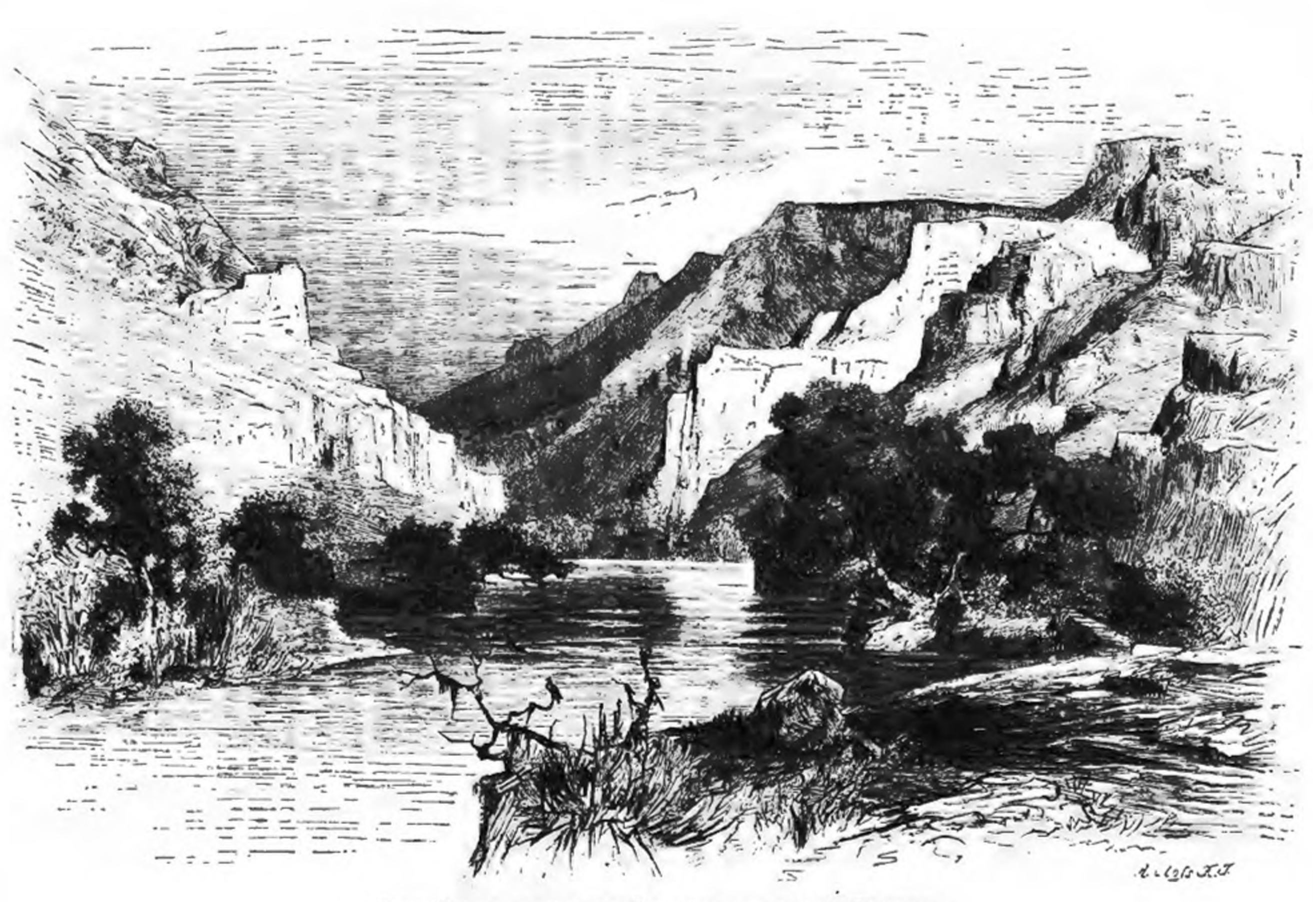
---

[1]) Въ образѣ Эвфоріона Гёте представилъ Байрона, какъ жреца новой лирической поэзіи. Любопытно упомянуть, что мнѣніе Бѣлинскаго о Байронѣ очень подходитъ къ Гётеву образу Эвфоріона, хотя комментаторы «Фауста» только въ недавнее время доискались значенія этого съ виду фантастическаго плода отъ сочетанія Фауста съ Еленой, идеаломъ классической красоты. «Душа его была бездонная пропасть», говоритъ нашъ критикъ про Байрона, «его притязанія на жизнь были огромны, а жизнь отказала ему въ его требованіяхъ... Въ аравійской пустынѣ желѣзнаго стоицизма нашелъ онъ свое убѣжище отъ карающей и презираемой имъ судьбы и не достигъ до обѣтованной земли благодати, гдѣ открывается вѣчная истина, разрѣшаются въ гармонію диссонансы бытія и мерцаетъ таинственнымъ блескомъ заря безконечнаго блаженства» (соч., т. II).

встрѣтилъ ли онъ во время своихъ странствій чего нибудь такого, что приглянулось бы ему, чѣмъ бы онъ хотѣлъ обладать. У Фауста есть такое желаніе. Онъ хотѣлъ бы морской берегъ сдѣлать плодороднымъ, побѣдить необузданную стихію. И желаніе его быстро исполняется. Въ государствѣ того императора, у котораго онъ когда-то былъ, вспыхнуло возстаніе. Фаустъ и Мефистофель отправляются на помощь императору съ своей волшебной силой и разбиваютъ враговъ его. Въ благодарность за это, Фаустъ награждается морскимъ берегомъ. Но тутъ опять, повидимому, недостаетъ сцены, гдѣ это, дѣйствительно, было бы исполнено.

Въ пятомъ актѣ морской берегъ принялъ новый видъ. Гдѣ прежде приливали волны — разведены пастбища, сады, построена деревня, выросъ лѣсъ. Правителемъ этой новой страны является престарѣлый Фаустъ. Мефистофель и духи послужили великой цѣли. Но за то, гдѣ только могутъ они, туда сейчасъ же дьявольски спѣшатъ внести злое начало. Вмѣсто торговли и судоходства они занимаются пиратствомъ. Гдѣ можно обойтись мирными средствами, они жгутъ и убиваютъ. Фаустъ чувствуетъ, что онъ не вполнѣ свободенъ, пока не отрѣшится отъ магіи. Тогда къ нему подходитъ «забота», онъ отказывается отъ магической силы и не произноситъ ни одного волшебнаго слова. Забота не покидаетъ его. Напрасно онъ устрашаетъ ее словами, напрасно потому, что отъ ея дыханія онъ слѣпнетъ. Внутренно у него, однако, горитъ яркій свѣтъ и онъ сзываетъ своихъ людей на работу. Надо прокопать каналъ и онъ радуется, прислушиваясь къ стуку заступовъ. Но они выкопали не то, что было приказано, они выкопали ему могилу. Фаустъ, между тѣмъ, мысленно переносится въ будущее, когда на новой почвѣ станетъ благоденствовать простолюдинъ и труженикъ. Съ свободнымъ народомъ и онъ бы наслаждался жизнью. Вотъ тогда онъ сказалъ бы мгновенію: «Остановись! Прекрасно ты!». Съ такимъ чувствомъ умираетъ Фаустъ. Мефистофель упустилъ его изъ своихъ рукъ. Ему не удалось совратить Фауста съ прямой дороги. Въ своемъ безостановочномъ стремленіи къ общему благу, Фаустъ былъ дѣятеленъ до послѣдней минуты, и въ будущемъ уже предчувствовалъ освобожденіе. Тщетно Мефистофель выпускаетъ своихъ чертей; въ борьбѣ съ ангелами, они побѣждены. Небесные вѣстники уносятъ «безсмертное» Фауста. Марія, въ кругу трехъ кающихся грѣшницъ, несется къ нему навстрѣчу, Гретхенъ принимаетъ его и уноситъ въ высшія сферы: любовь спасаетъ Фауста.

Какъ ни различны между собой, на первый взглядъ, обѣ части «Фауста», но не трудно замѣтить въ нихъ несомнѣнную аналогію. Наиболѣе значительные мотивы въ первой части, повторены во второй въ высшей мѣрѣ, съ точки зрѣнія художественнаго изображенія. Тамъ, напримѣръ, нѣмецкая средневѣковая Вальпургіева ночь, тутъ— классическая ночь; тамъ Вагнеръ—фамулусъ Фауста, здѣсь онъ са-

Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ.

мостоятельный ученый; жаждущій знанія ученикъ первой части во второй представленъ надменнымъ и надутымъ пустой чванливостью бакалавромъ; молитва отчаянія Гретхенъ превращается въ молитву радости; роль Гретхенъ во второй части въ совершенно аналогическомъ положеніи Фауста исполняетъ Елена. Обѣ грѣшницы становятся добрыми геніями для Фауста. Онѣ его ободряютъ, онѣ его отклоняютъ отъ зла. Подобно Гретхенъ, на него оказываетъ дѣйствіе Елена съ перваго взгляда. Но и тутъ порывъ страсти уступаетъ мѣсто благороднѣйшимъ чувствамъ; у Гретхенъ читатель это видитъ ясно, у Елены онъ долженъ это отгадывать. Самый Амуръ у Гёте совсѣмъ не такой, какимъ его изображаютъ обыкновенно, не милый ребенокъ, окруженный вѣнкомъ грацій. Это — скорѣе большой преступникъ, ищущій погубить такую простушку, такую мягкосердечную, довѣрчивую, кроткую, безсознательно, по инстинкту, преданную предмету своей любви, какъ Гретхенъ. У Елены, напротивъ, все сознательно. Она понимаетъ свое сердце, она прислушивается къ нему, она поступаетъ не по инстинкту, а съ полнымъ убѣжденіемъ. И, однакожь, образъ Гретхенъ такъ ясенъ и свѣтелъ, а образъ Елены окруженъ нѣкоторымъ туманомъ. Комментаторы «Фауста» склонны объяснять это обстоятельство забвеніемъ ею своего существованія среди богинь, полагая, что только подъ такимъ условіемъ она вступила въ союзъ съ Фаустомъ. Но не проще ли признать, что Гёте не могъ изобразить этотъ идеалъ высшей красоты съ какой либо неприглядной стороны. Къ тому же Елена явилась путеводной звѣздой на пути Фауста. Покинувъ его, она завѣщала своему сѣверному другу энергію животворной дѣятельности, которая отвлекла его отъ зла. Отсюда понятно и неудержимое стремленіе къ Еленѣ, олицетворяемое Гомункуломъ, этой звѣздой, освѣщающей путь прекрасной Галатеи, этой прелюдіи къ сочетанію Фауста съ вѣчной красотой.

Конечно, Гомункулъ кажется жалкимъ существомъ, какъ произведеніе жалкаго ума Вагнера, но жалокъ онъ до той минуты, пока въ лабораторіи своего папаши жарится на огнѣ, тщетно порываясь разбить реторту. Съ той же минуты, какъ смѣшная реторта, одухотворенная мыслью человѣческою, вырывается изъ рукъ «бумажной мудрости сухаго ползуна», Гомункулъ становится великъ. Онъ какъ бы олицетворяетъ собою тѣхъ мыслителей-ученыхъ, которые не съумѣли оставить поколѣніямъ «ни мысли благотворной, ни геніемъ начатаго труда». Ихъ маленькія мысли, вычитанныя изъ большихъ фоліантовъ, заключены въ тѣсную реторту ихъ духа, томятся на огнѣ ихъ нравственной немощности. Но пробилъ часъ, маленькая мысль вырывается изъ рукъ ея родителя; оставляя его перебирать негодный хламъ въ углу затхлой лабораторіи мысль эту привѣтствуетъ Фаустъ, «мужъ желаній» и яркой звѣздочкой ведетъ она, все развиваясь и сіяя ярче и ярче, въ міръ прекраснаго. Разъ ге-

ній достигъ желанной цѣли, ему не нуженъ руководитель, жалкое произведеніе жалкой посредственности. Фаустъ самъ пойдетъ къ «матерямъ», въ міръ идей, самъ выведетъ ихъ мощной рукой изъ тьмы небытія и забудетъ о звѣздочкѣ — Гомункулѣ, преклонясь передъ солнцемъ красоты. Мысль не нужная, но забытая, разбивается у трона прекраснаго, у трона Галатеи, но въ мигъ своей ранней гибели она испытываетъ такое мучительное счастье, какому могутъ позавидовать тысячи живыхъ.

Фаустъ, овладѣвъ идеаломъ общечеловѣческой красоты, въ образѣ Елены, уже былъ спасенъ и могъ соединиться съ «женственно нѣжнымъ» созданіемъ, съ Гретхенъ. Соединеніе это явилось необходимостью для окончательнаго просвѣтленія Фауста, для окончательнаго возвращенія его къ блаженству духовнаго равновѣсія. Онъ отрѣшился отъ страсти, позналъ высшую красоту, испыталъ вѣяніе всеобъемлющаго духа жизни, и душа старца Фауста, исторгнутая изъ рукъ лемуровъ, сочеталась съ юной, чистой душой Гретхенъ. До чего дошелъ «мужъ желаній» путемъ страданій, разочарованій и даже преступленій, то открылось непосредственному чувству женщины, полюбившей всѣми силами своей души. Словомъ, Гретхенъ— инстинктивное стремленіе сердца къ свѣту и правдѣ, Фаустъ—сознательное стремленіе человѣческаго духа къ той же цѣли. И великій поэтъ вложилъ въ уста ангеловъ такой приговоръ надъ душами, сочетавшимися въ блаженствѣ духовнаго единенія:

Чья жизнь стремленіемъ была,
Тотъ чуждъ среды грѣховной.

Ѳ. Вулгаковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія Н. Костомарова. 3 тома. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб. 1884.

НАДНЯХЪ вышла, четвертымъ изданіемъ, историческая монографія Н. И. Костомарова — «Богданъ Хмельницкій».

Едва ли нужно въ настоящее время объяснять, что̀ новаго внесла эта монографія въ исторію Россіи вообще и въ исторію южно-русскаго народа въ особенности: все это было указано критикою въ свое время. Притомъ же книга эта, выдержавъ три изданія послѣ того какъ она всѣми была прочитана въ журналѣ, въ которомъ первоначально печаталась, и обойдя, такимъ образомъ, обширный кругъ читателей, который, по малой мѣрѣ, захватываетъ собой тысячъ полтораста, а можетъ быть и несравненно больше, — книга эта — повторяемъ — мало кому неизвѣстна во всей читающей половинѣ Россіи. Поэтому говорить о ея достоинствахъ было бы — мы полагаемъ — излишне, особенно же въ виду того, что, какъ безспорно всѣми признано, монографія эта, вмѣстѣ съ монографіею «Стенька Разинъ», наиболѣе отличается тѣми яркими достоинствами, которыми болѣе чѣмъ всѣми послѣдующими своими сочиненіями авторъ завоевалъ себѣ, давно укрѣпившуюся за его именемъ, славу популярнѣйшаго въ Россіи историка-живописателя. Мнѣніе это высказалъ недавно и г. Пыпинъ въ послѣдней своей статьѣ «Народничество», упомянувъ въ ней о «художественной исторіографіи, замѣчательнѣйшими произведеніями которой — какъ онъ выражается — были въ особенности первые труды г. Костомарова» («Богданъ Хмельницкій» и «Стенька Разинъ»).

Если что остается сказать по поводу четвертаго изданія «Богдана Хмельницкаго», такъ это указаніе на то, что̀ новаго даетъ оно сверхъ того, что было въ его трудѣ первыхъ трехъ тисненій. Новаго въ послѣднемъ изданіи не мало: многое прибавлено на основаніи новыхъ матеріаловъ, которыми авторъ не пользовался прежде; многое вновь переработано и исправлено; многое дополнено значительно и освѣщено новыми данными, особенно же свѣдѣніями изъ появившагося недавно «Діаріуша» Освѣцима, изъ венгерскихъ

историковъ, какъ напр. изъ Крауса, изъ записокъ современника, еврея Ганновера, недавно изданныхъ въ русскомъ переводѣ заграницею, и, наконецъ, кое-что изъ опубликованныхъ недавно г. Дитятинымъ въ «Русской Мысли» документовъ о московскомъ земскомъ соборѣ 1651 года, который историки какъ будто проглядѣли, о соборѣ, на которомъ выборными людьми Московскаго государства рѣшено присоединеніе Гетманщины или Малороссіи къ московской державѣ.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что мы доживемъ еще и до 5-го изданія лучшей исторической монографіи маститаго историка.

Д. М.

Андрей Замойскій. Станислава Скржинскаго. Краковъ. 1884 г. (Andrzej hr. Zamojski. Napisal Stanislaw Skrzynski. Wydanie drugie rozszerzone. Krakow. 1884).

Апологія памяти маркиза Велепольскаго въ извѣстномъ произведеніи г. Лисицкаго и успѣхъ этой апологіи побудили, безъ сомнѣнія, къ возстановленію памяти другой крупной личности изъ эпохи Велепольскаго, его соперника, графа Андрея Замойскаго. Впрочемъ, задача въ томъ и другомъ случаѣ была не вполнѣ одинакова, какъ неодинаковы и герои. Чтобы ни говорили о Велепольскомъ съ той и другой изъ крайнихъ сторонъ, однакожъ, эти нареканія, въ свое время очень страстныя, послужили поводомъ и какъ бы фундаментомъ для позднѣйшаго его историческаго оправданія, которое при обстоятельствахъ можетъ перейти даже въ возвеличеніе эффектной фигуры маркиза. Біографы маркиза сообщаютъ ему фигуру борца, который одинъ, противъ разныхъ теченій, сражался за свою идею, связалъ свое имя съ извѣстной, мимолетной эпохой и, побѣжденный обстоятельствами, палъ не безъ достоинства, не оставивъ послѣ себя ни преемниковъ, ни продолжателей. Порицатели маркиза прибавляютъ къ этому, что онъ и не могъ имѣть успѣха, такъ какъ взялся лечить политическую болѣнь административными средствами, но еще вопросъ — какими средствами сталъ бы тогда ее лечить Замойскій, если бы даже у него была склонность къ дѣйствію. Доходъ съ книги г. Скржинскаго предназначенъ на сооруженіе памятника Андрею Замойскому, но едва ли даже самые рьяные поборники идеи этого аристократа станутъ утверждать, что его имя, несмотря на большую популярность между современниками, останется въ памяти потомства, въ польской исторіи, столь же прочно, какъ имя нетерпимаго при жизни почти никѣмъ маркиза. Разумѣется, книжка составляетъ панегирикъ графу Андрею, иначе на нее нельзя и смотрѣть. Распространяясь чрезвычайно подробно о трудахъ по хозяйственнымъ улучшеніямъ, произведеннымъ Замойскимъ въ своихъ имѣніяхъ, о мѣрахъ по введенію долгосрочныхъ крестьянскихъ арендъ, съ отмѣною барщины и т. п., авторъ посвящаетъ сравнительно очень немного мѣста характеристикѣ того политическаго положенія, какое занималъ Замойскій въ началѣ польскаго броженія шестидесятыхъ годовъ, какъ президентъ земледѣльческаго общества. Извѣстно, что общество это, какъ вышедшее за предѣлы своей программы, было вскорѣ закрыто, а потомъ и Андрей Замойскій, допустившій свое участіе въ явно противозаконномъ адресѣ, былъ отозванъ въ Петербургъ и затѣмъ высланъ за границу, откуда болѣе уже не возвращался.

Роль его въ эту пору даже и г. Скржинскій также не разъясняетъ, если не считать безпрестанныхъ возгласовъ, что онъ стоялъ за право и законность.

Андрея Замойскаго одни называютъ идеалистомъ, поклонникомъ англійскихъ учрежденій, который не вѣдалъ политической дѣйствительности, виталъ воображеніемъ въ независимой, до-раздѣльной Польшѣ и, въ силу своей непрактичности и доброты, позволялъ себя увлекать къ рискованнымъ шагамъ, хотя бы имъ самъ же первый не сочувствовалъ. Другіе прямо винятъ его въ двоедушіи, и безъ сомнѣнія не безъ преобладанія такого взгляда состоялось самое удаленіе Замойскаго изъ края, такъ какъ если кто нибудь, то именно онъ могъ въ силу своей популярности задержать своихъ соотечественниковъ на скользкомъ пути, но графъ не сдѣлалъ для этого ровно ничего практическаго. Интересно, что авторъ біографіи Замойскаго винитъ тогдашнюю русскую (горчаковскую) администрацію въ слабости, чуть не въ попустительствѣ при первыхъ уличныхъ манифестаціяхъ въ Варшавѣ, которыя стали затѣмъ сопровождаться и кровавыми жертвами. Если бы намѣстникъ явилъ примѣръ строгости, то броженіе было бы прекращено въ самомъ началѣ, не было бы и возстанія столь гибельнаго для Польши...

Спрашивается: что же дѣлала такъ называемая «бѣлая» партія, и ея кумиръ, рыцарь порядка, правды, законности, какимъ выставляетъ Андрея Замойскаго его панегиристъ, и не падаетъ ли на нее также отвѣтственности? О Горчаковѣ мы говорить не будемъ, и дѣйствія русскихъ властей сюда не относятся, но обращаясь къ краснымъ и Велепольскому, нельзя отвергать, что у нихъ были свои, опредѣленныя программы. Бѣлые же только негодовали на ту и на другую сторону: ихъ предупредили и тутъ, и тамъ. Что бы ни говорили о патріотическихъ цѣляхъ Андрея Замойскаго, но ему больше гордость не позволила сойтись съ Велепольскимъ: по мнѣнію автора книги, Велепольскій долженъ былъ первый поднести на разсмотрѣніе Замойскому свои проекты, а тотъ этого не сдѣлалъ. Кромѣ того, графъ Андрей колебался и—выжидалъ событій, быть можетъ, въ силу своего прежняго афоризма, что «Польша, какъ зрѣлый плодъ, сама отпадетъ отъ Россіи». Но событія его опередили. Авторъ книжки говоритъ, что Замойскій и Велепольскій стремились къ одной и той же цѣли, но разными путями, что это были двѣ параллельныя линіи, которыя никогда сойтись не могутъ. Однакожъ, въ концѣ концовъ, Велепольскій, хотя и проигралъ партію, но шелъ несомнѣнно своей, оригинальной дорогой, тогда какъ Замойскій, поставившій себѣ правило—ничего не просить, не входить ни въ какіе компромиссы, былъ устраненъ съ поля дѣйствія силою самихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе неопредѣленности, туманности для него самого поставленныхъ себѣ идеаловъ.

Авторъ біографіи Замойскаго старается придать этимъ идеаламъ жизненность и притомъ самую современную. Андрея Замойскаго онъ ставитъ какъ бы родоначальникомъ мирнаго «органическаго труда» на дѣло возрожденія Польши. Эта мысль, говоритъ онъ, составляетъ лозунгъ польскаго общества и въ настоящее время. Андрей Замойскій оставилъ трудъ цѣлой своей жизни въ наслѣдіе грядущему поколѣнію, которое въ общемъ усвоило его программу. Замойскій самъ работалъ на поприщѣ улучшенія народнаго быта, быта крестьянъ, и ему-то не мало обязано польское общество тѣмъ, что крестьяне, пріученные къ правильному хотя срочному земельному пользованію, могли усвоить себѣ и ввести въ жизнь принципъ земельной собственности.

Извѣстно, впрочемъ, что именно Замойскій былъ противникомъ закрѣп-

ленія земли въ собственность за крестьянами, въ чемъ сходился съ Велепольскимъ; между тѣмъ уже тогда были люди въ той же средѣ (какъ, Ѳома Потоцкій), которые сознавали необходимость реформы именно въ такомъ направленіи и высказывали свои мысли въ печати.

Политика Велепольскаго пала совершенно, а программа Андрея Замойскаго еще и теперь существуетъ и должна существовать, такой выводъ дѣлаетъ авторъ изъ своего труда, помимо многочисленныхъ похвалъ самой личности своего героя, взятой отдѣльно. Мы добавимъ, что въ сущности эта программа сама по себѣ не представляетъ ничего новаго. Въ каждомъ народѣ, во всѣхъ странахъ, граждане должны трудиться на пользу отечества въ томъ званіи, какое носятъ, на томъ поприщѣ, къ какому кто призванъ. И отъ такихъ единичныхъ доблестей на экономической и иной аренѣ въ общемъ судьба цѣлаго народа можетъ даже болѣе или менѣе выиграть, если нѣтъ какихъ либо противодѣйствующихъ, болѣе сильныхъ вліяній. Все это нельзя назвать даже вновь изобрѣтеннымъ политическимъ цѣлебнымъ средствомъ. Но связывать съ этимъ — и только съ этимъ, опредѣленные политическіе виды едва ли не столь же странно, какъ странны справедливо осмѣиваемыя авторомъ выспреннія и частію суевѣрныя политическія теоріи, получившія большой ходъ въ польскомъ обществѣ послѣ возстанія 1831 года. Вотъ именно отрицательною заслугою Замойскаго и останется, что послѣ увлеченія этими теоріями онъ понялъ ихъ несостоятельность и показалъ примѣръ спокойнаго, мирнаго экономическаго труда.

Н. С. К.

Эпизодическій курсъ исторіи. I. Всеобщая исторія. Курсъ 3-го и 4-го классовъ мужскихъ гимназій. Составилъ преподаватель Новочеркасской мужской гимназіи А. Кузнецовъ. Спб. 1884.

Прежде, чѣмъ говорить о книгѣ г. Кузнецова, коснемся вопроса: какъ должно быть поставлено дѣло обученія исторіи, предмета большой важности въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Нѣмцы давно рѣшили, и вполнѣ основательно, что всякому предмету обученія должна предшествовать закваска, на которой предметъ средней школы и строится. Безъ этой закваски не можетъ быть основательныхъ, вполнѣ сознательныхъ свѣдѣній. Языкъ, математика, географія, усвоиваются учениками лишь при томъ условіи, если они предварительно, т. е. прежде приступленія къ занятіямъ серьезнымъ, были развиваемы умственно по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ упомянутымъ предметамъ. Элементарная нѣмецкая школа полагаетъ означенную закваску и ведетъ дѣло подготовки дѣтей къ будущимъ научнымъ занятіямъ настолько замѣчательно хорошо, что намъ остается только учиться у нея. Конечно и нѣмецкая элементарная школа имѣетъ недостатки, но кто и что на свѣтѣ безъ недостатковъ? Въ этомъ случаѣ можетъ быть допущенъ лишь одинъ вопросъ: достоинства или недостатки берутъ перевѣсъ?

Основаніемъ, на которомъ строятся историческія знанія юноши, закваской этихъ знаній, служатъ родиновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе, изучаемыя въ отрочествѣ.

Цѣль родиновѣдѣнія и отечествовѣдѣнія опредѣляется самыми ихъ названіями. Эти предметы подготовляютъ ученика къ усвоенію тѣхъ понятій, на

званій, которыя въ исторической наукѣ встрѣчаются на каждой страницѣ; постепенно подготовляютъ его къ тому, чтобы онъ проникался духомъ историческаго знанія. Ребенокъ, освоиваясь съ понятіями географическими и историческими не изъ книгъ, а изъ самой дѣйствительности, незамѣтно для самого себя, входитъ въ міръ исторической жизни. Понятій о рѣкѣ, озерѣ, горѣ и другихъ географическихъ и физическихъ явленіяхъ онъ не заучиваетъ безсмысленно, а усвоиваетъ навсегда какъ нельзя болѣе сознательно, ибо рѣку, гору, озеро ему показываютъ въ самой природѣ, какъ ему объясняютъ историческіе памятники родины; передаютъ въ подробности исторію мѣста, въ которомъ онъ живетъ, будетъ ли это деревня, село, городъ. Ребенокъ постепенно знакомится съ занятіями, промыслами жителей своего мѣста. Отъ мѣста родины, если родиной деревня, переходятъ къ уѣздному городу, не минуя волости, говоря нашимъ языкомъ. Исторія этого города, опредѣленіе сословій, его составляющихъ, наименованіе властей, въ немъ находящихся, занятія жителей, передаются дѣтямъ безъ спѣха, съ тою главною цѣлью, чтобы ученики ясно, отчетливо усвоили понятіе о власти, сословіяхъ, о промыслахъ, торговлѣ, именно тѣ понятія, которыя въ географіи и исторіи встрѣчаются на каждомъ шагу и безъ отчетливаго, вполнѣ сознательнаго усвоенія которыхъ не мыслимъ успѣхъ въ занятіяхъ исторіею и географіею. Отъ уѣзднаго города переходъ къ уѣзду, затѣмъ, къ губернскому городу и всей губерніи. Ознакомленіе съ столицей, въ которой, напримѣръ, какъ у насъ въ Москвѣ, сосредоточивается нерѣдко вся исторія государства, даетъ возможность передать многіе знаменательные историческіе факты. Дѣло не въ критикѣ этихъ фактовъ, недоступной дѣтскому уму, а въ сознательномъ усвоеніи ихъ и въ проникновеніи духомъ историческихъ событій.

Исторія, какъ наука, должна преподаваться въ старшихъ классахъ и, конечно, не въ эпизодическихъ разсказахъ, ибо вся сила историческихъ знаній заключается въ послѣдовательномъ ознакомленіи съ историческими событіями и именно потому, что всякое многознаменательное событіе можетъ быть воспринято умомъ ученика вполнѣ сознательно лишь при томъ условіи, если ученикъ въ состояніи указать на цѣлый рядъ предшествовавшихъ этому событію, повидимому, не важныхъ явленій, но въ дѣйствительности создавшихъ, породившихъ упомянутый многознаменательный историческій фактъ. Будетъ ли, спрашиваемъ мы, справедливъ нашъ судъ о дѣйствіяхъ человѣка, его душевныхъ свойствахъ, если мы въ нашемъ сужденіи примемъ человѣка лишь въ данное время, при данныхъ условіяхъ? Конечно, нѣтъ, если мы не разсмотримъ всей минувшей жизни его, того множества на первый взглядъ мелочныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ росъ и развивался. Точно также не могутъ быть вѣрны наши сужденія о свойствахъ той или другой исторической эпохи и историческихъ личностей, если мы не знаемъ всѣхъ минувшихъ событій, создавшихъ или, что вѣрнѣе, способствовавшихъ образованію многознаменательной эпохи или замѣчательнаго историческаго лица. Лютеръ, его реформація, никогда не будутъ поняты учениками, если они не узнаютъ всѣхъ явленій католичества и папской власти, безъ каковыхъ явленій великій реформаторъ никогда и не народился бы.

Нѣмцы понимаютъ, что усвоить ходъ историческихъ событій, понять тайныя движенія души человѣческой, побуждающія то или другое историческое лицо дѣйствовать такъ или иначе, понять связь едва уловимыхъ и для совершенно зрѣлаго ума самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ, породившихъ

великое историческое событіе, немыслимо для мозговой силы какого нибудь 12-ти или 13-ти-лѣтняго ребенка.

Вотъ причины, заставляющія желать, чтобы исторія, какъ наука, преподавалась всрослымъ ученикамъ, если хотятъ, чтобы этотъ предметъ былъ принятъ ими сознательно и благотворно повліялъ бы на ихъ умственное развитіе.

Въ отечествовѣдѣніи ученикъ получаетъ, какъ мы замѣтили, подготовку къ пониманію исторіи. Для него понятія, на которыхъ держится исторія, совершенно ясны; онъ, такъ сказать, болѣе или менѣе освоился съ историческимъ духомъ; онъ самоувѣренно вступаетъ въ міръ исторіи. Мнѣ возразятъ, что подготовкой къ исторіи служитъ географія, въ которой историческій элементъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Во-первыхъ, географія далеко не такъ систематично излагаетъ присущій ей матеріалъ, представляя массу разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, съ которыми не легко справиться молодому уму; во-вторыхъ, при огромномъ матеріалѣ, заключающемся въ географіи, всякій учитель, что подтверждается опытомъ, до такой степени спѣшитъ набить головы учениковъ всевозможными городами, рѣками, озерами и прочимъ, что основныя, существенныя понятія, встрѣчающіяся въ географіи, повторяются учениками безъ пониманія ихъ внутренняго смысла. Ученикъ говоритъ о городахъ промышленныхъ, торговыхъ, не будучи въ состояніи отчетливо опредѣлить понятія: промышленность, торговля. Точно также смутно укладываются въ головахъ учениковъ и всѣ другія географическія понятія.

Книга г. Кузнецова изложена серьезно. Авторъ говоритъ о государственномъ управленіи различныхъ царствъ; объясняетъ, напримѣръ, къ какой цѣли стремилось то или другое законодательство греческихъ республикъ; объясняетъ причины нарожденія различныхъ многознаменательныхъ событій, но все это, въ виду тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ авторъ долженъ былъ вращаться, изложено кратко, являясь совершенно понятнымъ для людей знакомыхъ съ исторіею и требующимъ многихъ толкованій для мальчиковъ 12-ти и 13-ти лѣтъ. Толкованія, конечно, не составляютъ бѣды, но важно то: много ли пользы отъ нихъ для учениковъ, ни мало не приготовленныхъ къ усвоенію серьезныхъ историческихъ истинъ. Г. Кузнецовъ, коснувшись различныхъ существенныхъ, важныхъ историческихъ вопросовъ, поступилъ вполнѣ основательно, ибо онъ писалъ не дѣтскіе разсказы, а всетаки курсъ исторіи, хотя и эпизодическій.

Вообще, въ нашемъ образованіи юношества замѣтенъ непомѣрный спѣхъ толкнуть по возможности умственное развитіе дѣтей. Зачѣмъ же послѣ этого удивляться нашимъ 14—15-ти-лѣтнимъ философамъ; попадаются даже 10-тилѣтніе философы? Зачѣмъ удивляться стремленіямъ нашихъ дѣтей разрѣшать такіе вопросы, которые служатъ для нихъ средствомъ упражняться во фразерствѣ. Все это и самъ г. Кузнецовъ, сколько мы понимаемъ, вполнѣ сознавалъ; сознавалъ трудность передать своимъ ученикамъ многія явленія исторической жизни народовъ и, вѣроятно, на этомъ основаніи, въ своемъ руководствѣ не коснулся греческой и римской миѳологіи, какъ, равнымъ образомъ, и значенія искусства въ греческой и идеи полезности въ римской жизни. Авторъ говоритъ только въ общихъ словахъ о великомъ значеніи христіанства въ исторіи народовъ, что безъ упоминанія о существѣ миѳологическихъ вѣрованій является очень мало понятнымъ — естественное послѣдствіе того, когда говорятъ съ дѣтьми, умственный уровень которыхъ не отвѣчаетъ предмету обученія. Если

послѣдовательно провести идею значенія языческихъ вѣрованій древнихъ народовъ, неудовлетворительность ихъ для духа человѣческаго, затѣмъ, великое значеніе христіанства, которое только въ сравненіи съ язычествомъ и можетъ быть понято учениками, то не представится ни малѣйшей возможности объяснить все упомянутое 12-ти или 13-ти-лѣтнимъ мальчикамъ, которые, безъ сомнѣнія, запомнятъ однѣ лишь фразы.

Разсматриваемая нами книга, какъ мы уже замѣтили, составлена очень удовлетворительно: вѣрный взглядъ на событія, преобладаніе въ книгѣ описанія внутренней жизни различныхъ обществъ, хорошій языкъ составляютъ отличительные признаки труда г. Кузнецова. Но, повторяемъ, опираясь на наши воззрѣнія о способахъ преподаванія исторіи, что книга г. Кузнецова можетъ быть названа хорошей книгой для чтенія для учениковъ старшихъ классовъ, но значенія ея, какъ учебника для учениковъ 3-го и 4-го классовъ, мы не признаемъ по той причинѣ, что для такихъ учениковъ существуетъ отечествовѣдѣніе, а не историческая наука.

Въ заключеніе замѣтимъ одинъ недостатокъ, бросившійся намъ въ глаза, при чтеніи книги г. Кузнецова: авторъ игнорируетъ воспитательное значеніе исторіи, ибо не обращаетъ вниманія учениковъ на такія дѣйствія историческихъ лицъ, которыя своею дѣятельностью могутъ благотворно вліять на развитіе благородныхъ и высоконравственныхъ стремленій въ юношахъ. Нѣтъ необходимости приводить много примѣровъ; укажемъ только на одинъ изъ числа многихъ фактовъ, оставленныхъ въ этомъ отношеніи авторомъ безъ вниманія: описывая всѣ препятствія, которыя Колумбъ долженъ былъ побѣдить, чтобы привести въ исполненіе свою великую мысль и которыя онъ побѣдилъ только силой терпѣнія и глубокаго убѣжденія въ справедливости своей задачи, авторъ ни однимъ словомъ не обращаетъ вниманія учениковъ на то важное обстоятельство, что лишь терпѣніе, ничѣмъ непобѣдимое, составляетъ отличительный признакъ всякой геніальной природы. Юность всего менѣе способна къ терпѣнію; но пускай она знаетъ, что безъ этой добродѣтели хорошія, большія дѣла не дѣлаются и цѣль никогда не достигается. Можетъ быть, мы ошибаемся въ своемъ упомянутомъ взглядѣ на воспитательное значеніе исторіи, но, во всякомъ случаѣ, мы держались этого взгляда во время своихъ уроковъ исторіи и остаемся неизмѣнно вѣрными ему и въ настоящее время.

И. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Біографія Петра I, написанная американцемъ.—Переводъ на англійскій языкъ книги генерала Гродекова. — Французскіе и англійскіе сочиненія о Тонкинѣ.— Біографія президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.—Исторія римскаго императора. — Двѣ книги о Константинополѣ. — Послѣдній трудъ Джона Грина. — Исторія Лондона. — Жизнь Бульвера описанная его сыномъ. — Біографія Линдгурста.—Книга XVI вѣка объ Ирландіи.—Берлинское общество. — Записки стараго солдата.—Супругъ королевы Викторіи.—Историческіе труды въ Германіи.— Біографіи Микель-Анджело и Лоренцо Медичи.

ЫВШІЙ американскій консулъ въ Россіи, Евгеній Скейлеръ, издалъ два большихъ тома въ 1200 страницъ слишкомъ, о Петрѣ I, подъ названіемъ: Петръ Великій, русскій императоръ; опытъ исторической біографіи (Peter the great, Emperor of Russia, a Study of historical biography). Сочиненіе это печаталось съ 1880 года въ американскомъ журналѣ The Century и тогда еще обратило на себя вниманіе. Это положительно лучшее сочиненіе о Петрѣ I изъ появлявшихся на иностранныхъ языкахъ. Авторъ, для своего труда, пользовался всѣмъ, что написано, въ послѣднее время, по этому предмету. Съ критическимъ тактомъ серьезнаго историка онъ относится ко многимъ общепринятымъ, но между тѣмъ, ничѣмъ не подтверждаемымъ разсказамъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни Петра. Такъ, онъ положительно опровергаетъ преданіе, что Петръ въ молодости боялся воды и съ большимъ трудомъ побѣдилъ эту боязнь; что Екатерина I спасла Петра при Прутѣ въ 1711 году, подкупивъ визиря брилліантами; что Меншиковъ, родомъ изъ Минска, продавалъ въ молодости пирожки; что дикая лошадь, къ которой былъ привязанъ Мазепа унесла его къ запорожцамъ и пр. Нечего и говорить, что нелѣпая исторія о завѣщаніи Петра, отвергнутая критикою лѣтъ 20 тому назадъ, еще разъ и не менѣе категорически опровергается Скейлеромъ. Біографіи царя-реформатора онъ предпосылаетъ мастерски набросанную картину Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ. Разсказывая жизнь Петра, авторъ приводитъ мѣстами его письма, оправдываетъ его въ дѣлѣ царевича Алексѣя. Но отводя слишкомъ много мѣста дипломатическимъ сношеніямъ, войнамъ со Швеціей и Турціей, говоритъ гораздо меньше о реформатской дѣятельности, въ которой находитъ много темныхъ сторонъ.

— Книга Н. И. Гродекова переведена на англійскій языкъ подъ названіемъ «Война въ Туркменіи» (The war in Turcomania) и является весьма кстати при продолжающихся запросахъ опозиціи въ англійскомъ парламентѣ по поводу вступленія Мерва въ подданство Россіи. Изъ сочиненій нашего соотечественника прежде всего видно, что Туркменія вовсе не такая обѣтованная страна, изъ-за обладанія которой слѣдуетъ поднимать дипломатическіе походы. До сихъ поръ всѣ наши среднеазіатскія завоеванія не приносятъ намъ ровно ничего, кромѣ дефицита въ бюджетѣ, но однажды принявъ на себя обязанность уничтожить разбои въ этой странѣ и ввести въ нее европейскую цивилизацію, мы волей-неволей должны слѣдовать по этому пути и присоединить къ своимъ владѣніямъ всѣ эти ханства, пожирающія другъ друга. Это понимаютъ и англичане, поступавшіе точно такимъ же образомъ въ Индіи съ племенами, гораздо больше развитыми, чѣмъ всѣ бухарцы и мервцы. Дѣло только въ томъ, что считая свои дѣйствія совершенно законными и логичными, англичане не хотятъ, чтобы и мы поступали точно также въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Они могутъ цивилизовать Индію какъ имъ кажется выгоднѣе и удобнѣе, а мы не должны дѣлать того же въ Средней Азіи. Въ этомъ весь вопросъ и весь предлогъ дипломатическаго препирательства между двумя странами. Книга русскаго генерала, близко знакомаго съ Туркменіей, имѣетъ большой успѣхъ въ Англіи и критики очень довольны ея содержаніемъ и изложеніемъ.

— О другой азіатской странѣ, гдѣ теперь воюютъ французы также съ цивилизаторскою миссіею, вышли два сочиненія—англійское и французское. Первое принадлежитъ бывшему капитану бенгальскаго штаба Норману и называется «Тонкинъ и Франція на дальнемъ востокѣ» (Tonkin and France in the far East), второе написано путешественникомъ Котто и носитъ названіе «Туристъ на дальнемъ Востокѣ» (Un touriste dans l'extrême Orient). Норманъ начинаетъ съ описанія сношеній Франціи съ Тонкиномъ, до революціи 1789 года и оканчиваетъ послѣдними военными столкновеніями. Само собою разумѣется, что и тутъ англичанинъ очень недоволенъ тѣмъ, что французы хотятъ присвоить себѣ обширныя провинціи, цивилизуя аннамитовъ и кохинхинцевъ. Онъ отзывается благосклонно только о французскомъ посланникѣ въ Пекинѣ Бурже, который, дѣлая постоянно уступки китайцамъ, увеличилъ этимъ ихъ претензіи, сдѣлавшіяся еще требовательнѣе и наглѣе. На томъ же основаніи авторъ расхваливаетъ безхарактернаго губернатора Сайгона и осыпаетъ упреками Гарнье и Ривьера, начавшихъ военныя дѣйствія противъ анамитовъ. Французскій туристъ былъ въ Тонкинѣ въ 1881 году на возвратномъ пути изъ ученой экспедиціи по Сибири,—и не говоритъ ничего о послѣднихъ событіяхъ въ странѣ, которую очень хвалитъ, вопреки привычкѣ французовъ быть постоянно недовольными краемъ, куда ихъ заброситъ судьба. Сайгонъ, по его словамъ—совершенно европейскій городъ. Въ особенности онъ приходилъ въ восторгъ отъ японцевъ, ихъ стремленія къ развитію, просвѣщенію и подражанію европейскимъ обычаямъ и привычкамъ, доходящему до мастерскихъ поддѣлокъ всего, къ чему привыкъ европеецъ во вседневной жизни. Такъ, Котто непахвалится выдѣлкою въ Аннамѣ шведскихъ спичекъ точно такого же достоинства какъ изготовляемыя въ Парижѣ. Только тамъ такая коробочка спичекъ стоитъ десять сантимовъ, а здѣсь полтора.

— Въ январской книгѣ нью-іоркскаго журнала «Harper's new monthly magazine» помѣщается разборъ біографіи президента Сѣвероамериканскихъ

Штатовъ Джемса Буханана, бывшаго въ 1832 году посланникомъ въ Россіи. Статья эта составлена по обширной, двутомной книгѣ вышедшей въ концѣ прошлаго года подъ названіемъ «Жизнь Джемса Буханана, пятнадцатаго президента Соединенныхъ штатовъ» (Life of James Buchanan, fifteenth president of the United States). Для европейца совершенно достаточно этой статьи, чтобы ознакомиться съ политическимъ значеніемъ президента, принявшаго управленіе страной въ тяжелую эпоху передъ началомъ междуусобной войны. Бухананъ имѣлъ привычку записывать замѣчательныя историческія событія. Но такъ какъ отдѣльныя личности не играютъ преобладающей роли въ заатлантической республикѣ, то на ряду съ личными чертами управленія и мнѣніемъ Бухана о людяхъ и событіяхъ, приводится и политическая исторія его времени. Любопытно, что когда рѣшено было отправить его въ Россію для заключенія торговаго трактата, въ чемъ не успѣлъ предмѣстникъ его Рандольфъ, препятствіемъ къ этому назначенію служило то обстоятельство, что онъ не зналъ никакого языка, кромѣ мѣстнаго. И вотъ, слишкомъ сорокалѣтній дипломатъ началъ учиться по-французски и, пріѣхавъ въ Петербургъ, уже гораздо лучше говорилъ на этомъ языкѣ, чѣмъ Нессельродъ на англійскомъ, хотя, какъ писалъ онъ генералу Джаксону «совершенное знаніе французскаго языка, ловкость, развязность и вкрадчивость (insinuating) манеръ гораздо нужнѣе при русскомъ дворѣ, чѣмъ большое дарованіе». Переговоры о торговомъ трактатѣ, велись въ величайшемъ секретѣ, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ, и англійскіе политики не успѣли заключить подобнаго трактата и почти всѣ русскіе министры были противъ него, съ Канкринымъ во главѣ. И однако Буханану удалось заключить торговый союзъ, положившій начало дружескимъ отношеніямъ Штатовъ къ Россіи. На дипломатическомъ пріемѣ, въ Рождество императоръ Николай сообщилъ объ этомъ словами: «вчера я подписалъ указъ, чтобы трактатъ былъ заключенъ согласно съ вашими желаніями». Англійскій посланникъ Блейгъ, стоявшій подлѣ Буханана, былъ болѣе всѣхъ пораженъ этими словами. Біографія собщаетъ также нѣсколько любопытныхъ подробностей о посольствѣ Буханана въ Англію передъ началомъ крымской войны, но подробности его президентства имѣютъ интересъ только для американцевъ. Европейцу трудно согласить, напримѣръ, такія противорѣчія въ характерѣ Буханана: онъ былъ противникомъ освобожденія негровъ и въ тоже время строгимъ пресвитеріанцемъ, каждый день читавшимъ молитвы, установленныя этой церковью, признающею изъ всѣхъ таинствъ одно крещеніе и отвергающей причащеніе.

— Историкъ и поэтъ Грегоровіусъ выпустилъ въ свѣтъ совершенно переработанное имъ второе изданіе своего «Императора Адріана» (Der Kaiser Hadrian). Эта «картина римско-эллинскаго міра» II вѣка представляетъ въ настоящемъ видѣ императора, во всякомъ случаѣ заслуживающаго изученія и идеализированнаго въ послѣднее время такими даровитыми романистами какъ Эберсъ и Тайлоръ. «Въ его натурѣ говоритъ Грегоровіусъ, лежало свойство, дѣлавшее его похожимъ на выдающіяся личности XV вѣка эпохи возрожденія. Спартіанъ говоритъ о его страсти къ путешествіямъ, что онъ каждую страну, о которой что нибудь узнавалъ, хотѣлъ видѣть своими глазами. Тертуліанъ называетъ его изслѣдователемъ всего замѣчательнаго на землѣ. Авторъ не скрываетъ и темныхъ сторонъ своего героя, сдѣлавшагося подъ конецъ жизни совершеннымъ человѣконенавистникомъ, не переставая любить прекрасный міръ. Вторая половина труда Грегоровіуса посвящена

«государству и его умственной жизни». Здѣсь, кромѣ управленія Римомъ изложена его общественная и юридическая жизнь, исторія наукъ, литературы, искуствъ, религіи, суевѣрій; кромѣ историческихъ личностей являются даже такія загадочныя личности какъ Перегринъ Протей или «Каліостро этого времени» грекъ Александръ Абонотейхосъ-Легкій, вполнѣ литературный языкъ книги Грегоровіуса придаетъ ей еще большее значеніе; мы посвятимъ ей особую статью въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

— Новый членъ французской академіи Эдмондъ Абу и извѣстный своей беззастѣнчивостью публицистъ Бловицъ издали книги о Константинополѣ. Теперь ѣздятъ быстро—и Абу посвятилъ тринадцать дней на путешествіе черезъ Румынію въ Стамбулъ, куда перенесла его компанія «Orient express». Книга его называется «Отъ Понтуаза до Стамбула» (De Pontoise à Stamboul) и замѣчательна болѣе всего картиннымъ изображеніемъ природы, конечно, не такимъ фантастическимъ, какъ у Теофиля Готье, Шарля де Муи или Эдмонда Амьеля, въ ихъ описаніяхъ Константинополя, но все-таки достаточно прикрашенныхъ. Они даже зданія города русуютъ цвѣта розоваго, радужнаго и блѣдно-желтаго, тогда какъ они только бѣлы и сѣры. Книга кореспондента «Times» носитъ названіе «Поѣздка въ Константинополь» (Une course à Constantinople), и авторъ ея, не увлекаясь лирическими преувеличеніями, говоритъ обо всемъ тономъ скептическаго юмориста, но въ такихъ общихъ чертахъ, что можно подумать, будто онъ описывалъ городъ султановъ и св. Софіи сидя у себя въ кабинетѣ, что весьма возможно отъ такого, хотя и даровитаго, но не отличающагося добросовѣстностью писателя, какъ Бловицъ.

— Недавно умершій историкъ Джонъ Ричардъ Гринъ оставилъ неоконченнымъ сочиненіе: «Завоеваніе Англіи норманами» (The conquest of England). Оно издано теперь женою покойнаго, съ предисловіемъ, въ которомъ она разсказываетъ о томъ, какъ трудился Гринъ, умершій за работой (he died learning). Не смотря на то, что о томъ же предметѣ имѣются классическія сочиненія Огюстена Тьерри и Фримана, книга Грина превосходитъ ихъ глубиною наблюдательности и вѣрною, строго критическою оцѣнкою событій. Слогъ ея сжатъ и хотя не вездѣ отдѣланъ, но замѣчателенъ точностью и отсутствіемъ излишнихъ отступленій.

— Одинъ изъ учениковъ Грина, Лофтей, издалъ «Исторію Лондона» (History of London), матерьялы для которой доставила ему жена Грина, по смерти мужа. Книга имѣла такой успѣхъ, что черезъ нѣсколько недѣль потребовалось второе изданіе. Хотя объ этомъ предметѣ также писано не мало, Лофтей съумѣлъ извлечь новый интересъ изъ старыхъ хроникъ и представилъ полную и послѣдовательную картину развитія исполинскаго города. Къ книгѣ приложенъ рядъ чрезвычайно любопытныхъ картъ, изображающихъ постепенное разростаніе Лондона отъ эпохи вторженія саксовъ до послѣдняго времени.

— Исторія литературы обогатилась обширною біографіею, письмами и неизданными литературными статьями Бульвера, изданными его сыномъ, подъ заглавіемъ: The life, letters and litterary remains of Edward Bulwer, Lord Lytton, by his son. Вышли только первые два тома, заключающіе въ себѣ автобіографію писателя, журналиста, драматурга, историка, поэта, оратора, критика, государственнаго дѣятеля и свѣтскаго человѣка. Почти полстолѣтія онъ занималъ собою вниманіе интеллигентной Англіи, хотя по складу и живости ума походилъ больше на француза. Буль-

веръ, какъ литераторъ, не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ знаменитостей, но романы его пользовались большимъ успѣхомъ, и драмы, какъ «Ришелье» и «Lady of Lyons» игрались чаще на театрѣ Англіи, чѣмъ какія либо другія произведенія. Только поэтъ онъ былъ плохой и поэтому больше всего дорожилъ своими стихотвореніями. Когда въ послѣднее время туристы и аристократы упрекали правительство Англіи въ томъ, что оно сдѣлало поэта Теннисона лордомъ и пэромъ за его литературныя заслуги, то позабыли, что и Бульверу было дано то же званіе. Конечно, Бульверъ былъ въ то же время и государственнымъ дѣятелемъ, но заслуги его на этомъ поприщѣ гораздо меньше, чѣмъ въ литературѣ. Получивъ пэрство, онъ сдѣлался консерваторомъ и строго поддерживалъ прерогативы своего званія. Въ этотъ отношеніи, да и въ литературномъ также, по его слѣдамъ идетъ его біографъ и сынъ, лордъ Литтонъ, бывшій генералъ-губернаторомъ Индіи въ министерство тори и пишущій стихи и романы подъ псевдонимомъ Овенъ Мередитъ. Автобіографія самого Бульвера имѣетъ мало общаго интереса и оканчивается въ вышедшихъ томахъ 1837 годомъ. Въ ней онъ говоритъ о своей первой любви, называемой англичанами телячьею (calf love), о томъ, что онъ говорилъ стихами, еще не умѣя писать; о своихъ первыхъ произведеніяхъ: исторіи Аѳинъ, двухъ большихъ поэмахъ, одной драмѣ и двѣнадцати романахъ, между которыми «Пельгамъ» уничтожилъ, по его мнѣнію, гибельную и модную страсть, господствовавшую въ кругу молодежи того времени— хвастать своими пороками въ подражаніе Байрону. Дальнѣйшіе томы этой книги о Бульверѣ будутъ, конечно, болѣе интересны.

— Другая книга біографическаго содержанія: «Жизнь лорда Линдгурста по письмамъ и бумагамъ, находящимся въ его семействѣ» (A life of lord Lyndhurst, from letters and papers in possession of his family) издана съ цѣлью возстановить репутацію этого государственнаго дѣятеля. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія лордъ-канцлеръ Кампбель издалъ жизнеописанія лордовъ-канцлеровъ. Строгій и желчный ригористъ, Кампбель сдѣлалъ весьма нелестные отзывы о своихъ предшественникахъ и преемникахъ въ званіи лорда-канцлера. Лордъ Брумъ, зная, что Кампбель пишетъ его біографію, представилъ заранѣе въ своихъ запискахъ опровержение всѣхъ темныхъ сторонъ своей жизни и всѣхъ клеветъ, какія могъ возвести на него біографъ. Линдгурстъ, умирая, писалъ, что Кампбель будетъ говорить объ немъ «съ завистью, ненавистью, злобою и полнымъ отсутствіемъ всякой справедливости, потому что—такова его натура». Но Линдгурстъ не позаботился въ то же время представить какіе либо документы о своей политической дѣятельности, и Кампбель изобразилъ его въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Книга его возбудила негодованіе въ административныхъ сферахъ, но никто не опровергалъ ее и теперь этотъ трудъ взялъ на себя Теодоръ Мартинъ, въ названномъ выше сочиненіи. Линдгурстъ, какъ консерваторъ, былъ противникъ избирательной и ирландской реформы, возставалъ въ парламентѣ противъ Россіи во время крымской войны и противъ Италіи, когда она боролась за свое освобожденіе; поэтому ему трудно симпатизировать, но Мартинъ доказываетъ, что Кампбель, приводя его парламентскія рѣчи, умышленно искажалъ ихъ, увѣренный, что никто не будетъ справляться съ подлинными актами, а это уже не литературный, а гражданскій подлогъ и обнаруженіе такихъ фактовъ лежитъ на обязанности всякаго честнаго человѣка. Линдгурстъ былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ даро-

витый и остроумный. Когда ему сказали, что г-жа Жанлисъ до того нравственна, что даже въ своей библіотекѣ сочиненія дамъ ставитъ на особой полкѣ отъ сочиненій мужчинъ, онъ замѣтилъ: «вѣроятно, она не желаетъ, чтобы эти сочиненія размножились».

— Въ то время, когда ирландцы, взрывая англичанъ динамитомъ, доказываютъ, что они — варвары, въ сочиненіяхъ противъ Англіи, въ Лондонѣ вздумали издать старинное сочиненіе объ Ирландіи, появившееся въ 1581 году и представляющее ее въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Оно носитъ названіе: «Изображеніе Ирландіи съ открытіемъ лѣсныхъ бродягъ» (The image of Ireland with a discoverie of Woodkarne). Эта странная, любопытная и рѣдкая книга, напечатанная готическимъ шрифтомъ, представляетъ, дѣйствительно, мрачную картину ирландскаго варварства, но изъ нея же видно, помимо воли автора, Джона Деррика, что и англичане въ то время отличались хищничествомъ и алчностью. Во всякомъ случаѣ, это очень интересная картина борьбы двухъ сосѣднихъ странъ въ XVI вѣкѣ.

— Въ официальныхъ и большесвѣтскихъ кружкахъ произвела впечатлѣніе книга какого-то графа Поля Васили: «Берлинское общество» (La societé de Berlin). Книга эта, какъ сочиненіе Тиссо, запрещена въ Пруссіи, гдѣ не любятъ, чтобы, отзываясь даже съ похвалою о высокопоставленныхъ лицахъ, находили въ нихъ хоть какіе нибудь недостатки, свойственные всему человѣчеству. Авторъ, очевидно, псевдонимъ, напоминаетъ стараго дипломата, любящаго давать совѣты, сплетничать, высказывать докторальнымъ тономъ избитыя истины, но въ то же время, по своему положенію въ свѣтѣ, знающаго закулисную сторону мелкихъ случаевъ придворной и административной жизни и сообщающаго объ нихъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, характеризующихъ современное общество между множествомъ ни для кого не любопытныхъ подробностей. Подъ формою писемъ и совѣтовъ молодому дипломату, причисленному къ составу берлинскаго посольства, графъ Васили читаетъ своему другу курсъ о томъ обществѣ, въ которое онъ долженъ войти, описывая королевскую фамилію, принцевъ и принцесъ, парламентъ, дворъ, приближенныхъ императрицы, канцлера, союзный совѣтъ, министерство, политику Пруссіи, Виндгорста и католиковъ, Бебеля и соціалистовъ, Мольтке, Мантейфеля, генерала Камеке, Блейхредера, финансовыхъ тузовъ и пр. Портреты императора и императрицы, кронпринца, его супруги и сына довольно вѣрны и не представляютъ сплошнаго панегирика. Любопытны также свѣдѣнія о графинѣ Шлейницъ, о большомъ свѣтѣ въ Берлинѣ, о Штекерѣ и еврейскомъ вопросѣ, о дипломатическомъ корпусѣ, буржуазіи, артистахъ и ученыхъ, о печати и газетахъ, о Бисмаркѣ, — однимъ словомъ, обо всемъ, что въ послѣднее десятилѣтіе играло преобладающую роль въ политической исторіи Европы.

— Библіографическое общество въ Парижѣ, издающее совершенно напрасно множество благочестивыхъ брошюрокъ въ защиту католической церкви, обращается по временамъ къ своему прямому назначенію и обнародовало недавно «Мемуары Жака Шастене, владѣтеля Пюисегюра», подъ общимъ заглавіемъ: «Войны царствованія Людовика XIII и малолѣтство Людовика XIV» (Les guerres du règne de Louis XIII et de la minorité de Louis XIV. Mémoires de Jacques de Chastenet seigneur de Puységur). Эти записки обнимаютъ собою всю первую половину XVII вѣка и написаны старымъ солдатомъ, воевавшимъ съ 1617 года. Онъ былъ въ то же время королевскимъ мажордомомъ и его обязанностью было устраивать полки передъ

сраженіемъ. Во время фронды онъ оставался вѣренъ партіи двора и потомъ участвовалъ въ тридцатилѣтней войнѣ. По заключеніи мира, онъ вышелъ въ отставку и началъ писать свои записки въ 1677 году. Появились онѣ въ свѣтъ въ первый разъ черезъ восемь лѣтъ по смерти его, въ 1690 году, и перепечатанныя въ Амстердамѣ, сдѣлались вполнѣ библіографическою рѣдкостью. Теперь Тамизе де Ларокъ издалъ ихъ снова въ свѣтъ съ многочисленными и полезными примѣчаніями. Записки лица, бывшаго очевидцемъ и участникомъ самой бурной эпохи французской исторіи, конечно, представляютъ большой интересъ.

— За нѣсколько времени до появленія въ свѣтъ записокъ королевы Викторіи о своей жизни въ Бальморалѣ и о своемъ камердинерѣ, о которыхъ мы говорили въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника», Огюстъ Гравенъ перевелъ съ англійскаго языка два огромные тома въ 1,100 страницъ прежнихъ записокъ королевы о ея супругѣ и издалъ ихъ подъ названіемъ: «Принцъ Альбертъ Саксенъ Кобургскій, супругъ королевы Викторіи, по ихъ письмамъ, журналамъ, мемуарамъ и пр.» (Le prince Albert de Saxe Cobourg, époux de la regne Victoria d'aprés leur lettres, journaux, memoires etc.). Въ подлинникѣ эта біографія, составленная Теодоромъ Мартиномъ, занимаетъ пять огромныхъ томовъ и заключаетъ въ себѣ всю политическую исторію двадцатилѣтняго сожительства супруговъ. Тутъ помѣщены описаніе ихъ путешествій, офиціальныхъ праздниковъ и пріемовъ, ихъ переписка, интимная жизнь и пр.; но во всемъ этомъ очень мало новаго и все это извѣстно изъ записокъ барона Штокмара, изданныхъ Сенъ-Рене Тальяндье, подъ заглавіемъ: «Король Леопольдъ и королева Викторія». Штокмаръ былъ докторомъ и совѣтникомъ молодого принца Леопольда, предназначавшагося сначала въ мужья Викторіи (Обѣ эти личности представлены въ ихъ настоящемъ свѣтѣ въ «Запискахъ Каролины Бауеръ», разобранныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года). Когда Леопольдъ сдѣлался бельгійскимъ королемъ, а племянникъ его женился на королевѣ Викторіи, Штокмаръ былъ отправленъ въ Англію, въ качествѣ совѣтника молодого супруга, и оставался при немъ до его смерти. Вліяніе его видно въ запискахъ королевы, относившейся къ нему съ особеннымъ уваженіемъ въ виду услугъ, оказанныхъ имъ саксенъ-кбургскому и англійскому дому. Сокративъ книгу Мартена въ два тома, которыхъ все еще очень много для изображенія личности, не отличавшейся никакими особенными достоинствами, французскій переводчикъ выдвинулъ впередъ личность Викторіи—сентиментальной, какъ обитательницы береговъ Рейна, называющей своего мужа въ письмахъ «мой ангелъ, мое единственное сокровище» и считающей себя недостойною обладать такимъ совершенствомъ созданія. И этимъ совершенствомъ принцъ Альбертъ подавляетъ читателя. Хорошій мужъ, прекрасный садовникъ, собиратель насѣкомыхъ и автографовъ, онъ ненавидитъ Францію и не любитъ Россію. Въ книгѣ можно найти много любопытныхъ подробностей объ историческихъ событіяхъ того времени въ виндзорскомъ замкѣ, гдѣ жилъ Альбертъ и гдѣ происходило столько трагедій со времени Вильгельма-Завоевателя, въ эпоху Эдуарда III, Генриха VIII, Елизаветы и Кромвеля. Паркъ этого стараго замка былъ свидѣтелемъ идиллій съ того времени, когда въ немъ бродилъ Шекспиръ и до той поры, когда въ немъ поселились Альбертъ и Викторія.

— Изъ большихъ историческихъ трудовъ въ Германіи продолжали выходить: «Обнародованія королевско-прусскаго государственнаго архива» (Publi-

cationen aus der Königlich-Preussischen Staatsarchiven), томъ IV, заключающій въ себѣ сношенія Пруссіи съ католическою церковью, начиная съ 1640 года. Тутъ помѣщено очень много важныхъ документовъ, въ особенности относящихся къ перепискѣ Фридриха II съ аббатомъ Чіофани, его агентомъ въ Римѣ. Аббату дано было чрезвычайно деликатное порученіе къ папѣ: требовалось, чтобы онъ уменьшилъ число католическихъ праздниковъ, справляя которые, католическіе подданные Фридриха теряли добрую половину рабочаго года. Потомъ надо было убѣдить папу, чтобы онъ, входя въ письменныя сношенія съ королемъ, давалъ ему тѣ же титулы, какъ и католическимъ государямъ, отчего упорно отказывались всѣ папы, считая Пруссію еретическою державою. Надо видѣть въ письмахъ Чіофани, какъ папа, со слезами на глазахъ, увѣряетъ короля въ дружбѣ къ нему и въ симпатіи къ Пруссіи — и все-таки не уступаетъ. Non possumus. Фридрихъ сердится, угрожаетъ, папа оправдывается, объясняется; но это нисколько не подвигаетъ дѣла. Тутъ же есть письма короля къ Вольтеру, въ которыхъ онъ, смѣется надъ святымъ Кукузиномъ, и пр. Не смотря на его офиціальность, изданіе читается съ большимъ интересомъ.—«Историческихъ памятниковъ Германіи» (Monumenta Germaniae historica) вышелъ XIV томъ, относящійся, какъ и предъидущій, къ мѣстной исторіи и заключающій въ себѣ Gesta episcoporum или abbatum. Онъ начинается съ X вѣка, особенно обиленъ документами XII и оканчивается эпохой Гогенштауфеновъ. Большая часть документовъ въ первый разъ являются въ печати и текстъ ихъ тщательно свѣренъ съ рукописями (какъ бумаги Трирскаго епископства), монастырей Пфальцена и Эрена, XI вѣка и др. Кромѣ документовъ, прямо касающихся Германіи, встрѣчаются памятники и другихъ странъ: Венеціи—Chronicon Altinate и венеціанскіе анналы 1195 года, исторія венеціанскихъ герцоговъ (Historia ducum veneticorum) отъ 1102 по 1178 годъ, хроника Юстиніана (Chronicon Justiniani) 1229 года и др.—«Фамильные законы владѣтельныхъ нѣмецкихъ княжескихъ домовъ» (Hausgesetze der regierenden deutschen Fürstenhäuser), томъ III. Это изданіе подвигается впередъ чрезвычайно медленно. Первый томъ его вышелъ въ 1862 году. Составитель его, Германъ Шульце, съ большимъ тщаніемъ собираетъ важные документы, составляющіе предметъ изданія. Въ этомъ томѣ помѣщена настоящая исторія частнаго права Гогенцоллерновъ и превосходное резюме развитія этого дома.

— По части исторіи искусствъ вышло два замѣчательныхъ сочиненія. «Духъ Микель-Анджело» (La mente di Michelangiolo) Давида Леви. Это полный синтезъ духовной и интеллектуальной личности. Авторъ начинаетъ съ изученія грандіознаго произведенія Микель-Анджело—Сикстинской капеллы, причемъ рисуетъ политическое, соціальное и умственное значеніе его эпохи. Затѣмъ онъ разбираетъ его какъ частнаго, семейнаго человѣка и гражданина, о которомъ Викторія Колонна говорила, что не знаетъ, чему болѣе удивляться въ немъ: человѣку или художнику, его произведеніямъ или характеру. Въ третьей части своего труда Леви знакомитъ съ Микель-Анджело, какъ съ поэтомъ и мыслителемъ, разбирая его съ философской, артистической и исторической точки зрѣнія.—Другой трудъ представляетъ біографія Лоренцо Медичи (Lorenzo de Medici il Magnifico). Это уже второе изданіе книги Альфреда фонъ-Реймонта, вышедшее въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ были обнародованы письма секретарей и бумаги Лоренцо, и авторъ воспользовался ими, чтобы пополнить свой прекрасный историческій трудъ, составленный имъ во Флоренціи по новымъ документамъ.

— Длинный рядъ историческихъ сочиненій, относящихся къ польскому возстанію 1831 года, недавно пополнился трудомъ Станислава Баржиковскаго, «посла остроленскаго, члена народнаго правительства, кавалера креста virtuti militari», какъ значится въ заголовкѣ книги. Эта «Исторія ноябрьскаго возстанія», приготовленная къ печати уже не авторомъ, а нѣкіимъ г. Аеромъ, появилась на свѣтъ пока только въ количествѣ двухъ томовъ и доведена до описанія Гроховской битвы, которою кончается второй томъ.

Благодаря довольно изобильной литературѣ событія, отстоящаго отъ насъ уже болѣе, чѣмъ на полвѣка, въ вышедшихъ до сихъ поръ частяхъ книги г. Баржиковскаго историкъ не найдетъ чего либо особенно новаго, кромѣ нѣкоторыхъ его личныхъ воспоминаній и военныхъ воззрѣній, напримѣръ, относительно Гроховской битвы, за дурныя распоряженія по которой упрекали, какъ извѣстно, генерала Хлопицкаго, бывшаго «диктатора». Авторъ показываетъ, что польская армія была крайне ослаблена потерями предшествующихъ дней, такъ что нельзя было и думать ни о наступательномъ движеніи, ни объ отдѣленіи части арміи противъ корпуса князя Шаховскаго. Единственный упрекъ польскимъ вождямъ, по мнѣнію автора, можно сдѣлать за то, что они не озаботились привести въ болѣе выгодное для себя положеніе поле битвы, что не было сдѣлано шанцевъ, засѣкъ, которыя бы затруднили атаку русской кавалеріи. Хлопицкій вообще авторомъ ставится на пьедесталъ: потеря сраженія приписывается отчасти именно «той ґранатѣ, которая его ранила и свалила съ коня», затѣмъ, главнымъ образомъ, невыполненію приказовъ Хлопицкаго Круковецкимъ и Лубенскимъ. Не упущено изъ виду авторомъ и вредное для польскаго дѣла раздвоеніе командованія между Хлопицкимъ и неспособнымъ Радзивилломъ.

Что касается политической стороны возстанія и его причинъ, то здѣсь, на-ряду съ общеизвѣстными фактами, найдется кое-что новое. Сюда относятся старанія диктатора Хлопицкаго, до открытія еще военныхъ дѣйствій, завязать сношенія съ петербургскимъ дворомъ при посредствѣ берлинскаго кабинета, чрезъ разныхъ лицъ, какъ-то: прусскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ, Шмидта, и графа Эдуарда Рачинскаго въ Познани. Эти переговоры, не обѣщавшіе сами по себѣ особаго успѣха, привели лишь къ неловкому положенію всякихъ прусскихъ посредниковъ, когда польскій сеймъ 25-го января 1831 года, въ порывѣ самообольщенія, провозгласилъ «низложеніе» своего конституціоннаго короля. Авторъ порицаетъ этотъ необдуманный актъ, называетъ его результатомъ тщеславія и закулисной женской интриги, политически вреднымъ, такъ какъ силы матеріальной это ни на волосъ не прибавило полякамъ, а пути соглашенія съ Россіей были безвозвратно порваны...

Въ политическомъ отношеніи любимымъ героемъ автора оказывается Адамъ Чарторыскій. Это, конечно, можетъ подлежать спору съ разныхъ сторонъ, да оно и не удивительно, такъ какъ большому спору подлежитъ, съ польской точки зрѣнія, и политическая цѣлесообразность самаго возстанія. Всякія недоразумѣнія могли быть улажены посредствомъ переговоровъ и депутацій въ Петербургѣ, пока пути къ этому не были еще отрѣзаны. Истинной причиной возстанія было — страстное желаніе независимости Польши, помимо всякихъ претензій и жалобъ на русское правительство. Авторъ разсматриваемой книги старается всѣми мѣрами оправдать инсуррекціонныя власти отъ обвиненія въ ошибкахъ, но встрѣчаетъ возраженія даже со стороны польскихъ рецензентовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Суесловъ Водынинъ.

СЕМЪ, конечно, извѣстна недавняя исторія пермскаго расколоучителя Пушкина, бывшаго долгое время въ Соловецкомъ монастырѣ и нынѣ доживающаго свои дни въ одномъ изъ городовъ остзейскаго края. Пушкинъ остался непреклоннымъ и неисправимымъ, но другія лица въ той же пермской губерніи были исправлены и объ одномъ изъ таковыхъ здѣсь предлагается разсказъ.

Въ 1868 году, Филипповское волостное правленіе, Кунгурскаго уѣзда, представило приставу 1-го стана крестьянина Василья Иванова Водынина и при этомъ донесло, что Водынинъ отказывается отъ платежа податей и не признаетъ надъ собой верховной и другихъ властей. Объ этомъ началось уголовное дѣло.

При дознаніи, произведенномъ становымъ приставомъ, государственный крестьянинъ деревни Шубиной, Филипповской волости, Василій Ивановъ Водынинъ говорилъ то же самое, что и Пушкинъ и иные кривотолки, дѣлающіе изъ словъ св. писанія самыя наивныя, но неудобныя въ государственномъ смыслѣ теоріи. Водынинъ сталъ разсказывать, что онъ «за первую половину года государственныя подати въ количествѣ 6 рублей 70 копѣекъ сер. не заплатилъ и платить ихъ не станетъ, потому что платежъ податей считаетъ душегубнымъ и противнымъ священному писанію».—«О томъ, что податей не слѣдуетъ платить онъ начиталъ нѣчто въ книгѣ Мефодія Пацкаго, но у кого именно читалъ эту книгу—онъ не скажетъ, а у него у самого такой книги нѣтъ. Ни верховной власти государаря императора, ни какихъ другихъ властей надъ собою онъ не признаетъ. По раскольническому писанію (?!) подати требуетъ не царь, а антихристъ; слѣдовательно, если,—какъ ему сказали въ волостномъ правленіи,—подати собираетъ царь, то онъ и есть антихристъ, потому что никакого царя, ни царства нѣтъ, а если бы былъ царь, то мы (?!) тоже должны царствовать. Въ расколѣ онъ состоитъ лѣтъ пятнадцать, а до тѣхъ поръ былъ въ православіи. Кто его совратилъ въ расколъ — того не помнитъ. Писанію раскольническому (?) онъ научился у неизвѣстныхъ лицъ, которыхъ назвать не сможетъ».

Водынинъ былъ посаженъ въ тюрьму, а дознаніе о немъ передано судебному слѣдователю 1-го участка Кунгурскаго уѣзда. Въ то же время въ домѣ Водынина былъ произведенъ обыскъ, причемъ были найдены: псалтирь, молитвословъ и тринадцать писанныхъ листовъ; всѣ эти книги и листы были взяты и «пріобщены къ дѣлу».

Окончивъ дознаніе, слѣдователь представилъ дѣло о Водынинѣ губернскому прокурору, а прокуроръ—губернатору, губернаторъ же, «на основаніи высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ циркулярномъ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16-го ноября 1850 года за № 709»—препроводилъ все въ III-е Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи. При этомъ губернаторъ высказалъ такое мнѣніе, что «въ виду фанатическаго увлеченія крестьянина Водынина, могущаго вредно вліять на другихъ, представлялось бы необходимымъ удалить его изъ Пермской губерніи».

Генералъ Мезенцевъ, который за отсутсвіемъ шефа жандармовъ, управлялъ III-мъ Отдѣленіемъ, съ своей стороны препроводилъ дѣло о Водынинѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанту Тимашеву, а послѣдній, по разсмотрѣніи, возвратилъ это дѣло обратно къ Пермскому губернатору, причемъ между прочимъ писалъ: «имѣя въ виду, что выраженія противъ священной особы государя императора въ настоящемъ случаѣ имѣютъ своимъ началомъ раскольническій фанатизмъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство дать этому дѣлу дальнѣйшее движеніе, въ порядкѣ установленномъ 585 ст. Свод. Зак. т. XV кн. I, изд. 1867 года».

Далѣе министръ писалъ: «независимо отъ сего, усматривая изъ первоначальнаго допроса, сдѣланнаго крестьянину Водынину Филипповскимъ волостнымъ правленіемъ по поводу неплатежа имъ государственныхъ податей, что волостной старшина дозволилъ себѣ неумѣстные вопросы, явно вызывавшіе Водынина, какъ раскольника-фанатика, въ произнесенію вышеупомянутыхъ дерзкихъ словъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время въ подобныхъ случаяхъ руководствовались извѣстною вамъ изъ циркуляра предмѣстника моего отъ 24-го января 1862 года за № 3 инструкціею, данною бывшимъ министромъ юстиціи подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ и лицамъ».

Вслѣдствіе этого предложенія, копія съ циркуляра 1862 года № 3 была сообщена губернаторомъ всѣмъ исправникамъ, при чемъ имъ поставлено было на видъ, чтобы «при производствѣ дознаній о раскольникахъ ограничиваться приведеніемъ въ извѣстность къ какой сектѣ принадлежатъ допрашиваемые и отнюдь не предлагать имъ вопросовъ, касающихся самаго существа ихъ ученія, въ особенности же мнѣнія ихъ о государѣ императорѣ».

Дѣло о Водынинѣ было передано въ пермскій уѣздный судъ. Книги, отобранныя у него при обыскѣ, были возвращены ему, за исключеніемъ «листовъ», которые были назначены «къ уничтоженію». Но что̀ содержали въ себѣ эти «листы» намъ, къ сожалѣнію, не удалось узнать.

Просидѣвъ около года въ тюрьмѣ, Водынинъ подаетъ губернатору прошеніе, въ которомъ выражаетъ свое раскаяніе и желаніе присоединиться къ православію. Прошеніе это писано рукою кунгурскаго миссіонера протоіерея Евфимія Веселовскаго.

Признавая себя виновнымъ какъ въ неплатежѣ податей, такъ и въ отрицаніи властей, Водынинъ въ прошеніи своемъ заявляетъ: «въ основѣ той и другой вины было главнымъ образомъ уклоненіе мое въ секту перекрещен-

цовъ; нынѣ-же, вполнѣ сознавъ свое заблужденіе, я чистосердечно раскаялся въ своемъ заблужденіи и изъявилъ чистосердечное желаніе состоять въ нѣдрахъ православной церкви неуклонно и исполнять всѣ христіанскія обязанности неупустительно, въ чемъ, по исповѣданіи своихъ согрѣшеній, и далъ подписку кунгурскому отцу миссіонеру, копія съ которой при семъ прилагается».

Затѣмъ Водынинъ мотивируетъ причину своего раскаянія. «Оставленный мною духъ поморства принесъ мнѣ уже достаточно зла, разстроивъ мое хозяйство и подвергнувъ тюремному заключенію. Сознавши вполнѣ зловредность этого духа, въ настоящее время я болѣе его не питаю и далъ уже обязательство не уклоняться болѣе отъ св. церкви».

Прошеніе заканчивается слѣдующимъ образомъ: «въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла моего предавая себя правосудію законовъ и высочайшей милости августѣйшаго монарха, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство впредь до окончательнаго рѣшенія дѣда обо мнѣ, которое представлено въ Правительственный Сенатъ, отдать меня на поручительство односельчанъ моихъ. О послѣдующемъ по сему распоряженіи вашего превосходительства наградить меня установленнымъ объявленіемъ».—Прошеніе «своеручно» подписано Водынинымъ («потъписуюсь»).

Самое «обязательство» Водынина писано слѣдующимъ образомъ:

«1869 года мая, 19 дня, я, нижеподписавшійся, государственный крестьянинъ Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Филипповской волости, деревни Шубиной, Василій Ивановъ Водынинъ, далъ сію подписку кунгурскому отцу миссіонеру, протоіерею Евфимію Веселовскому, при смотрителѣ тюремнаго замка, въ томъ, что я, уклонившійся въ секту перекрещенцевъ отъ св. церкви, внявъ гласу Евангелія, по увѣщанію миссіонерскому, нынѣ оставляю душепагубный расколъ и изъявляю симъ добровольно желаніе мое присоединиться въ нѣдра св. православной церкви, состоять въ приходѣ кунгурскаго благовѣщенскаго собора протоіерея Евфимія; въ ознаменованіе же моего присоединенія къ св. церкви, я исповѣдался у упомянутаго протоіерея въ 17-е число настоящаго мая. Къ сей подпискѣ своеручно и подписуюсь съ тѣмъ, чтобы исполнять неупустительно всѣ христіанскія обязанности. Крестьянинъ Василій Ивановъ Водынинъ.

Въ качествѣ свидѣтеля къ обязательству «приложилъ руку»... смотритель того тюремнаго замка, гдѣ Водынинъ томился за свои мнѣнія, но гдѣ от. Веселовскій довелъ его до убѣжденія въ его долголѣтнихъ и упорныхъ заблужденіяхъ.

Сообщено **А. С. Пругавинымъ.**

СМѢСЬ.

Полуторавѣковой юбилей Дмитревскаго. 28-го февраля исполнилось полтора столѣтія со дня рожденія знаменитаго русскаго актера Ивана Афанасьевича Дмитревскаго. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ самымъ скромнымъ образомъ. Мысль объ немъ не пришла ни кому въ голову: ни дирекціи театровъ, ни россійской Академіи, членомъ которой былъ покойникъ, ни литераторамъ, хотя Дмитревскій былъ также членомъ Общества любителей россійской словесности. Писателей, впрочемъ нельзя обвинять въ томъ, что они не сговорились отпраздновать этотъ день—имъ негдѣ даже собраться, чтобы потолковать о дѣлахъ литературы, нѣтъ никакого центра, не говоря уже о какомъ нибудь клубѣ, обществѣ или о чемъ нибудь подобномъ. Литературный фондъ только выдаетъ пособія, тому или другому изъ среды уже слишкомъ проголодавшейся пишущей братіи, но общество наше до сихъ поръ еще не признаетъ даже сословія писателей, корпораціи ихъ, какъ признаетъ напримѣръ корпорацію сапожниковъ, у которыхъ есть свой шустер-клубъ. Вспомнило о Дмитревскомъ только недавно народившееся «Петербургское Общество любителей сценическаго искусства» (Вотъ еще одна изъ аномалій русской жизни: общество любителей сцены существуетъ, а любителей литературы — нѣтъ) и устроило панихиду на могилѣ Дмитревскаго, на Волковомъ кладбищѣ, близъ церкви Спаса. На панихиду были приглашены и члены Академіи наукъ, и писатели и артисты русской драматической труппы—но на могилу явились только одинъ академикъ и четыре актера, да двое пріѣхали, когда уже всѣ разошлись. Вечеромъ того же дня, въ бывшемъ клубѣ художниковъ, а нынѣшнемъ помѣщеніи Общества любителей сценическаго искусства, состоялось торжественное собраніе, посвященное памяти покойнаго. На сценѣ былъ поставленъ бюстъ И. А. Дмитревскаго, увѣнчанный лаврами и декорированный цвѣтами. Бюстъ этотъ былъ нарочно заказанъ къ этому случаю и вышелъ весьма похожимъ. На особо поставленномъ около сцены столикѣ были положены гравюры, относящіяся ко времени и дѣятельности покойнаго. Тутъ находились портреты: Елагина (перваго директора театровъ), А. П. Сумарокова, нѣсколько портретовъ И. А. Дмитревскаго, Ѳ. Волкова (основателя театра), трагика Яковлева и другихъ знаменитыхъ современниковъ, виды театровъ, театральныхъ залъ, площадей того времени и т. п. Тутъ же лежалъ драматическій альбомъ съ рисунками, Арапова, сдѣлавшійся въ настоящее время библіографическою рѣдкостью. Всѣ эти гравюры принадлежатъ къ коллекціи П. Я. Дашкова и только на этотъ день были одолжены обществу почтеннымъ собирателемъ. Собраніе открылось въ 10 часу небольшимъ словомъ, сказаннымъ товарищемъ предсѣдателя Общества любителей сценическаго искусства, объяснившимъ значеніе торжества. Лекторомъ явился В. О. Михневичъ, изложившій въ довольно

пространной рѣчи взглядъ на культурное значеніе И. А. Дмитревскаго, какъ представителя генераціи русскихъ артистовъ и основателя сценической школы, въ настоящее время, къ сожалѣнію, утратившей значеніе для современныхъ дѣятелей, предпочитающихъ играть безъ школы, какъ Богъ на душу положитъ. Правдивая рѣчь г. Михневича была покрыта рукоплесканіями. Вторымъ чтецомъ выступилъ В. П. Острогорскій, прослѣдившій въ своемъ чтеніи всѣ эпохи развитія русскаго театра и закончившій его горячимъ словомъ на пользу развитія частнаго дѣла, которое только одно можетъ двинуть впередъ исскуство, смѣнившееся за послѣднее время оперетками. Чтеніе г. Острогорскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ. Послѣднимъ читалъ П. Н. Петровъ и коснулся эпохи основанія перваго русскаго театра въ стѣнахъ кадетскаго корпуса. Рѣчь его отличалась глубокимъ знаніемъ предмета. По окончаніи чтенія былъ устроенъ небольшой ужинъ. Публики на собраніи присутствовало не болѣе 40 человѣкъ. Въ числѣ ея не было ни одного изъ выдающихся писателей и первоклассныхъ артистовъ драматической труппы. А между тѣмъ значеніе Дмитревскаго для театра такъ велико, что послѣ основателя русской сцены Ѳ. Г. Волкова, ему принадлежитъ первое мѣсто въ исторіи нашего театра. Дмитревскій—сынъ священника Дьяконова, родился въ 1736 году, въ Ярославской губерніи. Учился онъ сначала въ мѣстной семинаріи, потомъ у пастора, состоявшаго при Биронѣ, жившемъ въ то время въ Ярославлѣ. Познакомившись съ актеромъ Волковымъ, считающимся основателемъ русскаго театра, Дьяконовъ вступилъ на ярославскій театръ и игралъ женскія роли, подъ фамиліею Нарыкова. Когда императрица Елизавета Петровна узнала объ ярославскомъ театрѣ, то всю тамошнюю труппу перевела въ Петербургъ. Нарыковъ игралъ здѣсь въ первый разъ Оснельду, въ трагедіи Сумарокова, «Хоревъ», въ 1752 году. Сама государыня «убирала» его къ этой роли, причемъ сказала: Ты похожъ на польскаго графа Дмитревскаго, а потому я хочу, чтобы ты принялъ его фамилію». Съ тѣхъ поръ Нарыковъ сталъ называться Дмитревскимъ. По смерти Волкова, онъ, для усовершенствованія въ сценическомъ искусствѣ, въ 1765 году отправился во Францію и Англію. При посредствѣ И. Шувалова, онъ познакомился съ лучшими актерами того времени, между прочимъ, и съ Лекеномъ, съ которымъ свелъ тѣсную дружбу; съ нимъ онъ ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ познакомился съ Гаррикомъ. Въ Парижѣ Дмитревскій игралъ роль Замора въ «Альзирѣ», на домашнемъ театрѣ герцога Вильроа. По возвращеніи изъ-заграницы, онъ вышелъ въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ роли Синава и поразилъ всѣхъ необыкновеннымъ талантомъ, усовершенствованнымъ наставленіями Лекена и Гаррика. Съ тѣхъ поръ онъ остался украшеніемъ русской сцены, и сверхъ того занимался переводами пьесъ, помогалъ писателямъ своими совѣтами. Россійская Академія приняла его въ свои члены и въ торжественномъ ея собраніи онъ читалъ похвальное слово Сумарокову. Въ 1787 году, послѣ 38-ми лѣтней службы, онъ былъ уволенъ отъ должности актера, съ пенсіей въ 2,000 рублей въ годъ. Послѣ того онъ оставался еще 8 лѣтъ инспекторомъ театральной школы. Въ 1797 году, Дмитревскій, по волѣ Павла I, игралъ на придворномъ театрѣ Дмитрія Самозванца, за что̀ удостоился получить золотую, усыпанную бриллiантами табакерку. Въ послѣдній разъ Дмитревскій игралъ 30-го августа 1812 года, въ драмѣ Висковатова «Всеобщее Ополченіе». Публика приняла почтеннаго старца съ неописаннымъ восторгомъ. Въ концѣ 1817 года, Дмитревскій хотѣлъ еще разъ выдти на сцену въ представленіи, назначенномъ въ пользу семейства славнаго воспитанника его Яковлева, но внезапная болѣзнь, происшедшая отъ слишкомъ сильнаго волненія, не позволила ему выдти передъ публикой. Онъ скончался въ Петербургѣ 27-го октября 1821 года; Россійская Академія воздвигла надъ прахомъ его памятникъ на счетъ суммы, вырученной съ представленія, даннаго для этой цѣли театральною дирекціею. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны: похвальное слово Сумарокову (1807), разныя стихотворенія, напечатанныя въ «Трудолюбивой пчелѣ»; имъ переведена на русскій языкъ трагедія «Беверлей» (1773) и передѣланы на русскіе нравы комедіи: «Раздумчивый» (1778), «Демокритъ», «Лунатикъ» и одинъ томъ путешествія Анахарсиса; также переведены оперы: «Антигона» (1772), «Армида» (1774), «Діанино древо» и «Рѣдкая вещь» (1792). Онъ написалъ еще аллегорическій прологъ «Непостижимость судьбы» на освобожденіе отъ болѣзни ве-

ликаго князя Павла Петровича (1772) и перевелъ поэму Томсона «Четыре времени года» (2-е изданіе 1803). Ему принадлежатъ также краткія, но полезныя для исторіи литературы свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка, напечатанныя сначала по-нѣмецки въ Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften (1768) потомъ въ Essai sur la littérature russe (1774). Переводъ М. И. Михайлова помѣщенъ въ «Библіографическихъ запискахъ» 1861 года № 20 и изданъ П. А. Ефремовымъ въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» (1867). Наконецъ Дмитревскій написалъ «Исторію русскаго театра», которая пропала въ Академіи Наукъ, куда она была представлена авторомъ.

Семидесятипятилѣтній юбилей Петербургской духовной академіи. 4-го марта, самымъ скромнымъ образомъ петербургская духовная академія отпраздновала 75-лѣтній юбилей своего существованія. Какъ школа, духовная академія существуетъ съ 1721 года. Въ 1721 году, по повелѣнію Петра I, въ Петербургѣ при Александро-Невскомъ монастырѣ устроена была школа. Въ началѣ предполагалось дать этой школѣ практическое направленіе, такъ нравившееся Петру I. Но этому желанію преобразователя Россіи не суждено было осуществиться. и послѣ его смерти новое училище было преобразовано по образцу тогда уже существовавшихъ московской и кіевской духовныхъ коллегій, въ основѣ которыхъ лежала схоластика. Тѣмъ не менѣе потребность въ преобразованіи духовныхъ училищъ или коллегій была сознаваема всѣми, и духовная комисія въ 1775 году представляла Екатеринѣ II проектъ богословскаго факультета при Московскомъ университетѣ и предположенія о преобразованіи Московской духовной академіи, на что, спустя 11 лѣтъ, въ 1786 году, послѣдовалъ отказъ. Въ 1788 году александро-невская духовная академія была тѣмъ не менѣе переименована въ главную. Не смотря на недостатокъ способныхъ профессоровъ, изъ александро-невской коллегіи въ концѣ XVIII вѣка вышло нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ личностей, каковы, напр.: Ѳеофилактъ Русановъ, Амвросій Орнатскій, Сперанскій, Мартыновъ, Словцовъ и др. Наконецъ. въ 1809 году александро-невская коллегія была переименована въ академію и стало быть теперь праздновали только переименованіе академіи въ духовную. Въ 1814 году выработанъ былъ первый уставъ для академіи. Подъ редакціей бывшаго ректора академіи, нынѣ протопресвитера I. Л. Янышева, выработанъ былъ новый уставъ, дѣйствующій и по настоящее время. Со дня своего основанія (1809 г.) и до 1883 года с.-петербургская духовная академія (по изданнымъ отчетамъ оберъ-прокурора св. синода) выпустила изъ своихъ стѣнъ 2035 человѣкъ. Самое большое число воспитанниковъ падаетъ на 1882—83 учебный годъ, когда въ академіи было 402 учащихся, а самое меньшее на 1855—56 годъ, когда всѣхъ студентовъ въ академіи было только 87. Въ настоящее время въ академіи при 36 преподавателяхъ 387 студентовъ. Съ 1821 года при академіи издается ученый журналъ «Христіанское Чтеніе». Ко дню юбилея одинъ изъ профессоровъ академіи, при помощи академическаго архива, готовилъ окончаніе исторіи с.-петербургской духовной академіи, которая доведена г. Чистовичемъ только до 1857 года. На торжественномъ актѣ, о которомъ, какъ и о предстоящемъ юбилеѣ не были оповѣщены бывшіе питомцы академіи, присутствовали два митрополита, три архіепископа, и два епископа. Въ публикѣ было нѣсколько прежнихъ воспитанниковъ академіи; читалась историческая записка, отчетъ, нѣсколько телеграмъ, воспитанники пѣли хоромъ; одинъ преосвященный пожертвовалъ въ пользу академіи сто рублей, потомъ почетные гости закусывали у ректора, чѣмъ и окончилось торжество.

Юбилей императора Вильгельма I. 15-го (27) февраля въ Берлинѣ происходило военное торжество по случаю семидесятилѣтней годовщины со времени полученія Вильгельмомъ I русскаго ордена Георгія IV степени. Къ этому дню въ Берлинъ отправилась депутація русскихъ георгіевскихъ кавалеровъ съ фельдмаршаломъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ главѣ и нижними чинами Калужскаго полка, шефомъ котораго императоръ Вильгельмъ состоитъ съ 15-го февраля 1818 года и въ рядахъ котораго, на обагренномъ кровью полѣ сраженія, тогда еще очень молодой принцъ завоевалъ первый военный знакъ отличія. По уставу ордена, чтобы получить георгіевскій крестъ четвертой степени, необходимо совершить выдающійся изъ ряда вонъ подвигъ. Взглядъ на достопамятный день 15-го февраля достаточенъ для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что принцъ Вильгельмъ дѣйствительно выполнилъ это усло-

віе устава. Въ этотъ день, въ 1814 году, въ семь часовъ утра, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, приказавъ позвать двухъ старшихъ сыновей, сказалъ имъ: «Сегодня будетъ сраженіе; поѣзжайте впередъ, я васъ догоню; не подвергайте себя безъ нужды опасности; вы меня понимаете?» Оба принца поспѣшили сѣсть па коней и поскакали къ командующему русскими войсками князю Витгенштейну. Немного спустя выѣхалъ на русскихъ полевыхъ дрожкахъ и король, который затѣмъ также сѣлъ на коня. Бой кипѣлъ изъ-за обладанія виноградниками на небольшой возвышенности. Французы занимали виноградники и упорно защищались противъ атакъ русскихъ войскъ. Сначала противъ французской позиціи двинута была русская кавалерія — это былъ кирасирскій Псковскій полкъ,—которая не достигнувъ цѣли, вынуждена была отступить, вслѣдствіе чего въ аттаку пошли два русскихъ пѣхотныхъ полка, калужскій и могилевскій, за дѣйствіями которыхъ слѣдилъ съ своего мѣста король. Одинъ изъ этихъ полковъ рвался впередъ съ особеннымъ мужествомъ и упорствомъ; съ мѣста боя уносили множество раненыхъ. Король, желая узнать названіе полка, сказалъ принцу Вильгельму: «Поѣзжай назадъ и освѣдомись, какой это полкъ и къ какому полку принадлежатъ раненые, число которыхъ такъ быстро увеличивается». Не долго думая, принцъ далъ шпоры коню и поскакалъ къ сражающимся баталіонамъ, къ виноградникамъ, откуда возвращались раненые Калужскаго полка. Появленіе подъ огнемъ молодаго прусскаго принца обрадовало солдатъ, которые съ удвоеннымъ мужествомъ бросились на непріятеля. Съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто увѣренный въ томъ, что ни одна пуля его не тронетъ, принцъ освѣдомился о названіи полка, сосчиталъ раненыхъ и затѣмъ рапортовалъ своему державному родителю обо всемъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Король выслушалъ молча донесеніе, ни взглядомъ, ни выраженіемъ лица не показывая, что во всемъ этомъ онъ видитъ что̀-нибудь чрезвычайное. Но въ главной квартирѣ поведеніе принца возбудило много толковъ, и императоръ Александръ рѣшилъ пожаловать принцу первый знакъ отличія, украсившій его грудь, Георгіевскій крестъ 4-й степени, который жалуется только за личные подвиги. Вслѣдъ за тѣмъ принцъ получилъ также Желѣзный крестъ. Прошло 55 лѣтъ, прежде чѣмъ полученный въ сраженіи подъ Бар-сюр-Обомъ крестъ императоръ промѣнялъ на самую высшую степень знаменитаго военнаго ордена. Въ 1869 году, въ день Георгіевскаго праздника, императоръ Александръ II пожаловалъ своему державному дядѣ орденъ св. Георгія первой степени, единственнымъ кавалеромъ котораго былъ тогда императоръ. Въ то же время императоръ Александръ сообщилъ въ присланной императору Вильгельму телеграммѣ, «что орденъ пожалованъ былъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ и на основаніи уставовъ ордена, что всѣ кавалеры гордятся тѣмъ, что грудь прусскаго короля украшаетъ лента ордена и что король долженъ видѣть въ этомъ новое доказательство дружбы обоихъ монарховъ, дружбы, которая основана на воспоминаніи о той достопамятной эпохѣ, когда русская и прусская арміи вмѣстѣ сражались за святое дѣло».

Отчетъ Академіи Наукъ за 1883 годъ. — Изъ обнародованнаго въ прошломъ мѣсяцѣ отчета нашей Академіи мы приведемъ результаты трудовъ, входящихъ въ кругъ занятій историко-филологическаго отдѣленія и отдѣленія русскаго языка и словесности. По русской исторіи въ теченіи года кончено печатаніемъ и выпущено въ свѣтъ нѣсколько обширныхъ изданій. Такъ, довершено печатаніе записокъ, въ которыхъ митрополитъ Литовскій Іосифъ сохранилъ память объ его участіи въ дѣлѣ возсоединенія въ 1839 году уніатовъ съ православною церковью. Другое обширное изданіе Академіи—«Доклады и приговоры Сената въ царствованіе Петра Великаго», успѣшно подвигалось впередъ. Въ выпущенномъ недавно новомъ томѣ содержатся документы за вторую половину 1712 года. Благодаря ревностному собирателю документовъ по новѣйшей русской исторіи, члену-корреспонденту Н. Ѳ. Дубровину, издано обширное собраніе писемъ главнѣйшихъ дѣятелей царствованія императора Александра I. Въ связи съ значеніемъ, какое эти письма получаютъ отъ высокаго положенія ихъ авторовъ, интересъ ихъ, въ смыслѣ историческаго матеріала, тѣмъ живѣе, что они, будучи изліяніемъ интимныхъ чувствъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, ярко рисуютъ, нерѣдко помимо воли самихъ писавшихъ, такія стороны характеровъ и побужденія этихъ лицъ, которыя было бы напрасно искать въ офиціальныхъ документахъ. Въ числѣ новыхъ предпріятій на

пользу русской исторіи первое мѣсто принадлежитъ предложенному академикомъ Н. В. Калачовымъ изданію докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ Московской боярской думѣ, въ разныхъ приказахъ и въ учрежденіяхъ областныхъ и сельскихъ древней Россіи. Въ ожиданіи того времени, когда будетъ возможно приступить къ осуществленію означеннаго предпріятія, Академія приняла на себя издать, по предложенію г. Калачова и подъ его редакціей, доклады и приговоры двухъ приказовъ, наиболѣе важныхъ въ системѣ древне-русскаго правительственнаго строя, а именно разряда или приказа разряднаго, вѣдавшаго всѣми распорядками по государственной службѣ, и приказа помѣстнаго, имѣвшаго въ своемъ вѣдѣніи верстаніе всѣхъ служилыхъ людей помѣстьями. Изъ документовъ этихъ приказовъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, подъ руководствомъ академика Н. В. Калачова, изготовляются выписки, нужныя для изданія. Вниманіе изслѣдователей отечественной исторіи въ послѣднее время обращается къ XVIII вѣку, какъ къ такой эпохѣ, для изученія которой масса обнародованныхъ матеріаловъ, при всей ея значительности, еще далеко не соотвѣтствуетъ важности событій, наполняющихъ этотъ вѣкъ. Подвиги Екатерины II издавна привлекали къ себѣ Н. Ѳ. Дубровина, который употребилъ много лѣтъ на розысканіе въ разныхъ архивахъ любопытнѣйшихъ документовъ Екатерининскаго времени. Вслѣдствіе этихъ поисковъ, ему посчастливилось составить, между прочимъ, относительно присоединенія Крыма къ Россіи, такое богатое собраніе еще неизданныхъ матеріаловъ, которое по своей полнотѣ можетъ разъяснить многое въ ходѣ русской исторіи, въ періодъ времени отъ заключенія Кучук-Кайнарджійскаго мира (1774 г.) до окончательнаго присоединенія Крыма въ 1783 году. Академіей уже приступлено къ изданію этого монографическаго сборника, который составитъ не менѣе двухъ объемистыхъ томовъ. Къ тому же XVIII столѣтію относится и другой, также печатаемый нынѣ сборникъ. Содержаніемъ его будутъ протоколы засѣданій Академіи за первыя сто лѣтъ ея существованія, остававшіеся до сихъ поръ неизданными въ полномъ ихъ видѣ. По тому значенію, какое труды эти доставили Академіи не только въ исторіи науки, но и въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, эти подлинные акты ея занятій представятъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. 19-го апрѣля 1886 года, исполнится двѣсти лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, Василія Никитича Татищева. Это обстоятельство Академія признала поводомъ принести должную дань уваженія заслугамъ перваго русскаго историка изданіемъ ко времени празднованія его юбилея по возможности полнаго собранія его сочиненій, изъ которыхъ многія остаются еще неизданными, также какъ и матеріалы для его біографіи. Изданіе это поручено гг. Калачову и Кунику. Н. А. Поповъ изъявилъ желаніе составить біографію Татищева. По отдѣлу филологіи О. Н. Бетлинъ продолжалъ печатаніе санскритскаго словаря и разобралъ одно произведеніе будистской литературы: «Исторію купца Чампака» (Чампакакаттанака). В. В. Радловъ собралъ образцы народной словесности дико-каменныхъ киргизовъ и кульджинскихъ таранчей, впервые появляющіеся въ свѣтъ. Онъ же представилъ изслѣдованіе о куманскомъ или половецкомъ языкѣ, имѣющее значительный интересъ для вопросовъ древней русской исторіи. По археологической комиссіи Л. Е. Стефани представилъ изслѣдованія о произведеніяхъ античнаго искусства, найденныхъ при раскопкахъ въ южной Россіи, и, между прочимъ, о четырехъ серебряныхъ золоченыхъ чашахъ IV и V вѣка, превосходнѣйшихъ образцахъ древняго искусства.

Отдѣленіе «русскаго языка и словесности» присудило ломоносовскую премію архимандриту Амфилохію за изданіе «Галичскаго Четвероевангелія 1144 года», замѣчательнаго памятника древне-русской письменности, родоначальника юго-западной русской письменности. На изданіе матерьяловъ для исторіи Академіи наукъ назначено 5,000 рублей ежегодно, въ теченіи трехъ лѣтъ, и отдѣленіе «надѣется вскорѣ приступить» къ печатанію ея, такъ какъ главный источникъ для этого изданія—архивъ академической канцеляріи—находится въ такомъ порядкѣ, что въ немъ нѣтъ даже описей, и чтобы найти въ немъ какія нибудь свѣдѣнія, нужно просматривать множество фоліантовъ, писанныхъ большею частью дурною скорописью XVIII вѣка. Прежде всего нужно бы, конечно, напечатать протоколы этой канцеляріи, но и ихъ нѣтъ—за многіе годы перваго періода существованія Академіи. Отдѣленіе готовитъ также руководство по

русской фонетикѣ и ороографіи Я. К. Грота. Этотъ же академикъ издалъ въ отчетномъ году IX томъ «Сочиненій Державина», въ которомъ много любопытныхъ историческихъ документовъ: новые матерьялы для исторіи «Пугачевщины» и записка академика Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III. «Штелинъ былъ домашнимъ человѣкомъ у императора и находился при немъ неотлучно въ роковые для него дни 28-го и 29-го іюня 1762 года». Г. Гротъ оканчиваетъ также изданіе сочиненій Плетнева и приготовляетъ третье изданіе своихъ «Филологическихъ розысканій». Онъ оказывается едва ли не самымъ дѣятельнымъ членомъ отдѣленія, такъ какъ кромѣ того напечаталъ: «Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ и скандинавскихъ словъ» («Филологическія записки», издаваемыя въ Воронежѣ), «Императоръ Іосифъ II въ Россіи» («Русская Старина»), разборъ «Основаній фонетики» Сиверса («Журналъ Мин. Народ. Просвѣщенія»), разборъ «Исторіи русской литературы» Смита, на датскомъ языкѣ («Сборникъ II отдѣл.»). Онъ сотрудничалъ также въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ «Nordisk Familiebok». А. Н. Веселовскій издалъ продолженіе «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиля» и изслѣдованій о «южнорусскихъ былинахъ» («Записки Академіи», гдѣ печатались также «замѣтки по литературѣ и народной словесности» и, между прочимъ, комментаріи къ старой русской повѣсти «О Василіи королевичѣ Златовласомъ, чешскія земли», недавно открытой). И. В. Ягичъ издалъ замѣчательный памятникъ древне-славянской письменности «Маріинское четвероевангеліе» глаголическаго письма конца X или начала XI вѣка; въ приложеніи помѣщены обширныя изслѣдованія палеографическихъ, грамматическихъ и другихъ особенностей памятника. Г. Ягичъ продолжалъ также изданіе своего «Архива славянской филологіи». Готовятся также къ печати очерки жизни и научной дѣятельности А. В. Викторова, составляемые А. Ѳ. Бычковымъ и слѣдующій томъ исторіи Россійской Академіи, — продолженіе почтеннаго труда М. И. Сухомлинова.

Памятникъ старообрядцу. — Перваго марта, въ день памятный Россіи по утратѣ императора Александра II, на старообрядческомъ Громовскомъ кладбищѣ, въ присутствіи собравшихся прихожанъ-старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, происходило скромное торжество открытія надгробнаго памятника своему прихожанину, служившему въ конвоѣ казаку Александру Матвѣевичу Маленчеву, погибшему при исполненіи своей обязанности во время взрыва, брошеннаго злодѣйскою рукою снаряда подъ экипажъ государя, перваго марта 1881 года. Памятникъ, стоившій 1,500 рублей, сооруженъ на средства старообрядческаго общества. Онъ представляетъ сѣрую мраморную скалу съ водруженнымъ на ней восьмиконечнымъ крестомъ; кругомъ памятника поставлены четыре тумбы, тоже съ восьмиконечными крестами, соединенныя цѣпями; на памятникѣ высѣчена выпуклыми буквами соотвѣтствующая надпись съ подписью: «Старообрядцы».

† 8-го марта скончался генералъ-адъютантъ графъ **Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ.** Не взирая на свои очень преклонныя лѣта — ему было 93 года — покойный до минувшей осени пользовался относительно хорошимъ здоровьемъ. Онъ родился въ 1791 году. Отецъ его въ Выборгѣ командовалъ батальономъ (изъ него впослѣдствіи былъ сформированъ выборгскій пѣхотный полкъ и графъ былъ его шефомъ). Оставшись вдовою, мать покойнаго была назначена воспитательницей дѣтей императора Павла. Благодаря этому, произошло дружеское сближеніе между молодымъ Адлербергомъ и великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Въ 1806 году Адлербергъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда выпущенъ въ офицеры въ 1811 году въ литовскій полкъ (изъ него составлены два полка: московскій и литовскій. Адлербергъ состоялъ въ пятой ротѣ стараго литовскаго полка, которая вошла въ составъ московскаго. Поэтому впослѣдствіи покойный былъ пожалованъ шефомъ пятой роты московскаго полка). Служа въ литовскомъ полку, Адлербергъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. При восшествіи на престолъ, Николай I приблизилъ къ себѣ своего друга дѣтства и быстро отличилъ его. Въ 1828 году Адлербергъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ (онъ, слѣдовательно, прожилъ въ этомъ званіи пятьдесятъ пять лѣтъ) и сопровождалъ императора въ турецкую кампанію 1828 года. Четыре года спустя, онъ былъ назначенъ начальникомъ военно-походной канцеляріи. Въ 1842 году сдѣланъ главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ. По-

койному принадлежитъ введеніе у насъ почтовыхъ марокъ. Въ 1847 году Адлербергъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1852 году назначенъ министромъ Императорскаго Двора. Этотъ постъ онъ занималъ до 1870 года, а съ тѣхъ поръ жилъ въ спокойствіи въ сторонѣ отъ дѣлъ и свѣта, потерявъ зрѣніе. Онъ прожилъ такимъ образомъ при шести царствованіяхъ — Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и нынѣ царствующаго Императора Александра III.

† Въ Петербургѣ умеръ 77-ми лѣтъ археологъ **Александръ Ефимовичъ Люценко**, бывшій директоръ керченскаго музея древностей, одинъ изъ немногихъ скромныхъ тружениковъ науки, которые всецѣло отдаютъ себя ввѣренному дѣлу и знакомы только небольшому кружку спеціалистовъ. Сынъ не безъизвѣстнаго въ свое время писателя Е. П. Люценко, онъ въ 1826 году окончилъ образованіе въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и болѣе 25-ти лѣтъ провелъ спачала на службѣ по этому вѣдомству. Смолоду пристрастившись къ древностямъ и къ нумизматикѣ, въ особенности къ изученію монетъ классическаго міра, онъ, на скромныя средства свои, успѣлъ составить небольшую, но толково подобранную коллекцію греческихъ монетъ, которою обратилъ на себя вниманіе Л. А. Перовскаго, завѣдывавшаго тогда правительственными археологическими розысканіями на югѣ Россіи. Въ 1853 году, покойный, по приглашенію Перовскаго занялъ мѣсто директора керченскаго музея древностей и въ продолженіи 25-ти лѣтъ производилъ археологическія раскопки преимущественно въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ. Его открытія обогатили Эрмитажъ цѣлымъ рядомъ драгоцѣнныхъ художественныхъ произведеній древняго міра. Ему же наука обязана разслѣдованіемъ «Луговой Могилы» или Александропольскаго кургана (Екатеринославской губерніи), приведшихъ къ открытію замѣчательныхъ скиѳскихъ древностей, составляющихъ также одно изъ лучшихъ украшеній Эрмитажа, хотя даже въ нашемъ географическомъ словарѣ заслуга эта ошибочно приписывается П. С. Савельеву. Въ высшей степени честный и строгій блюститель казеннаго интереса, чуждый всякихъ искательствъ и личныхъ выгодъ, довольный убогимъ содержаніемъ и страстно любившій свои раскопки, которыя прерывалъ только на самый короткій срокъ, во время непродолжительной южной зимы, Люценко проводилъ почти все свое время на курганахъ и древнихъ пепелищахъ, среди гробничныхъ склеповъ и катакомбъ или за составленіемъ обстоятельныхъ отчетовъ о своихъ работахъ, пока, наконецъ, полнѣйшее разстройство здоровья, пострадавшаго особенно отъ частаго пребыванія въ сырыхъ могильныхъ подземельяхъ, не заставило его въ 1878 году отказаться отъ любимыхъ занятій и перебраться въ Петербургъ, въ кружокъ родныхъ, среди которыхъ онъ и умеръ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Дополненіе къ статьѣ „Неудачно окончившійся актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ".

Въ воспоминаніяхъ П. С. Усова, появившихся въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1884 года, находится, между прочимъ, описаніе годичнаго акта С.-Петербургскаго университета въ 1847 году, требующее нѣкотораго дополненія и поправокъ. Разсказавъ довольно подробно, какъ во время чтенія актовой рѣчи всѣхъ посѣтителей внезапно охватилъ паническій страхъ и всѣ они въ ужасѣ бросились къ выходу изъ актоваго зала, авторъ не упомянулъ ничего объ естественномъ поводѣ къ этой непонятной паникѣ. Воображенію читателя представляется странною картина людей, бросившихся съ своихъ мѣстъ въ слѣдъ за какимъ-то задремавшимъ студентомъ, подобно глупому стаду барановъ, слѣпо стремящемуся за своимъ вожакомъ. Между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, существовалъ довольно вѣскій поводъ къ этому всеобщему sauve qui peut и обуявшій всѣхъ страхъ имѣлъ довольно разумное основаніе. Г. Усовъ утверждаетъ, что несчастный виновникъ па-

ники находился въ самомъ залѣ, т. е. внизу, тогда какъ всѣмъ присутствовавшимъ на этомъ актѣ весьма памятно, что въ тотъ моментъ, когда раздался въ залѣ какой-то трескъ и шумъ отъ падающихъ стульевъ, взоры всѣхъ посѣтителей устремились по одному направленію, на правую сторону хоровъ въ концѣ залы. Неудивительно, что намъ, нижней публикѣ, при видѣ бѣжавшихъ на хорахъ студентовъ и дамъ представилась мысль объ обрушивающихся потолкѣ или хорахъ,—мысль весьма естественная въ виду незадолго передъ тѣмъ случившейся катастрофы въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ провалился потолокъ въ «бѣлой залѣ». Я очень хорошо помню, какъ сигналъ къ бѣгству поданъ былъ самыми почетными посѣтителями, сидѣвшими въ первыхъ рядахъ и слѣдовательно ближе къ сценѣ, на которой произошелъ первоначальный шумъ. Помню дряхлаго министра, обронившаго свои очки и залъ усыпанный перьями не только отъ генеральскихъ, но и оберъ-офицерскихъ (черныхъ) султановъ, какъ будто послѣ пѣтушинаго боя. Все это, наблюдалъ я изъ моего безопаснаго убѣжища, ибо, сообразивъ, что, находясь почти въ самомъ концѣ зала, и при паденіи потолка или хоровъ я не успѣю добѣжать и протолкаться къ выходу изъ оной, я предпочелъ послѣдовать примѣру весьма практическаго человѣка, профессора С. С. Куторги, и преспокойно помѣстился въ амбразурѣ ближайшаго отъ меня окна. Безопасность нашего убѣжища почтенный натуралистъ мотивировалъ тѣмъ, что мы находились подъ подоконнымъ крѣпчайшимъ сводомъ—которые встрѣчаются лишь въ старинныхъ зданіяхъ—въ размѣрѣ едва ли не косой сажени. Помню также, что стекла окна, гдѣ мы пріютились, были разбиты и что окно выходило на балконъ, куда вѣроятно въ первомъ испугѣ кто либо изъ близъ стоявшихъ студентовъ намѣревался проникнуть, но во время одумался; по крайней мѣрѣ на этомъ балконѣ никого не оказалось. Не знаю, были ли въ другихъ окнахъ также выбитыя стекла, но только залъ мгновенно наполнился холоднымъ и сквознымъ (въ февралѣ 1847 г. стояли порядочные морозы) вѣтромъ и при такихъ условіяхъ ректоръ университета Плетневъ уже ни какъ не могъ, какъ разсказываетъ авторъ, «просить присутствующихъ возвратиться въ залу...» Актъ, хотя и при участіи очень немногихъ посѣтителей, окончился благополучно въ одной изъ большихъ аудиторій; первый трескъ раздавшійся въ залѣ произошелъ на хорахъ отъ отвалившагося отъ колонны стюка, что, вѣроятно, и подало близъ стоящимъ поводъ къ предположенію о непрочности всей колонны. Въ всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что главной причиной паники всетаки былъ прецедентъ съ «бѣлой залой» въ Зимнемъ дворцѣ.

А. Чумиковъ.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» нами напечатана небольшая замѣтка г. Х. С. Кирова подъ заглавіемъ «Пушкинская гречанка», къ которой присоединенъ въ переводѣ, касающійся Пушкина, отрывокъ изъ статьи молдавскаго писателя К. Негруцци «Калипсо». Помѣщая этотъ отрывокъ, мы сказали, что, на сколько помнится, онъ еще не появлялся въ русской печати. Въ настоящее время, мы получили отъ присяжнаго переводчика кишиневскаго окружнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ нотаріуса, г. Г. С. Горѣ, письмо, гдѣ онъ «желая возстановить истину» проситъ насъ «предать гласности» что, въ 1866 году, въ качествѣ редактора «Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостей» (нынѣ губернскія) онъ напечаталъ въ № 44 «цѣликомъ и въ буквальномъ переводѣ» упомянутую статью Негруцци. Охотно исполняемъ желаніе г. Горѣ, «предаемъ гласности» содержаніе его письма къ намъ и сознаемся, что не только никогда не читали, но, къ сожалѣнію, даже не видали редактировавшихся имъ «Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостей», а потому и не могли воздать ему должную честь, какъ первому переводчику статьи Негруцци, въ чемъ и просимъ у него извиненія. Ред.

Джироламо Саванарола передъ умирающимъ Лоренцо Медичи.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 8 МАРТА 1884 Г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

и открывались поутру. Гетто находилось вблизи Тибра и принадлежало къ самымъ нездоровымъ частямъ города. Узкія, грязныя улицы и тѣсныя помѣщенія, переполненныя людьми, нерѣдко бывали причиною появленія болѣзней, которыя отсюда распространялись и въ другія части города. Тогда на евреевъ тотчасъ же сыпались обвиненія, что они нарочно отравляютъ воду и воздухъ, для того чтобы вызвать моръ среди христіанъ. Эти нелѣпыя обвиненія часто являлись причиною жестокихъ гоненій, которымъ подвергались евреи въ тѣ смутныя времена.

На главной улицѣ Гетто находились большіе хорошіе дома, но всѣ они были выстроены такимъ образомъ, что съ улицы имѣли очень невзрачный видъ, со двора же, такъ же какъ и внутри, они были очень красиво отдѣланы.

Домъ еврейскаго врача Исаака Іема по своему наружному виду былъ такой же, какъ и всѣ прочіе дома въ Гетто. Посѣтитель входилъ черезъ высокія узкія двери въ темную прихожую, откуда онъ долженъ былъ подняться по такой же темной лѣстницѣ въ верхній этажъ и постучать въ дверь, которая вела также въ полутемную прихожую. Изъ этой прихожей посѣтитель попадалъ въ рабочій кабинетъ хозяина. Это была довольно большая комната, по стѣнамъ которой тянулись полки, уставленныя книгами, склянками, пузырьками, баночками съ разными снадобьями и т. п. Посрединѣ стоялъ столъ, на которомъ были разложены хирургическіе инструменты. Если посѣтитель былъ свой человѣкъ, то изъ этого кабинета хозяинъ вводилъ его во внутреннія комнаты, гдѣ жила его семья. Эти комнаты были убраны великолѣпно. Стѣнъ не было видно, такъ какъ онѣ были сплошь завѣшаны чудными турецкими

коврами. Съ потолка спускалась лампа художественной работы, горѣвшая днемъ и ночью, такъ какъ дневной свѣтъ мало проникалъ въ комнату, выходившую окнами въ узкій переулокъ. Въ такомъ же родѣ были и всѣ другія комнаты, съ тою только разницей, что комната, гдѣ помѣщались дѣти Исаака, выходила окнами на главную улицу и поэтому была свѣтлѣе другихъ.

Римскіе граждане, съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на евреевъ, рѣдко показывались въ Гетто и если заходили туда, то развѣ только съ цѣлью занять деньги у какого-нибудь богатаго еврея. Но когда въ Гетто появлялись посланные отъ папскаго двора или папскіе солдаты, то все населеніе приходило въ сильное волненіе, по опыту зная, что появленіе такихъ необычныхъ посѣтителей всегда было зловѣщимъ признакомъ, и жители Гетто могли ожидать новыхъ гоненій и притѣсненій. Поэтому и появленіе папскихъ пословъ, явившихся звать Исаака Іема къ больному папѣ, напугало жителей, да и самъ Исаакъ не ждалъ отъ этого ничего хорошаго. Онъ зналъ, что папа при смерти и сомнѣвался, чтобы его искусство могло поднять угасающія силы старика, которому ни за что не хотѣлось умирать. Но Исаакъ зналъ также, что если ему не удастся вылѣчить папу, и онъ умретъ, то кардиналы воспользуются этимъ, чтобы обвинить его въ смерти папы и начать новыя гоненія противъ евреевъ.

Но отказываться также было нельзя, и Исаакъ Іемъ съ тяжелымъ сердцемъ простился со своими домашними и отправился вмѣстѣ съ папскими послами въ Ватиканъ.

Папа Иннокентій VIII съ нетерпѣніемъ ожидалъ еврейскаго врача, въ искусство котораго вѣрилъ. Онъ слышалъ, что этотъ врачъ не только искусно лѣчитъ,

но и производитъ очень трудныя операціи. Папѣ передавали разсказъ про одного умирающаго, который былъ спасенъ тѣмъ, что ему сдѣлали переливаніе крови, т. е. влили ему въ кровеносныя жилы свѣжую кровь, взятую отъ здороваго ребенка. Папа рѣшилъ попробовать это средство на себѣ, и такъ какъ никто изъ его врачей не рѣшался произвести такую операцію, то онъ и послалъ за еврейскимъ врачемъ, зная, что тотъ не посмѣетъ отказаться.

Когда Исаакъ явился къ больному и осмотрѣлъ его то папа сказалъ ему, что желаетъ подвергнуться операціи переливанія крови. Исаакъ испугался. Это была очень трудная и опасная операція, и онъ зналъ, что подвергнетъ опасности свою жизнь, если она не удастся. Онъ нерѣшительно замѣтилъ папѣ, что трудно найти дѣтей, отъ которыхъ можно было бы взять кровь для операціи, такъ какъ врядъ ли найдутся родители, которые рѣшатся пожертвовать своими дѣтьми, даже когда дѣло идетъ о спасеніи главы церкви. Но папа возразилъ, что объ этомъ позаботятся кардиналы. Дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ его снова позвали къ папѣ и велѣли приготовить все для операціи, такъ какъ двое дѣтей уже приведены въ Ватиканъ, и Исаакъ можетъ взять отъ нихъ нужное количество крови, чтобы перелить ее въ кровеносныя жилы папы.

Съ тяжелымъ сердцемъ приступилъ Исаакъ къ приготовленіямъ, но когда въ комнату ввели двухъ несчастныхъ дѣтей, обреченныхъ на жертвоприношеніе, и онъ обернулся, чтобы взглянуть на нихъ, у него вырвался раздирающій душу крикъ. Это были его дѣти, его сыновья! Злобные кардиналы нарочно послали за ними въ Гетто и обманомъ увели ихъ отъ матери.

Несчастный отецъ, которому предстояло совершить

эту операцію надъ своими собственными дѣтьми, зналъ, что на состраданіе кардиналовъ ему нечего разсчитывать, но думалъ подѣйствовать на нихъ другимъ путемъ.

— Развѣ я могу ручаться, что моя рука не дрогнетъ, если я буду производить эту опасную операцію надъ своими собственными дѣтьми?—сказалъ онъ кардиналамъ.—А вѣдь если операція будетъ неудачна, то я подвергну опасности драгоцѣнную жизнь папы.

Кардиналъ Орсини, ненавидѣвшій евреевъ и всегда устраивавшій гоненія на нихъ, строго посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Однако, ты готовъ былъ бы произвести эту операцію надъ христіанскими дѣтьми! Не совѣтую тебѣ отказываться, если не хочешь подвергнуть себя и своихъ близкихъ серьезной опасности. У тебя нѣтъ выбора. Ты долженъ сдѣлать то, что тебѣ приказываютъ.

Несчастный отецъ съ отчаяніемъ ломалъ свои руки, но выхода не было. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ему и его дѣтямъ угрожала смертельная опасность. Что было дѣлать? Онъ обнялъ дѣтей и покрылъ ихъ горячими поцѣлуями. Оставалось надѣяться только на свое искусство.

— Будьте мужественны!—сказалъ онъ своимъ мальчикамъ, которые съ испугомъ смотрѣли на плачущаго отца и ожидали, что произойдетъ что то ужасное.— Милыя дѣти, изъ любви ко мнѣ перенесите страданіе Богъ посылаетъ намъ это испытаніе, и мы должны перенести его.

Съ этими словами онъ взялъ дѣтей за руки и повелъ ихъ къ больному, гдѣ уже собрались другіе врачи и кардиналы и все было готово для операціи переливанія крови. Малютки дрожали отъ страха, но изъ

любви къ отцу стойко перенесли боль. Исаакъ, блѣдный какъ смерть, необыкновенно быстро и искусно произвелъ операцію и тотчасъ же наложилъ перевязку на пораненные кровеносные сосуды. Казалось, операція удалась вполнѣ, и бѣдный отецъ вздохнулъ свободно, убѣдившись, что мальчики его не подверглись опасности. Однако, радость его была преждевременна: черезъ нѣсколько часовъ обоихъ мальчиковъ не стало Несчастный отецъ сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы спасти ихъ, но все было напрасно. Какъ безумный бросился онъ бѣжать изъ Ватикана, подальше отъ этихъ стѣнъ, гдѣ только что была принесена въ жертву жизнь двухъ младенцевъ, чтобы спасти жизнь истощенному старцу. Дѣйствительно, операція эта принесла папѣ пользу и онъ послѣ нея оправился, но ни онъ, ни его кардиналы не вспомнили о несчастномъ отцѣ и его дѣтяхъ, заплатившихъ своею жизнью за то, чтобы папа могъ еще въ теченіе нѣкотораго времени пользоваться всѣми благами, которыя доставлялъ ему папскій престолъ

ГЛАВА IV.

Джироламо Савонарола.

Въ то время, когда совершались описываемыя событія, когда стремленіе къ пышности и роскоши, къ власти и богатству заставляло римскихъ папъ и ихъ клевретовъ совершать самыя гнусныя преступленія, а мелкихъ итальянскихъ владѣтелей вести постоянную борьбу между собой и проливать кровь невинныхъ людей,—въ Феррарѣ, прозванной „страною мира“, жила старинная дворянская семья Савонарола. Правитель Феррары, Николай Эсте, пригласилъ къ своему дворцу знаменитаго врача Михаила Савонаролу, который славился не только своими знаніями, но и добрымъ сердцемъ и готовностью всегда придти на помощь бѣднякамъ. Михаила Савонаролу всѣ любили, и онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ въ Феррарѣ, но сынъ его Николай не пошелъ по его стопамъ. Онъ любилъ пиры и веселье гораздо больше, чѣмъ науку. При дворѣ правителя Феррары, такъ-же какъ и вездѣ въ Италіи, царила роскошь, и знатные дворяне старались превзойти другъ друга въ этомъ отношеніи. Николай Савонарола не отставалъ отъ другихъ и тратилъ деньги, заработанныя его отцомъ, на удовлетвореніе своихъ

стремленій къ роскоши. Жена его Елена Буонокорзи, происходившая также изъ старинной дворянской семьи, далеко не сочувствовала той погонѣ за удовольствіями и блескомъ, которая господствовала въ итальянскомъ обществѣ того времени, поощряемой примѣромъ высшаго духовенства и самого папы.

Изъ троихъ дѣтей Николая Савонаролы только младшій, Джироламо наслѣдовалъ качества своего дѣда, и тотъ сосредоточилъ на немъ всѣ свои заботы и привязанность. Михаилъ Савонарола самъ занимался со своимъ младшимъ внукомъ и мечталъ сдѣлать изъ него знаменитаго врача. Мальчикъ оказался очень способнымъ, заниматься съ нимъ было наслажденіемъ. Но къ несчастью, Михаилъ Савонарола умеръ, когда Джироламо не было еще десяти лѣтъ. Однако, сѣмена, брошенныя въ душу мальчика его дѣдомъ, не заглохли. Маленькій Джироламо продолжалъ и послѣ смерти дѣда учиться съ такимъ же стараніемъ, удивляя своихъ учителей любознательностью и познаніями. Въ играхъ сверстниковъ онъ рѣдко принималъ участіе и всегда прятался гдѣ-нибудь съ книгой въ рукахъ. Шумное веселье пугало его; онъ чувствовалъ робость въ блестящемъ обществѣ. Съ годами онъ все болѣе и болѣе уходилъ въ себя и избѣгалъ участвовать въ веселыхъ празднествахъ, которыя устраивались такъ часто въ итальянскихъ городахъ.

Но не одна только застѣнчивость и нелюдимость заставляла Савонаролу избѣгать пировъ и удаляться отъ веселаго общества. Чуткая душа юноши, проникнутая горячимъ стремленіемъ къ правдѣ и справедливости, не могла не замѣтить страшныхъ противорѣчій окружающей жизни. Онъ видѣлъ, что въ то время когда въ роскошно убранныхъ залахъ дворцовъ раздается

веселая музыка, вино льется рѣкой и всюду сверкають брильянты, золото и серебро—въ темныхъ подземельяхъ этихъ же дворцовъ и замковъ томятся несчастные узники, раздаются вопли людей, подвергаемыхъ пыткѣ... Юноша видѣлъ, что этимъ веселящимся людямъ не приходитъ въ голову, какою страшною цѣной покупается окружающая ихъ роскошь, и въ сердцахъ ихъ не шевельнется состраданіе къ тѣмъ несчастнымъ, которые гибнуть отъ руки наемныхъ убійцъ или томятся въ заточеніи и изнемогаютъ въ пыткахъ, которымъ ихъ подвергаютъ, чтобы добиться признанія въ такихъ преступленіяхъ, которыхъ они часто и не совершали. Савонарола видѣлъ, что люди, домогающіеся власти и богатства, не пренебрегаютъ никакими средствами, никакими преступленіями, и сердце его наполнялось ужасомъ. Блестящія празднества, устраиваемыя въ честь папы или высшаго духовенства, вызывали въ немъ содроганіе, напоминая ему пиры язычниковъ, послѣ которыхъ устраивалась травля христіанъ. Какъ далеко было этимъ христіанамъ, веселившимся на подобныхъ пирахъ, отъ тѣхъ, которые нѣкогда погибали на аренѣ римскихъ цирковъ и проливали кровь за свою вѣру!

Савонарола только разъ былъ на такомъ пиру во дворцѣ и убѣжалъ съ него. На душѣ у него становилось все мрачнѣе; онъ уходилъ въ пустынныя церкви и тамъ горячо молился, чтобы Господь наставилъ его.

Возмущенный тѣмъ, что онъ видѣлъ кругомъ, юный Савонарола все больше и больше удалялся отъ свѣта. Родители не могли уговорить его принять участіе ни въ какихъ празднествахъ, ни въ какомъ весельи.

— Развѣ я могу веселиться,—говорилъ онъ матери,— когда я знаю, что за это веселье, за эту роскошь,

которая окружаетъ меня во дворцѣ богатыхъ и знатныхъ, мои ближніе заплатили пóтомъ и кровью? Въ ушахъ моихъ звучатъ стоны угнетенныхъ и заглушаютъ музыку, раздающуюся на пирахъ.

Мать Савонаролы была, какъ мы уже сказали, женщина съ возвышеннымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, она понимала, что происходитъ въ душѣ ея сына, и это настроеніе пугало ее. Она знала, что тѣ, кто возмущается окружающимъ міромъ, съ его преступленіями и несправедливостями, обыкновенно ищутъ спасенія и успокоенія для своей души въ тиши монастырей. Она боялась, что ея Джироламо уйдетъ въ монастырь и боялась не напрасно—Джироламо, дѣйствительно, мечталъ о подвижничествѣ, о трудовой жизни въ монастырѣ, такъ какъ ему казалось, что только тогда, когда онъ сниметъ свѣтскія одежды и станетъ смиреннымъ монахомъ, онъ найдетъ успокоеніе.

Савонарола замѣчалъ, что мать съ тревогою слѣдитъ за нимъ, но не рѣшался сказать ей о своемъ рѣшеніи, зная, что это огорчитъ ее.

Вскорѣ послѣ этого при дворѣ герцога состоялось большое празднество. Всѣ родные Савонаролы, а также его братья, были приглашены на пиръ, но Джироламо уклонился и, когда всѣ отправились во дворецъ, онъ пошелъ бродить за городомъ, поглощенный своими невеселыми мыслями, и съ тоскою раздумывалъ о томъ, что онъ долженъ дѣлать, чтобы уничтожить то зло, которое онъ видѣлъ кругомъ себя.

Онъ шелъ по дорогѣ, которая вела въ Болонью и, случайно поднявъ голову, увидѣлъ передъ собою монастырь св. Доминика. Ему показалось это знаменіемъ небесъ. Да, онъ пойдетъ въ монастырь и сдѣлаетъ это

тотчасъ же. Только въ тиши монастыря онъ найдетъ душевный покой, котораго не можетъ найти, живя въ свѣтѣ.

Онъ подошелъ къ калиткѣ монастыря и постучался. Дверь отворилась, и Савонарола вошелъ въ ограду. Съ этой минуты онъ навсегда простился съ міромъ.

На другой день онъ написалъ письмо своимъ родителямъ, извѣщая ихъ о своемъ окончательномъ рѣшеніи поступить въ монастырь. Онъ просилъ у нихъ прощенія за то, что ушелъ тайно. „Меня побудило вступить въ монастырь страшное ничтожество свѣта и испорченность людей“, писалъ онъ отцу. „Я не могъ выносить того, что дѣлается въ Италіи, гдѣ люди ослѣплены злобой и всѣ добродѣтели исчезли. Никогда еще, съ самаго моего рожденія, я не испытывалъ болѣе глубокаго горя, чѣмъ то, которое испыталъ, разставшись съ вами; я знаю, что вы сердитесь на меня за то, что я ушелъ тайкомъ и точно бѣжалъ отъ васъ, но поймите, что мое горе, при мысли о разлукѣ съ вами, было такъ велико, что я былъ бы не въ состояніи исполнить свое намѣреніе, если бы разсказалъ вамъ о немъ; у меня разорвалось бы сердце, прежде чѣмъ я рѣшился бы оставить васъ. Поэтому, не удивляйтесь, что я монахъ, не жалуйтесь болѣе на судьбу и не причиняйте мнѣ этимъ еще больше печали и горя—ихъ у меня и такъ много! Знайте, что я не раскаиваюсь въ своемъ рѣшеніи и что я поступилъ бы точно такъ-же, еслибъ даже зналъ, что меня ждетъ участь выше участи Цезаря!“

Двадцатидвухлѣтній Савонарола и не подозрѣвалъ, когда писалъ это письмо, что его дѣйствительно ждала участь „выше участи Цезаря“ и что имя его сдѣлается безсмертнымъ, подобно именамъ всѣхъ великихъ борцовъ за правду.

Въ книжныхъ магазинахъ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» въ Петербургѣ и въ Москвѣ продаются между прочимъ слѣдующія новыя изданія

А. С. СУВОРИНА.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Сочиненіе **Д. Сентсбёри.**

Содержаніе: Предисловіе. — I. Французская литература до 1200 г. по Р. Х. — II. Тринадцатый вѣкъ. — III. Упадокъ средневѣковой литературы. — IV. Вѣкъ возрожденія. — V. Начало классическаго періода. — VI. Вѣкъ Людовика XIV. — VII. Восемнадцатый вѣкъ. — VIII. Отъ революціи до реставраціи. — IX. Романтическое движеніе. — X. Современная французская литература. — Алфавитный указатель.

Переводъ съ англійскаго. Спб. 1884. Ц. 40 коп., въ изящномъ переплетѣ 65 коп., на веленевой бумагѣ 70 копѣекъ, въ переплетѣ 1 рубль.

Анекдоты и остроумныя изрѣченія выбранныя изъ сочиненій древнихъ писателей. Спб. 1884. Ц. 15 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 30 коп.

Дешевая Библіотека:

I. Повѣсти Карамзина: (Бѣдная Лиза. — Наталья, боярская дочь. — Марфа Посадница или покореніе Нова-города. — Островъ Борнгольмъ. — Чувствительный и холодный. — Рыцарь нашего времени). Четвертое изданіе. Спб. 1884. Ц. 20 к., на веленевой бумагѣ 40 коп.

II. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей Ефремова. Шестое изданіе. Спб. 1884. Ц. 10 коп., на веленевой бумагѣ. 40 коп.

III. Двѣ комедіи Д. И. Фонвизина: I. «Недоросль», ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. — II. «Бригадиръ», ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ біографіею Д. И. Фонвизина и съ объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Четвертое изданіе. Спб. 1884. Ц. 15 к., на веленевой бумагѣ 40 коп.

Эти 3 томика «Дешевой Библіотеки» въ предъидущемъ изданіи рекомендованы Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія какъ учебное пособіе для всѣхъ учебныхъ заведеній, а также для библіотекъ народныхъ училищъ.

IV. Историческія повѣсти Н. В. Кукольника. Книга вторая (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ суннѣ. — II. Часовой). Съ портретомъ князя Я. Ѳ. Долгорукова. Спб. 1884. Ц. 15 коп., на веленевой бумагѣ 30 коп.

V. Тоже. Книга первая (Авдотья Лихончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Спб. 1884. Ц. 15 коп., на веленевой бумагѣ 30 коп.

VI. Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просв. одобрены для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также какъ пособіе при изученіи словесности начиная съ V класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1882. Ц. 40 коп., на веленевой бумагѣ 60 коп.

VII. Русскія пѣсни Мерзлякова и Цыганова. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Ц. 10 коп., на веленевой бумагѣ 30 коп.

VIII. Параша Сибирячка. Разсказъ Ксавье де-Местра. Ц. 10 коп., на веленевой бумагѣ 30 коп.

IX. Бурсакъ. Романъ Нарѣжнаго. I. т. 375 стр. Ц. 35 коп., на веленевой бумагѣ 65 коп.

Изящные коленкоровые переплеты для простыхъ экземпляровъ по 20 коп., а для веленевыхъ по 35 коп. за томикъ.

На пересылку прилагается 10 коп. на 2 руб. стоимости книгъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени",** Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа **„Историческаго Вѣстника":** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

